К 200-летию со дня рождения
А. С. ПУШКИНА

Александр Пушкин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛ
Л. С. СИДЯКОВ

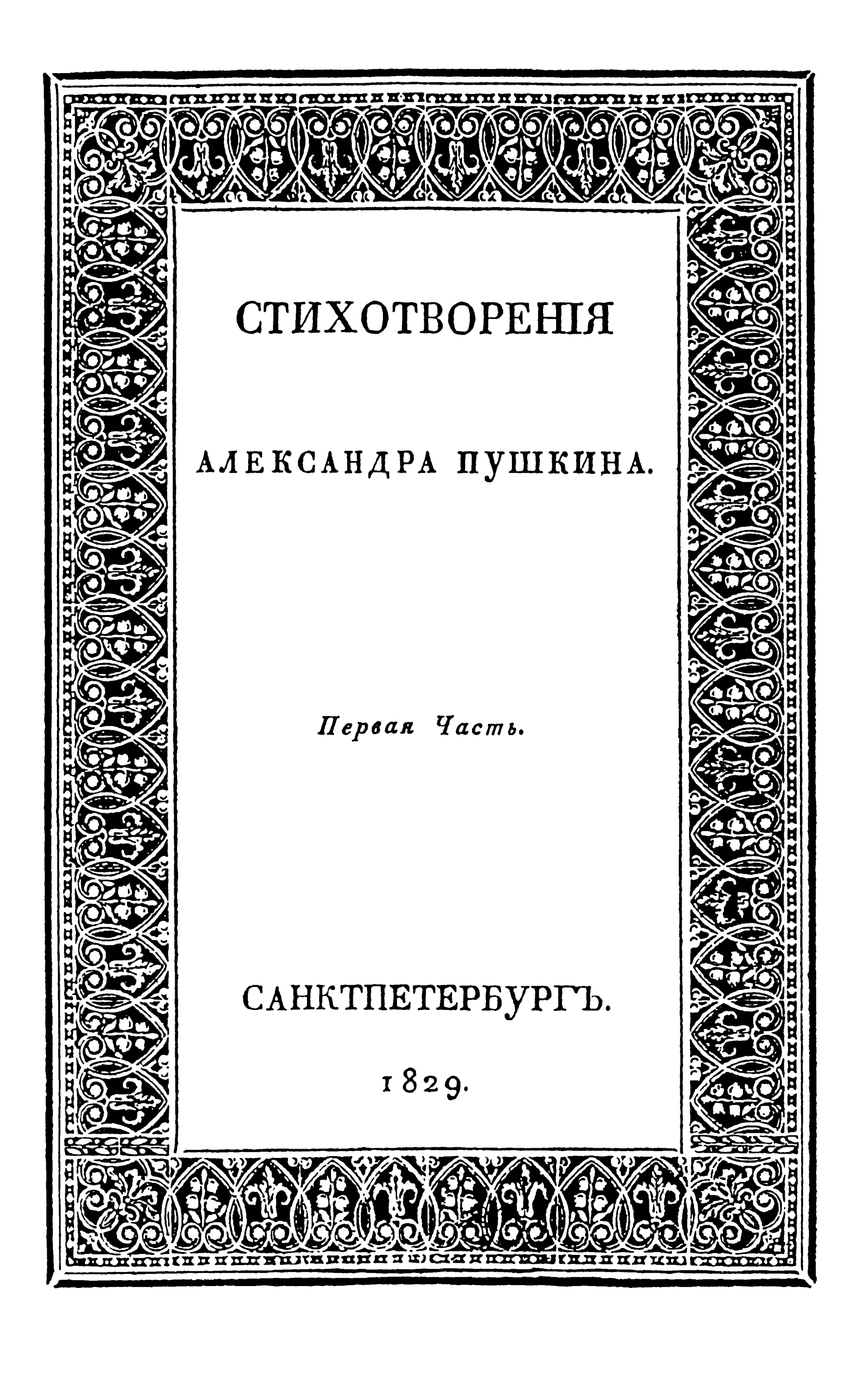
ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ
Ю. М. ЛОТМАН И С. А. ФОМИЧЕВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
„НАУКА"
1997

ТП-96-II-№ 197

ISBN 5-02-028319-3

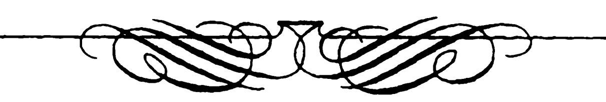
СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Первая Часть.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1829.

1815

I

ЛИЦИНИЮ

Лициний, зришь ли ты: на быстрой колеснице,
Венчанный лаврами, в блестящей багрянице,
Спесиво развалясь, Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой?
Смотри, как все пред ним смиренно спину клонят;
Смотри, как ликторы народ несчастный гонят!
Льстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд
Умильно вслед за ним стремит усердный взгляд;
Ждут, ловят с трепетом улыбки, глаз движенья,
Как будто дивного богов благословенья;
И дети малые и старцы в сединах,
Все ниц пред идолом безмолвно пали в прах:
Для них и след колес, в грязи напечатленной,
Есть некий памятник почетный и священной.
О Ромулов народ, скажи, давно ль ты пал?
Кто вас поработил и властью оковал?
Квириты гордые под иго преклонились.
Кому ж, о небеса, кому поработились?
(Скажу ль?) Ветулию! Отчизны стыд моей,
Развратный юноша воссел в совет мужей;
Любимец деспота сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесславит;
Ветулий Римлян царь!... О стыд, о времена!
Или вселенная на гибель предана?
Но кто под портиком, с поникшею главою,
В изорванном плаще, с дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идет?
Куда ты, наш мудрец, друг истины, Дамет!
Куда: не знаю сам; давно молчу и вижу;
Навек оставлю Рим: я рабство ненавижу.
Лициний, добрый друг! Не лучше ли и нам,
Смиренно поклонясь фортуне и мечтам,

Седого циника примером научиться?
С развратным городом не лучше ль нам проститься,
Где всё продажное: законы, правота,
И консул и трибун, и честь и красота?
Пускай Глицерия, красавица младая,
Равно всем общая, как чаша круговая,
Неопытность других в наемну ловит сеть!
Нам стыдно слабости с морщинами иметь;
Тщеславной юности оставим блеск веселий:
Пускай бесстыдный Клит, слуга вельмож, Корнелий
Торгуют подлостью и с дерзостным челом
От знатных к богачам ползут из дома в дом!
Я сердцем Римлянин; кипит в груди свобода;
Во мне не дремлет дух великого народа.
Лициний, поспешим далеко от забот,
Безумных мудрецов, обманчивых красот!
Завистливой судьбы в душе презрев удары,
В деревню пренесем отеческие лары!
В прохладе древних рощ, на берегу морском,
Найти нетрудно нам укромный, светлый дом,
Где, больше не страшась народного волненья,
Под старость отдохнем в глуши уединенья.
И там, расположась в уютном уголке,
При дубе пламенном, возженном в комельке,
Воспомнив старину за дедовским фиалом,
Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом,
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.
О Рим, о гордый край разврата, злодеянья!
Придет ужасный день, день мщенья, наказанья.
Предвижу грозного величия конец:
Падет, падет во прах вселенныя венец.
Народы юные, сыны свирепой брани,
С мечами на тебя подымут мощны длани,
И горы и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокой;
И путник, устремив на груды камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублен:
«Свободой Рим возрос, а рабством погублен».

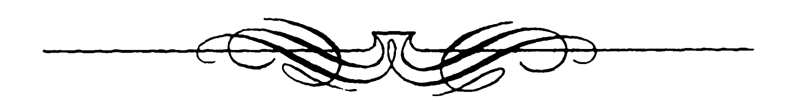
II

ГРОБ АНАКРЕОНА

Всё в таинственном молчаньи;
Холм оделся темнотой;
Ходит в облачном сияньи
Полумесяц молодой.
Вижу: лира над могилой
Дремлет в сладкой тишине;
Лишь порою звон унылой,
Будто лени голос милой,
В мертвой слышится струне.
Вижу: горлица на лире,
В розах кубок и венец...
Други, здесь почиет в мире
Сладострастия мудрец.
Посмотрите: на порфире
Оживил его резец!
Здесь он в зеркало глядится,
Говоря: я сед и стар,
Жизнью дайте ж насладиться;
Жизнь, увы, невечный дар!
Здесь, подняв на лиру длани
И нахмуря важно бровь,
Хочет петь он бога брани,
Но поет одну любовь.
Здесь готовится природе
Долг последний заплатить:
Старец пляшет в хороводе,
Жажду просит утолить.
Вкруг любовника седого
Девы скачут и поют;
Он у времени скупого
Крадет несколько минут.
Вот и музы и хариты
В гроб любимца увели:
Плющем, розами увиты
Игры вслед за ним пошли...
Он исчез, как наслажденье,
Как веселый сон любви.

Смертный, век твой привиденье:
Счастье резвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся;
Чаще кубок наливай;
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

1816

I

ПРОБУЖДЕНИЕ

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,
Веселый сон,
И одинокой
Во тме глубокой
Я пробуждён.
Кругом постели
Немая ночь.
Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моленья:
Пошли мне вновь
Свои виденья,
И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный.

II

ДРУЗЬЯМ

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечер скоротечной:
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

III

ПЕВЕЦ

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
　　　　Слыхали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,
　　　　Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихой глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали;
Встречая взор его потухших глаз,
　　　　Вздохнули ль вы?

IV

АМУР И ГИМЕНЕЙ

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю вас новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слепого мальчика с повязкой?
Слепого?... Вот? Помилуй, Феб!
Амур совсем, друзья, не слеп:
Но шалуну пришла ж охота,
Чтоб, людям на смех и на зло,
Его безумие вело.
Безумие ведет Эрота:
Но вдруг, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затею:
Повязку с милых сняв очей,
Идет проказник к Гименею...
А что такое Гименей?
Он сын Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и ленивый,
Ворчит и дремлет целый век,
А впрочем добрый человек,
Да нрав имеет он ревнивый.
От ревности печальный бог
Спокойно подремать не мог;
Всё трусил маленького брата,
За ним подсматривал тайком,
И караулил супостата
С своим докучным фонарём.
Вот мальчик мой к нему подходит
И речь коварную заводит:
«Развеселися, Гименей!
Ну помиримся, будь умней!
Забудь, товарищ мой любезный,
Раздор смешный и бесполезный!
Да только навсегда, смотри!
Возми ж повязку в память, милый,
А мне фонарь свой подари!»
И что ж? Поверил бог унылый.

Амур от радости прыгнул,
И на глаза со всей он силы
Обнову брату затянул.
Гимена скучные дозоры
С тех пор пресеклись по ночам;
Его завистливые взоры
Теперь не страшны красотам;
Спокоен он, но брат коварный,
Шутя над честью и над ним,
Войну ведет неблагодарный
С своим союзником слепым.
Лишь сон на смертных налетает,
Амур в молчании ночном
Фонарь любовнику вручает
И сам счастливца провожает
К уснувшему супругу в дом;
Сам от беспечного Гимена
Он охраняет тайну дверь...
Пойми меня, мой друг Елена,
И мудрой повести поверь!

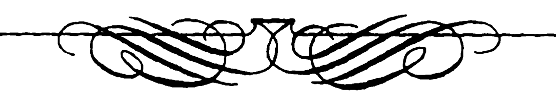

V

Ш***ву

Шалун, увенчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь в владения свои,
В поместье мирное меж Пиндом и Цитерой,
Где нежился Тибулл, Мелецкий и Парни?
Тебе, балованный питомец Аполлона,
С их лирой соглашать игривую свирель:
Веселье резвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.
Друзей любить открытою душою,
В молчаньи чувствовать, пленяться красотою:
Вот жребий мой; ему я следовать готов,
Но, милый, сжалься надо мною,
Не требуй от меня стихов!
Не вечно нежиться в приятном ослепленьи:
Докучной истины я поздний вижу свет.
По доброте души я верил в упоеньи
Мечте шепнувшей: ты поэт,
И, презря мудрые угрозы и советы,
С небрежной леностью нанизывал куплеты,
Игрушкою себя невинной веселил;
Угодник Бахуса, я трезвый меж друзьями,
Бывало, пел вино водяными стихами;
Мечтательных Дорид и славил и бранил,
Иль дружбе плел венок: и дружество зевало
И сонные стихи в просонках величало.
Но долго ли меня лелеял Аполлон?
Душе наскучили Парнасские забавы;
Не долго снились мне мечтанья муз и славы:
И, строгим опытом невольно пробуждён,
Уснув меж розами, на тернах я проснулся,
Увидел, что еще не гения печать
Охота смертная на рифмах лепетать,
Сравнив стихи твои с моими, улыбнулся:
И полно мне писать.

1817

I

ТОРЖЕСТВО ВАКХА

Откуда чудный шум, неистовые клики?
Кого, куда зовут и бубны и тимпан?
Что значат радостные лики
И песни поселян?
В их круге светлая свобода
Прияла праздничный венок.
Но двинулись толпы народа...
Он приближается... Вот он, вот сильный бог!
Вот Бахус мирный, вечно юный!
Вот он, вот Индии герой!
О радость! Полные тобой
Дрожат, готовы грянуть струны
Нелицемерною хвалой.

Эван, эвое! Дайте чаши,
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!
Вот он, вот Вакх! О час отрадный!
Державный тирс в его руках;
Венец желтеет виноградный
В чернокудрявых волосах...
Течет. Его младые тигры
С покорной яростью влекут;
Кругом летят эроты, игры,
И гимны в честь ему поют.
За ним теснится козлоногий
И фавнов и сатиров рой,
Плющом опутаны их роги;
Бегут смятенною толпой
Вослед за быстрой колесницей:
Кто с тростниковою цевницей,

Кто с верной кружкою своей;
Тот оступившись упадает
И бархатный ковер полей
Вином багровым обливает
При диком хохоте друзей.
Там дале вижу дивный ход:
Звучат веселые тимпаны;
Младые нимфы и сильваны,
Составя шумный хоровод,
Несут недвижного Силена...
Вино струится, брызжет пена,
И розы сыплются кругом;
Несут за спящим стариком
И тирс, символ победы мирной,
И кубок тяжко-золотой,
Венчанный крышкою сапфирной,
Подарок Вакха дорогой.

Но воет берег отдаленный.
Власы раскинув по плечам,
Венчанны гроздьем, обнажены,
Бегут Вакханки по горам.
Тимпаны звонкие, кружась меж их перстами,
Гремят и вторят их ужасным голосам.
Промчалися, летят, свиваются руками,
Волшебной пляской топчут луг:
И младость пылкая толпами
Стекается вокруг.

Поют неистовые девы;
Их сладострастные напевы
В сердца вливают жар любви;
Их перси дышат вожделеньем;
Их очи, полные безумством и томленьем,
Сказали: счастие лови!
Их вдохновенные движенья
Сперва изображают нам
Стыдливость милого смятенья,
Желанье робкое, а там
Восторг и дерзость наслажденья.
Но вот рассыпались по холмам и полям;
Махая тирсами несутся;
Уж издали их вопли раздаются,
И гул им вторит по лесам:
Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!

Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, в сей день благословенной
Забвенью бросим суеты!
Теки, вино, струею пенной
В честь Вакха, муз и красоты!
Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!

II

РАЗЛУКА

В последний раз, в сени уединенья,
Моим стихам внимает наш пенат.
Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой последние мгновенья.
Прошли лета соединенья;
Разорван он, наш верный круг.
Прости! Хранимый небом,
Не разлучайся, друг,
С свободою и Фебом!
Узнай любовь, неведомую мне,
Любовь надежд, восторгов, упоенья:
И дни твои полетом сновиденья
Да пролетят в счастливой тишине!
Прости! Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я.
И пусть (услышит ли судьба мои молитвы?),
Пусть будут счастливы все, все твои друзья!

III

П***ну

Что восхитительней, живей
Войны, сражений и пожаров,
Кровавых и пустых полей,
Бивака, рыцарских ударов?
И что завидней кратких дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров?
Они живут в своих шатрах,
Вдали забав и нег и граций,
Как жил бессмертный трус Гораций
В Тибурских сумрачных лесах;
Не знают света принужденья,
Не ведают, что́ скука, страх;
Дают обеды и сраженья,
Поют и рубятся в боях.
Счастлив, кто мил и страшен миру;
О ком за песни, за дела
Гремит правдивая хвала;
Кто славил Марса и Темиру
И бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла!

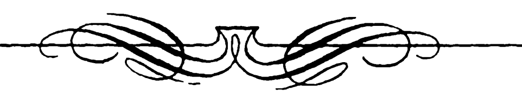

IV

ДЕЛЬВИГУ

Любовью, дружеством и ленью
Укрытый от забот и бед,
Живи под их надежной сенью;
В уединении ты счастлив: ты поэт.
Наперснику богов не страшны бури злые:
Над ним их промысел высокий и святой;
Его баюкают камены молодые
И с перстом на устах хранят его покой.
О милый друг, и мне богини песнопенья
Еще в младенческую грудь
Влияли искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я ⟨л⟩ирных звуков наслажденья
Младенцем чувствовать умел,
И лира стала мой удел.
Но где же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жар,
Одушевленный труд и слезы вдохновенья!
Как дым исчез мой легкий дар.
Как рано зависти привлек я взор кровавой
И злобной клеветы невидимый кинжал!
Нет, нет ни счастием, ни славой,
Ни гордой жаждою похвал
Не буду увлечен! В бездействии счастливом,
Забуду милых муз, мучительниц моих;
Но, может быть, вздохну в восторге молчаливом,
Внимая звуку струн твоих.

1818

I

МЕЧТАТЕЛЮ

Ты в страсти горестной находишь наслажденье;
Тебе приятно слезы лить,
Напрасным пламенем томить воображенье
И в сердце тихое уныние таить:
Поверь, не любишь ты, неопытный мечтатель.
О если бы тебя, унылых чувств искатель,
Постигло страшное безумие любви;
Когда б весь яд ее кипел в твоей крови;
Когда бы в долгие часы бессонной ночи,
На ложе медленно терзаемый тоской,
Ты звал обманчивый покой,
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркие рыдая обнимал
И сохнул в бешенстве бесплодного желанья:
Поверь, тогда б ты не питал
Неблагодарного мечтанья.
Нет, нет: в слезах упав к ногам
Своей любовницы надменной,
Дрожащий, бледный, иступленной,
Тогда б воскликнул ты к богам:
Отдайте, боги, мне рассудок омраченный,
Возмите от меня сей образ роковой;
Довольно я любил; отдайте мне покой...
Но мрачная любовь и образ незабвенный
Остались вечно бы с тобой.

II

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Тебя ль я видел, милый друг?
Или неверное то было сновиденье,
Мечтанье смутное, и пламенный недуг
Обманом волновал мое воображенье?
В минуты мрачные болезни роковой,
Ты ль, дева нежная, стояла надо мной
В одежде воина с неловкостью приятной?
Так, видел я тебя; мой тусклый взор узнал
Знакомые красы под сей одеждой ратной:
И слабым шопотом подругу я назвал...
Но вновь в уме моем стеснились мрачны грезы:
Я слабою рукой искал тебя во мгле...
И вдруг я чувствую твое дыханье, слезы
И влажный поцелуй на пламенном челе...
Бессмертные, с каким волненьем
Желанья, жизни огнь по сердцу пробежал!
Я закипел, затрепетал:
И скрылась ты прелестным привиденьем.
Жестокий друг, меня томишь ты упоеньем:
Приди, меня мертвит любовь!
В молчаньи благосклонной ночи
Явись, волшебница: пускай увижу вновь
Под грозным кивером твои небесны очи,
И плащ, и пояс боевой,
И бранной обувью украшенные ноги...
Не медли, поспешай, прелестный воин мой,
Приди, я жду тебя: здоровья дар благой
Мне снова ниспослали боги,
А с ним и сладкие тревоги
Любви таинственной и шалости младой.

III

ПРЕЛЕСТНИЦЕ

К чему нескромным сим убором,
Умильным голосом и взором
Младое сердце распалять
И тихим, сладостным укором
К победе легкой вызывать?
К чему обманчивая нежность,
Стыдливости притворный вид,
Движений томная небрежность
И трепет уст и жар ланит?
Напрасны хитрые старанья:
В порочном сердце жизни нет...
Невольный хлад негодованья
Тебе мой роковой ответ.
Твоею прелестью надменной
Кто не владел во тме ночной?
Скажи: у двери оцененной
Твоей обители презренной
Кто смелой не стучал рукой?
Нет, нет, другому свой завялый
Неси, прелестница, венок;
Ласкай неопытный порок
В твоих объятиях усталый;
Но гордый замысел забудь:
Не привлечешь питомца музы
Ты на предательскую грудь.
Неси другим наемны узы,
Своей любви постыдный торг,
Корысти хладные лобзанья
И принужденные желанья
И златом купленный восторг!

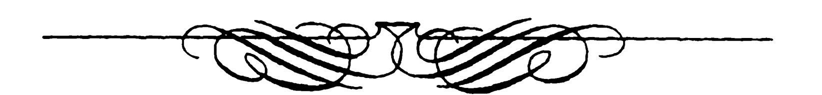

IV

ЖУКОВСКОМУ

Когда, к мечтательному миру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на коленах лиру
Нетерпеливою рукой;
Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле,
И быстрый холод вдохновенья
Власы подъемлет на челе:
Ты прав, творишь ты *для немногих*,
Не для завистливых судей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей.
Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов.
Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов,
Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел
И твой восторг уразумел
Восторгом пламенным и ясным!

1819

I

Увы, зачем она блистает
Минутной, нежной красотой?
Она приметно увядает
Во цвете юности живой...
Увянет! Жизнью молодою
Недолго наслаждаться ей;
Недолго радовать собою
Счастливый круг семьи своей,
Беспечной, милой остротою
Беседы наши оживлять,
И тихой, ясною душою
Страдальца душу услаждать.
Спешу, в волненьи дум тяжелых,
Сокрыв уныние мое,
Наслушаться речей веселых
И наглядеться на нее.
Смотрю на все ее движенья,
Внимаю каждый звук речей,
И миг единый разлученья
Ужасен для души моей.

II

РУСАЛКА

Над озером, в глухих дубровах,
Спасался некогда монах,
Всегда в занятиях суровых,
В посте, молитве и трудах.
Уже лопаткою смиренной
Себе могилу старец рыл,
И лишь о смерти вожделенной
Святых угодников молил.

Однажды летом у порогу
Поникшей хижины своей
Анахорет молился Богу.
Дубравы делались черней;
Туман над озером дымился,
И красный месяц в облаках
Тихонько по небу катился.
На воды стал глядеть монах.

Глядит, невольно страха полный;
Не может сам себя понять...
И видит: закипели волны,
И присмирели вдруг опять...
И вдруг... легка, как тень ночная,
Бела, как ранний снег холмов,
Выходит женщина нагая,
И молча села у брегов.

Глядит на старого монаха
И чешет влажные власы.
Святой монах дрожит со страха
И смотрит на ее красы.
Она манит его рукою,
Кивает быстро головой...
И вдруг падучею звездою
Под сонной скрылася волной.

Всю ночь не спал старик угрюмой
И не молился целый день:

Перед собой с невольной думой
Всё видел чудной девы тень.
Дубравы вновь оделись тмою;
Пошла по облакам луна,
И снова дева над водою
Сидит, прелестна и бледна.

Глядит, кивает головою,
Целует издали шутя,
Играет, плещется волною,
Хохочет, плачет, как дитя,
Зовет монаха, нежно стонет...
«Монах, монах! Ко мне, ко мне!...»
И вдруг в волнах прозрачных тонет:
И всё в глубокой тишине.

На третий день отшельник страстной
Близ очарованных брегов
Сидел и девы ждал прекрасной,
А тень ложилась средь дубров...
Заря прогнала тму ночную:
Монаха не нашли нигде,
И только бороду седую
Мальчишки видели в воде.

III

СТАНСЫ Т***му

Философ ранний, ты бежишь
Пиров и наслаждений жизни,
На игры младости глядишь
С молчаньем хладным укоризны.

Ты милые забавы света
На грусть и скуку променял,
И на лампаду Эпиктета
Златый Горациев фиал.

Поверь, мой друг, она придёт,
Пора унылых сожалений,
Холодной истины забот
И бесполезных размышлений.

Зевес, балуя смертных чад,
Всем возрастам дает игрушки:
Над сединами не гремят
Безумства резвые гремушки.

Ах, младость не приходит вновь!
Зови же сладкое безделье
И легкокрылую любовь
И легкокрылое похмелье!

До капли наслажденье пей,
Живи беспечен, равнодушен!
Мгновенью жизни будь послушен,
Будь молод в юности твоей!

IV

УЕДИНЕНИЕ

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
  На лоне счастья и забвенья!
Я твой: я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
  Я твой: люблю сей темный сад
  С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбаря белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
  Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
  Везде следы довольства и труда.
Я здесь, от суетных оков освобожденной,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе
  И не завидовать судьбе
Злодея, иль глупца, в величии неправом.
Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
  В уединеньи величавом
  Слышнее ваш отрадный глас;
  Он гонит лени сон угрюмый,
  К трудам рождает жар во мне,
  И ваши творческие думы
  В душевной зреют глубине.

V

ДОМОВОМУ

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредят полям опасный хлад дождей
И ветра позднего осенние набеги;
Да в пору благотворны снеги
Покроют влажный тук полей!
Останься тайный страж в наследственной сени,
Постигни робостью полуночного вора
И от недружеского взора
Счастливый домик охрани!
Ходи вокруг него заботливым дозором,
Люби мой малый сад и берег сонных вод
И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным забором!
Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров:
Они знакомы вдохновенью.

VI

В***му

Прости, счастливый сын пиров,
Балованный дитя свободы,
Любимец муз, поклонник моды
И Терпсихоры и стихов!
Ты в жизни любишь перемену:
Ты скачешь в мирную Москву,
Где сладко дремлют наяву
И наслажденьям знают цену,
Разнообразной и живой
Москва пленяет пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невестами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты там на шумных вечерах
Увидишь важное безделье,
Жеманство в тонких кружевах
И глупость в золотых очках,
И тяжкой знатности веселье,
И скуку с картами в руках.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмеешься под рукой;
Но вскоре, верный обожатель
Забав и лени золотой,
Держася моего совета
И волю всей душой любя,
Оставишь круг большого света
И жить решишься для себя.
Уже в приюте отдаленном
Я вижу мысленно тебя:
Кипит в бокале опененном
Аи холодная струя;
В густом дыму ленивых трубок,
В халатах, новые друзья
Шумят и пьют; задорный кубок
Обходит их безумный круг,
И мчится в радостях досуг;

А там Египетские девы
Летают, вьются пред тобой;
Я слышу звонкие напевы,
Стон неги, вопли, дикий вой;
Их исступленные движенья,
Огонь неистовых очей
И всё, мой друг, в душе твоей
Рождает трепет упоенья...
Но вспомни, милый: здесь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхает пленница младая;
Весь день уныла и томна,
В своей задумчивости сладкой
Тихонько плачет под окном
От грозных аргусов украдкой
И смотрит на пустынный дом,
Где мы так часто пировали
С Кипридой, Вакхом и тобой,
Куда с надеждой и тоской
Ее желанья улетали.
О, скоро ль милого найдут
Ее потупленные взоры,
И пред любовью упадут
Замков ревнивые затворы?
А наш осиротелый круг,
Товарищ, скоро ль оживится?
Когда прискачешь, милый друг?
Душа вослед тебе стремится.
Где б ни был ты, возми венок
Из рук младого сладострастья,
И докажи, что ты знаток
В неведомой науке счастья.

VII

КРИВЦОВУ

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг.
Пусть остылой жизни чашу
Тянет медленно другой;
Мы ж утратим юность нашу
Вместе с жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы,
Мы присядем на порог,
У Пафосския царицы
Свежий выпросим венок,
Лишний миг у верной лени,
Круговый нальем сосуд,
И толпою наши тени
К тихой Лете убегут;
Смертный миг наш будет светел:
И подруги шалунов
Соберут их легкий пепел
В урны праздные пиров.

VIII

N. N.

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый, но живой:
Его мучительная лапа
Не тяготеет надо мной.
Здоровье, легкий друг Приапа,
И сон, и сладостный покой,
Как прежде, посетили снова
Мой угол тесный и простой.
Утешь и ты полубольного!
Он жаждет видеться с тобой,
С тобой, счастливый беззаконник,
Ленивый Пинда гражданин,
Пиров и неги верный сын,
Венеры ветренный поклонник
И наслаждений властелин!
От суеты столицы праздной,
От хладных прелестей Невы,
От вредной сплетницы молвы,
От скуки, столь разнообразной,
Меня зовут холмы, луга,
Тенисты клены огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода.

. . . .
. . . .

IX

НЕДОКОНЧАННАЯ КАРТИНА

Чья мысль восторгом угадала,
Постигла тайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сии небесные черты?

Ты, гений!.. Но любви страданья
Его сразили. Взор немой
Вперил он на свое созданье
И гаснет пламенной душой.

X

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконной
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуёй;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

1820

I

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньем упоенный...
И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покоем, славою, свободой и душой,

И вы забыты мной, изменницы младыя,
Подруги тайные моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...
  Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

II

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ

Гляжу как безумный на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,
Младую Гречанку я страстно любил.

Прелестная дева ласкала меня;
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей:
Ко мне постучался презренный Еврей.

С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила Гречанка твоя.

Я дал ему злата и проклял его,
И верного позвал раба моего.

Мы вышли: я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел Гречанки порог;
Глаза потемнели, я весь изнемог...

В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал Армянин.

Не взвидел я света: булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал,
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моленья, текущую кровь...
Погибла Гречанка, погибла любовь.

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В Дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не цалую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу как безумный на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

III

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слёзы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росою хладной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадной!
Журчи, журчи свою мне быль...

Фонтан любви, фонтан печальной!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальной;
Но о Марии ты молчал...

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

IV

ВИНОГРАД

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачной,
Как персты девы молодой.

V

О дева-роза, я в оковах;
Но не стыжусь твоих оков:
Так соловей в кустах лавровых,
Пернатый царь лесных певцов,
Близ розы гордой и прекрасной
В неволе сладостной живет
И нежно песни ей поет
Во мраке ночи сладострастной.

VI

ДОРИДЕ

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Всё непритворно в ней: желаний томный жар,
Стыдливость робкая, харит бесценный дар,
Нарядов и речей приятная небрежность
И ласковых имен младенческая нежность.

VII

Редеет облаков летучая гряда.
Звезда печальная, вечерняя звезда!
Твой луч осеребрил увядшие равнины
И дремлющий залив и черных скал вершины.
Люблю твой слабый свет в небесной вышине;
Он думы разбудил, уснувшие во мне:
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где всё для сердца мило,
Где стройны тополи в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень.

VIII

НЕРЕИДА

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел Нереиду.
Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть:
Над ясной влагою полубогиня грудь
Младую, белую как лебедь, воздымала
И пену из власов струею выжимала.

IX

ДОРИДА

В Дориде нравятся и локоны златые,
И бледное лице, и очи голубые.
Вчера, друзей моих оставя пир ночной,
В ее объятиях я негу пил душой;
Восторги быстрые восторгами сменялись,
Желанья гасли вдруг и снова разгорались;
Я таял; но среди неверной темноты
Другие милые мне виделись черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

X

Ч***ву

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья;
Здесь успокоена была
Вражда свирепой эвмениды:
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла;
На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество,
И душ великих божество
Своим созданьем возгордилось.
. . . .
Ч***, помнишь ли былое?
Давно ль с восторгом молодым
Я мыслил имя роковое
Предать развалинам иным?
Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и лень и тишина,
И, в умиленьи вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена.

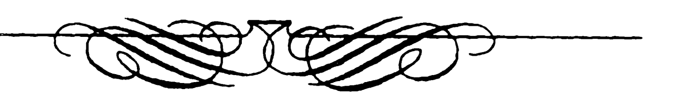

XI

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГИЯ

Гроза луны, свободы воин,
Покрытый кровию святой,
Чудесный твой отец, преступник и герой,
И ужаса людей, и славы был достоин.
Тебя, младенца, он ласкал
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой был кинжал
Братоубийством изощренной.
Как часто, возбудив свирепой мести жар,
Он молча над твоей невинной колыбелью
Убийства нового обдумывал удар
И лепет твой внимал и не был чужд веселью!
Таков был: сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный век отца
Смиренной жизнию пред небом искупила:
С могилы грозной к небесам
Она, как сладкий фимиам,
Как чистая любви молитва восходила.

1821

I

Мой друг, забыты мной следы минувших лет
И младости моей мятежное теченье.
Не спрашивай меня о том, чего уж нет,
Что было мне дано в печаль и в наслажденье,
    Что я любил, что изменило мне.
Пускай я радости вкушаю невполне;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Беспечно верь ему, летучий миг лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
    Для поцалуев сладострастья;
Душа твоя чиста: уныньe чуждо ей;
Светла, как ясный день, младенческая совесть.
К чему тебе внимать безумства и страстей
    Незанимательную повесть?
Она твой тихий ум невольно возмутит;
Ты слезы будешь лить, ты сердцем содрогнешься;
Доверчивой души беспечность улетит,
И ты моей любви, быть может, ужаснешься.
Быть может, навсегда... Нет, милая моя,
Лишиться я боюсь последних наслаждений.
Не требуй от меня опасных откровений:
Сегодня я люблю, сегодня счастлив я.

II

ВОЙНА

Война!.. Подъяты наконец,
Шумят знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести;
Засвищет вкруг меня губительный свинец.
И сколько сильных впечатлений
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурных ополчений,
Тревоги стана, звук мечей,
И в роковом огне сражений
Паденье ратных и вождей!
Предметы гордых песнопений
Разбудят мой уснувший гений.
Всё ново будет мне: простая сень шатра,
Огни врагов, их чуждое взыванье,
Вечерний барабан, гром пушки, визг ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мне, слепая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирепый жар героев?
Венок ли мне двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судил мне жребий боев,
И всё умрет со мной: надежды юных дней,
Священный сердца жар, к высокому стремленье,
Воспоминание и брата и друзей,
И мыслей творческих напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь!.. Ужель ни бранный шум,
Ни ратные труды, ни ропот гордой славы,
Ничто не заглушит моих привычных дум?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бежит меня; нет власти над собой,
И тягостная лень душою овладела...
Что ж медлит ужас боевой?
Что ж битва первая еще не закипела?..

III

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец;
Живу печальный, одинокой
И жду: придет ли мой конец?

Так поздним хладом пораженной,
Как бури слышен зимний свист,
Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист.

IV

Умолкну скоро я. Но если в день печали
Задумчивой игрой мне струны отвечали;
Но если юноши, внимая молча мне,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила в тишине
И сердца моего язык любила страстной;
Но если я любим: позволь, о милый друг,
Позволь одушевить прощальный лиры звук
Заветным именем любовницы прекрасной.
Когда меня навек обымет смертный сон;
Над урною моей промолви с умиленьем:
Он мною был любим, он мне был одолжён
И песень и любви последним вдохновеньем.

V

ГРОБ ЮНОШИ

. . . . Сокрылся он,
Любви, забав питомец нежной;
Кругом него глубокий сон
И хлад могилы безмятежной...

Любил он игры наших дев,
Когда весной в тени дерев
Они кружились на свободе;
Но нынче в резвом хороводе
Не слышен уж его припев.

Давно ли старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили меж собой:
«И мы любили хороводы,
Блистали также в нас умы;
Но погоди, приспеют годы,
И будешь то, что ныне мы;
Как нам, о мира гость игривый,
Тебе постынет белый свет;
Теперь играй...» Но старцы живы,
А он увял во цвете лет.
И без него друзья пируют,
Других уж полюбить успев;
Уж редко, редко именуют
Его в беседе юных дев.
Из милых жен, его любивших,
Одна, быть может, слезы льет,
И память радостей почивших
Привычной думою зовет...
К чему?
Над ясными водами
Гробницы мирною семьёй
Под наклоненными крестами
Таятся в роще вековой.
Там, на краю большой дороги,

Где липа старая шумит,
Забыв сердечные тревоги,
Наш бедный юноша лежит.

Напрасно блещет луч денницы,
Иль ходит месяц средь небес,
И вкруг бесчувственной гробницы
Ручей журчит и шепчет лес;
Напрасно утром за малиной
К ручью красавица с корзиной
Идет и в холод ключевой
Пугливо ногу опускает:
Ничто его не вызывает
Из мирной сени гробовой.

VI

К ОВИДИЮ

Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принес и пепел свой оставил.
Твой безотрадный плач места сии прославил:
И лиры нежный глас еще не онемел;
Еще твоей молвой наполнен сей предел.
Ты живо впечатлел в моем воображенье
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный свод небес, обычные снега
И краткой теплотой согретые луга.
Как часто, увлечен унылых струн игрою,
Я сердцем следовал, Овидий, за тобою:
Я видел твой корабль игралищем валов,
И якорь, верженный близ диких берегов,
Где ждет певца любви жестокая награда.
Там нивы без теней, холмы без винограда;
Рожденные в снегах для ужасов войны,
Там хладной Скифии свирепые сыны,
За Истром утаясь, добычи ожидают
И селам каждый миг набегом угрожают.
Преграды нет для них: в волнах они плывут
И по льду звучному бестрепетно идут.
Ты сам (дивись, Назон, дивись судьбе превратной!),
Ты, с юных лет презрев волненье жизни ратной,
Привыкнув розами венчать свои власы
И в неге провождать беспечные часы,
Ты будешь принужден взложить и шлем тяжелой,
И грозный меч хранить близ лиры оробелой.
Ни дочерь, ни жена, ни верный сонм друзей,
Ни музы, легкие подруги прежних дней,
Изгнанного певца не усладят печали,
Напрасно грации стихи твои венчали,
Напрасно юноши их помнят наизусть:
Ни слава, ни лета, ни жалобы, ни грусть,
Ни песни робкие Октавия не тронут;
Дни старости твоей в забвении потонут.
Златой Италии роскошный гражданин,

В отчизне варваров безвестен и один,
Ты звуков родины вокруг себя не слышишь;
Ты в тяжкой горести далекой дружбе пишешь:
«О, возвратите мне священный град отцов
И тени мирные наследственных садов!
О други, Августу мольбы мои несите!
Карающую длань слезами отклоните!
Но если гневный бог доселъ неумолим,
И век мне не видать тебя, великий Рим;
Последнею мольбой смягчая рок ужасной,
Приближьте хоть мой гроб к Италии прекрасной!»
Чье сердце хладное, презревшее харит,
Твое уныние и слезы укорит?
Кто в грубой гордости прочтет без умиленья
Сии элегии, последние творенья,
Где ты свой тщетный стон потомству передал?

Суровый Славянин, я слез не проливал,
Но понимаю их. Изгнанник самовольный,
И светом, и собой, и жизнью недовольный,
С душой задумчивой, я ныне посетил
Страну, где грустный век ты некогда влачил.
Здесь, оживив тобой мечты воображенья,
Я повторил твои, Овидий, песнопенья,
И их печальные картины поверял;
Но взор обманутым мечтаньям изменял.
Изгнание твое пленяло втайне очи,
Привыкшие к снегам угрюмой полуночи.
Здесь долго светится небесная лазурь;
Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь.
На Скифских берегах переселенец новый,
Сын юга, виноград блистает пурпуровый.
Уж пасмурный декабрь на Русские луга
Слоями расстилал пушистые снега;
Зима дышала там: а с вешней теплотою
Здесь солнце ясное катилось надо мною;
Младою зеленью пестрел увядший луг;
Свободные поля взрывал уж ранний плуг;
Чуть веял ветерок, под вечер холодея;
Едва прозрачный лед, над озером тускнея,
Кристаллом покрывал недвижные струи.
Я вспомнил опыты несмелые твои,
Сей день, замеченный крылатым вдохновеньем,
Когда ты в первый раз вверял с недоуменьем
Шаги свои волнам, окованным зимой:
И по льду новому, казалось, предо мной

Скользила тень твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, как томный стон разлуки.
Утешься: не увял Овидиев венец!
Увы, среди толпы затерянный певец,
Безвестен буду я для новых поколений:
И, жертва темная, умрет мой слабый гений
С печальной жизнию, с минутною молвой!..
Но если, обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного мой след уединенной:
Брегов забвения оставя хладну сень,
К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье.
Да сохранится же заветное преданье:
Как ты, враждующей покорствуя судьбе,
Не славой, участью я равен был тебе.
Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на брега Дуная
Великодушный Грек свободу вызывал:
И ни единый друг мне в мире не внимал;
Но чуждые холмы, поля, и рощи сонны,
И музы мирные мне были благосклонны.

VII

НАПОЛЕОН

Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.
Исчез властитель осужденный,
Могучий баловень побед:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настает.

О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет полн,
Приосенен твоею славой,
Почий среди пустынных волн!
Великолепная могила...
Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почила,
И луч бессмертия горит.

Давно ль орлы твои летали
Над обесславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громах силы роковой?
Послушны воле своенравной,
Бедой шумели знамена,
И налагал ярем державной
Ты на земные племена.
. . . .
. . . .

И Франция, добыча славы,
Плененный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор.
Ты вел мечи на пир обильный;
Всё пало с шумом пред тобой:
Европа гибла; сон могильный
Носился над ее главой.

. . . .
. . . .

Надменный, кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца Русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем как дара;
Но поздно Русских разгадал...

Россия, бранная царица,
Воспомни древние права!
. . . .

Пылай, великая Москва!
Настали времена другия:
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война: по гроб наш договор.

Оцепенелыми руками
Схватив железный свой венец,
Он бездну видит пред очами,
Он гибнет, гибнет наконец.
Бежат Европы ополченья;
Окровавленные снега
Провозгласили их паденье,
И тает с ними след врага.

И всё как буря закипело;
Европа свой расторгла плен;
Во след тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.
И длань народной Немезиды
Подъяту видит великан:
И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственных чудес
Тоскою душного изгнанья
Под сенью чуждою небес.
И знойный остров заточенья
Полнощный парус посетит,

И путник слово примиренья
На оном камне начертит,

Где, устремив на волны очи,
Изгнанник помнил звук мечей,
И льдистый ужас полуночи,
И небо Франции своей;
Где иногда, в своей пустыне
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один о милом сыне
В уныньи горьком думал он.

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала!... он Русскому народу
Высокий жребий указал,
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

VIII

МУЗА

В младенчестве моем она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила;
Она внимала мне с улыбкой: и слегка
По звонким скважинам пустого тростника
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные Фригийских пастухов.
С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам девы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала:
Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

IX

ДИОНЕЯ

Хромид в тебя влюблен: он молод, и не раз
Украдкою вдвоем мы замечали вас;
Ты слушаешь его, в безмолвии краснея;
Твой взор потупленный желанием горит,
        И долго после, Дионея,
Улыбку нежную лице твое хранит.

X

ДЕВА

Я говорил тебе: страшися девы милой!
Я знал: она сердца влечет невольной силой.
Неосторожный друг, я знал: нельзя при ней
Иную замечать, иных искать очей.
Надежду потеряв, забыв измены сладость,
Пылает близ нее задумчивая младость;
Любимцы счастия, наперсники судьбы
Смиренно ей несут влюбленные мольбы:
Но дева гордая их чувства ненавидит
И, очи опустив, не внемлет и не видит.

XI

ПРИМЕТЫ

Старайся наблюдать различные приметы.
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную тень,
Умеют уж предречь и ветр, и ясный день.
И майские дожди, младых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду.
Так, если лебеди, на лоне тихих вод
Плескаясь вечером, окличут твой приход,
Иль солнце яркое зайдет в печальны тучи,
Знай, завтра сонных дев разбудит дождь ревучий,
Иль бьющий в окна град, а ранний селянин,
Готовясь уж косить высокий злак долин,
Услыша бури шум, не выйдет на работу
И погрузится вновь в ленивую дремоту.

XII

ЗЕМЛЯ И МОРЕ

Когда по синеве морей
Зефир скользит и тихо веет
В ветрила гордых кораблей
И челны на волнах лелеет;
Забот и дум слагая груз,
Тогда ленюсь я веселее
И забываю песни муз:
Мне моря сладкий шум милее.
Когда же волны по брегам
Ревут, кипят и пеной плещут,
И гром гремит по небесам,
И молнии во мраке блещут;
Я удаляюсь от морей
В гостеприимные дубровы:
Земля мне кажется верней,
И жалок мне рыбак суровый:
Живет на утлом он челне,
Игралище слепой пучины,
А я в надежной тишине
Внимаю шум ручья долины.

XIII

КРАСАВИЦА ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Взгляни на милую, когда свое чело
Она пред зеркалом цветами окружает,
Играет локоном, и верное стекло
Улыбку, хитрый взор и гордость отражает.

XIV

АЛЕКСЕЕВУ

Мой милый, как несправедливы
Твои ревнивые мечты:
Я позабыл любви призывы
И плен опасной красоты;
Свободы друг миролюбивый,
В толпе красавиц молодых,
Я, равнодушный и ленивый,
Своих богов не вижу в них.
Их томный взор, приветный лепет
Уже не властны надо мной.
Забыло сердце нежный трепет
И пламя юности живой.
Теперь уж мне влюбиться трудно,
Вздыхать неловко и смешно,
Надежде верить безрассудно,
Мужей обманывать грешно.
Прошел веселой жизни праздник.
Как мой задумчивый проказник,
Как Баратынский, я твержу:
«Нельзя ль найти подруги нежной?
Нельзя ль найти любви надежной?»
И ничего не нахожу.
Оставя счастья призрак ложный,
Без упоительных страстей,
Я стал наперсник осторожный
Моих неопытных друзей.
Когда любовник исступленной,
Тоскуя, плачет предо мной
И для красавицы надменной
Клянется жертвовать собой;
Когда в жару своих желаний
С восторгом изъясняет он
Неясных, темных ожиданий
Обманчивый, но сладкий сон,
И, крепко руку сжав у друга,
Клянет ревнивого супруга
Или докучливую мать:

Его безумным увереньям
И поминутным повтореньям
Люблю с участием внимать;
Я льщу слепой его надежде,
Я молод юностью чужой
И говорю: так было прежде
Во время оно и со мной.

XV

К***ну

Кто мне пришлет ее портрет,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантов обожатель страстной,
Я прежде был ее поэт.
С досады, может быть, неправой,
Когда одна в дыму кадил
Красавица блистала славой,
Я свистом гимны заглушил.
Погибни злобы миг единой,
Погибни лиры ложный звук:
Она виновна, милый друг,
Пред Селименой и Моиной.
Так легкомысленной душой,
О боги, смертный вас поносит;
Но вскоре трепетной рукой
Вам жертвы новые приносит.

XVI

Ч***ву

В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
Где прах Овидиев пустынный мой сосед,
Где слава для меня предмет заботы малой,
Тебя недостает душе моей усталой.
Врагу стеснительных условий и оков,
Нетрудно было мне отвыкнуть от пиров,
Где праздный ум блестит, тогда как сердце дремлет
И правду пылкую приличий хлад объемлет.
Оставя шумный круг безумцев молодых,
В изгнании моем я не жалел о них;
Вздохнув, оставил я другие заблужденья,
Врагов моих предал проклятию забвенья,
И, сети разорвав, где бился я в плену,
Для сердца новую вкушаю тишину.
В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.
Богини мира, вновь явились музы мне
И независимым досугам улыбнулись;
Цевницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звук меня обрадовал: и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу верную, и милые предметы,
Пленявшие меня в младенческие леты,
В те дни, когда, еще незнаемый никем,
Не зная ни забот, ни цели, ни систем,
Я пеньем оглашал приют забав и лени
И Царскосельские хранительные сени.
Но дружбы нет со мной: печальный вижу я
Лазурь чужих небес, полдневные края;
Ни музы, ни труды, ни радости досуга,
Ничто не заменит единственного друга.
Ты был целителем моих душевных сил;

О неизменный друг, тебе я посвятил
И краткий век, уже испытанный судьбою,
И чувства, может быть, спасенные тобою!
Ты сердце знал мое во цвете юных дней;
Ты видел, как потом в волнении страстей
Я тайно изнывал, страдалец утомленной;
В минуту гибели над бездной потаенной
Ты поддержал меня недремлющей рукой;
Ты другу заменил надежду и покой;
Во глубину души вникая строгим взором,
Ты оживлял ее советом иль укором;
Твой жар воспламенял к высокому любовь;
Терпенье смелое во мне рождалось вновь;
Уж голос клеветы не мог меня обидеть:
Умел я презирать, умея ненавидеть.
Мне ль было сетовать о толках шалунов,
О лепетаньи дам, зоилов и глупцов,
И сплетней разбирать игривую затею,
Когда гордиться мог я дружбою твоею?
Благодарю богов: прошел я мрачный путь;
Печали ранние мою теснили грудь:
К печалям я привык, расчелся я с судьбою,
И жизнь перенесу стоической душою.
Одно желание: останься ты со мной!
Небес я не томил молитвою другой.
О, скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?
Когда соединим слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привет?
Как обниму тебя! Увижу кабинет,
Где ты всегда мудрец, а иногда мечтатель
И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домосед,
С тобою вспоминать беседы прежних лет,
Младые вечера, пророческие споры,
Знакомых мертвецов живые разговоры;
Поспорим, перечтем, посудим, побраним,
И счастлив буду я: но только ради Бога
Гони ты *** от нашего порога.

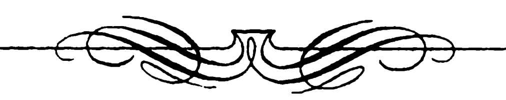

XVII

К***

Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать
И неизбежную разлуку
В уныньи робком ожидать?
И так уж близок день страданья!
Один, в тиши пустых полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянных тобою дней:
Тогда изгнаньем и могилой,
Несчастный, будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ее шагов.

1822

I

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне сбирается вещий Олег
    Отмстить неразумным Хозарам:
Их села и нивы за буйный набег
    Обрек он мечам и пожарам.
С дружиной своей, в Цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса, навстречу ему,
    Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
    Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях проведший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
    Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
    Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возмешь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
    А княжеский дар им не нужен.
Правдив и свободен их вещий язык
    И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
    Воителю слава отрада;
Победой прославлено имя твое;
    Твой щит на вратах Цареграда;

И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смирный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю,
И холод и сеча ему ничего:
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся; однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчаньи, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмой;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время:
Теперь отдыхай; уж не ступит нога
В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возмите коня!

Покройте попоной, мохнатым ковром;
В мой луг под устцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещий Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

«А где мой товарищ, — промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый?

Здоров ли? Всё так же ль легок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлют ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят: на холме, у брега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот, где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змия
Шипя между тем выползала;
Как черная лента вкруг ног обвилась:
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

II

АДЕЛИ

Играй, Адель,
Не знай печали.
Хариты, Лель
Тебя венчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Час упоенья
Лови, лови!
Младые лета
Отдай любви,
И в шуме света
Люби, Адель,
Мою свирель.

III

ДРУЗЬЯМ

Вчера был день разлуки шумной,
Вчера был Вакха буйный пир,
При кликах юности безумной,
При громе чаш, при звуке лир.

Так, Музы вас благословили,
Венками свыше осеня,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
Не ослепляя наших глаз,
Она не суетной работой,
Не резьбою пленяла нас;

Но тем одним лишь отличалась,
Что, жажду Скифскую поя,
Бутылка полная вливалась
В ее широкие края.

Я пил, и думою сердечной
Во дни минувшие летал,
И горе жизни скоротечной
И сны любви воспоминал.

Меня смешила их измена:
И скорбь исчезла предо мной,
Как исчезает в чашах пена
Под зашипевшею струёй.

IV

ГРЕЧАНКЕ

Ты рождена воспламенять
Воображение поэтов,
Его тревожить и пленять
Любезной живостью приветов,
Восточной странностью речей,
Блистаньем зеркальных очей
И этой ножкою нескромной;
Ты рождена для неги томной,
Для упоения страстей.
Скажи: когда певец Леилы
В мечтах небесных рисовал
Свой неизменный идеал,
Уж не тебя ль изображал
Поэт мучительный и милый?
Быть может, в дальной стороне,
Под небом Греции священной,
Тебя страдалец вдохновенной
Узнал, иль видел как во сне.
И скрылся образ незабвенной
В его сердечной глубине.
Быть может, лирою счастливой
Тебя волшебник искушал;
Невольный трепет возникал
В твоей груди самолюбивой:
И ты, склонясь к его плечу...
Нет, нет, мой друг, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу:
Мне долго счастье чуждо было,
Мне ново наслаждаться им,
И, тайной грустию томим,
Боюсь: неверно всё, что мило.

V

Свод неба мраком обложился;
В волнах Варяжских лунный луч,
Сверкая меж вечерних туч,
Столпом неровным отразился.
Качаясь, лебедь на волне
Заснул, и всё кругом почило;
Но вот по темной глубине
Стремится белое ветрило,
И блещет пена при луне;
Летит испуганная птица,
Услыша близкий шум весла.
Чей это парус? Чья десница
Его во мраке напрягла?

Их двое. На весло нагбенный,
Один, смиренный житель волн,
Гребет и к югу правит чёлн;
Другой, как волхвом пораженный,
Стоит недвижим; на брега
Глаза вперив, не молвит слова,
И через челн его нога
Перешагнуть уже готова.
Плывут...

«Причаливай, старик!
К утесу правь» — и в волны вмиг
Прыгнул пловец нетерпеливой
И берегов уже достиг.
Меж тем, рукой неторопливой
Другой ветрило опустив,
Свой челн к утесу пригоняет,
К подошвам двух союзных ив
Узлом надежным укрепляет
И входит медленной стопой
На берег дикой и крутой.
Кремень звучит, и пламя вскоре
Далеко осветило море.
Суровый край! Громады скал
На берегу стоят угрюмом;

Об них мятежный бьется вал
И пена плещет; сосны с шумом
Качают старые главы
Над зыбкой пеленой пучины;
Кругом ни цвета, ни травы,
Песок да мох; скалы, стремнины
Везде хранят клеймо громов
И след потоков истощенных,
И тлеют кости — пир волков
В расселинах окровавленных.
К огню заботливый старик
Простер немеющие руки.
Приметы долголетней муки,
Согбенны кости, тощий лик,
На коем время углубляло
Свои последние следы,
Одежда, обувь — всё являло
В нем дикость, нужду и труды.
Но кто же тот? Блистает младость
В его лице; как вешний цвет
Прекрасен он; но, мнится, радость
Его не знала с детских лет;
В глазах потупленных кручина;
На нем одежда Славянина
И на бедре Славянский меч.
Славян вот очи голубые,
Вот их и волосы златые,
Волнами падшие до плеч. — — —
Косматым рубищем одетый,
Огнем живительным согретый,
Старик забылся крепким сном.
Но юноша, на перси руки
Задумчиво сложив крестом,
Сидит с нахмуренным челом...
Проходит ночь, огонь погас,
Остыл и пепел; вод пучина
Белеет; близок утра час;
Нисходит сон на Славянина.

Видал он дальные страны,
По суше, по морю носился,
Во дни былые, дни войны,
На западе, на юге бился,
Деля добычу и труды
С суровым племенем Одена,
И перед ним врагов ряды

Бежали, как морская пена
В час бури к черным берегам.
Внимал он радостным хвалам
И арфам Скальдов исступленных,
В жилище сильных пировал
И очи дев иноплеменных
Красою чуждой привлекал.
Но сладкий сон не переносит
Теперь героя в край чужой,
В поля, где мчится бурный бой,
Где меч главы героев косит;
Не видит он знакомых скал
Кириаландии печальной,
Ни Албиона, где искал
Кровавых сечь и славы дальной;
Ему не снится шум валов;
Он позабыл морские битвы,
И пламя яркое костров,
И трубный звук, и лай ловитвы;
Другие грезы и мечты
Волнуют сердце Славянина:
Пред ним Славянская дружина;
Он узнает ее щиты,
Он снова простирает руки
Товарищам минувших лет,
Забытым в долги дни разлуки,
Которых уж и в мире нет...

Меж тем привычные заботы
Средь усладительной дремоты
Тревожат душу старика:
Во сне он парус развивает,
Плывет по воле ветерка,
Его тихонько увлекает
К заливу светлая река,
И рыба сочная впадает
В тяжелый невод старика;
Но туча виснет; дальний гром
Над звучной бездною грохочет,
И вот пучина над челном
Кипит, подъемлется, клокочет;
Напрасно к верным берегам
Несчастный возвратиться хочет,
Челнок трещит и — пополам!
Рыбак идет на дно морское,
И пробудясь, трепещет он,

Глядит окрест: брега в покое,
На полусветлый небосклон
Восходит утро золотое;
С дерев, с утесистых вершин,
Навстречу радостной денницы,
Щебеча, полетели птицы,
И рассвело...

VI

БАРАТЫНСКОМУ ИЗ БЕССАРАБИИ

Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным воспета
И славой Русскою полна.
Еще доныне тень Назона
Дунайских ищет берегов;
Она летит на сладкий зов
Питомцев муз и Аполлона,
И с нею часто при луне
Брожу вдоль берега крутого:
Но, друг, обнять милее мне
В тебе Овидия живого.

VII

ЕМУ ЖЕ

Я жду обещанной тетради:
Что ж медлишь, милый трубадур!
Пришли ее мне Феба ради,
И награди тебя Амур.

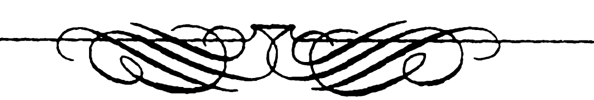

VIII

Люблю ваш сумрак неизвестной
И ваши тайные цветы,
О вы, поэзии прелестной
Благословенные мечты!
Вы нас уверили, поэты,
Что тени, легкою толпой,
От берегов холодной Леты,
Слетаются на брег земной
И невидимо навещают
Места, где было всё милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей;
Они, бессмертие вкушая,
Их поджидают в Элизей,
Как ждет на пир семья родная
Своих замедливших гостей...

Но, может быть, мечты пустые —
Быть может, с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные,
И чужд мне будет мир земной;
Быть может, там, где всё блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я...

1823

I

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылой?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в моей любви несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокой!
Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор:
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?...
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?...
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?...
Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;

Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю.

II

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой
        Луна туманная взошла...
Всё мрачную тоску на душу мне наводит.
Далеко, там, луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой
        Под голубыми небесами...
Вот время: по горе теперь идет она
К брегам, потопленным шумящими волнами;
        Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит печальна и одна...
Одна... никто пред ней не плачет, не тоскует;
Никто ее колен в забвеньи не цалует;
Одна... ничьим устам она не предает
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.
. . . .
. . . .
. . . .

Никто ее любви небесной не достоин.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен;
. . . .

Но если . . . .

III

ДЕМОН

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь,
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистощимый клеветою,
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

IV

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Хоть тяжело под час в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!.....

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит попрежнему телега.
Под вечер мы привыкли к ней,
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

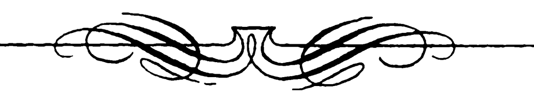

V

НОЧЬ

Мой голос для тебя и ласковый и томной
Тревожит позднее молчанье ночи тёмной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут полны тобою.
Во тме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя.

1824

I

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает;
На девственных устах улыбка замирает.
Давно твоей иглой узоры и цветы
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знаток в девической печали;
Давно глаза мои в душе твоей читали.
Любви не утаишь: мы любим, и как нас,
Девицы нежные, любовь волнует вас.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ними
Красавец молодой с очами голубыми,
С кудрями черными?... Краснеешь? Я молчу,
Но знаю, знаю всё; и если захочу,
То назову его. Не он ли вечно бродит
Вкруг дома твоего и взор к окну возводит?
Ты втайне ждешь его. Идет, и ты бежишь.
И долго вслед за ним незримая глядишь.
Никто на празднике блистательного мая,
Меж колесницами роскошными летая,
Никто из юношей свободней и смелей
Не властвует конем по прихоти своей.

II

ПРОЗЕРПИНА

Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат:
Кони бледного Плутона
Быстро к нимфам Пелиона
Из аида бога мчат.
Вдоль пустынного залива
Прозерпина вслед за ним,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путем одним.
Пред богинею колена
Робко юноша склонил.
И богиням льстит измена:
Прозерпине смертный мил.
Ада гордая царица
Взором юношу зовет,
Обняла, и колесница
Уж к аиду их несет:
Мчатся, облаком одеты;
Видят вечные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Там бессмертье, там забвенье,
Там утехам нет конца.
Прозерпина в упоенье,
Без порфиры и венца,
Повинуется желаньям,
Предает его лобзаньям
Сокровенные красы,
В сладострастной неге тонет
И молчит и томно стонет...
Но бегут любви часы;
Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат:
Кони бледного Плутона
Быстро мчат его назад.
И Кереры дочь уходит,
И счастливца за собой

Из элизия выводит
Потаенною тропой;
И счастливец отпирает
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетает
Сновидений ложный рой.

III

К МОРЮ

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас
И тишину в вечерний час
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты взыграл, неодолимый;
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег.

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я.

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел . . . . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

IV

КОВАРНОСТЬ

Когда твой друг на глас твоих речей
Ответствует язвительным молчаньем;
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содроганьем;
Как, на тебя взор острый пригвоздя,
Качает он с презреньем головою;
Не говори: «Он болен, он дитя,
Он мучится безумною тоскою»;
Не говори: «Неблагодарен он;
Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
Вся жизнь его какой-то тяжкой сон»...
Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
Ах, если так, он в прах готов упасть,
Чтоб вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблял на злобное гоненье;
Но если ты затейливо язвил
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находил
В его тоске, рыданьях, униженье;
Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;
Но если цепь ему накинул ты
И сонного врагу предал со смехом,
И он прочел в немой душе твоей
Всё тайное своим печальным взором:
Тогда ступай, не трать пустых речей —
Ты осужден последним приговором.

V

Д***у

Нельзя, мой толстый Аристип:
Хоть я люблю твои беседы,
Твой милый нрав, твой милый хрип,
Твой вкус и жирные обеды;
Но не могу с тобою плыть
К брегам полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабыть,
Любимец Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отец
Немного тощей Энеиды
Пускался в море наконец;
Ему Гораций, умный льстец,
Прислал торжественную оду,
Где другу Августов певец
Сулил хорошую погоду.
Но льстивых од я не пишу;
Ты не в чахотке, слава Богу:
У неба я тебе прошу
Лишь аппетита на дорогу.

VI

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Вот взошла луна златая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот Испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркой день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ[1]

ПОСВЯЩЕНО П. А. О.

I

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой:[2]

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман,
Стезею правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

II

О, жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица.

А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,

Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.
В пареньи дум благочестивых,
Не любит он велеречивых
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем,
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых.[3]

III

Смутясь, нахмурился пророк,
Слепца послышав приближенье:[4]
Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье.

С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых;
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых!

Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недолгий век,
Что слаб умрет, как слаб родился?

За то ль, что Бог и умертвит
И воскресит его по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях и в горькой доле?

За то ль, что дал ему плоды
И хлеб и финик и оливу,
Благословив его труды,
И вертоград и холм и ниву?

Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.

И все пред Бога притекут,
Обезображенные страхом:
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.

IV

С Тобою древле, о Всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но Ты, Господь, его смирил.
Ты рек: Я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На̀ всё подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую
И также смертью наказую:
С Тобою, Боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева Твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его.

V

Земля недвижна; неба своды,
Творец, поддержаны Тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой.[5]

Зажег Ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенной,
В лампадном светит хрустале.

Творцу молитесь; Он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насылает тучи;
Дает земле древесну сень.

Он милосерд: Он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман.

VI

Недаром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен младых рабынь,
Делите бранную добычу!

Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не веря дивным снам.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаяньи своем
Рекут: возмите нас с собою;
Но вы скажите: не возмем.

Блаженны падшие в сраженьи:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденьи,
Неотравляемом ничем.

VII

Восстань, боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.
Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII

Торгуя совестью пред бледной нищетою,
Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
    О сеятель благополучной,
Сторицею воздаст она твоим трудам.

Но если, пожелав трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,

Сжимаешь ты свою завистливую длань;
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
Что с камня моет дождь обильной,
Исчезнут, Господом отверженная дань.

IX

И путник усталый на Бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладязь под пальмою видит он вдруг.

И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы:
И многие годы над ним протекли
По воле Владыки небес и земли.

Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:
"Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?"
И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра.

Но голос: "О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал;
Уж пальма истлела, а кладязь холодной,
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости белеют ослицы твоей".

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладязь наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу и радость;

В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с Богом он дале пускается в путь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Нечестивые, — пишет Магомет (глава *Награды*), — думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басень». Мнение сих *нечестивых*, конечно, справедливо; но, не смотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных подражаний. В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором, или третьем лице.

[2] В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродетелию и пороком, ангелами и человеком и проч. Странный сей риторический оборот встречается в Коране поминутно.

[3] «Мой пророк, — прибавляет Алла, — вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромен; но я не имею нужды с вами чиниться» и проч. Ревность Араба так и дышит в сих заповедях.

[4] Из книги *Слепец*.

[5] Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

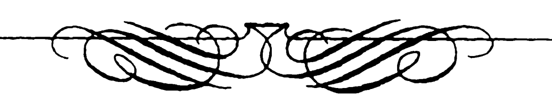
АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Вторая Часть.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1829.

1825

I

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

ПОСВЯЩЕНО Н. Н. Р.

> Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
> S'éveillait...

Меж тем как изумленный мир
На урну Байрона взирает,
И хору Европейских лир
Близ Данте тень его внимает,

Зовет меня другая тень,
Давно без песень, без рыданий
С кровавой плахи в дни страданий
Сошедшая в могильну сень.

Певцу любви, дубрав и мира,
Певцу возвышенной мечты
Звучит незнаемая лира.
Пою. Мне внемлет он и ты.

*

Подъялась вновь усталая секира
 И жертву новую зовет.
Певец готов; задумчивая лира
 В последний раз ему поет.[1]

Заутра казнь, привычный пир народу;
 Но лира юного певца
О чем поет? Поет она свободу:
  Не изменилась до конца!

« . . . .

. . . .
. . . .

...Не узрю вас, дни славы, дни блаженства:
Я плахе обречен. Последние часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палач мою главу подымет за власы
Над равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой бесприютный прах
Не будет почивать в саду, где провождали
Мы дни беспечные в науках и в пирах,
И место наших урн заране назначали.
Но, други, если обо мне
Священно вам воспоминанье;
Исполните мое последнее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребий в тишине;
Страшитесь возбудить слезами подозренье;
В наш век, вы знаете, и слезы преступленье:
О брате сожалеть не смеет ныне брат.
Еще ж одна мольба: вы слушали стократ
Стихи, летучих дум небрежные созданья,
Разнообразные, заветные преданья
Всей младости моей. Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у Фанни,[2]
Молю, найдите их; невинной музы дани
Сберите. Строгий свет, надменная молва
Не будут ведать их. Увы, моя глава
Безвременно падет: мой недозрелый гений
Для славы не свершил возвышенных творений;
Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верной,
И, долго слушая, скажите: это он;
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... и, может быть, утешен буду я
Любовью; может быть, и *Узница* моя,[3]
Уныла и бледна, стихам любви внимая...»

Но, песни нежные мгновенно прерывая,
Младый певец поник задумчивой главой.
Пора весны его с любовию, тоской
Промчалась перед ним. Красавиц томны очи,

И песни, и пиры, и пламенные ночи,
Всё вместе ожило; и сердце понеслось
Далече... и стихов журчанье излилось:

«Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу, и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою златую младость;
Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах друзей любимый друг,
Я сладко оглашал и смехом и стихами
Сень, охраненную домашними богами.
Когда ж, Вакхической тревогой утомясь
И новым пламенем незапно воспалясь,
Я утром наконец являлся к милой деве
И находил ее в смятении и гневе;
Когда, с угрозами, и слезы на глазах,
Мой проклиная век, утраченный в пирах,
Она меня гнала, бранила и прощала:
Как сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачем от жизни сей, ленивой и простой,
Я кинулся туда, где ужас роковой,
Где страсти дикие, где буйные невежды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что делать было мне,
Мне, верному любви, стихам и тишине,
На низком поприще с презренными бойцами!
Мне ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать бессильные бразды?
И что ж оставлю я? Забытые следы
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложной,
        Ты, слово, звук пустой...
                                        «О нет!
        Умолкни, ропот малодушной!
        Гордись и радуйся, поэт:
        Ты не поник главой послушной
        Перед позором наших лет;
        Ты презрел мощного злодея;
        Твой светоч, грозно пламенея,
        Жестоким блеском озарил
        Совет правителей бесславных;[4]
        Твой бич настигнул их, казнил
        . . . .

Твой стих свистал по их главам;
Ты звал на них, ты славил Немезиду;
Ты пел Маратовым жрецам
Кинжал и деву-эвмениду!
Когда святый старик от плахи отрывал
Венчанную главу рукой оцепенелой:
Ты смело им обоим руку дал,
И перед вами трепетал
Ареопаг остервенелой.
Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь:
Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты всё пигмей, пигмей ничтожный.
И час придет... и он уж недалёк:
Падешь, тиран! Негодованье
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
Я жду тебя».

Так пел восторженный поэт.
И всё покоилось. Лампады тихий свет
Бледнел пред утренней зарею,
И утро веяло в темницу. И поэт
К решетке поднял важны взоры...
Вдруг шум. Пришли, зовут. Они! Надежды нет!
Звучат ключи, замки, запоры.
Зовут... Постой, постой; день только, день один:
И казней нет, и всем свобода,
И жив великий гражданин
Среди великого народа.[5]
Не слышат. Шествие безмолвно. Ждет палач.
Но дружба смертный путь поэта очарует.[6]
Вот плаха. Он взошел. Он славу именует...[7]
Плачь, муза, плачь!...

II

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!...
Но полно, час настал: гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!.. вспыхнули!.. пылают... легкий дым
Виясь теряется с молением моим.
Уж перстня верного утратя впечатленье,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулися листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милой,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

III

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

Когда, любовию и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя;
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветренного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальному упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, всё на главу мою
Обрушилося вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И всё передо мной затмилося! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Всё, всё вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моленья
В саду, во тме ночной, в минуту разлученья.

IV

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь Вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
    На звонкое дно
    В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подымем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тма!

V

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

VI

САФО

Счастливый юноша, ты всем меня пленил:
Душою гордою и пылкой и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

VII

КОЗЛОВУ

Певец, когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
На всё минувшее воззрел
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел.

О милый брат, какие звуки!
В слезах восторга внемлю им:
Чудесным пением своим
Он усыпил земные муки.
Тебе он создал новый мир:
Ты в нем и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумир.

А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенье дал отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаром темною стезёй
Я проходил пустыню мира,
О нет, недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!

VIII

К***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежной
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

IX

ПРОЗАИК И ПОЭТ

О чем, прозаик, ты хлопочешь?
Давай мне мысль какую хочешь:
Ее с конца я завострю,
Летучей рифмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

X

ДВИЖЕНИЕ

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

XI

ДРУЖБА

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.

XII

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

В лесах, во мраке ночи праздной,
Весны певец разнообразной
Урчит, и свищет и гремит;
Но бестолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердит,
И эхо вслед за нею то же.
Накуковали нам тоску!
Хоть убежать. Избавь нас, Боже,
От элегических куку!

XIII

СОВЕТ

Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальной,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальной:
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямой.
Сердиться грех — но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой.

XIV

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы, в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

XV

19 ОКТЯБРЯ

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто по неволе,
И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на брегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над Русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылой
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?

Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливый путь!... С Лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, Лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: на долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастие куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О*** мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, ***, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодной
Не изменил души твоей свободной:

Всё тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомной,
Под бурею главой поник я томной,
И ждал тебя, вещун Пермеских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О*** мой: твой голос пробудил
Сердечный жар так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песень в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел;
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты гордый пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, ***, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,

Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто дальный сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! средь новых поколений
Докучный гость и лишний и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведёт,
Как ныне я, затворник ваш опальной,
Его провел без горя и забот.

XVI

ЖЕНИХ

Три дня купеческая дочь
  Наташа пропадала;
Она на двор на третью ночь
  Без памяти вбежала.
С вопросами отец и мать
К Наташе стали приступать.
  Наташа их не слышит,
  Дрожит и еле дышит.

Тужила мать, тужил отец,
  И долго приступали,
И отступились наконец,
  А тайны не узнали.
Наташа стала, как была,
Опять румяна, весела,
  Опять пошла с сестрами
  Сидеть за воротами.

Раз у тесовых у ворот,
  С подружками своими,
Сидела девица — и вот
  Промчалась перед ними
Лихая тройка с молодцом.
Конями, крытыми ковром,
  В санях он стоя правит
  И гонит всех и давит.

Он, поровнявшись, поглядел,
  Наташа поглядела,
Он вихрем мимо пролетел,
  Наташа помертвела.
Стремглав домой она бежит.
«Он! он! узнала! — говорит, —
  Он, точно он! держите,
  Друзья мои, спасите!»

Печально слушает семья,
  Качая головою;

Отец ей: «Милая моя,
  Откройся предо мною.
Обидел кто тебя, скажи,
Хоть только след нам укажи».
  Наташа плачет снова.
  И более ни слова.

Наутро сваха к ним на двор
  Нежданная приходит.
Наташу хвалит, разговор
  С отцом ее заводит:
«У вас товар, у нас купец;
Собою парень молодец,
  И статной, и проворной,
  Не вздорной, не зазорной.

Богат, умен, ни перед кем
  Не кланяется в пояс,
А как боярин между тем
  Живет, не беспокоясь;
А подарит невесте вдруг
И лисью шубу, и жемчуг,
  И перстни золотые,
  И платья парчевые.

Катаясь, видел он вчера
  Ее за воротами;
Не по рукам ли, да с двора,
  Да в церковь с образами?»
Она сидит за пирогом,
Да речь ведет обиняком,
  А бедная невеста
  Себе не видит места.

«Согласен, — говорит отец, —
  Ступай благополучно,
Моя Наташа, под венец:
  Одной в светелке скучно.
Не век девицей вековать,
Не всё косатке распевать,
  Пора гнездо устроить,
  Чтоб детушек покоить».

Наташа к стенке уперлась
  И слово молвить хочет —
Вдруг зарыдала, затряслась,
  И плачет и хохочет.

В смятеньи сваха к ней бежит,
Водой студеною поит
И льет остаток чаши
На голову Наташи.

Крушится, охает семья.
Опомнилась Наташа
И говорит: «Послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пир,
Пеките хлебы на весь мир,
На славу мед варите,
Да суд на пир зовите».

«Изволь, Наташа, ангел мой!
Готов тебе в забаву
Я жизнь отдать!» — И пир горой;
Пекут, варят на славу.
Вот гости честные нашли,
За стол невесту повели;
Поют подружки, плачут,
А вот и сани скачут.

Вот и жених — и все за стол.
Звенят, гремят стаканы,
Заздравный ковш кругом пошёл;
Всё шумно, гости пьяны.
Жених. «А что же, милые друзья,
Невеста красная моя
Не пьет, не ест, не служит:
О чем невеста тужит?»

Невеста жениху в ответ:
«Откроюсь на удачу.
Душе моей покоя нет,
И день и ночь я плачу.
Недобрый сон меня крушит».
Отец ей: «Что ж твой сон гласит?
Скажи нам, что такое,
Дитя мое родное?»

«Мне снилось, — говорит она, —
Зашла я в лес дремучий,
И было поздно; чуть луна
Светила из-за тучи;
С тропинки сбилась я: в глуши

Не слышно было ни души,
  И сосны лишь да ели
  Вершинами шумели.

И вдруг, как будто наяву,
  Изба передо мною.
Я к ней стучу — молчат. Зову —
  Ответа нет; с мольбою
Дверь отворила я. Вхожу —
В избе свеча горит; гляжу —
  Везде сребро да злато,
  Всё светло и богато».

Жених. «А чем же худ, скажи, твой сон?
  Знать, жить тебе богато».
Невеста. «Постой, сударь, не кончен он.
  На серебро, на злато,
На сукна, коврики, парчу,
На Новгородскую камчу
  Я молча любовалась
  И диву дивовалась.

Вдруг слышу крик и конский топ...
  Подъехали к крылечку.
Я поскорее дверью хлоп
  И спряталась за печку.
Вот слышу много голосов...
Взошли двенадцать молодцов
  И с ними голубица
  Красавица-девица.

Взошли толпой, не поклонясь,
  Икон не замечая;
За стол садятся, не молясь
  И шапок не снимая.
На первом месте брат большой,
По праву руку брат меньшой,
  По леву голубица
  Красавица-девица.

Крик, хохот, песни, шум и звон,
  Разгульное похмелье...»

Жених. «А чем же худ, скажи, твой сон?
Вещает он веселье».
Невеста. «Постой, сударь, не кончен он.
Идет похмелье, гром и звон,

Пир весело бушует,
Лишь девица горюет.

Сидит, молчит, ни ест, ни пьет,
И током слезы точит,
А старший брат свой нож берет,
Присвистывая точит;
Глядит на девицу-красу,
И вдруг хватает за косу,
Злодей девицу губит,
Ей праву руку рубит».

«Ну, это, — говорит жених, —
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сон не лих,
Поверь, душа-девица».
Она глядит ему в лицо.
«А это с чьей руки кольцо?» —
Вдруг молвила невеста,
И все привстали с места.

Кольцо катится и звенит,
Жених дрожит бледнея;
Смутились гости. — Суд гласит:
«Держи, вязать злодея!»
Злодей окован, обличен,
И скоро смертию казнен.
Прославилась Наташа!
И вся тут песня наша.

XVII

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена.
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежной,
Пока дохнет веселый день
И двигнется ночная тень.

XVIII

Вертоград моей сестры
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный.
У меня плоды блестят
Наливные, золотые;
У меня бегут, шумят
Воды чистые, живые.
Нард, алой и киннамон
Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон,
И закаплют ароматы.

XIX

П. А. О***

Быть может, уж недолго мне
В изгнаньи мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильной.

XX

СЦЕНА ИЗ ФАУСТА

Берег моря. Фауст и Мефистофиль.

Фауст.

Мне скучно, бес.

Мефистофиль.

Что делать, Фауст?
Таков вам положен предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зевает да живет —
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты.

Фауст.

Сухая шутка!
Найди мне способ как-нибудь
Рассеяться.

Мефистофиль.

Доволен будь
Ты доказательством рассудка.
В своем альбоме запиши:
Fastidium est quies — скука
Отдохновение души.
Я психолог... о, вот наука!..
Скажи, когда ты не скучал?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Как над Виргилием дремал,
А розги ум твой возбуждали?
Тогда ль, как розами венчал

Ты благосклонных дев веселья
И в буйстве шумном посвящал
Им пыл вечернего похмелья?
Тогда ль, как погрузился ты
В великодушные мечты,
В пучину темную науки?
Но, помнится, тогда со скуки,
Как арлекина, из огня
Ты вызвал наконец меня.
Я мелким бесом извивался,
Развеселить тебя старался,
Возил и к ведьмам и к духам,
И что же? всё по пустякам.
Желал ты славы — и добился,
Хотел влюбиться — и влюбился.
Ты с жизни взял возможну дань,
А был ли счастлив?

Фауст.

Перестань.
Не растравляй мне язвы тайной.
В глубоком знаньи жизни нет —
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч ее случайной
Неуловим. Мирская честь
Бессмыслена, как сон... Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двух душ...

Мефистофиль.

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя узнать,
Кого изволишь поминать,
Не Гретхен ли?

Фауст.

О сон чудесной!
О пламя чистое любви!
Там, там — где тень, где шум древесной,
Где сладко-звонкие струи —
Там, на груди ее прелестной
Покоя томную главу,
Я счастлив был...

Мефистофиль.

Творец небесной!
Ты бредишь, Фауст, наяву!
Услужливым воспоминаньем
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебе своим стараньем
Доставил чудо красоты?
И в час полуночи глубокой
С тобою свел ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокой,
Как вы вдвоем — всё помню я.
Когда красавица твоя
Была в восторге, в упоенье,
Ты беспокойною душой
Уж погружался в размышленье
(А доказали мы с тобой,
Что размышленье — скуки семя).
И знаешь ли, философ мой,
Что думал ты в такое время,
Когда не думает никто?
Сказать ли?

Фауст.

Говори. Ну, что?

Мефистофиль.

Ты думал: агнец мой послушной!
Как жадно я тебя желал!
Как хитро в деве простодушной
Я грезы сердца возмущал!
Любви невольной, бескорыстной
Невинно предалась она...
Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной?...
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьем,
С неодолимым отвращеньем:
Так безрасчетный дуралей,
Вотще решась на злое дело,
Зарезав нищего в лесу,
Бранит ободранное тело;
Так на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Разврат косится боязливо...

Потом из этого всего
Одно ты вывел заключенье...

Фауст.

Сокройся, адское творенье!
Беги от взора моего!

Мефистофиль.

Изволь. Задай лишь мне задачу:
Без дела, знаешь, от тебя
Не смею отлучаться я —
Я даром времени не трачу.

Фауст.

Что там белеет? говори.

Мефистофиль.

Корабль Испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
Не нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата...
. . . .

Фауст.

Всё утопить.

Мефистофиль.

Сей час. (*Исчезает.*)

XXI

Н. Н.

Примите Невский Альманах.
Он мил и в прозе и в стихах:
Вы тут найдете ***ова,
Вел***, Х***ова;
К***, дальний ваш родня,
Украсил также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули в Лету.
Что слава мира?.. дым и прах.
Ах, сердце ваше мне дороже!...
Но, кажется, мне трудно тоже
Попасть и в этот альманах.

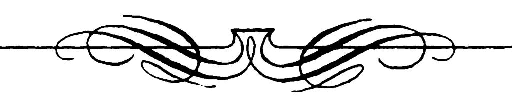

XXII

БУРЯ

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым,
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

1826

I

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылой Серафим
На перепутьи мне явился;
Перстами лёгкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешной мой язык,
И празднословной и лукавой,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечем,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, Пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

II

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучной
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерной круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

III

ОТВЕТ Ф. Т***

Нет, не Черкешенка она:
Но в долы Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.

Нет, не агат в глазах у ней:
Но все сокровища востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.

IV

К Яз***

Яз***, кто тебе внушил
Твое посланье удалое?
Как ты шалишь, и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!
Нет, не Кастальскою водой
Ты воспоил свою камену;
Пегас иную Иппокрену
Копытом вышиб пред тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пенится хмельно́ю брагой;
Она размывчива, пьяна,
Как сей напиток благородной,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,
В Тригорском жаждою свободной
Открытый в наши времена.

1827

I

СТАНСЫ

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой Он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред Ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь Пращуру подобен:
Как Он неутомим и твёрд,
И памятью, как Он, незлобен.

II

ТАЛИСМАН

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит Мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников Пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцалуют не любя:
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»

III

АНГЕЛ

В дверях Эдема Ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А Демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

«Прости, — он рек, — тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал».

IV

СОЛОВЕЙ

В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внемлет,
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.
Не так ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь, она цветет; взываешь — нет ответа.

V

ЧЕРЕП

Прими сей череп, Д***: он
Принадлежит тебе по праву.
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу.

Почтенный череп сей не раз
Пирами Вакха нагревался;
Литовский меч в недобрый час
По нем со звоном ударялся;
Сквозь эту кость не проходил
Луч животворный Аполлона;
Ну словом, череп сей хранил
Тяжеловесный мозг барона,
Барона Д***. Барон
Конечно был охотник славный,
Наездник, чаши друг исправный,
Гроза вассалов и их жён.
Мой друг, таков был век суровый,
И предок твой крепкоголовый
Смутился б рыцарской душой,
Когда б тебя перед собой
Увидел без одежды бранной,
С главою, миртами венчанной,
В очках и с лирой золотой.

Покойником в церковной книге
Уж был давно записан он,
И с предками своими в Риге
Вкушал непробудимый сон.
Барон в обители печальной
Доволен, впрочем, был судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербом гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но в наши беспокойны годы
Покойникам покоя нет.
Косматый баловень природы,

И математик и поэт,
Буян задумчивый и важный,
Хирург, юрист, физиолог,
Идеолог и филолог,
Короче вам — студент присяжный,
С витою трубкою в зубах,
В плаще, с дубиной и в усах
Явился в Риге. Там спесиво
В трактирах стал он пенить пиво,
В дыму табачных облаков;
Бродить над берегами моря,
Мечтать о Лотхен, или с горя
Стихи писать, да бить Жидов.
Студент под лестницей трактира
В каморке темной жил один:
Там, в виде зеркал и картин,
Короткий плащ, картуз, рапира
Висели на стене рядком.
Полуизмаранный альбом,
Творенья Фихте и Платона,
Да два восточных лексикона,
Под паутиною в углу
Лежали грудой на полу,
Предмет занятий разнородных
Ученого, да крыс голодных.
Мы знаем: роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищет;
Смеясь над глупой суетой,
В чулане он беспечно свищет.
Умеренность, вещал мудрец,
Сердец высоких отпечаток.
Студент, однако ж, наконец
Заметил важный недостаток
В своем быту: ему предмет
Необходимый был... скелет;
Предмет, философам любезный,
Предмет приятный и полезный
Для глаз и сердца, слова нет:
Но где достанет он скелет?
Вот он однажды в воскресенье
Сошелся с кистером градским,
И тотчас взяв в соображенье
Его характер и служенье,
Решился подружиться с ним.
За кружкой пива мой ⟨мечтатель⟩
Открылся кистеру душой

И говорит: «Нельзя ль, приятель,
Тебе досужною порой
Свести меня в подвал могильный,
Костями праздными обильный,
И между тем один скелет
Помочь мне вынести на свет?
Клянусь тебе Айдеским богом:
Он будет дружбы мне залогом
И до моих последних дней
Красой обители моей».
Смутился кистер изумленный.
«Что за желанье? что за страсть?
Идти в подвал уединенный,
Встревожить мертвых сон почтенный
И одного из них украсть!
И кто же?.. Он, гробов хранитель!
Что скажут мертвые потом?»
Но пиво, страха усыпитель
И гневной совести смиритель,
Сомненья разрешило в нём.
Ну, так и быть! Дает он слово,
Что к ночи будет всё готово,
И другу назначает час.
Они расстались.
День угас.
Настала ночь. Плащем покрытый,
Стоит герой наш знаменитый
У галереи гробовой,
И с ним преступный кистер мой,
Держа в руке фонарь разбитый,
Готов на подвиг роковой.
И вот визжит замок заржавый,
Визжит предательская дверь —
И сходят витязи теперь
Во мрак подвала величавый;
Сияньем тощим фонаря
Глухие своды озаря,
Идут — и эхо гробовое,
Смущенное в своем покое,
Протяжно вторит звук шагов.
Пред ними длинный ряд гробов;
Везде щиты, гербы, короны;
В тщеславном тлении кругом
Почиют непробудным сном
Высокородные бароны...

Я бы никак не осмелился оставить рифмы в эту поэтическую минуту, если бы твой прадед, коего гроб попался под руку студента, вздумал за себя вступиться, ухватя его за ворот или погрозив ему костяным кулаком, или как-нибудь иначе оказав свое неудовольствие; к несчастию, похищенье совершилось благополучно. Студент по частям разобрал всего барона, и набил карманы костями его. Возвратясь домой, он очень искусно связал их проволокою и таким образом составил себе скелет очень порядочный. Но вскоре молва о перенесении бароновых костей из погреба в трактирный чулан разнеслася по городу. Преступный кистер лишился места, а студент принужден был бежать из Риги, и как обстоятельства не позволяли ему брать с собою *будущего*, то, разобрав опять барона, раздарил он его своим друзьям. Большая часть высокородных костей досталась аптекарю. Мой приятель В. получил в подарок череп и держал в нем табак. Он рассказал мне его историю и, зная, сколько я тебя люблю, уступил мне череп одного из тех, которым обязан я твоим существованием.

Прими ж сей череп, Д***: он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу.
Изделье гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти,
Да запивай уху да кашу.
Певцу Корсара подражай,
И Скандинавов рай воинской
В пирах домашних воскрешай,
Или, как Гамлет-Баратынской,
Над ним задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповедник,
Вином ли полный иль пустой,
Для мудреца, как собеседник,
Он стоит головы живой.

VI

ПОЭТ

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружён;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орёл.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

VII

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.
Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальних умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он, без отзыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

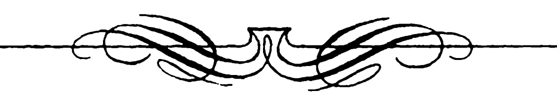

VIII

КНЯГИНЕ З. А. ВОЛКОНСКОЙ

Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

1828

I

ЧЕРНЬ

Procul este, profani.

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел — а хладной и надменной
Кругом народ непосвященной
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»

Поэт.

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкой.
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерской.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!... так что же?
Печной горшок тебе дороже;
Ты пищу в нем себе варишь.

Чернь.

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки:
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт.

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело:
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор — полезный труд! —
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

II

Сто лет минуло, как Тевтон
В крови неверных окупался;
Страной полночной правил он.
Уже Прусак в оковы вдался,
Или сокрылся, и в Литву
Понес изгнанную главу.

Между враждебными брегами
Струился Немен: на одном
Еще над древними стенами
Сияли башни, и кругом
Шумели рощи вековые,
Духов пристанища святые.
Символ Германца, на другом
Крест веры, в небо возносящий
Свои объятия грозящи,
Казалось, свыше захватить
Хотел всю область Палемона,
И племя чуждого закона
К своей подошве привлачить.

С медвежьей кожей на плечах,
В косматой рысьей шапке, с пуком
Каленых стрел и с верным луком,
Литовцы юные, в толпах,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга следили.
С другой, покрытый шишаком,
В броне закованный, верхом,
На страже Немец, за врагами
Недвижно следуя глазами,
Пищаль, с молитвой, заряжал.

Всяк переправу охранял:
Ток Немена гостеприимной,
Свидетель их вражды взаимной,
Стал прагом вечности для них;
Сношений дружных глас утих,
И всяк, переступивший воды,

Лишен был жизни иль свободы.
Лишь хмель Литовских берегов,
Немецкой тополью плененный,
Через реку, меж тростников,
Переправлялся дерзновенный,
Брегов противных достигал
И друга нежно обнимал.
Лишь соловьи дубрав и гор
По старине вражды не знали,
И в остров, общий с давних пор,
Друг к другу в гости прилетали.

III

УТОПЛЕННИК

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца».
«Врите, врите, бесенята, —
Заворчал на них отец, —
Ох, уж эти мне робята!
Будет вам ужо мертвец!

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь;
Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...
Где ж мертвец?» — «Вон, тятя, э-вот!»
В самом деле при реке,
Где разослан мокрой невод,
Мертвый виден на песке.

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец:

Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл качаясь, как живой:

Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
«Вы, щенки! за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу».

В ночь погода зашумела,
Взволновалася река,
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На палатях муж лежит,
Буря воет; вдруг он внемлет:
Кто-то там в окно стучит.

«Кто там?» — «Эй, впусти, хозяин!» —
«Ну, какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Каин?
Черт занес тебя сюда;
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно».
И ленивою рукою
Подымает он окно.

Из-за туч луна катится —
Что же? голый перед ним:
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,
Всё в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились.

И мужик окно захлопнул:
Гостя голого узнав,
Так и обмер: «Чтоб ты лопнул!» —
Прошептал он задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясся ночь он напролёт,
И до утра всё стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный

В день урочный гостя ждет;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настаёт,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

IV

ТЫ И ВЫ

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она обмолвясь заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою;
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как *вы* милы!
И мыслю: как *тебя* люблю!

V

Кобылица молодая,
Честь Кавказского тавра́,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

VI

ОТВЕТ КАТЕНИНУ

Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед!
Товарищъ милый, но лукавый,
Твой кубок полон не вином,
Но упоительной отравой:
Он заманит меня потом
Тебе вослед опять за славой.
Не так ли опытный гусар,
Вербуя рекрута, подносит
Ему веселый Вакха дар,
Пока воинственный угар
Его на месте не подкосит?
Я сам служивый: мне домой
Пора убраться на покой.
Останься ты в строях Парнасса;
Пред делом кубок наливай
И лавр Корнеля или Тасса
Один с похмелья пожинай.

VII

НАПЕРСНИК

Твоих признаний, жалоб нежных
Ловлю я жадно каждый крик:
Страстей безумных и мятежных
Как упоителен язык!
Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

VIII

И. В. С***

Я не люблю альбомов модных:
Их ослепительная смесь
Аспазий наших благородных
Провозглашает только спесь.
Альбом красавицы уездной,
Альбом домашний и простой,
Милей болтливостью любезной
И безыскусной пестротой.
Ни здесь, ни там, скажу я смело,
Являться, впрочем, не хочу;
Но твой альбом другое дело,
Охотно дань ему плачу.
Тобой питомцам Аполлона
Не из тщеславья он открыт:
Цариц ты любишь Геликона
И ими сам не позабыт;
Вхожу в него прямым поэтом,
Как в дружеский, приятный дом,
Почтив хозяина приветом
И лар молитвенным стихом.

IX

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

X

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитой.

Кем убит и от чего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милóва,
Не убитого, живова.

XI

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

XII

ЦВЕТОК

Цветок засохший, безуханной,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

XIII

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

XIV

Не пой, красавица, при мне
Ты песень Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальной.

Увы, напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь, и при луне
Черты далекой, бедной девы!...

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песень Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальной.

XV

ОТВЕТ А. И. ГОТОВЦОВОЙ

И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет хладно
Привет харит и красоты?
Горжуся им, но и робею:
Твой недосказанный упрек
Я разгадать вполне не смею.
Твой гнев уже ли я навлек?
О, сколько б мук себе готовил
Красавец ветреный Зоил,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан был бы он; а ты
Была всегда б опроверженьем
Его печальной клеветы.

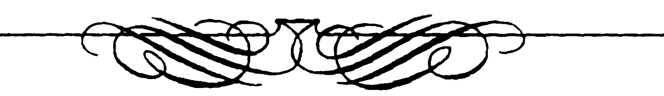
XVI

TO DAWE, ESQ[R]

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофиль.

Рисуй *** черты.
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

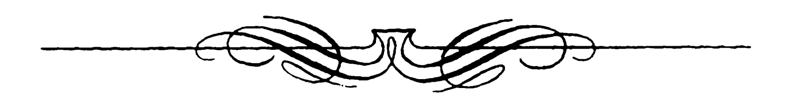
1829

I

Е. Н. У***вой

Вы избалованы природой;
Она пристрастна к вам была,
И наша вечная хвала
Вам кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что вас любить немудрено,
Что нежным взором вы Армида,
Что легким станом вы Сильфида,
Что ваши алые уста,
Как гармоническая роза...
И наши рифмы, наша проза,
Пред вами шум и суета.
Но красоты воспоминанье
Нам сердце трогает тайком —
И строк небрежных начертанье
Вношу смиренно в ваш альбом.
Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал
В те дни, как Пр*** поле
Еще забор не заграждал.

Разных годов

I

ПТИЧКА

В чужбине свято наблюдаю
Родный обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью;
Зачто на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

II

ИНОСТРАНКЕ

На языке, тебе невнятном,
Стихи прощальные пишу;
Но в заблуждении приятном
Вниманья твоего прошу:
Мой друг, доколе не увяну,
В разлуке чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой друг, одну тебя.
На чуждые черты взирая,
Верь только сердцу моему,
Как прежде верила ему,
Его страстей не понимая.

III

К ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКОГО

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

IV

К. А. Б***

Что можем наскоро стихами молвить ей?
Мне истина всего дороже.
Подумать не успев, скажу: ты всех милей;
Подумав, я скажу всё тоже.

V

ПРИЯТЕЛЯМ

Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданый, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

VI

РОЗА

Где наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Так вянет младость!
Не говори:
Вот жизни радость!
Цветку скажи:
Прости, жалею!
И на лилею
Нам укажи.

VII

СТАРИК

Уж я не тот любовник страстной,
Кому дивился прежде свет:
Моя весна и лето красно
Навек прошли, пропал и след.
Амур, бог возраста младого!
Я твой служитель верный был;
Ах, если б мог родиться снова,
Уж так ли б я тебе служил!

VIII

Охотник до журнальной драки,
Сей усыпительный Зоил
Разводит опиум чернил
Слюнею бешеной собаки.

IX

ПРИЯТЕЛЮ

Не притворяйся, милый друг,
Соперник мой широкоплечий:
Тебе не страшен лиры звук,
Ни элегические речи.
Дай руку мне: ты не ревнив,
Я слишком ветрен и ленив,
Твоя красавица не дура;
Я вижу всё и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
Да я в Петрарки не гожусь.

X

ЛИЛЕ

Лила, Лила, я страдаю
Безотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смеешься надо мной.
Смейся, Лила: ты прекрасна
И бесчувственной красой.

XI

К***

Не спрашивай, зачем унылой думой
Среди забав я часто омрачён,
Зачем на всё подъемлю взор угрюмой,
Зачем не мил мне сладкой жизни сон;
Не спрашивай, зачем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь
И никого не называю милой:
Кто раз любил, уж не полюбит вновь;
Кто счастье знал, уж не узнает счастья.
На краткий миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно.

XII

У Кларисы денег мало,
Ты богат; иди к венцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебе к лицу.

XIII

УЕДИНЕНИЕ

Блажен, кто в отдаленной сени,
Вдали взыскательных невежд,
Дни делит меж трудов и лени,
Воспоминаний и надежд;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрыт, по милости Творца,
От усыпителя глупца,
От пробудителя нахала.

XIV

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Ты прав, несносен Фирс ученый,
Педант надутый и мудреный:
Он важно судит обо всём,
Всего он знает понемногу.
Люблю тебя, сосед Пахом:
Ты просто глуп, и слава Богу.

XV

Ex ungue leonem

Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи моей;
Журнальный шут о них статейку тиснул,
Без подписи ж пустив ее, злодей.
Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

XVI

ИМЯНИНЫ

Умножайте шум и радость;
Пойте песни в добрый час:
Дружба, грация и младость
Имянинницы у нас.
Между тем дитя крылато,
Вас приветствуя, друзья,
Втайне думает: когда-то
Имянинник буду я?

XVII

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА

Внимает он привычным ухом
Свист;
Марает он единым духом
Лист;
Потом всему терзает свету
Слух;
Потом печатает: и в Лету
Бух!

XVIII

К ПОРТРЕТУ***

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой.

XIX

Хоть впрочем он поэт изрядный;
Эмилий человек *пустой*.
Да ты чем *полон*, шут нарядный?
А, понимаю: сам собой;
Ты полон дряни, милый мой!

XX

Как брань тебе не надоела!
Расчет короток мой с тобой:
Ну, так, я празден, я без дела;
А ты бездельник деловой.

XXI

ВЕСЕЛЫЙ ПИР

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель,
Где до утра слово *пей*
Заглушает крики песень,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.

XXII

ЛЮБОПЫТНЫЙ

«Что ж нового?» — «Ей Богу, ничего».
— Эй, не хитри: ты верно что-то знаешь.
Не стыдно ли, от друга своего,
Как от врага, ты вечно всё скрываешь.
Иль ты сердит: помилуй, брат, за что?
Не будь упрям: скажи ты мне хоть слово...
«Ох! отвяжись, я знаю только то,
Что ты дурак, да это уж не ново».

XXIII

Нет ни в чем вам благодати;
С счастием у вас разлад:
И прекрасны вы некстати
И умны вы невпопад.

XXIV

К Б***

Стих каждый повести твоей
Звучит и блещет как червонец.
Твоя Чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой Зоил прямой Чухонец.

XXV

ЗОЛОТО И БУЛАТ

Всё мое, сказало злато;
Всё мое, сказал булат.
Всё куплю, сказало злато;
Всё возьму, сказал булат.

ПРИМЕЧАНИЯ*

[1] Comme un dernier rayon, comme un dernier zèphyr
Anime le soir d'un beau jour,
Au pied de l'echafaud j'essaie encore ma lyre.
(*V. Les derniers vers d'André Chénier.*)

[2] У Авеля у Фанни.
Abel doux confident de mes jeunes mystéres (El. I): один из друзей А.Ш.
Fanni, l'une des maitresses d'An. Ch.Voyez les odes qui lui sont adressées.

[3] И Узница моя.
V. La jeune Captive (M-lle de Coigny).

[4] Voyez ses iambes.
Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le Roi avait demandé a l'Assemblée par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(*H. de la Touche.*)

[5] Он был казнен 8 термидора, т.е. накануне низвержения Робеспиерра.

[6] На роковой телеге везли на казнь с Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poësie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretient et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.

(*H. de la Touche.*)

[7] На месте казни он ударил себя в голову и сказал: pourtant j'avais quelque chose là.

---

* Примечания к «Андрею Шенье» в части тиража $СП_2$ были пропущены. См. об этом с. 524—528 данного издания.

⟨ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ⟩

С. 111. **Андрей Шенье**.
Так, когда я был печальным и пленным, моя лира всё же
Пробуждалась... (*франц.*)

С. 140. **Сцена из Фауста.**
Пресыщение есть покой (*латинск.*).

С. 161. **Чернь.**
Прочь, непосвященные (*латинск.*).

С. 180. **To Dawe esq^{r}.**
К господину Доу (*англ.*)

С. 196. Ex ungue leonem.
По когтям льва ⟨узнают⟩ (*латинск.*)

С. 207. **Примечания**.

[1] Как последний луч, как последнее веяние
Оживляет вечер прекрасного дня,
У подножья эшафота я еще пробую свою лиру
(*См. Последние стихи Андрея Шенье*)

[2] Авель, милый наперсник моих юношеских тайн (Элегия I). Фанни, одна из любовниц Андрея Шенье. См. оды, к ней обращенные.

[3] См. Молодая Узница (М-ль де Куаньи).

[4] Смотри его ямбы.

Шенье заслужил ненависть мятежников. Он прославлял Шарлотту Кордэ, клеймил Колло д'Эрбуа, нападал на Робеспьера. Известно, что король испрашивал у Конвента письмом, исполненным спокойствия и достоинства, права апеллировать к народу на вынесенный ему приговор. Это письмо, подписанное в ночь с 17 на 18 января, составлено Андреем Шенье.

(А. де ла Туш).

[6] В свою последнюю минуту они беседовали о поэзии. Она была для них, после дружбы, прекраснее всего на свете. Предметом их разговора и их последнего восхищения был Расин. Им захотелось декламировать его стихи. Выбрали они первую сцену из Андромахи.

(А. де ла Туш).

[7] «Всё же здесь у меня кое-что было».

(*Франц.*)

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Третья Часть.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

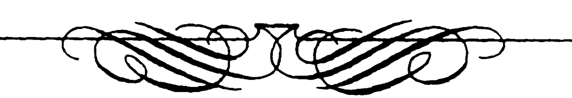
1832.

Печатать позволяется

с тем, чтобы по печатании представлены были в Ценсурный Комитет три экземпляра.

С. Петербург, 20 Января, 1832 года.

Ценсор И. Семенов

1829

I

КАВКАЗ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины:
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых брегах,
И нищий наездник таится в ущельи,
Где Терек играет в свирепом весельи;

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

II

ОБВАЛ

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терека могущий вал
Остановил.

Вдруг, истощась и присмирев,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних волн упорный гнев
Прошиб снега...
Ты затопил, освирепев,
Свои брега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудою лежал,
И Терек злой под ним бежал
И пылью вод
И шумной пеной орошал
Ледяный свод.

И путь по нем широкий шёл:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вёл
Степной купец,
Где ныне мчится лишь Эол,
Небес жилец.

III

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЕ

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатёр
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.

Далекий, вожделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!...

IV

ДЕЛИБАШ

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред Казаками
Вьется красный Делибаш.

Делибаш! Не суйся к *лаве*,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.

Эй, Казак! не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблею кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! каковы?...
Делибаш уже на пике,
А Казак без головы.

V

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — от того,
Что не любить оно не может.

VI

(Лагерь при Эвфрате.)

Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавой
С Карабахскою толпой!
Знаю: смерть тебя не встретит;
Азраил, среди мечей,
Красоту твою заметит —
И пощада будет ей!
Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!

VII

ДОН

Блеща средь полей широких,
  Вон он льется!... Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далёких
  Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата,
  Реки знают тихий Дон:
От Аракса и Эвфрата
  Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
  Чуя родину свою,
Пьют уже Донские кони
  Арпачайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
  Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
  Виноградников твоих.

VIII

ОЛЕГОВ ЩИТ

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный Варяг,
Пришла Славянская дружина
И развила победы стяг;
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву Греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатной
На Цареградских воротах.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли;
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

IX

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем... но, друзья,
Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?
— — — — — — — — — — — —

X

Когда твои младые лета
Позорит шумная молва,
И ты по приговору света
На честь утратила права;

Один, среди толпы холодной,
Твои страданья я делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю.

Но свет... Жестоких осуждений
Не изменяет он своих:
Он не карает заблуждений,
Но тайны требует для них.

Достойны равного презренья
Его тщеславная любовь
И лицемерные гоненья:
К забвенью сердце приготовь;

Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящий, душный круг;
Оставь безумные забавы:
Тебе один остался друг.

XI

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

XII

(2 Ноября.)

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;
Глядим на бледный снег прилежными глазами;
Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет,
Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманной.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля.
Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданая семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы),
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о Боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,

А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шопот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны Руской розе.
Как жарко поцалуй пылает на морозе!
Как дева Руская свежа в пыли снегов!

XIII

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
На встречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня,
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

XIV

Счастлив ты в прелестных дурах,
В службе, в картах и в пирах;
Ты St.-Priest в карикатурах;
Ты Нелединский в стихах;
Ты прострелен на дуеле,
Ты разрублен на войне —
Хоть герой ты в самом деле,
Но повеса ты вполне.

XV

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВЕСТИЕ

В Элизии Василий Тредьяковский
(Преострый муж, достойный много хвал)
С усердием принялся за журнал.
В сотрудники сам вызвался Поповский,
Свои статьи Елагин обещал;
Курганов сам над критикой хлопочет,
Блеснуть умом Письмовник снова хочет;
И, говорят, на днях они начнут,
Благословясь, сей преполезный труд —
И только ждет Василий Тредьяковский,
Чтоб подоспел *** ***.

XVI

Как сатирой безымянной
Лик Зоила я пятнал,
Признаюсь: на вызов бранной
Возражений я не ждал.
Справедливы ль эти слухи?
Отвечал он? Точно ль так?
В полученьи оплеухи
Расписался мой дурак?

XVII

ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ

Долго ль мне гулять на свете,
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь судил,

На каменьях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..

XVIII

КАЛМЫЧКЕ

Прощай, любезная Калмычка!
Чуть-чуть, на зло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног,
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: Ma dov'è,
Галоп не прыгаешь в собранье...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.
Друзья! не всё ль одно и то же:
Забыться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?

XIX

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.

XX

(При посылке бронзового Сфинкса.)

Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?
В веке железном, скажи, кто золотой угадал?
Кто Славянин молодой, Грек духом, а родом Германец?
Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши!

XXI

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую годину
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж них стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать;
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

1830

I

(19 Января.)

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавой
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.

II

К ВЕЛЬМОЖЕ

(Москва.)

От северных оков освобождая мир,
Лишь только на поля, струясь, дохнет зефир,
Лишь только первая позеленеет липа,
К тебе, приветливый потомок Аристиппа,
К тебе явлюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные в волшебстве состязались.

Ты понял жизни цель: счастливый человек,
Для жизни ты живешь. Свой долгий ясный век
Еще ты смолоду умно разнообразил,
Искал возможного, умеренно проказил;
Чредою шли к тебе забавы и чины.
Посланник молодый увенчанной Жены,
Явился ты в Ферней — и Циник поседелый,
Умов и моды вождь пронырливый и смелый,
Свое владычество на Севере любя,
Могильным голосом приветствовал тебя.
С тобой веселости он расточал избыток,
Ты лесть его вкусил, земных богов напиток.
С Фернеем распростясь, увидел ты Версаль.
Пророческих очей не простирая вдаль,
Там ликовало всё. Армида молодая,
К веселью, роскоши знак первый подавая,
Не ведая, чему судьбой обречена,
Резвилась, ветреным Двором окружена.
Ты помнишь Трианон и шумные забавы?
Но ты не изнемог от сладкой их отравы;
Ученье делалось на время твой кумир:
Уединялся ты. За твой суровый пир
То чтитель Промысла, то Скептик, то безбожник,
Садился Дидерот на шаткий свой треножник,
Бросал парик, глаза в восторге закрывал
И проповедывал. И скромно ты внимал

За чашей медленной афею иль деисту,
Как любопытный Скиф Афинскому Софисту.

Но Лондон звал твое внимание. Твой взор
Прилежно разобрал сей двойственный собор:
Здесь натиск пламенный, а там отпор суровой,
Пружины смелые гражданственности новой.

Скучая, может быть, над Темзою скупой,
Ты думал дале плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснул перед тобою.
Он угадал тебя: в пленительных словах
Он стал рассказывать о ножках, о глазах,
О неге той страны, где небо вечно ясно,
Где жизнь ленивая проходит сладострастно,
Как пылкий, отрока восторгов полный, сон;
Где жены вечером выходят на балкон,
Глядят и, не страшась ревнивого Испанца,
С улыбкой слушают и манят иностранца.
И ты, встревоженный, в Севиллу полетел.
Благословенный край, пленительный предел!
Там лавры зыблются, там апельсины зреют...
О, расскажи ж ты мне, как жены там умеют
С любовью набожность умильно сочетать,
Из-под мантильи знак условный подавать;
Скажи, как падает письмо из-за решетки,
Как златом усыплен надзор угрюмой тетки;
Скажи, как в двадцать лет любовник под окном
Трепещет и кипит, окутанный плащом.

Всё изменилося. Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,
Свободой грозною воздвигнутый закон,
Под гильотиною Версаль и Трианон,
И мрачным ужасом смененные забавы.
Преобразился мир при громах новой славы.
Давно Ферней умолк. Приятель твой Вольтер,
Превратности судеб разительный пример,
Не успокоившись и в гробовом жилище,
Доныне странствует с кладбища на кладбище.
Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни, Дидерот,
Энциклопедии скептический причёт,
И колкий Бомарше, и твой безносый Касти,
Все, все уже прошли. Их мненья, толки, страсти
Забыты для других. Смотри: вокруг тебя

Всё новое кипит, былое истребя.
Свидетелями быв вчерашнего паденья,
Едва опомнились младые поколенья.
Жестоких опытов сбирая поздний плод,
Они торопятся с расходом свесть приход.
Им некогда шутить, обедать у Темиры,
Иль спорить о стихах. Звук новой, чудной лиры,
Звук лиры Байрона развлечь едва их мог.

Один всё тот же ты. Ступив за твой порог,
Я вдруг переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры, и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,
Что благосклонствуешь ты музам в тишине,
Что ими в праздности ты дышешь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговор свободной
Исполнен юности. Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск А*** и прелесть ***.
Беспечно окружась Корреджием, Кановой,
Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них
И видишь оборот во всем кругообразный.

Так, вихорь дел забыв для муз и неги праздной,
В тени порфирных бань и мраморных палат,
Вельможи римские встречали свой закат.
И к ним издалека то воин, то оратор,
То консул молодой, то сумрачный диктатор
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься в путь.

III

ПОЭТУ

Поэт! не дорожи любовию народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной:
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородной.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит,
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

IV

ОТВЕТ АНОНИМУ

О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье
Приветствует мое к блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мне крепко руку жмет,
Указывает путь и посох подает;
О, кто бы ни был ты: старик ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищ отдаленный,
Иль отрок, музами таинственно храним,
Иль пола кроткого стыдливый херувим,
Благодарю тебя душею умиленной.
Вниманья слабого предмет уединенный,
К доброжелательству досель я не привык —
И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылой,
Ударит по сердцам с неведомою силой —
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагосклонною кивает головой.
Постигнет ли певца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье —
«Тем лучше! — говорят любители искусств:
Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст». Но счастие поэта
Меж ними не найдет сердечного привета,
Когда боязненно безмолствует оно...

— — — — — — — — — — — —

V

Here's a health to thee, Mary.

Пью за здравие Мери,
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери,
И один без гостей
Пью за здравие Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой Пери;
Но нельзя быть милей
Резвой, ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливых дней
Пусть не ведает Мери.

VI

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

(Улица. Накрытый стол. Несколько пирующих мужчин и женщин.)

Молодой человек.

Почтенный председатель! я напомню
О человеке, очень нам знакомом,
О том, чьи шутки, повести смешные,
Ответы острые и замечанья,
Столь едкие в их важности забавной,
Застольную беседу оживляли
И разгоняли мрак, который ныне
Зараза, гостья наша, насылает
На самые блестящие умы.
Тому два дня, наш общий хохот славил
Его рассказы; не возможно быть,
Чтоб мы в своем веселом пированьи
Забыли Джаксона! Его здесь кресла
Стоят пустые, будто ожидая
Весельчака — но он ушел уже
В холодные, подземные жилища...
Хотя красноречивейший язык
Не умолкал еще во прахе гроба;
Но много нас еще живых, и нам
Причины нет печалиться. Итак,
Я предлагаю выпить в его память
С веселым звоном рюмок, с восклицаньем,
Как будто б был он жив.

Председатель.

Он выбыл первый
Из круга нашего. Пускай в молчаньи
Мы выпьем в честь его.

Молодой человек.

Да будет так!

(Все пьют молча.)

Председатель.

Твой голос, милая, выводит звуки
Родимых песень с диким совершенством;
Спой, Мери, нам, уныло и протяжно,
Чтоб мы потом к веселью обратились
Безумнее, как тот, кто от земли
Был отлучен каким-нибудь виденьем.

Мери (*поет*).

Было время, процветала
В мире наша сторона:
В воскресение бывала
Церковь Божия полна;
Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса,
И сверкали в светлом поле
Серп и быстрая коса.

Ныне церковь опустела;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрела;
Роща темная пуста;
И селенье, как жилище
Погорелое, стоит;
Тихо всё — одно кладбище
Не пустеет, не молчит:

Поминутно мертвых носят,
И стенания живых
Боязливо Бога просят
Успокоить души их!
Поминутно места надо,
И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой!

Если ранняя могила
Суждена моей весне;
Ты, кого я так любила,
Чья любовь отрада мне,
Я молю: не приближайся
К телу Дженни ты своей;
Уст умерших не касайся;
Следуй издали за ней.

И потом оставь селенье!
Уходи куда-нибудь,
Где б ты мог души мученье
Усладить и отдохнуть.
И когда зараза минет,
Посети мой бедный прах;
А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах!

Председатель.

Благодарим, задумчивая Мери,
Благодарим за жалобную песню!
В дни прежние чума такая ж, видно,
Холмы и долы ваши посетила,
И раздавались жалкие стенанья
По берегам потоков и ручьев,
Бегущих ныне весело и мирно
Сквозь дикий рай твоей земли родной;
И мрачный год, в который пало столько
Отважных, добрых и прекрасных жертв,
Едва оставил память о себе
В какой-нибудь простой пастушьей песне,
Унылой и приятной... Нет! ничто
Так не печалит нас среди веселий,
Как томный, сердцем повторенный звук!

Мери.

О, если б никогда я не певала
Вне хижины родителей моих!
Они свою любили слушать Мери;
Самой себе я, кажется, внимаю
Поющей у родимого порога —
Мой голос слаще был в то время: он
Был голосом невинности...

Луиза.

Не в моде
Теперь такие песни! Но всё ж есть
Еще простые души: рады таять
От женских слез, и слепо верят им.
Она уверена, что взор слезливый
Ее неотразим — а если б тоже
О смехе думала своем, то верно
Всё б улыбалась. Вальсингам хвалил
Крикливых северных красавиц: вот

Она и расстоналась. Ненавижу
Волос Шотландских этих желтизну.

Председатель.

Послушайте: я слышу стук колес!

(*Едет телега, наполненная мертвыми телами. Негр управляет ею.*)

Ага! Луизе дурно; в ней, я думал,
По языку судя, мужское сердце.
Но так-то: нежного слабей жестокой,
И страх живет в душе, страстьми томимой!
Брось, Мери, ей воды в лицо. Ей лучше.

Мери.

Сестра моей печали и позора,
Приляг на грудь мою.

Луиза (*приходя в чувство*).

Ужасный демон
Приснился мне: весь черный, белоглазый...
Он звал меня в свою тележку. В ней
Лежали мертвые — и лепетали
Ужасную, неведомую речь...
Скажите мне: во сне ли это было?
Проехала ль телега?

Молодой человек.

Ну, Луиза,
Развеселись: хоть улица вся наша
Безмолвное убежище от смерти,
Приют пиров ничем невозмутимых,
Но знаешь? эта черная телега
Имеет право всюду разъезжать —
Мы пропускать ее должны! Послушай
Ты, Вальсингам: для пресеченья споров
И следствий женских обмороков, спой
Нам песню — вольную, живую песню —
Не грустию Шотландской вдохновенну,
А буйную, вакхическую песнь,
Рожденную за чашею кипящей.

Председатель.

Такой не знаю — но спою вам гимн
Я в честь чумы: я написал его

Прошедшей ночью, как расстались мы.
Мне странная нашла охота к рифмам
Впервые в жизни! Слушайте ж меня:
Охриплый голос мой приличен песне.

Многие.

Гимн в честь чумы! послушаем его!
Гимн в честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

Председатель (*поет*).

Когда могущая зима,
Как бодрый вождь, ведет сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов,
Навстречу ей трещат камины,
И весел зимний жар пиров.

Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама
И льстится жатвою богатой;
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой...
Что делать нам? и чем помочь?

Как от проказницы зимы,
Запремся также от Чумы!
Зажжем огни, нальем бокалы;
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане
Средь грозных волн и бурной тмы,
И в Аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

И так — хвала тебе, Чума!
Нам не страшна могилы тма,
Нас не смутит свое призванье!
Бокалы пеним дружно мы,
И Девы-Розы пьем дыханье —
Быть может — полное Чумы!

(*Входит старый священник.*)

Священник.

Безбожный пир, безбожные безумцы!
Вы пиршеством и песнями разврата
Ругаетесь над мрачной тишиной,
Повсюду смертию распространенной!
Средь ужаса плачевных похорон,
Средь бледных лиц, молюсь я на кладбище,
А ваши ненавистные восторги
Смущают тишину гробов — и землю
Над мертвыми телами потрясают!
Когда бы стариков и жен моленья
Не освятили общей, смертной ямы —
Подумать мог бы я, что нынче бесы
Погибший дух безбожника терзают
И в тму кромешную тащат со смехом.

Несколько голосов.

Он мастерски об аде говорит!
Ступай, старик! ступай своей дорогой!

Священник.

Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души —
Ступайте по своим домам!

Председатель.

Домà
У нас печальны — юность любит радость.

Священник.

Ты ль это, Вальсингам? ты ль самый тот,
Кто три тому недели, на коленах,
Труп матери, рыдая, обнимал

И с воплем бился над ее могилой?
Иль думаешь: она теперь не плачет,
Не плачет горько в самых небесах,
Взирая на пирующего сына
В пиру разврата, слыша голос твой,
Поющий бешеные песни между
Мольбы святой и тяжких воздыханий?
Ступай за мной!

Председатель.

Зачем приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не должен
Я за тобой идти: я здесь удержан
Отчаяньем, воспоминаньем страшным,
Сознаньем беззаконья моего,
И ужасом той мертвой пустоты,
Которую в моем дому встречаю —
И новостью сих бешеных веселий,
И благодатным ядом этой чаши,
И ласками (прости меня, Господь)
Погибшего, но милого созданья...
Тень матери не вызовет меня
Отселе — поздно — слышу голос твой,
Меня зовущий — признаю усилья
Меня спасти... старик! иди же с миром;
Но проклят будь, кто за тобой пойдет!

Многие.

Bravo, bravo! достойный председатель!
Вот проповедь тебе! пошел! пошел!

Священник.

Матильды чистый дух тебя зовет!

Председатель (*встает*).

Клянись же мне, с поднятой к небесам,
Увядшей, бледною рукой, оставить
В гробу навек умолкнувшее имя!
О, если б от очей ее бессмертных
Скрыть это зрелище! Меня когда-то
Она считала чистым, гордым, вольным —
И знала рай в объятиях моих...
Где я? Святое чадо света! вижу
Тебя я там, куда мой падший дух
Не досягнет уже...

Женский голос.

Он сумасшедший:
Он бредит о жене похороненной!

Священник.

Пойдем, пойдем...

Председатель.

Отец мой, ради Бога,
Оставь меня!

Священник.

Спаси тебя Господь!
Прости, мой сын.

Уходит. Пир продолжается. Председатель остается, погруженный в глубокую задумчивость.

VII

СОНЕТ

Scorn not the sonnet, critic.
Wordsworth.

Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камоэнс облекал.

И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.

Под сенью гор Тавриды отдаленной
Певец Литвы в размер его стесненной
Свои мечты мгновенно заключал.

У нас еще его не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гексаметра священные напевы.

VIII

БЕСЫ

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

Эй, пошёл, ямщик!... «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... — Что там в поле? —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;

Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна,
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

IX

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

X

ОТРОК

Невод рыбак расстилал по брегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник Царям.

XI

РИФМА

Эхо, бессонная Нимфа, скиталась по брегу Пенея.
Феб, увидев ее, страстию к ней воспылал.
Нимфа плод понесла восторгов влюбленного бога;
Меж говорливых Наяд, мучась, она родила
Милую дочь. Ее прияла сама Мнемозина.
Резвая дева росла в хоре богинь-аонид,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музам мила; на земле Рифмой зовется она.

XII

НА ПЕРЕВОД ИЛИАДЫ

Слышу умолкнувший звук божественной Эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

XIII

ТРУД

Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
Плату приявший свою, чуждый работе другой?
Иль жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга Пенатов святых?

XIV

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

СЦЕНА I

(*Комната.*)

Сальери.

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет — и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.
Родился я с любовию к искусству;
Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался — слезы
Невольные и сладкие текли.
Отверг я рано праздные забавы;
Науки, чуждые музыке, были
Постылы мне; упрямо и надменно
От них отрекся я и предался
Одной музыке. Труден первый шаг
И скучен первый путь. Преодолел
Я ранние невзгоды. Ремесло
Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнул, в науке искушенный,
Предаться неге творческой мечты.
Я стал творить, но в тишине, но втайне,
Не смея помышлять еще о славе.
Нередко, просидев в безмолвной келье
Два, три дня, позабыв и сон и пищу,
Вкусив восторг и слезы вдохновенья,
Я жег мой труд и холодно смотрел,
Как мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, с легким дымом исчезали.
Что говорю? Когда великий Глюк

Явился и открыл нам новы тайны
(Глубокие, пленительные тайны),
Не бросил ли я всё, что прежде знал,
Что так любил, чему так жарко верил,
И не пошел ли бодро вслед за ним
Безропотно, как тот, кто заблуждался
И встречным послан в сторону иную?
Усильным, напряженным постоянством
Я наконец в искусстве безграничном
Достигнул степени высокой. Слава
Мне улыбнулась; я в сердцах людей
Нашел созвучия своим созданьям.
Я счастлив был: я наслаждался мирно
Своим трудом, успехом, славой; также
Трудами и успехами друзей,
Товарищей моих в искусстве дивном.
Нет! никогда я зависти не знал,
О, никогда! — нижѐ, когда Пиччини
Пленить умел слух диких Парижан,
Нижѐ, когда услышал в первый раз
Я Ифигении начальны звуки.
Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
Когда-нибудь завистником презренным,
Змеей, людьми растоптанною, вживе
Песок и пыль грызущею бессильно?
Никто!... А ныне — сам скажу — я ныне
Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую. — О небо!
Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений — не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?... О Моцарт, Моцарт!

(*Входит Моцарт.*)

Моцарт.

Ага! увидел ты! а мне хотелось
Тебя нежданой шуткой угостить.

Сальери.

Ты здесь! — Давно ль?

Моцарт.

Сей час. Я шел к тебе,
Нес кое-что тебе я показать;
Но, проходя перед трактиром, вдруг
Услышал скрыпку... Нет, мой друг Сальери!
Смешнее отроду ты ничего
Не слыхивал... Слепой скрыпач в трактире
Разыгрывал voi che sapete. Чудо!
Не вытерпел, привел я скрыпача,
Чтоб угостить тебя его искусством.
Войди!

(*Входит слепой старик со скрыпкой.*)

Из Моцарта нам что-нибудь!

(*Старик играет арию из Дон-Жуана; Моцарт хохочет.*)

Сальери.

И ты смеяться можешь?

Моцарт.

Ах, Сальери!
Уже ль и сам ты не смеешься?

Сальери.

Нет,
Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадону Рафаэля,
Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери.
Пошёл, старик.

Моцарт.

Постой же: вот тебе,
Пей за мое здоровье.

(*Старик уходит.*)

Ты, Сальери,
Не в духе нынче. Я приду к тебе
В другое время.

Сальери.

Что ты мне принес?

Моцарт.

Нет — так, безделицу. Намедни ночью
Бессонница моя меня томила,
И в голову пришли мне две, три мысли.
Сегодня их я набросал. Хотелось
Твое мне слышать мненье; но теперь
Тебе не до меня.

Сальери.

Ах, Моцарт, Моцарт!
Когда же мне не до тебя? Садись;
Я слушаю.

Моцарт (*за фортепиано*).

Представь себе... кого бы?
Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюбленного — не слишком, а слегка —
С красоткой, или с другом — хоть с тобой —
Я весел... Вдруг: виденье гробовое,
Незапный мрак иль что-нибудь такое...
Ну, слушай же.

(*Играет.*)

Сальери.

Ты с этим шел ко мне
И мог остановиться у трактира
И слушать скрыпача слепого! — Боже!
Ты, Моцарт, недостоин сам себя.

Моцарт.

Что ж, хорошо?

Сальери.

Какая глубина!
Какая смелость и какая стройность!
Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь;
Я знаю, я.

Моцарт.

Ба! право? может быть...
Но божество мое проголодалось.

Сальери.

Послушай: отобедаем мы вместе
В трактире Золотого Льва.

Моцарт.

Пожалуй;
Я рад. Но дай, схожу домой, сказать
Жене, чтобы меня она к обеду
Не дожидалась.

(*Уходит.*)

Сальери.

Жду тебя; смотри ж.

Нет! не могу противиться я доле
Судьбе моей: я избран, чтоб его
Остановить — не то, мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я один с моей глухою славой...
Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты еще достигнет?
Подымет ли он тем искусство? Нет;
Оно падет опять, как он исчезнет:
Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нем? Как некий херувим,
Он несколько занес нам песень райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!
Так улетай же! чем скорей, тем лучше.

Вот яд, последний дар моей Изоры.
Осьмнадцать лет ношу его с собою —
И часто жизнь казалась мне с тех пор
Несносной раной, и сидел я часто
С врагом беспечным за одной трапезой
И никогда на шепот искушенья
Не преклонился я, хоть я не трус,
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Всё медлил я.
Как жажда смерти мучила меня;
Что умирать? я мнил: быть может, жизнь
Мне принесет незапные дары;
Быть может, посетит меня восторг

И творческая ночь и вдохновенье;
Быть может, новый Гайден сотворит
Великое — и наслажуся им...
Как пировал я с гостем ненавистным;
Быть может, мнил я, злейшего врага
Найду; быть может, злейшая обида
В меня с надменной грянет высоты —
Тогда не пропадешь ты, дар Изоры.
И я был прав! и наконец нашел
Я моего врага, и новый Гайден
Меня восторгом дивно упоил!
Теперь — пора! Заветный дар любви,
Переходи сегодня в чашу дружбы.

СЦЕНА II

(*Особая комната в трактире; фортепиано.*)
Моцарт и Сальери (*за столом*).

Сальери.

Что ты сегодня пасмурен?

Моцарт.

Я? Нет!

Сальери.

Ты, верно, Моцарт, чем-нибудь расстроен?
Обед хороший, славное вино,
А ты молчишь и хмуришься.

Моцарт.

Признаться,
Мой Requiem меня тревожит.

Сальери.

А!
Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

Моцарт.

Давно, недели три. Но странный случай...
Не сказывал тебе я?

Сальери.

Нет.

Моцарт.

Так слушай:
Недели три тому, пришел я поздно
Домой. Сказали мне, что заходил
За мною кто-то. Отчего — не знаю,
Всю ночь я думал: кто бы это был?
И что ему во мне? Назавтра тот же
Зашел и не застал опять меня.
На третий день играл я на полу
С моим мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышел. Человек, одетый в черном,
Учтиво поклонившись, заказал
Мне Requiem и скрылся. Сел я тотчас
И стал писать — и с той поры за мною
Не приходил мой черный человек;
А я и рад: мне было б жаль расстаться
С моей работой, хоть совсем готов
Уж Requiem. Но между тем я...

Сальери.

Что?

Моцарт.

Мне совестно признаться в этом...

Сальери.

В чем же?

Моцарт.

Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек. За мною всюду
Как тень он гонится. Вот и теперь
Мне кажется, он с нами сам-третей
Сидит.

Сальери.

И, полно! что за страх ребячий?
Рассей пустую думу. Бомарше

Говаривал мне: «Слушай, брат Сальери,
Как мысли черные к тебе придут,
Откупори Шампанского бутылку
Иль перечти „Женитьбу Фигаро"».

Моцарт.

Да! Бомарше ведь был тебе приятель;
Ты для него Тарара сочинил,
Вещь славную. Там есть один мотив...
Я всё твержу его, когда я счастлив...
Ла ла ла ла... Ах, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравил?

Сальери.

Не думаю: он слишком был смешон
Для ремесла такого.

Моцарт.

Он же гений,
Как ты, да я. А гений и злодейство
Две вещи несовместные. Не правда ль?

Сальери.

Ты думаешь?
(*Бросает яд в стакан Моцарта.*)
Ну, пей же.

Моцарт.

За твое
Здоровье, друг, за искренний союз,
Связующий Моцарта и Сальери,
Двух сыновей гармонии.
(*Пьет.*)

Сальери.

Постой,
Постой, постой!... Ты выпил!... без меня?

Моцарт (*бросает салфетку на стол.*)

Довольно, сыт я.
(*Идет к фортепиано.*)

Слушай же, Сальери,
Мой Requiem. (*Играет.*)
Ты плачешь?

Сальери.

Эти слезы
Впервые лью: и больно и приятно,
Как будто тяжкий совершил я долг,
Как будто нож целебный мне отсек
Страдавший член! Друг Моцарт, эти слезы...
Не замечай их. Продолжай, спеши
Еще наполнить звуками мне душу...

Моцарт.

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.
Нас мало избранных, счастливцев праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.
Не правда ль? Но я нынче нездоров,
Мне что-то тяжело; пойду, засну.
Прощай же.

Сальери.

До свиданья.
(*Один.*)
Ты заснешь
Надолго, Моцарт! Но ужель он прав,
И я не гений? Гений и злодейство
Две вещи несовместные. Неправда:
А Бонаротти? Или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы — и не был
Убийцею создатель Ватикана?

XV

НОВОСЕЛЬЕ

Благословляю новоселье,
Куда домашний свой кумир
Ты перенес — а с ним веселье,
Свободный труд и сладкий мир.
Ты счастлив: ты свой домик малой,
Обычай мудрости храня,
От злых забот и лени вялой
Застраховал, как от огня.

XVI

ЦЫГАНЫ

Над лесистыми брегами,
В час вечерней тишины,
Шум и песни под шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы сам в иное время
Провожал сии шатры.

Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдет уж ваш поэт.

Он бродящие ночлеги
И проказы старины
Позабыл для сельской неги
И домашней тишины.

XVII

ОТВЕТ

Я вас узнал, о мой оракул!
Не по узорной пестроте
Сих недописанных каракул;
Но по веселой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрекам... столь неправым
И этой прелести живой.
С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! в Москву! в Москву сей час!
Здесь город чопорный, унылой,
Здесь речи — лед, сердца — гранит;
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пр..., ни харит.

XVIII

МАДОНА

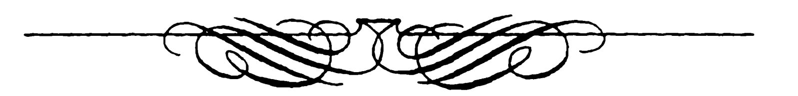
Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному сужденью знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный Спаситель —

Она с величием, Он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без Ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона,
Чистейшей прелести чистейший образец.

1831

I

ЭХО

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
        На всякой звук
Свой отклик в воздухе пустом
        Родишь ты вдруг.

Ты внемлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
        И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
        И ты, поэт!

II

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор Славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый Лях иль верный Росс?
Славянские ль ручьи сольются в Русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы,
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой Измаильский штык?
Иль Русского Царя уже бессильно слово?

Иль нам с Европой спорить ново?
Иль Русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От Финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет Русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

III

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!...
Но стали ж мы пятою твердой,
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.

И что ж? свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли Русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь —
Хмельна для них Славянов кровь:
Но тяжко будет им похмелье;
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под злаком северных полей!

Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прошеные гости!
Уж Польша вас не поведет:
Через ее шагнете кости!...»
Сбылось — и, в день Бородина,
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк.

В боренье падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали

Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры Русского певца.

Но вы, му⟨т⟩ители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?... Еще ли Росс
Больной, расслабленный колосс?
Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?

Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волынь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур Русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих ⟨гробов⟩?

Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутили ль Русского Владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: всё стоит она!
А вкруг нее волненья пали —
И Польши участь решена...

Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!...
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где Он лежит,
Могучий мститель злых обид,

Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому Суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.
Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы:
Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!
Благословляет он, Герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу,
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего.

IV

СКАЗКА

О ЦАРЕ САЛТАНЕ, О СЫНЕ ЕГО СЛАВНОМ И МОГУЧЕМ БОГАТЫРЕ КНЯЗЕ ГВИДОНЕ САЛТАНОВИЧЕ И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНЕ ЛЕБЕДИ

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То сама на весь бы мир
Приготовила я пир».
«Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна».
«Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, —
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря».

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрыпела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во всё время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная девица, —
Говорит он, — будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха».

В сени вышел царь-отец,
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха —
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,
Обещанье выполняя,
С той же ночи понесла.

В те поры война была.
Царь Салтан, с женой простяся,
На добра коня садяся,
Ей наказывал себя
Поберечь, его любя.
Между тем, как он далёко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына Бог им дал в аршин,
И царица над ребенком,
Как орлица над орленком;
Шлет с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другова
Вот с чем от слова до слова:
«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку».

Как услышал царь-отец
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;

Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царева возвращенья
Для законного решенья».

Едет с грамотой гонец,
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Обобрать его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую —
И привез гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
«Царь велит своим боярам,
Времени не тратя даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод».
Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатили
И пустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.
День прошел, царица вопит...
А дитя волну торопит:
«Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,

Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!»
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько,
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Поднатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле;
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом.
Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам однако нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,
Со креста снурок шелковой
Натянул на лук дубовой,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой завострил,
И пошел на край долины
У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон...
Видно на̀ море не тихо;
Смотрит — видит дело лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вкруг мутит и хлещет...
Тот уж когти распустил,
Клев кровавый навострил...
Но как раз стрела запела,

В шею коршуна задела —
Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плывет,
Злого коршуна клюет,
Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит —
И царевичу потом
Молвит Русским языком:
«Ты, царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе — всё не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Ввек тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».

Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились натощак.
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!... «То ли будет? —
Говорит он, — вижу я:
Лебедь тешится моя».
Мать и сын идут ко граду.
Лишь ступили за ограду,

Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный Бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;
Все их громко величают
И царевича венчают
Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой;
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.

Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет:
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острову
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавой,
Пристань с крепкою заставой —
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости:
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете,
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон».

Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальной;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет..
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тих, как день ненастной?
Опечалился чему? —
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца».
Лебедь князю: «Вот в чем горе!
Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблем?
Будь же, князь, ты комаром».
И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала,
И обрызгала его
С головы до ног всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корабль — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости —
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.

Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье нехудо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не прив⟨а⟩льный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нем дубок единой;
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцем,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: «Коль жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудной остров навестить.
«Уж диковинка, ну право, —
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит, —
Город у моря стоит!
Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поет
И орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут».
Чуду царь Салтан дивится,
А комар-то злится, злится —
И впился комар как раз
Тетке прямо в правой глаз.
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.

Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!...» А он в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Снова князь у моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ж ты тих, как день ненастной?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает;
Чудо чудное завесть
Мне б хотелось. Где-то есть:
Ель в лесу, под елью белка;
Диво, право, не безделка —
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Но, быть может, люди врут».
Князю лебедь отвечает:
«Свет о белке правду бает;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебе я в дружбу».
С ободренною душой
Князь пошел себе домой;
Лишь ступил на двор широкой —
Что ж? под елкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладет,
И с присвисточкой поет
При честном при всем народе:
Во саду ли, в огороде.
Изумился князь Гвидон.

«Ну, спасибо, — молвил он, —
Ай-да лебедь — дай ей Боже,
Что и мне, веселье то же».
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом,
Караул к нему приставил
И при том дьяка заставил
Строгий счет орехам весть.
Князю прибыль, белке честь.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет:
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости:
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете,
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Всё Донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далёк:
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон
Шлет царю-де свой поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь — а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит...

Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль — и в щель залез.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана —
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой,
Да с кривою поварихой,
Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо,
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье нехудо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,

Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной —
И приставлен дьяк приказной
Строгий счет орехам весть;
Отдает ей войско честь;
Из скорлупок льют монету,
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовыя, да подспуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нем князь Гвидон,
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
Усмехнувшись исподтиха,
Говорит царю ткачиха:
«Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызет,
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды;
Этим нас не удивишь,
Правду ль, нет ли, говоришь.
В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор —
С ними дядька Черномор.
Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчат,

Спорить с нею не хотят.
Диву царь Салтан дивится,
А Гвидон-то злится, злится...
Зажужжал он и как раз
Тетке сел на левой глаз,
И ткачиха побледнела:
Ай! и тут же окривела;
Все кричат: «Лови, лови,
Да дави ее, дави...
Вот ужо! постой немножко,
Погоди...» А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море прилетел!

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь: поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тих, как день ненастной?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает —
Диво б дивное хотел
Перенесть я в мой удел».
«А какое ж это диво?»
— Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Князю лебедь отвечает:
«Вот что, князь, тебя смущает?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морские
Мне ведь братья все родные.
Не печалься же, ступай,
В гости братцев поджидай».

Князь пошел, забывши горе,
Сел на башню и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхалося вокруг,
Расплескалось в шумном беге,
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря;
В чешуе, как жар горя,
Идут витязи четами,
И блистая сединами
Дядька впереди идет
И ко граду их ведет.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
«Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежеденно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских.
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли».
Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете?
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом,

Чистым серебром и златом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далёк,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлет-де свой царю поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит...
Так и тянет, и уносит...
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят —
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает

За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье нехудо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге —
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе златой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить —
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу».
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха,
Усмехнувшись, говорит:
«Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правду ль бают или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,

Что не можно глаз отвесть:
Днем свет Божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выплывает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво».
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится —
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей:
Он над ней жужжит, кружится —
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь:
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради Бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вот ужо! пожди немножко
Погоди!...» А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ж ты тих, как день ненастной?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся; гляжу,
Неженат лишь я хожу».
«А кого же на примете
Ты имеешь?» — «Да на свете,
Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвесть.

Днем свет Божий затмевает,
Ночью землю освещает —
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?»
Князь со страхом ждет ответа.
Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
«Да! такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь,
Да за пояс не заткнешь.
Услужу тебе советом —
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путём,
Не раскаяться б потом».
Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем
Передумал он путем;
Что готов душею страстной
За царевною прекрасной
Он пешком идти отсель,
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: «Зачем далёко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царевна эта — я».
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилася в кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Князь царевну обнимает,
К белой груди прижимает

И ведет ее скорей
К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
«Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе.
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови
Жить в совете и любви».
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
«Бог вас, дети, наградит».
Князь не долго собирался,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет:
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Он их кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете,
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы недаром
Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далек:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да напомните ему,

Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался —
Шлю ему я свой поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости.
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце,
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье нехудо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растет перед дворцом,
А ⟨под⟩ ней хрустальный дом;
Белка в нем живет ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Белку холят, берегут.

Там еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге,
И очутятся на бреге
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор —
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя женка есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днем свет Божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался».

Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
«Что я? царь или дитя?»
Говорит он не шутя:
«Ныньче ж еду!» — Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

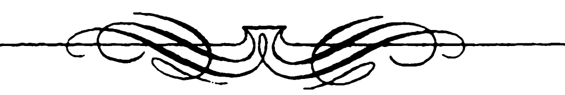
Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва, едва трепещет,
И в лазоревой дали
Показались корабли:

По равнинам Окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда».
Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольнях зазвонили;
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повел царя,
Ничего не говоря.

Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,
И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкой:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает
И в мешочек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале — торопливо
Смотрят — что ж? княгиня — диво:
Под косой луна блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,

Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит — и узнает...
В нем взыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Как!» — и дух в нем занялся...
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу
И сынка и молодицу,
И садятся все за стол;
И веселый пир пошёл.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Разбежались по углам;
Их нашли насилу там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.
День прошел — царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я там был; мед, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

Разных годов

I

УЗНИК

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай, улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!...»

II

К ЯЗЫКОВУ

(*Михайловское, 1824.*)

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.
Давно б на Дерптскую дорогу
Я вышел утренней порой
И к благосклонному порогу
Понес тяжелый посох мой,
И возвратился б оживленный
Картиной беззаботных дней,
Беседой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует непогода;
Уснув, не знаю, где проснусь.
Теперь один, в глухом изгнанье,
Влачу томительные дни.
Услышь, поэт, мое призванье,
Моих надежд не обмани.
В деревне, где Петра питомец,
Царей, Цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой Арап,
Где, позабыв Елисаветы
И Двор и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей,
Я жду тебя.

III

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя:
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалой,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя:
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

IV

19 ОКТЯБРЯ, 1827

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, Царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

V

(26 *Маия*, 1828.)

Дар напрасный, дар случайной,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?...

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

VI

(1828)

Tel j'etais autrefois et tel je suis encor.

Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиленья,
Без робкой нежности и тайного волненья.
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой:
А неисправленный стократною обидой,
Я новым идолам несу мои мольбы...

VII

АНЧАР*

(1828)

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит, один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь чёрный
На древо смерти набежит —
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий;
С его ветвей уж ядовит
Стекает дождь в песок горючий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом:
И тот послушно в путь потек,
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листами,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

---

* Древо яда.

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседам в чуждые пределы.

VIII

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии ***;
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежню следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до Ноября.

IX

СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ

Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее
булавочной головки.
Крылов

Мое собранье насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну, что за пестрая семья!
За ними где не рылся я!
Зато какая сортировка!
Вот *** — Божия коровка,
Вот *** — злой паук,
Вот и *** — Российский жук,
Вот *** — черная мурашка,
Вот *** — мелкая букашка,
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамах
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах.

X

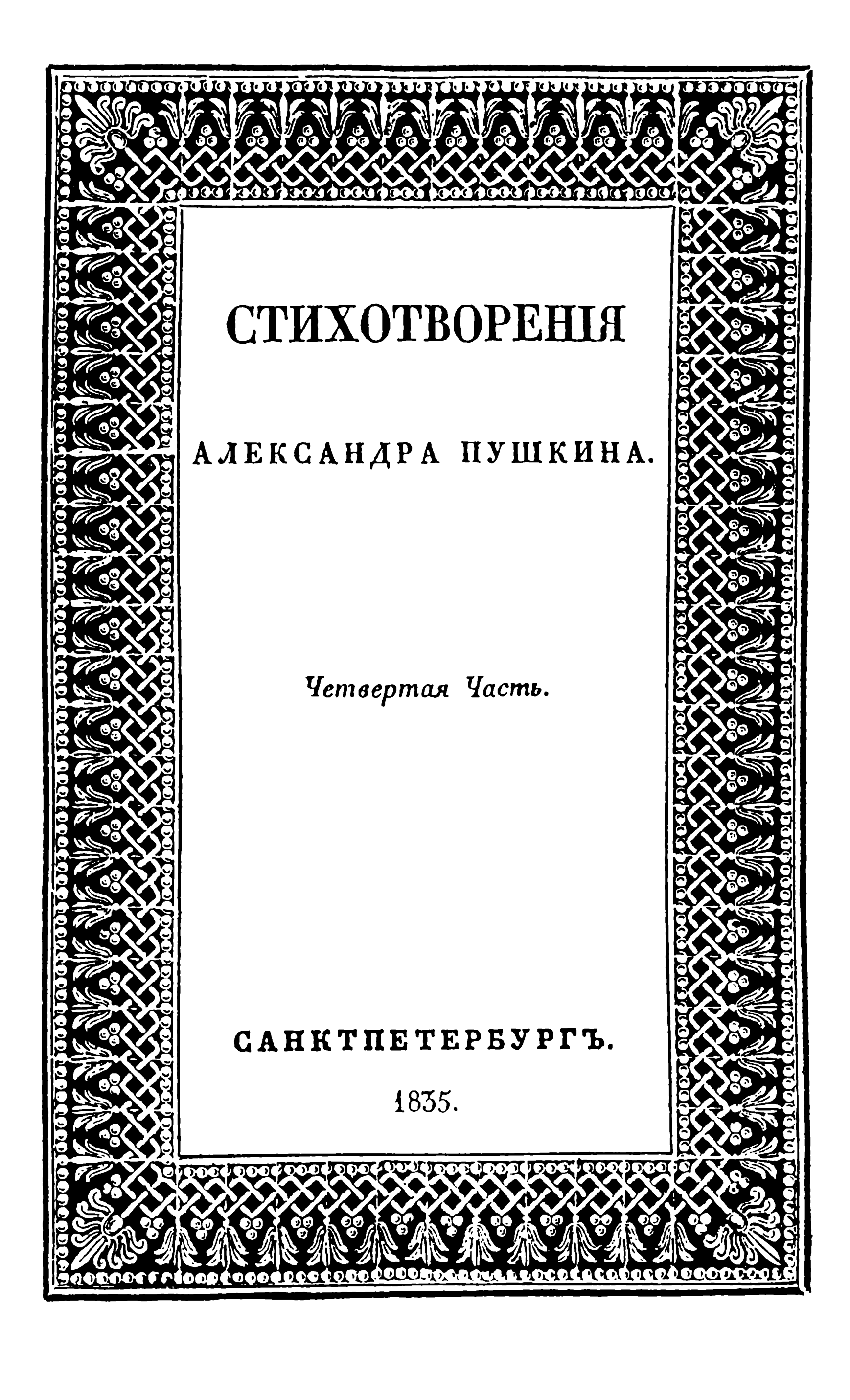
ПРИМЕТЫ

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивой.

Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было,
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

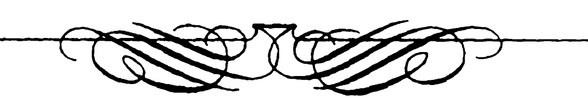
СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Четвертая Часть.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1835.

ГУСАР

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
«Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартеру!

Здесь человека берегут,
Как на Турецкой перестрелке,
Насилу щей пустых дадут,
А уж не думай о горелке.

Здесь на тебя как лютый зверь
Глядит хозяин, а с хозяйкой...
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

То ль дело Киев! Что за край!
Валятся сами в рот галушки,
Вином хоть пару поддавай,
А молодицы — молодушки!

Ей ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки *чернобривой*.
Одним, одним не хороши...»
— А чем же? расскажи, служивой.

Он стал крутить свой длинный ус
И начал: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днепра
Стоял наш полк; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, замечай-ка.

Вот с ней и подружился я;
Живем согласно, так что любо:
Прибью — Марусенька моя
Словечка не промолвит грубо;

Напьюсь — уложит, и сама
Опохмелиться приготовит;
Мигну, бывало: Эй, кума! —
Кума ни в чем не прекословит.

Кажись, о чем бы горевать?
Живи в довольстве, безобидно!
Да нет: я вздумал ревновать.
Что делать? враг попутал, видно.

Зачем бы ей, стал думать я,
Вставать до петухов! Кто просит?
Шалит Марусенька моя;
Куда ее лукавый носит?

Я стал присматривать за ней.
Раз я лежу, глаза прищуря
(А ночь была тюрьмы черней
И на дворе шумела буря),

И слышу: кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула,

И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой,
Там с полки скляночку взяла,
И сев на веник перед печкой,

Разделась донага; потом
Из склянки три раза хлебнула,
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу и улизнула.

Эге! смекнул в минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!...
И с печки слез — и вижу: склянка.

Понюхал: кисло! что за дрянь!
Плеснул я на пол: что за чудо?

Прыгнул ухват, за ним лахань,
И оба в печь. Я вижу: худо!

Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой —
Как фыркнет он! я: брысь!... И вот
И он туда же за лоханкой.

Я ну кропить во все углы
С плеча, во что уж ни попало;
И всё: горшки, скамьи, столы,
Марш! марш! всё в печку поскакало.

Кой черт! подумал я: теперь
И мы попробуем! и духом
Всю склянку выпил; верь не верь —
Но к верху вдруг взвился я пухом.

Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встречным звездочкам кричу:
Правей!... и наземь упадаю.

Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,
Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.

Я плюнул и сказать хотел...
И вдруг бежит моя Маруся:
— Домой! Кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят! — Но я, не струся:

— Домой? да! черта с два! почем
Мне знать дорогу? — Ах, он странный!
Вот кочерга, садись верхом
И убирайся, окаянный.

— Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня! — На, дурень, вот и конь. —
И точно: конь передо мною,
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.

— Садись. — Вот сел я на коня,
Ищу уздечки — нет уздечки.
Как взвился, как понес меня —
И очутились мы у печки.

Гляжу: всё так же; сам же я
Сижу верхом, и подо мною
Не конь — а старая скамья:
Вот что случается порою».

И стал крутить он длинный ус,
Прибавя: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды».

СКАЗКА

(1833)

О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ

Царь с Царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И Царица у окна
Села ждать его одна.
Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись глядючи
С белой зори до ночи,
Не видать милова друга!
Только видит: вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог дает Царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издалеча, наконец
Воротился Царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла,
И к обедне умерла.

Долго Царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен;
Год прошел как сон пустой,

Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Уж и впрям была Царица:
Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила,
И, красуясь, говорила:
«Свет мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;
Ты, Царица, всех милее,
Всех румяней и белее».
И Царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Но Царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась — и расцвела.
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такова.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, Царь дал слово,
А приданое готово:
Семь торговых городов,
Да сто сорок теремов.

На девичник собираясь,
Вот Царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,

Перемолвилася с ним:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
Что же зеркальце в ответ?
«Ты прекрасна, спору нет;
Но Царевна всех милее,
Всех румяней и белее».
Как Царица отпрыгнет,
Да как ручку замахнет,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!...
«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мне на зло.
Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела;
Мать беременна сидела
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всем меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет.
Так ли?» Зеркальце в ответ:
«А Царевна всё ж милее,
Всё ж румяней и белее».
Делать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку
И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть Царевну в глушь лесную
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.

Чорт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С Царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что Царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась. «Жизнь моя!
В чем, скажи, виновна я?

Не губи меня, девица!
А как буду я Царица,
Я пожалую тебя».
Та, в душе ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, Бог с тобой».
А сама пришла домой.
«Что? — сказала ей Царица, —
Где красавица-девица?»
— «Там в лесу, стоит одна, —
Отвечает ей она, —
Крепко связаны ей локти;
Попадется зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть».

И молва трезвонить стала:
Дочка Царская пропала!
Тужит бедный Царь по ней.
Королевич Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей-душой,
За невестой молодой.

Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да шла,
И на терем набрела.
Ей на встречу пес, залая,
Прибежал и смолк, играя;
В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пес бежит за ней, ласкаясь,
А Царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И Царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;

Знать, не будет ей обидно.
Никого меж тем не видно.
Дом Царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила Богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: «Что за диво!
Всё так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал,
Да хозяев поджидал.
Кто же? выдь и покажися,
С нами честно подружися:
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названый.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица».

И Царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что Царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок,
Рюмку полну наливали,
На подносе подавали.
От зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломила,
Да кусочек прикусила,
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.

Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу,
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днем идет, мелькая,
А Царевна молодая
Всё в лесу, не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарею
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У Татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского Черкеса.
А хозяюшкой она
В терему меж тем одна
Приберет и приготовит.
Им она не прекословит,
Не перечат ей они.
Так идут за днями дни.

Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: «Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы ради,
Да нельзя, так Бога ради
Помири нас как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сестрою.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?»

— «Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, —
Им Царевна говорит, —

Коли лгу, пусть Бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей».

Братья молча постояли,
Да в затылке почесали.
«Спрос не грех. Прости ты нас, —
Старший молвил поклонясь, —
Коли так, не заикнуся
Уж о том». — «Я не сержуся,
Тихо молвила она, —
И отказ мой не вина».
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.

Между тем Царица злая,
Про Царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нем хватилась
И пошла за ним, и сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала,
И с улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты прекрасна, спору нет;
Но живет без всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей».
И Царица налетела
На Чернавку: «Как ты смела
Обмануть меня? и в чем!...»

Та призналася во всем,
Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль Царевну погубить.

Раз Царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.
Вдруг сердито под крыльцом
Пес залаял, и девица
Видит: нищая черница
Ходит по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко, —
Ей кричит она в окошко, —
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу».
Отвечает ей черница:
«Ох ты, дитятко девица!
Пес проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопочет!
Выдь ко мне». — Царевна хочет
Выдти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,
Пес ей под ноги — и лает,
И к старухе не пускает;
Лишь пойдет старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. «Что за чудо?
Видно, выспался он худо, —
Ей Царевна говорит, —
На ж, лови!» — и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала;
«Благодарствую, — сказала, —
Бог тебя благослови;
Вот за то тебе, лови!»
И к Царевне наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летит...
Пес как прыгнет, завизжит...
Но Царевна в обе руки,
Хвать — поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свет.
Благодарствуй за обед», —

Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И с Царевной на крыльцо
Пес бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воет,
Словно сердце песье ноет,
Словно хочет ей сказать:
Брось! Она его ласка⟨ть⟩,
Треплет нежною рукою;
«Что, Соколко, что с тобою?
Ляг!» — и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села
Ждать хозяев, а глядела
Всё на яблоко. Оно
Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно, золотисто,
Будто медом налилось!
Видны семечки насквозь.
Подождать она хотела
До обеда, не стерпела,
В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочек проглотила...
Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...

Братья в ту пору домой
Возвращалися толпой
С молодецкого разбоя.
Им на встречу, громко воя,
Пес бежит и ко двору
Путь им кажет. «Не к добру! —
Братья молвили, — печали
Не минуем». Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав,
Пес на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,

Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом знать оно.
Перед мертвою Царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой,
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить ее хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп Царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли в Пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб ее к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решеткой оградили;
И, пред мертвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: «Спи во гробе;
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному».

В тот же день Царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты, Царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее».

За невестою своей
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрен;
Кто в глаза ему смеется,
Кто скорее отвернется;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец:
«Свет наш солнышко! ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с теплою весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты Царевны молодой?
Я жених ей». — «Свет ты мой, —
Красно солнце отвечало, —
Я Царевны не видало.
Знать ее в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь ее да встретил,
Или след ее заметил».

Темной ночки Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.
«Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаешь во тме глубокой,
Круглолицый, светлоокой,
И, обычай твой любя,
Звезды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты Царевны молодой?
Я жених ей». — «Братец мой, —
Отвечает месяц ясной, —
Не видал я девы красной.
На стороже я стою
Только в очередь мою.
Без меня Царевна, видно,
Пробежала». — «Как обидно!» —
Королевич отвечал.

Ясный месяц продолжал:
«Погоди; об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай».

Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:
«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме Бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты Царевны молодой?
Я жених ее». — «Постой, —
Отвечает ветер буйный, —
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тме печальной,
Гроб качается хрустальной
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места,
В том гробу твоя невеста».

Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал
И пошел к пустому месту,
На прекрасную невесту
Посмотреть еще хоть раз.
Вот идет; и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг нее страна пустая;
Под горою темный вход.
Он туда скорей идет.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальной,
И в хрустальном гробе том
Спит Царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг

Ожила. Глядит вокруг
Изумленными глазами,
И качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встает она из гроба...
Ах!... и зарыдали оба.
В руки он ее берет
И на свет из тмы несет,
И беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубит уже молва:
Дочка Царская жива!

Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним,
Говоря: «Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты прекрасна, слова нет,
Но Царевна всё ж милее,
Всё румяней и белее».
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И Царевну повстречала.
Тут ее тоска взяла
И Царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мед, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

БУДРЫС И ЕГО СЫНОВЬЯ
(1833)

Три у Будрыса сына, как и он, три Литвина.
Он пришел толковать с молодцами.
«Дети! седла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи с бердышами.

Справедлива весть эта: на три стороны света
Три замышлены в Вильне похода.
Паз идет на Поляков, а Ольгерд на Прусаков,
А на Русских Кестут Воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранят вас Литовские боги!),
Ныньче сам я не еду, вас я шлю на победу;
Трое вас, вот и три вам дороги.

Будет всем по награде: пусть один в Новеграде
Поживится от Русских добычей.
Жены их, как в окладах, в драгоценных нарядах;
Домы полны; богат их обычай.

А другой от Прусаков, от проклятых Крыжаков,
Может много достать дорогого,
Денег с целого света, сукон яркого цвета. —
Янтаря — что песку там морского.

Третий с Пазом на Ляха пусть ударит без страха:
В Польше мало богатства и блеску,
Сабель взять там не худо; но уж верно оттуда
Привезет он мне на дом невестку.

Нет на свете Царицы краше Польской девицы.
Весела — что котенок у печки —

И как роза румяна, а бела, что сметана;
Очи светятся будто две свечки!

Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я тоже,
И оттуда привез себе жёнку;
Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, как гляжу в ту сторонку».

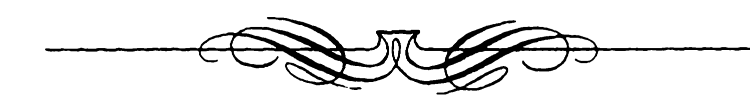
Сыновья с ним простились и в дорогу пустились.
Ждет, пождет их старик домовитый,
Дни за днями проводит, ни один не приходит.
Будрыс думал: уж видно убиты!

Снег на землю валится, сын дорогою мчится,
И под буркою ноша большая.
«Чем тебя наделили? что там? Ге! не рубли ли?»
— «Нет, отец мой; Полячка младая».

Снег пушистый валится; всадник с ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
«Что под буркой такое? Не сукно ли цветное?»
— «Нет, отец мой; Полячка младая».

Снег на землю валится, третий с ношею мчится,
Черной буркой ее прикрывает.
Старый Будрыс хлопочет, и спросить уж не хочет,
А гостей на три свадьбы сзывает.

ВОЕВОДА

Поздно ночью из похода
Воротился Воевода.
Он слугам велит молчать;
В спальню кинулся к постеле;
Дернул полог... В самом деле!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнее черной ночи,
Он потупил грозны очи,
Стал крутить свой сивый ус...
Рукава назад закинул,
Вышел вон, замок задвинул;
«Гей, ты, — кликнул, — чертов кус!

А зачем нет у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я вас, хамы!... Дай ружье;
Приготовь мешок, веревку,
Да сними с гвоздя винтовку.
Ну, за мною!... я ж ее!»

Пан и хлопец под забором
Тихим крадутся дозором,
Входят в сад — и сквозь ветвей,
На скамейке у фонтана,
В белом платье, видят, панна
И мужчина перед ней.

Говорит он: «Всё пропало,
Чем лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любил:
Белой груди воздыханье,
Нежной ручки пожиманье,
Воевода всё купил.

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!
От меня ты отперлась.
Не искал он, не страдал он;
Серебром лишь побряцал он,
И ему ты отдалась.

Я скакал во мраке ночи
Милой панны видеть очи,
Руку нежную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лет ей и веселья,
И потом навек бежать».

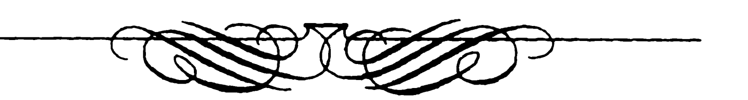
Панна плачет и тоскует,
Он колени ей целует,
А сквозь ветви те глядят,
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполом заряд.

Подступили осторожно.
«Пан мой, целить мне не можно, —
Бедный хлопец прошептал: —
Ветер, что ли, плачут очи,
Дрожь берет; в руках нет мочи,
Порох в полку не попал».

«Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мне время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цель ей в лоб. Левее... выше.
С паном справлюсь сам. Потише;
Прежде я; ты погоди».

Выстрел по саду раздался.
Хлопец пана не дождался;
Воевода закричал,
Воевода пошатнулся...
Хлопец, видно, промахнулся:
Прямо в лоб ему попал.

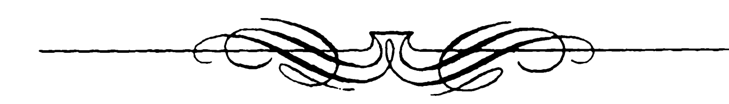
КРАСАВИЦА

(В альбом Г****)

Всё в ней гармония, всё диво,
Всё выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сиянье исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье;
Но встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговея богомольно
Перед святыней красоты.

СКАЗКА
О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ

Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный Царь Дадон.
С молоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело,
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить;
Тут соседи беспокоить
Стали старого Царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но ни как не успевали:
Ждут, бывало, с Юга, глядь —
Ан с Востока лезет рать,
Справят здесь, — лихие гости
Идут от моря — со злости
Инда плакал Царь Дадон,
Инда забывал и сон.
Что и жизнь в такой тревоге!
Вот он с просьбой о помоге
Обратился к мудрецу,
Звездочету и скопцу —
Шлет за ним гонца с поклоном.
Вот мудрец перед Дадоном
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.

«Посади ты эту птицу, —
Молвил он Царю, — на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незванной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенется
И в то место обернется».
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит.
«За такое одолженье, —
Говорит он в восхищеньи, —
Волю первую твою
Я исполню, как мою».

Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы —
Чуть опасность где видна,
Верный сторож как со сна
Шевельнется, встрепенется,
К той сторонке обернется
И кричит кири ку ку.
. . . .
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели.
Таковой им Царь Дадон
Дал отпор со всех сторон!

Год, другой проходит мирно,
Петушок сидит всё смирно;
Вот однажды Царь Дадон
Страшным шумом пробужден:
«Царь ты наш! Отец народа! —
Возглашает Воевода, —
Государь! проснись! беда!»
— «Что такое Господа? —
Говорит Дадон, зевая, —
А? Кто там? беда какая?»
Воевода говорит:
«Петушок опять кричит,

Страх и шум во всей столице».
Царь к окошку — ан на спице,
Видит, бьется петушок,
Обратившись на Восток.
Медлить нечего: «Скорее!
Люди, на конь! Эй, живее!»
Царь к Востоку войско шлет,
Старший сын его ведет.
Петушок угомонился,
Шум утих, и Царь забылся.

Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей:
Было ль, не было ль сраженья?
Нет Дадону донесенья.
Петушок кричит опять —
Кличет Царь другую рать;
Сына он теперь меньшова
Шлет на выручку большова;
Петушок опять утих.
Снова вести нет от них.
Снова восемь дней проходят;
Люди в страхе дни проводят,
Петушок кричит опять,
Царь скликает третью рать
И ведет ее к Востоку
Сам, не зная быть ли проку.

Войска идут день и ночь;
Им становится невмочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает Царь Дадон.
«Что за чудо?» — мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы Царь приводит,
И промеж высоких гор
Видит шелковой шатер.
Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущельи тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит...
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына
Без шеломов и без лат
Оба мертвые лежат,

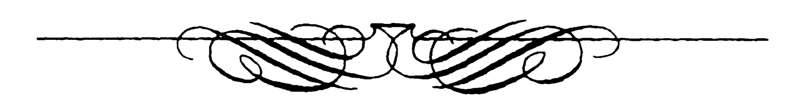
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга,
По притоптанной траве,
По кровавой мураве......
Царь завыл: «Ох дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла».
Все завыли за Дадоном,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслося. Вдруг шатер
Распахнулся... и девица,
Шамаханская Царица,
Вся сияя как заря,
Тихо встретила Царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадоном
Улыбнулась — и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким яством угощала,
Уложила отдыхать
На парчовую кровать.
И потом, неделю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищен,
Пировал у ней Дадон.

Наконец и в путь обратной
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала,
Быль и небыль разглашала.
Под столицей, близ ворот
С шумом встретил их народ.
Все бегут за колесницей,
За Дадоном и Царицей —
Всех приветствует Дадон...
Вдруг в толпе увидел он,
В сарачинской шапке белой

Весь как лебедь поседелый,
Старый друг его скопец.
«А! здорово, мой отец, —
Молвил Царь ему, — что скажешь?
Подь поближе, что прикажешь?»
— «Царь, — ответствует мудрец, —
Разочтемся наконец.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую Царицу...»
Крайне Царь был изумлен.
«Что ты? — старцу молвил он, —
Или бес в тебя ввернулся,
Или ты с ума рехнулся.
Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница.
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли, кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярской,
Хоть коня с конюшни Царской,
Хоть пол Царства моего».
— «Не хочу я ничего.
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую Царицу», —
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул Царь: «Так лих же, нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь —
Убирайся, цел пока;
Оттащите старика!»
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком
Да и дух вон. — Вся столица
Содрогнулась, а девица —
Хи хи хи да ха ха ха!
Не боится, знать, греха.
Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно —
Вот — въезжает в город он...

Вдруг раздался легкой звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И Царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и в то же время
С колесницы пал Дадон —
Охнул раз — и умер он.
А Царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало —
. . . .
. . . .

СКАЗКА
О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод,
Пришел невод с одною тиной.
Он в другой раз закинул невод,
Пришел невод с травой морско⟨ю⟩.
В третий раз закинул он невод,
Пришел невод с золотой рыбкою,
С непростою рыбкой, золотою.
Как взмолится золотая рыбка,
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».
Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо.
«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, непростую;
По-нашему говорила рыбка,

Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с нее выкуп;
Так пустил ее в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем раскололось».
Вот пошел он к синему морю;
Видит: море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, Государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не дает старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем раскололось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом,
Будет вам новое корыто».
Воротился старик ко старухе,
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж избу».
Вот пошел он к синему морю
(Помутилося синее море),
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, Государыня рыбка:
Еще пуще старуха бранится,
Не дает старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом,
Так и быть: изба вам уж будет».
Пошел он ко своей землянке,

А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светелкой,
С кирпичною, беленою трубою,
С дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидит под окошком,
На чем свет стоит мужа ругает.
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой».

Пошел старик к синему морю
(Не спокойно синее море).
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, Государыня рыбка:
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не дает старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом».

Воротился старик ко старухе,
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха;
В дорогой собольей душегрейке,
Парчевая на маковке кичка,
Жемчуги окружили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает.
Говорит старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай! теперь твоя душенька довольна».
На него прикрикнула старуха,
На конюшне служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась:
Опять к рыбке старика посылает:
«Воротись, поклонися рыбке:

Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною Царицей».
Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь,
Насмешишь ты целое царство».
Осердилась пуще старуха,
По щеке ударила мужа,
«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою? —
Ступай к морю, говорят тебе честью;
Не пойдешь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю
(Почернело синее море),
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, Государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною Царицей».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом!
Добро! будет старуха Царицей!»

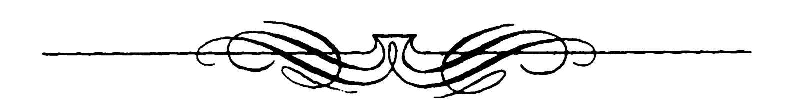
Старичок к старухе воротился.
Что ж? пред ним Царские палаты,
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она Царицей,
Служат ей Бояре, да Дворяне,
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг стоит ее грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик, испугался;
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная Царица!
Ну теперь твоя душенька довольна».
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали Бояре и Дворяне,
Старика взашеи затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила;

А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбке,
Не хочу быть вольною Царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках».

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слова молвить.
Вот идет он к синему морю,
Видит, на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
Смилуйся, Государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она Царицей,
Хочет быть владычицей морско⟨ю⟩,
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился — —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А перед нею разбитое корыто.

РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ*

Книгопродавец.

Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть,
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть:
Поэма, говорят, готова,
Плод новый умственных затей.
Итак решите; жду я слова:
Назначьте сами цену ей.
Стишки любимца муз и граций
Мы вмиг рублями заменим,
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим.
О чем вздохнули так глубоко,
Нельзя ль узнать?

Поэт.

Я был далеко:
Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.
Я видел вновь приюты скал
И темный кров уединенья,
Где я на пир воображенья,
Бывало, музу призывал.
Там слаще голос мой звучал;
Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой,

---

* Было напечатано при первой главе «Онегина».

Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья.
Всё волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйной,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шепот речки тихоструйной.
Тогда, в безмолвии трудов,
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом,
И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом;
Я был хранитель их скупой:
Так точно, в гордости немой,
От взоров черни лицемерной
Дары любовницы младой
Хранит любовник суеверной.

Книгопродавец.

Но слава заменила вам
Мечтанья тайного отрады:
Вы разошлися по рукам,
Меж тем, как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов,
И ветреной ее награды.

Поэт.

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья,
И от людей, как от могил,

Не ждал за чувство воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы неувитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!
Обманчивей и снов надежды,
Что слава? Шопот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?

Книгопродавец.

Лорд Байрон был того же мненья;
Жуковский то же говорил;
Но свет узнал и раскупил
Их сладкозвучные творенья.
И впрям, завиден ваш удел:
Поэт казнит, поэт венчает;
Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальнем поражает;
Героев утешает он;
С Коринной на Киферский трон
Свою любовницу возносит.
Хвала для вас докучный звон;
Но сердце женщин славы просит:
Для них пишите; их ушам
Приятна лесть Анакреона:
В младыя лета розы нам
Дороже лавров Геликона.

Поэт.

Самолюбивые мечты,
Утехи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искал вниманья красоты.
Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви;
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои;
Но полно; в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет;
Пускай их юноша поет,
Любезный баловень природы.
Что мне до них? Теперь в глуши
Безмолвно жизнь моя несется;

Стон лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души;
Нечисто в них воображенье:
Не понимает нас оно,
И, признак Бога, вдохновенье
Для них и чуждо и смешно.
Когда на память мне невольно
Придет внушенный ими стих,
Я содрогаюсь, сердцу больно:
Мне стыдно идолов моих.
К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унизил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?

Книгопродавец.

Люблю ваш гнев. Таков поэт!
Причины ваших огорчений
Мне знать нельзя; но исключений
Для милых дам ужели нет?
Ужели ни одна не стоит
Ни вдохновенья, ни страстей,
И ваших песень не присвоит
Всесильной красоте своей?
Молчите вы?

Поэт.

Зачем поэту
Тревожить сердца тяжкий сон?
Бесплодно память мучит он.
И что ж? Какое дело свету?
Я всем чужой. Душа моя
Хранит ли образ незабвенный?
Любви блаженство знал ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таил я слезы в тишине?
Где та была, которой очи,
Как небо, улыбались мне?
Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?
. . . .

И что ж? Докучный стон любви,
Слова покажутся мои
Безумца диким лепетаньем.
Там сердце их поймет одно,

И то с печальным содроганьем:
Судьбою так уж решено.
Ах, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить
И сны поэзии бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумела
Стихи неясные мои;
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасные желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земных восторгов излиянья,
Как божеству, не нужно ей.

Книгопродавец.

И так, любовью утомленной,
Наскуча лепетом молвы,
Заране отказались вы
От вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?

Поэт.

Свободу.

Книгопродавец.

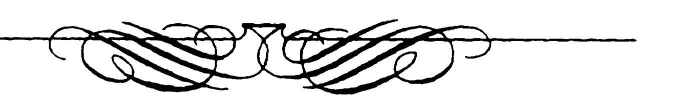
Прекрасно. Вот же вам совет;
Внемлите истине полезной:
Наш век торгаш; в сей век железной
Без денег и свободы нет.
Что слава? Яркая заплата
На ветхом рубище певца.
Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но вас я знаю, господа:
Вам ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипит, бурлит воображенье;
Оно застынет, и тогда

Постыло вам и сочиненье.
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что ж медлить? уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят,
За ними тощие певцы:
Кто просит пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И, признаюсь, от вашей лиры
Предвижу много я добра.

Поэт.

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся.

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ

1

(Из Ксенофана Колофонского)

Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают;
Все уж увенчаны гости; иной обоняет, зажмурясь,
Ладана сладостный дым; другой открывает амфору,
Запах веселый вина разливая далече; сосуды
Светлой, студеной воды, золотистые хлебы, янтарный
Мед и сыр молодой: всё готово; весь убран цветами
Жертвенник. Хоры поют. Но в начале трапезы, о други,
Должно творить возлиянья, вещать благовещие речи,
Должно Бессмертных молить, да сподобят нас чистой душою
Правду блюсти: ведь оно ж и легче. Теперь мы приступим:
Каждый в меру свою напивайся. Беда не велика
В ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
Гостю, который за чашей беседует мудро и тихо!

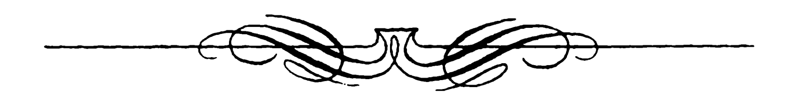

2

(*Из Афенея*)

Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводителя хоров
Старец ослепший от лет, некогда Скирпал родил
И вдохновенный, нарек младенца Феоном. За чашей
Сладостно Вакха и Муз славил приятный Феон.
Славил и Ва́тала он, молодого красавца: прохожий!
Мимо гробницы спеша, вымолви: здравствуй, Феон!

ЭЛЕГИЯ

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело как смутное похмелье.
Но как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальной
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕСНЯМ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Большая часть этих песен взята мною из книги, вышедшей в Париже в конце 1827 года́, под названием La Guzla, ou choix de Poësies Illiriques, receuillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine. Неизвестный Издатель говорил в своем предисловии, что, собирая некогда безыскусственные песни полудикого племени, он не думал их обнародовать, но что потом, заметив распространяющийся вкус к произведениям иностранным, особенно к тем, которые в своих формах удаляются от классических образцев, вспомнил он о собрании своем и, по совету друзей, перевел некоторые из сих поэм, и проч. Сей неизвестный собиратель был никто иной как Мериме, острый и оригинальный писатель, Автор Театра Клары Газюль, Хроники времен Карла IX, Двойной Ошибки и других произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней Французской Литературы. Поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и знаток в Славенской Поэзии, не усумнился в подлинности сих песен, а какой-то ученый Немец написал о них пространную диссертацию.

Мне очень хотелось знать, на чем основано изобретение странных сих песен: С. А. С., по моей просьбе, писал о том к Мериме, с которым был он коротко знаком, и в ответ получил следующее письмо:

Paris. 18 Janvièr 1835

Je croyois, Monsieur, que la Guzla n'avoit eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir que j'en puis compter deux de plus ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe que nul n'est prophète en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier étoit de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grâce 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avions formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre itinéraire; Arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et ennuyés des Anglais et des Allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste, puis delà à Raguse. La proposition fut adoptée, mais nous étions fort légers d'argent et cette «douleur nonpareille» comme dit Rabelais nous arrêtais au

milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous nous étions beaucoup trompés. Je demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire, on me mit au défi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passais l'automne à la campagne. On déjeunait à Midi et je me levais à dix heures, quand j'avois fumê un ou deux cigares ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au Salon, j'écrivois une ballade. Il en résulta un petit volume que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources où j'ai puisé cette couleur locale tant vantée: d'abord une petite brochure d'un consul de France à Banialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en serait facile. L'auteur cherche à prouver que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mots Illyriques pour faire parade de son savoir (il en savait peut-être autant que moi). J'ai recueilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avais lu le chapitre intitulé. De costumi dei Morlachi, dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan Aga qui est réellement Illyrique; mais cette traduction était en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte qui étaient répétés avec l'interprétation de l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins un mot à mot, mais j'étais embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avait déterré Fortis et la ballade de Hassan Aga, et l'avait traduite sur la traduction poétique de l'abbé, en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avais pillé. Le premier vers illyrique est:

Scto se bieli и *gorie* zelenoï

Fortis a traduit:

Che mai biancheggia nel verde *Bosco*

Nodier a traduit bosco par *plaine verdoyante*; c'était mal tomber, car on me dit que *gorie* veut dire colline. Voilà mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé, и проч.

ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

1

ВИДЕНИЕ КОРОЛЯ[1]

Король ходит большими шагами
Взад и вперед по палатам;
Люди спят — королю лишь не спится:
Короля Султан осаждает,
Голову отсечь ему грозится
И в Стамбул отослать ее хочет.

Часто он подходит к окошку;
Не услышит ли какого шума?
Слышит, воет ночная птица,
Она чует беду неминучу,
Скоро ей искать новой кровли
Для своих птенцев горемычных.

Не сова воет в Ключе-Граде,
Не луна Ключ-Город озаряет,
В церкви Божией гремят барабаны,
Вся свечами озарена церковь.

Но никто барабанов не слышит,
Никто света в церкви Божией не видит,
Лишь король то слышал и видел;
Из палат своих он выходит
И идет один в Божию церковь.

Стал на паперти, дверь отворяет...
Ужасом в нем замерло сердце,
Но великую творит он молитву
И спокойно в церковь Божию входит.

Тут он видит чудное виденье:
На помосте валяются трупы,
Между ими хлещет кровь ручьями,
Как потоки осени дождливой.

Он идет, шагая через трупы,
Кровь по щиколку[2] ему досягает...

Горе! в церкви Турки и Татары
И предатели, враги *Богумилы.*[3]
На амвоне сам Султан безбожный,
Держит он наголо саблю,
Кровь по сабле свежая струится
С вострия до самой рукояти.

Короля незапный обнял холод:
Тут же видит он отца и брата.
Пред Султаном старик бедный справа
Униженно стоя на коленах,
Подает ему свою корону;
Слева, также стоя на коленах,
Его сын, Радивой окаянный,
Бусурманскою чалмою покрытый
(С тою самою веревкою, которой
Удавил он несчастного старца),
Край полы у Султана целует,
Как холоп наказанный *фалангой.*[4]

И Султан безбожный, усмехаясь,
Взял корону, растоптал ногами
И промолвил потом Радивою:
«Будь над Боснией моей ты властелином,
Для гяур-христиан беглербеем».[5]
И отступник бил челом Султану,
Трижды пол окровавленный целуя.

И Султан прислужников кликнул
И сказал: «Дать кафтан Радивою![6]
Не бархотной кафтан, не парчевый,
А содрать на кафтан Радивоя
Кожу с брата его родного».
Бусурмане на короля наскочили,
До нага всего его раздели,
Атаганом ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили и мясо и жилы,
И до самых костей ободрали,
И одели кожею Радивоя.

Громко мученик Господу взмолился:
«Прав ты, Боже! меня наказуя!

Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мне душу, Иисусе!»

При сем имени церковь задрожала,
Всё внезапно утихнуло, померкло, —
Всё исчезло — будто не бывало.

И король ощупью в потемках
Кое-как до двери добрался,
И с молитвою на улицу вышел.

Было тихо. С высокого неба
Город белый луна озаряла.
Вдруг взвилась из-за города бомба,[7]
И пошли бусурмане на приступ.

2

ЯНКО МАРНАВИЧ

Что в разъездах Бей Янко Марнавич?
Что ему дома не сидится?
Отчего двух ночей сряду
Под одною кровлей не ночует?
Али недруги его могучи?
Аль боится он кровомщенья?

Не боится Бей Янко Марнавич
Ни врагов своих, ни кровомщенья.
Но он бродит, как гайдук бездомный,
С той поры, как Кирила умер.

В церкви Спаса они братовались, [8]
И были по Богу братья;
Но Кирила несчастливый умер
От руки им избранного брата.

Веселое было пированье,
Много пили меду и горелки;
Охмелели, обезумели гости,
Два могучие Беи побранились.

Янко выстрелил из своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала.
В супротивника своего не попал он,
А попал он в своего друга.
С того времени он, тоскуя, бродит,
Словно вол, ужаленный змиею.

Наконец он на родину воротился
И вошел в церковь святого Спаса.
Там день целый он молился Богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью он пришел к себе на дом
И отужинал со своей семьею,
Потом лег и жене своей молвил:
«Посмотри, жена, ты в окошко.

Видишь ли церковь Спаса отселе?»
Жена встала, в окошко поглядела,
И сказала: «На дворе полночь,
За рекою густые туманы,
За туманом ничего не видно».
Повернулся Янко Марнавич
И тихонько стал читать молитву.

Помолившись, он опять ей молвил:
«Посмотри, что ты видишь в окошко?»
И жена, поглядев, отвечала:
«Вижу, вон, малый огонёчек
Чуть-чуть брежжит в темноте за рекою».
Улыбнулся Янко Марнавич
И опять стал тихонько молиться.

Помолясь, он опять жене молвил:
«Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что там еще видно?»
И жена, поглядев, отвечала:
«Вижу я на реке сиянье,
Близится оно к нашему дому».
Бей вздохнул и с постели свалился.
Тут и смерть ему приключилась.

3

БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ[9]

Радивой поднял желтое знамя:
Он идет войной на бусурмана.
А Далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
На бекрень надели свои шапки,
И сказали: «Возьмите нас с собою:[10]
Мы хотим воевать бусурманов».
Радивой дружелюбно их принял
И сказал им: «Милости просим!»
Перешли мы заповедную речку,
Стали жечь турецкие деревни,
А Жидов на деревьях вешать.[11]
Беглербей со своими Бошняками
Против нас пришел из Банялуки;[12]
Но лишь только заржали их кони
И на солнце их кривые сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбежались изменники Далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: «Господь Бог поможет,
Мы домой воротимся с тобою
И расскажем эту битву нашим детям».
Стали биться мы тогда жестоко,
Всяк из нас троих воинов стоил;
Кровью были покрыты наши сабли
С острия по самой рукояти.
Но когда через речку стали
Тесной кучкою мы переправляться,
Селихтар[13] с крыла на нас ударил
С новым войском, с конницею свежей.
Радивой сказал тогда нам: «Дети,
Слишком много собак-бусурманов,
Нам управиться с ними невозможно.
Кто не ранен, в лес беги скорее
И спасайся там от Селихтара».
Всех-то нас оставалось двадцать,
Все друзья, родные Радивою,

Но и тут нас пало девятнадцать.
Закричал Георгий Радивою:
«Ты садись, Радивой, поскорее
На коня моего вороного;
Через речку вплавь переправляйся,
Конь тебя из погибели вымчит».
Радивой Георгия не послушал,
Наземь сел, поджав под себя ноги.
Тут враги на него наскочили,
Отрубили голову Радивою.

4

ФЕОДОР И ЕЛЕНА

. . . .
. . . .

Стамати был стар и бессилен,
А Елена молода и проворна;
Она так-то его оттолкнула,
Что ушел он охая да хромая.
Поделом тебе, старый бесстыдник!
Ай да баба! отделалась славно!

Вот Стамати стал думать думу:
Как ему погубить Елену?
Он к Жиду-лиходею приходит,
От него он требует совета.
Жид сказал: «Ступай на кладбище,
Отыщи под каменьями жабу
И в горшке сюда принеси мне».

На кладбище приходит Стамати,
Отыскал под каменьями жабу[14]
И в горшке Жиду ее приносит.
Жид на жабу проливает воду,
Нарекает жабу Иваном
(Грех велик Христианское имя
Нарещи такой поганой твари!).
Они жабу всю потом искололи,
И ее — ее ж кровью напоили;
Напоивши, заставили жабу
Облизать поспелую сливу.

И Стамати мальчику молвил:
«Отнеси ты Елене эту сливу,
От моей племянницы в подарок».
Принес мальчик Елене сливу,
А Елена тотчас ее съела.

Только съела поганую сливу,
Показалось бедной молодице,

Что змия у ней в животе шевелится.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молоком напоила,
Но змия в животе всё шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали баить: Елена брюхата.
Каково-то будет ей от мужа,
Как воротится он из-за моря!
И Елена стыдится и плачет,
И на улицу выдти не смеет,
День сидит, ночью ей не спится,
Поминутно сестрице повторяет:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый год проходит, и — Феодор
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бежит к нему навстречу,
Все его приветно поздравляют;
Но в толпе не видит он Елены,
Как не ищет он ее глазами.
«Где ж Елена?» — наконец он молвил.
Кто смутился, а кто усмехнулся,
Но никто не отвечал ни слова.

Пришел он в дом свой, — и видит,
На постеле сидит его Елена.
«Встань, Елена», — говорит Феодор.
Она встала, — он взглянул сурово.
«Господин ты мой, клянусь Богом
И пречистым именем Марии,
Пред тобою я не виновата,
Испортили меня злые люди».

Но Феодор жене не поверил:
Он отсек ей голову по плечи.
Отсекши, сам себе молвил:
«Не сгублю я невинного младенца,
Из нее выну ⟨его⟩ живого,
При себе воспитывать буду.
Я увижу, на кого он походит,
Так наверно отца его узнаю
И убью своего злодея».

Распорол он мертвое тело.
Что ж! — на место милого дитяти

Он черную жабу находит.
Взвыл Феодор: «Горе мне, убийце!
Я сгубил Елену понапрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди».

Поднял он голову Елены,
Стал ее целовать умиленно,
И мертвые уста отворились,
Голова Елены провещала:

«Я невинна. Жид и старый Стамати
Черной жабой меня окормили».
Тут опять уста ее сомкнулись,
И язык перестал шевелиться.

И Феодор Стамати зарезал,
А Жида убил, как собаку,
И отпел по жене панихиду.

5

ВЛАХ В ВЕНЕЦИИ[15]

Как покинула меня Парасковья
И как я с печали промотался,
Вот Далмат пришел ко мне лукавый:
«Ступай, Дмитрий, в морской ты город,
Там цехины, что у нас каменья.

Там солдаты в шелковых кафтанах,
И только что пьют да гуляют:
Скоро там ты разбогатеешь
И воротишься в шитом долимане
С кинжалом на серебряной цепочке.

И тогда-то играй себе на гуслях;
Красавицы побегут к окошкам
И подарками тебя закидают.
Эй, послушайся! отправляйся морем;
Воротись, когда разбогатеешь».

Я послушался лукавого Далмата.
Вот живу в этой мраморной лодке,
Но мне скучно, хлеб их мне, как камень,
Я неволен, как на привязи собака.

Надо мною женщины смеются,
Когда слово я по-нашему молвлю;
Наши здесь язык свой позабыли,
Позабыли и наш родной обычай;
Я завял, как пересаженный кустик.

Как у нас, бывало, кого встречу,
Слышу: «Здравствуй, Дмитрий Алексеич!»
Здесь не слышу доброго привета,
Не дождуся ласкового слова;
Здесь я точно бедная мурашка,
Занесенная в озеро бурей.

6

ГАЙДУК ХРИЗИЧ

В пещере, на острых каменьях
Притаился храбрый Гайдук Хризич.[16]
С ним жена его Катерина,
С ним его два милые сына,
Им нельзя из пещеры выдти,
Стерегут их недруги злые.
Коли чуть они голову подымут,
В них прицелятся тотчас сорок ружей.
Они три дня, три ночи не ели,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадине камня.
На четвертый взошло красно солнце,
И вода во впадине иссякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Гоподь Бог! помилуй наши души!»
И упала мертвая на землю.
Хризич, глядя на нее, не заплакал,
Сыновья плакать при нем не смели;
Они только очи отирали,
Как от них отворачивался Хризич.
В пятый день старший сын обезумел,
Стал глядеть он на мертвую матерь,
Будто волк на спящую ко̀зу.
Его брат, видя то, испугался.
Закричал он старшему брату:
«Милый брат! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моей крови,
А умрем мы голодною смертью,
Станем мы выходить из могилы
Кровь сосать наших недругов спящих».[17]
Хризич встал и промолвил: «Полно!
Лучше пуля, чем голод и жажда».
И все трое со скалы в долину
Сбежали как бешеные волки.
Семерых убил из них каждый,
Семью пулями каждый из них прострелен;

Головы враги у них отсекли
И на копья свои насадили, —
А и тут глядеть на них не смели.
Так им страшен был Хризич с сыновьями.

7

ПОХОРОННАЯ ПЕСНЯ, ИАКИНФА МАГЛАНОВИЧА[18]

С Богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Волен умер ты, как жил.
Враг твой мчался без оглядки;
Но твой сын его убил.

Вспоминай нас за могилой,
Коль сойдетесь как-нибудь;
От меня отцу, брат милой,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня уж зажила;
Я здоров, — и сына Яна
Мне хозяйка родила.

Деду в честь он назван Яном:
Умный мальчик у меня;
Уж владеет Атаганом
И стреляет из ружья.

Дочь моя живет в Лизгоре;
С мужем ей не скучно там.
Тварк ушел давно уж в море;
Жив иль нет, — узнаешь сам.

С Богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

8

МАРКО ЯКУБОВИЧ

У ворот сидел Марко Якубович;
Перед ним сидела его Зоя,
А мальчишка их играл у порогу.
По дороге к ним идет незнакомец,
Бледен он и чуть ноги волочит,
Просит он напиться, ради Бога.
Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковшик,
И прохожий до дна его выпил.
Вот, напившись, говорит он Марке:
«Это что под горою там видно?»
Отвечает Марко Якубович:
«То кладбище наше родовое».
Говорит незнакомый прохожий:
«Отдыхать мне на вашем кладбище,
Потому что мне жить уж не долго».
Тут широкий розвил он пояс,
Кажет Марке кровавую рану.
«Три дня, — молвил, — ношу я под сердцем
Бусурмана свинцовую пулю.
Как умру, ты зарой мое тело
За горой, под зеленою ивой.
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный был воин».

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко стал осматривать рану.
Вдруг сказала молодая Зоя:
«Помоги мне, Марко, я не в силах
Поддержать гостя нашего доле».
Тут увидел Марко Якубович,
Что прохожий на руках ее умер.

Марко сел на коня вороного,
Взял с собою мертвое тело
И поехал с ним на кладбище.
Там глубокую вырыли могилу

И с молитвой мертвеца схоронили.
Вот проходит неделя, другая,
Стал худеть сыночек у Марка;
Перестал он бегать и резвиться,
Всё лежал на рогоже да охал.
К Якубовичу Калуер приходит, —
Посмотрел на ребенка и молвил:
«Сын твой болен опасною болезнью;
Посмотри на белую его шею:
Видишь ты кровавую ранку? [19]
Это зуб Вурдалака, поверь мне».

Вся деревня за старцем Калуером
Отправилась тотчас на кладбище;
Там могилу прохожего разрыли,
Видят, — труп румяный и свежий, —
Ногти выросли как вороньи когти,
А лице обросло бородою, —
Алой кровью вымазаны губы, —
Полна крови глубокая могила.
Бедный Марко колом замахнулся,
Но мертвец завизжал и проворно
Из могилы в лес бегом пустился.
Он бежал быстрее, чем лошадь,
Стременами острыми язвима;
И кусточки под ним так и гнулись,
А суки дерев так и трещали,
Ломаясь, как замерзлые прутья.

Калуер могильною землею [20]
Ребенка больного всего вытер,
И весь день творил над ним молитвы.
На закате красного солнца
Зоя мужу своему сказала:
«Помнишь? ровно тому две недели,
В эту пору умер злой прохожий».

Вдруг собака громко завыла,
Отворилась дверь сама собою,
И вошел великан, наклонившись,
Сел он, ноги под себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Он на Марка глядел неподвижно,
Неподвижно глядел на него Марко,
Очарован ужасным его взором;
Но старик, молитвенник раскрывши,

Запалил кипарисную ветку,
И подул дым на великана.
И затрясся Вурдалак проклятый,
В двери бросился и бежать пустился,
Будто волк, охотником гонимый.

На другие сутки в ту же пору
Пес залаял, дверь отворилась,
И вошел человек незнакомый.
Был он ростом, как Цесарский рекрут.
Сел он молча и стал глядеть на Марко;
Но старик молитвой его прогнал.

В третий день вошел карлик малый, —
Мог бы он верьхом сидеть на крысе,
Но сверкали у него злые глазки.
И старик в третий раз его прогнал,
И с тех пор уж он не возвращался.

9

БОНАПАРТ И ЧЕРНОГОРЦЫ

«Черногорцы? что такое? —
Бонапарте вопросил. —
Правда ль: это племя злое,
Не боится наших сил?

Так раскаятся ж нахалы:
Объявить их старшинам,
Чтобы ружья и кинжалы
Все несли к моим ногам».

Вот он шлет на нас пехоту
С сотней пушек и мортир,
И своих Мамлюков роту,
И косматых Кирасир.

Нам сдаваться нет охоты, —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пехоты
Камни есть у нас и рвы......

Мы засели в наши норы
И гостей незваных ждем, —
Вот они вступили в горы,
Истребляя всё кругом

. . . .
. . . .

Идут тесно под скалами.
Вдруг смятение! ... Глядят:
У себя над головами
Красных шапок видят ряд.

«Стой! пали! Пусть каждый сбросит
Черногорца одного.
Здесь пощады враг не просит:
Не щадите ж никого!»

Ружья грянули, — упали
Шапки красные с шестов:
Мы под ними ниц лежали,
Притаясь между кустов.

Дружным залпом отвечали
Мы Французам. — «Это что? —
Удивясь, они сказали, —
Эхо, что ли?» Нет, не то!

Их полковник повалился.
С ним сто двадцать человек.
Весь отряд его смутился,
Кто как мог пустился в бег.

И Французы ненавидят
С той поры наш вольный край
И краснеют, коль завидят
Шапку нашу невзначай.

10

СОЛОВЕЙ

Соловей мой, соловейко,
Птица малая лесная!
У тебя ль, у малой птицы,
Незаменные три песни,
У меня ли, у молодца,
Три великие заботы!
Как уж первая забота —
Рано молодца женили;
А вторая-то забота —
Ворон конь мой притомился;
Как уж третья-то забота —
Красну девицу со мною
Разлучили злые люди.
Выкопайте мне могилу
Во поле, поле широком,
В головах мне посадите
Алы цветики-цветочки,
А в ногах мне проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдут мимо красны девки,
Так сплетут себе веночки.
Пойдут мимо стары люди,
Так воды себе зачерпнут.

11

ПЕСНЯ О ГЕОРГИЕ ЧЕРНОМ

Не два волка в овраге грызутся,
Отец с сыном в пещере бранятся.
Старый Петро сына укоряет:
«Бунтовщик ты, злодей проклятый!
Не боишься ты Господа Бога,
Где тебе с Султаном тягаться,
Воевать с Белградским пашою!
Аль о двух головах ты родился?
Пропадай ты себе, окаянный,
Да зачем ты всю Сербию губишь?»
Отвечает Георгий угрюмо:
«Из ума старик, видно, выжил,
Коли лаешь безумные речи».
Старый Петро пуще осердился,
Пуще он бранится, бушует.
Хочет он отправиться в Белград,
Туркам выдать ослушного сына,
Объявить убежище Сербов.
Он из темной пещеры выходит;
Георгий старика догоняет:
«Воротися, отец, воротися!
Отпусти мне невольное слово».
Старый Петро не слушает, грозится:
«Вот уже, разбойник, тебе будет!»
Сын ему вперед забегает,
Старику кланяется в ноги.
Не взглянул на сына старый Петро.
Догоняет вновь его Георгий
И хватает за сивую косу.
«Воротись, ради Господа Бога:
Не введи ты меня в искушенье!»
Отпихнул старик его сердито
И пошел по Белградской дороге.
Горько, горько Георгий заплакал,
Пистолет из-за пояса вынул,
Взвел курок, да и выстрелил тут же.
Закричал Петро, зашатавшись:

«Помоги мне, Георгий, я ранен!»
И упал на дорогу бездыханен.
Сын бегом в пещеру воротился;
Его мать вышла ему навстречу.
«Что, Георгий, куда делся Петро?»
Отвечает Георгий сурово:
«За обедом старик пьян напился,
И заснул на Белградской дороге» [21]
Догадалась она, завопила:
«Будь же Богом проклят ты, черный,
Коль убил ты отца родного!»
С той поры Георгий Петрович
У людей прозывается Черный.

12

ВОЕВОДА МИЛОШ

Над Сербией смилуйся Ты, Боже!
Заедают нас волки Янычары!
Без вины нам головы режут,
Наших жен обижают, позорят,
Сыновей в неволю забирают,
Красных девок заставляют в насмешку
Распевать зазорные песни
И плясать басурманские пляски.
Старики даже с нами согласны:
Унимать нас они перестали, —
Уж и им нестерпимо насилье.
Гусляры нас в глаза укоряют:
Долго ль вам мирволить Яны́чарам?
Долго ль вам терпеть оплеухи?
Или вы уж не Сербы, — Цыганы?
Или вы не мужчины, — старухи?
Вы бросайте ваши белые домы,
Уходите в Велийское ущелье, —
Там гроза готовится на Турок,
Там дружину свою собирает
Старый Сербии, воевода Милош.

13

ВУРДАЛАК

Трусоват был Ваня бедный:
Раз он позднею порой,
Весь в поту, от страха бледный,
Чрез кладбище шел домой.

Бедный Ваня еле дышет,
Спотыкаясь, чуть бредет
По могилам; вдруг он слышит, —
Кто-то кость, ворча, грызет.

Ваня стал; — шагнуть не может.
Боже! думает бедняк,
Это, верно, кости гложет
Красногубый Вурдалак.

Горе! малый я не сильный;
Съест Упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем.

Что же? вместо Вурдалака —
(Вы представьте Вани злость!)
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.

14

СЕСТРА И БРАТЬЯ[22]

Два дубочка выростали рядом,
Между ими тонковерхая елка.
Не два дуба рядом выростали,
Жили вместе два братца родные:
Один Павел, а другой Радула,
А меж ими сестра их Елица.
Сестру братья любили всем сердцем,
Всякую ей оказывали милость;
Напоследок ей нож подарили
Золоченый в серебряной оправе.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говорит она Радуловой любе:
«Невестушка, по Богу сестрица!
Не знаешь ли ты зелия такова,
Чтоб сестра омерзела братьям?»
Отвечает Радулова люба:
«По Богу сестра моя, невестка,
Я не знаю зелия такова;
Хоть бы знала, тебе б не сказала;
И меня братья мои любили,
И мне всякую оказывали милость».
Вот пошла Павлиха к водопою,
Да зарезала коня вороного,
И сказала своему господину:
«Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ей подарки:
Извела она коня вороного».
Стал Елицу допытывать Павел:
«За что это? скажи Бога ради».
Сестра брату с плачем отвечает:
«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
В ту пору брат сестре поверил.
Вот Павлиха пошла в сад зеленый,
Сивого сокола там заколола,
И сказала своему господину:

«Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:
Ведь она сокола заколола».
Стал Елицу допытывать Павел:
«За что это? скажи Бога ради».
Сестра брату с плачем отвечает:
«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
И в ту пору брат сестре поверил.
Вот Павлиха по вечеру поздно
Нож украла у своей золовки,
И ребенка своего заколола
В колыбельке его золоченой.
Рано утром к мужу прибежала,
Громко воя и лице терзая.
«Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:
Заколола у нас она ребенка.
А когда еще ты мне не веришь,
Осмотри ты нож ее злаченый».
Вскочил Павел, как услышал это,
Побежал к Елице, во светлицу:
На перине Елица почивала,
В головах нож висел злаченый.
Из ножен вынул его Павел, —
Нож злаченый весь был окровавлен.
Дернул он сестру за белу руку:
«Ой, сестра, убей тебя Боже!
Извела ты коня вороного,
И в саду сокола заколола;
Да за что ты зарезала ребенка?»
Сестра брату с плачем отвечает:
«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли ж ты не веришь моей клятве,
Выведи меня в чистое поле,
Привяжи к хвостам коней борзых,
Пусть они мое белое тело
Разорвут на четыре части».
В ту пору брат сестре не поверил;
Вывел он ее в чистое поле,
Привязал ко хвостам коней борзых,
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросли там алые цветочки;
Где осталось ее белое тело,

Церковь там над ней соорудилась.
Прошло малое после того время,
Захворала молодая Павлиха:
Девять лет Павлиха всё хворает, —
Выросла трава сквозь ее кости,
В той траве лютый змей гнездится,
Пьет ей очи, сам уходит к ночи.
Люто страждет молода Павлиха;
Говорит она своему господину:
«Слышишь ли, господин ты мой, Павел,
Сведи меня к золовкиной церкви,
У той церкви авось исцелюся».
Он повел ее к сестриной церкви,
И как были они уже близко,
Вдруг из церкви услышали голос:
«Не входи, молодая Павлиха,
Здесь не будет тебе исцеленья».
Как услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
«Господин ты мой! прошу тебя Богом,
Не веди меня к белому дому,
А вяжи меня к хвостам твоих ко́ней
И пусти их по чистому полю».
Своей любы послушался Павел,
Привязал ее к хвостам своих ко́ней
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросло там тернье да крапива;
Где осталось ее белое тело,
На том месте озеро провалило.
Ворон конь по озеру выплывает,
За конем золоченая люлька,
На той люльке сидит сокол-птица,
Лежит в люльке маленький мальчик:
Рука матери у него под горлом,
В той руке теткин нож золоченый.

15

ЯНЫШ КОРОЛЕВИЧ[23]

Полюбил королевич Яныш
Молодую красавицу Елицу,
Любит он ее два красные лета,
В третье лето вздумал он жениться
На Любусе, Чешской королевне.
С прежней любой идет он проститься.
Ей приносит с червонцами черес,
Да гремучие серги золотые,
Да жемчужное тройное ожерелье,
Сам ей вдел он серги золотые,
Навязал на шею ожерелье,
Дал ей в руки с червонцами черес,
В обе щеки поцеловал молча,
И поехал своею дорого⟨й⟩.
Как одна осталася Елица,
Деньги наземь она пометала,
Из ушей выдернула серги,
Ожерелье на двое разорвала,
А сама кинулась в Мораву.
Там на дне молодая Елица
Водяною царицей очнулась,
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

Вот проходят три года и боле,
Королевич ездит на охоте,
Ездит он по берегу Моравы;
Захотел он коня вороного
Напоить студеною водою.
Но лишь только запененную морду
Сунул конь в студеную воду,
Из воды вдруг высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернул голову в испуге,
На узде висит Водяница,
Как на уде пойманная рыбка, —
Конь кружится по чистому лугу,

Потрясая уздой золотою;
Но стряхнуть Водяницы не может.
Чуть в седле усидел королевич,
Чуть сдержал коня воронова,
Осадив могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говорит ей Яныш королевич:
«Расскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль Богом проклятая Вила?»
Отвечает ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица,
Мой отец Яныш королевич,
А зовут меня Водяницей».
Королевич при таком ответе
Соскочил с коня воронова,
Обнял дочь свою, Водяницу,
И, слезами заливаясь, молвил:
«Где, скажи, твоя мать Елица?
Я слыхал, что она потонула».
Отвечает ему Водяница:
«Мать моя царица водяная;
Она властвует над всеми реками,
Над реками и над озерами;
Лишь не властвует она синим морем,
Синим морем властвует Див-Рыба».
Водянице молвил королевич:
«Так иди же к водяной царице,
И скажи ей: Яныш королевич
Ей поклон усердный посылает
И у ней свидания просит
На зеленом берегу Моравы.
Завтра я заеду за ответом».
Они после того расстались.

Рано утром, чуть заря зарделась,
Королевич над рекою ходит;
Вдруг из речки, по белые груди,
Поднялась царица водяная
И сказала: «Яныш королевич,
У меня свидания просил ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Как увидел он свою Елицу,
Разгорелись снова в нем желанья,
Стал манить ее к себе на берег.
«Люба ты моя, млада Елица,

Выдь ко мне на зеленой берег,
Поцелуй меня по-прежнему сладко,
По-прежнему полюблю тебя крепко».
Королевичу Елица не внимает,
Не внимает, головою кивает:
«Нет, не выду, Яныш королевич,
Я к тебе на зе⟨ле⟩ный берег.
Слаще прежнего нам не целоваться,
Крепче прежнего меня не полюбишь.
Расскажи-ка мне лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
С новой любой, с молодой женою?»
Отвечает Яныш королевич:
«Против солнышка луна не пригреет,
Против милой жена не утешит».

16

КОНЬ

«Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил;
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удил?
Али я тебя не холю?
Али ешь овса не в волю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремена?»
Отвечает конь печальный:
«От того я присмирел,
Что я слышу топот дальный,
Трубный звук и пенье стрел;
От того я ржу, что в поле
Уж недолго мне гулять,
Проживать в красне и в холе,
Светлой сбруей щеголять;
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмет
И серебряны подковы
С легких ног моих сдерет;
От того мой дух и ноет,
Что наместо чапрака
Кожей он твоей покроет
Мне вспотевшие бока».

КОНЕЦ.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕСНЯМ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

[1] *Фома I* был тайно умерщвлен своими двумя сыновьями Стефаном и Радивоем в 1460 году. Стефан ему наследовал. Радивой, негодуя на брата за похищение власти, разгласил ужасную тайну и бежал в Турцию к Магомету II. Стефан, по внушению Папского легата, решился воевать с Турками. Он был побежден и бежал в Ключ-город, где Магомет осадил его. Захваченный в плен, он не согласился принять магометанскую веру, и с него содрали кожу.

[2] *Щиколодка*, по Московскому наречию щиколка.

[3] Так называют себя некоторые Иллирийские раскольники.

[4] *Фаланга*, палочные удары по пятам.

[5] Радивой никогда не имел этого сана; и все члены Королевского семейства истреблены были Султаном.

[6] *Кафтан*, обыкновенный подарок Султанов.

[7] Анахронизм.

[8] Трогательный обычай *братования*, у Сербов и других западных Славян, освящается духовными обрядами.

[9] Неизвестно, к какому происшествию относится эта песня.

[10] Потеря сражения приписывается Далматам, ненавистным для Влахов.

[11] Жиды в турецких областях суть вечные предметы гонения и ненависти. Во время войны им доставалось от Мусульман и Христиан. Участь их, замечает В. Скотт, походит на участь летучей рыбы. — М⟨ериме⟩.

[12] *Банялука*, прежняя столица Боснийского Пашалыка.

[13] *Селихтар*, меченосец.

[14] Все народы почитали жабу ядовитым животным.

[15] Мицкевич перевел и украсил эту песню.

[16] *Гайдук* — глава, начальник. Гайдуки не имеют пристанища и живут разбоями.

[17] Западные славяне верят существованию *упырей* (vampire). См. песню *о Марке Якубовиче*.

[18] Мериме поместил в начале своей *Guzla* известие о старом гусляре Иакинфе Магляновиче, неизвестно, существовал ли он когда-нибудь; но статья его биографа имеет необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобия. Книга Мериме редка, и читатели, думаю, с удовольствием найдут здесь жизнеописание Славянина-поэта.

Notice sur Hyacinthe Maglanovich.

Hyacinthe Maglanovich est le seul joueur de guzla que j'ai vu, qui fût aussi poëte; car la plupart ne font que répéter d'anciennes chansons, ou tout au plus ne composent que des pastiches, en prenant vingt vers d'une ballade, autant d'une autre, et liant le tout au mayen de mauvais vers de leur façon.

Notre poëte est né à Zuonigrad, comme il le dit lui-même dans sa ballade intitulée *L'Aubépine de Véliko*. Il était fils d'un cordonnier, et ses parents ne semblent pas s'être donné beaucoup de mal pour son éducation, car il ne sait ni lire ni écrire. A l'âge de huit ans il fut enlevé par des *Tchingénehs* ou Bohémiens. Ces gens le menèrent en Bosnie, où ils lui apprirent leurs tours et le convertirent sans peine à l'islamisme, qu'ils professent pour la plupart.*/ Un *ayan* ou maire de Livno le tira de leurs mains et le prit à son service, où il passa quelques années.

Il avait quinze ans, quand un moine catholique réussit à le convertir au christianisme, au risque de se faire empaler s'il était découvert; car les Turcs n'encouragent point les travaux des missionnaires.

Le jeune Hyacinthe n'eut pas de peine à se décider à quitter un maître assez dur, comme sont la plupart des Bosniaques; mais, en se sauvant de sa maison, il voulut tirer vengeance de ses mauvais traitements. Profitant d'une nuit orageuse, il sortit de Livno, emportant une pelisse et le sabre de son maître, avec quelques sequins qu'il put dérober. Le moine, qui l'avait rebaptisé l'accompagna dans sa fuite, que peut-être il avait conseillée.

De Livno à Scign en Dalmatie il n'y a qu'une douzaine de lieues. Les fugitifs s'y trouvèrent bientôt sous la protection du gouvernement vénitien et à l'abri des poursuites de l'ayan. Ce fut dans cette ville que Maglanovich fit sa première chanson: il célébra sa fuite dans une ballade, qui trouva quelques admirateurs et qui commença sa réputation.**/

Mais il était sans ressources d'ailleurs pour subsister, et la nature lui avait donné peu de goût pour le travail. Grâce à l'hospitalité morlaque, il vécut quelque temps de la charité des habitans des campagnes, payant son écot en chantant sur la guzla quelque vieille romance qu'il savait par coeur. Bientôt il en composa lui-même pour des mariages et des enterremens, et sut si bien se rendre nécessaire, qu'il n'y avait pas de bonne fête si Maglanovich et sa guzla n'en étaient pas.

Il vivait ainsi dans les environs de Scign, se souciant fort peu de ses parents, dont il ignore encore le destin, car il n'a jamais été à Zuonigrad depuis son enlèvement.

A vingt-cinq ans c'était un beau jeune homme, fort, adroit, bon chasseur et de plus poëte et musicien célèbre; il était bien vu de tout le monde, et surtout des jeunes filles. Celle qu'il préférait se nommait Marie et était fille d'un riche Morlaque, nommé Zlarinovich. Il gagna facilement son affection et, suivant la coutume, il l'enlèva. Il avait pour rival une espèce de seigneur du pays, nommé Uglian, lequel eut connaissance de l'enlèvement projeté. Dans les moeurs illyriennes l'amant dédaigné se console facilement et n'en fait pas plus mouvaise mine à son rival heureux; mais cet Uglian s'avisa d'être jaloux et voulut mettre obstacle au bonheur de Maglanovich. La nuit d'enlèvement, il

---

* Tous ces détails m'ont été donnés en 1817 par Maglanovich lui-même.

** J'ai fait de vains éfforts pour me la procurer. Maglanovich lui-même l'avait oubliée, ou peut-être eut-il honte de me réciter son premier essai dans la poésie.

parut accompagné de deux de ses domestiques, au moment où Marie était déjà montée sur un cheval et prête à suivre son amant. Uglian leur cria de s'arrêter d'une voix menaçante. Les deux rivaux étaient armés suivant l'usage. Maglanovich tira le premier et tua le seigneur Uglian. S'il avait eu une famille, elle aurait épousé sa querelle, et il n'aurait pas quitté le pays pour si peu de chose; mais il était sans parens pour l'aider, et il restait seul exposé à la vengeance de toute la famille du mort. Il prit son parti promptement et s'enfuit avec sa femme dans les montagnes, où il s'associa avec des Heyduques.*

Il vécut long-temps avec eux, et même il fut blessé au visage dans une escarmouche avec les Pandours.** Enfin, ayant gagné quelque argent d'une manière assez peu honnête, je crois, il quitta les montagnes, acheta des bestiaux et vint s'établir dans le Kotar avec sa femme et quelques enfans. Sa maison est près de Smocovich, sur le bord d'une petite rivière ou d'un torrent, qui se jette dans le lac de Vrana. Sa femme et ses enfants s'occupent de leurs vaches et de leur petite ferme; mais lui est toujours en voyage; souvent il va voir ses anciens amis les Heyduques, sans toutefois prendre part à leur dangereux métier.

Je l'ai vu à Zara pour la première fois en 1816. Je parlais alors très-facilement l'illirique, et je désirais beaucoup entendre un poëte en réputation. Mon ami, l'estimable voivode Nicolas***, avait rencontré à Biograd, où il demeure, Hyacinthe Maglanovich, qu'il connaisait déjà, et sachant qu'il allait à Zara, il lui donna une lettre pour moi. Il me disait que, si je voulais tirer queique chose du joueur de quzla, il fallait le faire boire; car il ne sentait inspiré que lorsq'il était à peu près ivre.

Hyacinthe avait alors près de soixante ans. C'est un grand homme, vert et robuste pour son âge, les épaules larges et le cou remarquablement gros; sa figure est prodigieusement basanée; ses yeux sont petits et un peu relevés du coin; son nez aquilin, assez enflammé par l'usage des liqueurs fortes, sa longue moustache blanche et ses gros sourcils noirs forment un ensemble que l'on oublie difficilement quand on l'a vu une fois. Ajoutez à cela une longue cicatrice qu'il porte sur le sourcil et sur une partie de la joue. Il est très-extraordinaire qu'il n'ait pas perdu l'oeil en recevant cette blessure. Sa tête était rasée, suivant l'usage presque général, et il portait un bonnet d'agneau noir: ses vêtemens étaient assez vieux, mais encore très-propres.

En entrant dans ma chambre, il me donna la lettre du voivode et s'assit sans cérémonie. Quand j'eus fini de lire: vous parlez donc l'illyrique, me dit-il d'un air de doute assez méprisant. Je lui répondis sur-le-champ dans cette langue que je l'entendais assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons, qui m'avaient été extrêmement vantées. Bien, bien, dit-il; mais j'ai faim et soif: je chanterai quand je serai rassasié. Nous dînâmes ensemble. Il me semblait qu'il avait jeûné quatre jours au moins, tant il mangeait avec avidité. Suivant l'avis du voivode, j'eus soin de le faire boire, et mes amis qui étaient venus nous tenir compagnie sur le bruit de son arrivée, remplissaient son verre à chaque instant. Nous espérions que quand cette faim et cette soif si extraordinaires seraient apaisées, notre homme voudrait bien nous faire entendre quelques-uns de ses chants. Mais notre attente fut bien trompée. Tout d'un coup il

* Espèce de bandits.
** Soldats de la police.

se leva de table et se laissant tomber sur un tapis près du feu (nous étions en Décembre), il s'endormit en moins de cinq minutes, sans qu'il y eût moyen de le réveiller.

Je fus plus heureux une autre fois: j'eus soin de le faire boire seulement assez pour l'animer, et alors il nous chanta plusieurs des ballades que l'on trouvera dans ce recueil.

Sa voix a dû être fort belle; mais allors elle était un peu cassée. Quand il chantait sur sa quzla, ses yeux s'animaient et sa figure prenait une expression de beauté sauvage, qu'un peintre aimerait à exprimer sur la toile.

Il me quitta d'une façon étrange: il demeurait depuis cinq jours chez moi, quand un matin il sortit, et je l'attendis inutilement jusq'au soir. J'appris qu'il avait quitté Zara pour retourner chez lui; mais en même temps je m'aperçus qu'il me manquait une paire de pistolets anglais qui, avant son départ précipité, étaient pendus dans ma chambre. Je dois dire à sa louange qu'il aurait pu emporter également ma bourse et une montre d'or qui valaient dix fois plus que les pistolets, qu'il m'avait pris.

En 1817, je passai deux jours dans sa maison, où il me reçut avec toutes les marques de la joie la plus vive. Sa femme et tous ses enfants et petits-enfans me sautèrent au cou, et quand je le quittai, son fils aîné me servit de quide dans les montagnes pendant plusieurs jours, sans qu'il me fût possible de lui faire accepter quelque récompense.

[19] *Вурдалаки, Вудкодлаки, Упыри* — мертвецы, выходящие из своих могил и сосущие кровь живых людей.

[20] Лекарством от укушения Упыря служит земля, взятая из его могилы.

[21] По другому преданию, Георгий сказал товарищам: «Старик мой умер, возьмите его с дороги».

[22] Прекрасная эта поэма взята мною из Собрания Сербских песен Вука Стефановича.

[23] Песня о Яныше Королевиче в подлиннике очень длинна и разделяется на несколько частей. Я перевел только первую, и то не всю.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

С. 225. **«Счастлив ты в прелестных дурах...»**
Сен-При (*франц.*).

С. 239. **«Пью за здравие Мери...»**
Твое здоровье, Мери (*англ.*).

С. 248. **Сонет.**
Не презирай сонета, критик.
Вордсворт (*англ.*).

С. 258. **Моцарт и Сальери.**
О вы, которые знаете (*итал.*).

С. 303. **«Каков я прежде был, таков и ныне я...»**
Таким я был прежде, и таков я и ныне (*франц.*).

С. 353. **Предисловие к «Песням Западных Славян».**
Гузла, или Сборник иллирийских стихотворений, записанных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине (*франц.*).

С. 353—354. Париж, 18 января 1835.

Я думал, милостивый государь, что у Гузлы было только семь читателей, в том числе вы, я и корректор: с большим удовольствием узнаю, что могу причислить к ним еще двух, что составляет в итоге приличное число девять и подтверждает поговорку — никто не пророк в своем отечестве. Буду отвечать на ваши вопросы чистосердечно. Гузлу я написал по двум мотивам, — во-первых, я хотел посмеяться над «местным колоритом», в который мы слепо ударились в лето от рождества Христова 1827. Для объяснения второго мотива расскажу вам следующую историю. В том же 1827 году мы с одним из моих друзей задумали путешествие по Италии. Мы набрасывали карандашом по карте наш маршрут. Так мы прибыли в Венецию — разумеется, на карте, — где нам надоели встречавшиеся англичане и немцы, и я предложил отправиться в Триест, а оттуда в Рагузу. Предложение было принято, но кошельки наши были почти пусты, и эта «несравненная скорбь», как говорил Рабле, остановила нас на полдороге. Тогда я предложил сначала описать наше путешествие, продать книгопродавцу и вырученные деньги употребить на то, чтобы проверить, во многом ли мы ошиблись. На себя я взял собирание народных песен и перевод их; мне было выражено недоверие, но на другой же день я доставил моему товарищу по путешествию пять или шесть переводов. Осень я провел в деревне. Завтрак у нас был в полдень, я же вставал в десять часов; выкурив одну или две сигары и не зная, что делать до прихода дам в гостиную, я писал балладу. Из них составился томик, который я издал под большим

секретом, и мистифицировал им двух или трех лиц. Вот мои источники, откуда я почерпнул этот столь превознесенный «местный колорит»: во-первых, небольшая брошюра одного французского консула в Банялуке. Ее заглавие я позабыл, но дать о ней понятие нетрудно. Автор старается доказать, что босняки — настоящие свиньи, и приводит этому довольно убедительные доводы. Местами он употребляет иллирийские слова, чтобы выставить напоказ свои знания (на самом деле, быть может, он знал не больше моего). Я старательно собрал все эти слова и поместил их в примечания. Затем я прочел главу: О нравах морлаков из «Путешествия по Далмации» Фортиса. Там я нашел текст и перевод чисто иллирийской заплачки жены Ассана-Аги; но песня эта переведена стихами. Мне стоило большого труда получить подстрочный перевод, для чего приходилось сопоставлять повторяющиеся слова самого подлинника с переложением аббата Фортиса. При некотором терпении я получил дословный перевод, но относительно некоторых мест всё еще затруднялся. Я обратился к одному из моих друзей, знающему по-русски, прочел ему подлинник, выговаривая его на итальянский манер, и он почти вполне понял его. Замечательно, что Нодье, откопавший Фортиса и балладу Ассана-Аги и переведший с поэтического перевода аббата, еще более опоэтизировав его в своей прозе, — прокричал на всех перекрестках, что я обокрал его. Вот первый стих в иллирийском тексте: «Что белеется на горе зеленой» Фортис перевел: «Что же белеет средь зеленого леса». Нодье перевел Bosco — *зеленеющая равнина*; он промахнулся, потому что, как мне объяснили, gorje означает: *гора*. Вот и вся история. Передайте г. Пушкину мои извинения. Я горжусь и стыжусь вместе с тем, что и он попался, и проч. (*франц.*).

С. 387—389. **Примечания к «Песням Западных Славян».**

Заметка о Иакинфе Маглановиче

Иакинф Магланович — единственный мне знакомый гусляр, который в то же время был бы поэтом; большинство гусляров повторяют старые песни или самое большое — сочиняют подражания, заимствуя стихов двадцать из одной баллады, столько же из другой и связывая всё это при помощи скверных стихов собственного изделия.

Поэт наш родился в Звонограде, как он сам говорит об этом в балладе «Шиповник в Велико». Он был сын сапожника, и его родители, по-видимому, не сильно беспокоились об его образовании, ибо он не умеет ни читать, ни писать. В возрасте восьми лет он был похищен *чинженегами*, или цыганами. Эти люди увели его в Боснию, где и обучили своему искусству, и без труда обратили его в магометанство, исповедываемое большинством среди них.* Один «*айан*», или старшина, в Ливно отнял его у цыган и взял себе в услужение, где он и пробыл несколько лет.

Ему было пятнадцать лет, когда один католический монах обратил его в христианство, рискуя быть посаженным на кол в случае обнаружения этого,

* Все эти подробности были сообщены мне в 1817 году самим Маглановичем.

ибо турки отнюдь не поощряют миссионерской деятельности. Юный Иакинф недолго задумывался над тем, чтобы покинуть своего хозяина, достаточно сурового, как и большинство босняков; но, уходя из его дома, он задумал отмстить за дурное обращение. Однажды ночью, в грозу, он ушел из Ливно, захватив с собой шубу и саблю хозяина, с несколькими цехинами, какие ему удалось похитить. Монах, окрестивший его, сопровождал его в бегстве, совершенном, вероятно, по его совету.

От Ливно до Синя, в Далмации, миль двенадцать. Беглецы скоро прибыли туда, под покровительство венецианского правительства, в безопасности от преследований айана. Здесь-то Магланович сочинил свою первую песню, он воспел свое бегство в балладе, которая привлекла внимание некоторых, и с нее-то началась его известность.*

Но он был без средств к существованию, а по природе своей не был расположен к труду. Благодаря морлацкому гостеприимству некоторое время он жил на подаяния сельских жителей, отплачивая им пением какой-нибудь заученной им старинной песни. Вскоре он сочинил несколько новых песен на случай свадеб и погребений, и его присутствие стало настолько необходимым, что ни один праздник не считался удачным, если на нем не было Маглановича со своей гузлой.

Так он жил в окрестностях Синя, мало беспокоясь о своих родных, судьба которых ему доныне осталась неизвестной, так как со дня похищения он ни разу не бывал в Звониграде.

В двадцать пять лет это был красивый молодой человек, сильный, ловкий, прекрасный охотник и сверх того знаменитый поэт и музыкант; его уважали все, в особенности девушки. Та, которой он отдавал предпочтение, звалась Марией и была дочерью богатого морлака, по имени Злариновича. Он легко добился взаимности и, по обычаю, похитил ее. У него был соперник по имени Ульян, нечто вроде местного сеньора, который заранее проведал о похищении. Иллирийские нравы таковы, что отвергнутый любовник легко утешается и не косится на своего счастливого соперника, но этот Ульян решил ревновать и препятствовать счастью Маглановича. В ночь похищения он явился с двумя слугами в ту минуту, когда Мария села на лошадь, чтобы следовать за возлюбленным. Ульян угрожающим голосом приказал остановиться. Соперники, по обычаю, были вооружены. Магланович выстрелил первый и убил сеньора Ульяна. Если бы у него была семья, то она поддержала бы его, и он не покинул бы страны из-за таких пустяков, но он был одинок, против него — готовая на месть семья убитого. Он быстро пришел к решению и скрылся с женой в горах, где присоединился к гайдукам.**

Он долго жил с ними и даже был ранен в лицо при схватке с пандурами.*** Наконец, заработав кое-какие деньги, как я полагаю, не особенно честным

---

* Я тщетно разыскивал эту балладу. Сам Магланович ее забыл или, может быть, стыдился петь мне первый свой поэтический опыт.

** Род разбойников.

*** Полицейские солдаты.

способом, он оставил горы, купил скот и поселился в Катарро с женой и детьми. Дом его около Смоковича, на берегу речонки или потока, впадающего в озеро Врана. Жена и дети заняты коровами и фермой; он же вечно в разъездах; часто посещает он своих старинных друзей гайдуков, но не принимает уже участия в их опасном промысле.

Я встретил его в Заре впервые в 1816 г. В то время я свободно говорил по-иллирийски и сильно желал услышать какого-нибудь известного поэта. Мой друг, уважаемый воевода Николай, встретил в Белграде — месте своего жительства — Иакинфа Маглановича, ему ранее известного, и, зная, что он направлялся в Зару, снабдил его письмом ко мне. Он писал мне, что если я желаю послушать гусляра, то должен сперва подпоить его, ибо вдохновение на него сходило лишь тогда, когда он бывал почти пьян.

Иакинфу было в то время около шестидесяти лет. Это — высокий человек, еще крепкий и сильный для своего возраста, широкоплечий, с необычайно толстой шеей; лицо его удивительно загорелое, глаза маленькие и слегка приподнятые по углам, орлиный нос, довольно красный от крепких напитков, длинные белые усы и густые черные брови; всё это вместе дает образ, незабываемый для того, кто видел его хоть раз. Прибавьте к тому длинный шрам через бровь и вдоль щеки. Непостижимо, как он не лишился глаза при таком ранении. Голова у него была бритая, по почти всеобщему обычаю, и носил он черную барашковую шапку; платье его было очень поношенное, но притом весьма опрятное.

Войдя ко мне в комнату, он передал мне письмо воеводы и присел без стеснения. Когда я прочел письмо, он сказал тоном довольно презрительного сомнения: — Так вы говорите по-иллирийски. Я ответил немедленно на этом языке, что достаточно понимаю по-иллирийски, чтобы оценить его песни, которые мне очень хвалили. — Ладно, ладно, — отвечал он, — но я хочу есть и пить; я буду петь, когда поем. — Мы вместе пообедали. Мне казалось, что он голодал по меньшей мере дня четыре, с такой жадностью он ел. По совету воеводы, я подливал ему, и друзья мои, которые, услышав о его приходе, пришли ко мне, наполняли его стакан ежеминутно. Мы надеялись, что, когда этот необычайный голод и жажда будут удовлетворены, наш гость соблаговолит нам что-нибудь спеть. Но ожидания наши оказались напрасны. Внезапно он встал из-за стола и, опустившись на ковер у огня (дело было в декабре), заснул в пять минут, и не было никакой возможности разбудить его.

Я был удачливее в другой раз: я постарался напоить его лишь настолько, чтобы воодушевить его, и тогда он спел мне много баллад, находящихся в этом сборнике.

Должно быть, голос его прежде был хорош, но тогда он был немного разбит. Когда он пел, играя на гузле, глаза его оживали, и лицо принимало выражение дикой красоты, которую художники охотно заносят на полотно.

Он со мной расстался довольно странным способом; пять дней жил он у меня и на шестой утром ушел, и я тщетно ждал его до вечера. Мне сказали, что он ушел из Зары к себе домой; но в то же время я заметил исчезновение пары английских пистолетов, которые, до его поспешного ухода, висели у

меня в комнате. Я должен добавить, к его чести, что он мог равным образом унести мой кошелек и золотые часы, которые были раз в десять дороже, чем взятые им пистолеты.

В 1817 году я провел два дня в его доме, где он принял меня, выказав живейшую радость. Жена его и все дети и внуки окружили меня и обнимали, а когда я ушел от них, старший сын служил мне проводником в горах в течение нескольких дней, причем невозможно было уговорить его принять какое-бы то ни было вознаграждение.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Л. С. Сидяков

ПРИЖИЗНЕННЫЙ СВОД ПУШКИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Пушкину не довелось издать собрания своих сочинений, хотя он не раз ставил перед собой такую задачу. Первый шаг к осуществлению своего намерения был сделан им в 1829 г., когда выходят в свет две первые части «Стихотворений Александра Пушкина». Преемственно связанные с одноименным сборником 1826 г., они, однако, существенно отличались от него по замыслу. Собрав разрозненные публикации прошлых лет и дополнив их еще неизвестными публике произведениями, этот сборник должен был дать представление о «мелких стихотворениях» Пушкина, предварявших и сопровождавших работу над его крупными произведениями в стихах, поочередно выходившими отдельными изданиями (до конца 1825 г. появились: «Руслан и Людмила», 1820; «Кавказский пленник», 1822, 1824; «Бахчисарайский фонтан», 1824, и первая глава «Евгения Онегина», 1825). Иную цель преследовали «Стихотворения Александра Пушкина» 1829 г. Появлению двух их частей предшествовали выходившие одно за другим новые и повторные издания пушкинских поэм: «Цыганы» (1827), «Братья разбойники» (1827, два издания), «Бахчисарайский фонтан» (1827), «Руслан и Людмила» (1828), «Кавказский пленник» (1828), «Полтава» (1829); с 1826 по 1828 г. были опубликованы 2—6-я главы «Евгения Онегина», а в 1829 г. — 2-е издание первой главы «романа в стихах». Существенно изменилось к этому времени и положение Пушкина в литературе. После возвращения из ссылки в 1826 г. он воспринимается уже как признанный ее глава, к нему тянутся писатели, возрастает его авторитет у читателей; представление о неуклонном росте поэта и о развитии его творчества становится предметом обсуждения критики. Две части «Стихотворений Александра Пушкина» (1829) закрепляют мысль об эволюции творчества поэта. Третья часть (1832) дополняет это представление. В четвертой части «Стихотворений...» (1835) замысел этот в какой-то мере оказался разрушенным; однако идея творческого развития поэта была подкреплена незадолго до того вышедшим сборником «Поэм и повестей Александра Пушкина» (1835, 2 ч.), объединившим в хронологической последовательности опубликованные ранее порознь поэмы Пушкина — произведения важнейшего для него жанра. Наконец, задуманное в 1836 г. издание «Романов и повестей» должно было соединить только что опубликованную в «Современнике» «Капитанскую дочку» с ранее вышедшим сборником «Повестей, изданных Александром Пушкиным» (1834), представив таким образом читателю прозу Пушкина. Вместе с отдельными изданиями «Бориса Годунова» (1831), «Евгения Онегина» (1833, 1837) и

«Истории Пугачевского бунта» (1834) все эти книги и создавали (хотя и далекое от полноты) довольно репрезентативное представление о творчестве Пушкина в целом, не заменяя, естественно, собрания его сочинений. Именно эти прижизненные издания и легли в основу первого, уже посмертного собрания сочинений Пушкина, составив первые восемь его томов (1838). Оно, однако, было составлено совсем по-другому, чем это мыслилось автору; поэтому лишь вышедшие при жизни Пушкина издания его произведений могут дать достоверный материал для представления о прижизненном корпусе его сочинений. Не менее важно воспроизвести их в том виде, в каком они были в свое время опубликованы. Такой цели и служит переиздание едва ли не наиболее интересного из всех перечисленных прижизненных книг поэта — «Стихотворений Александра Пушкина» 1829—1835 гг. Обращение к нему поможет составить самостоятельное представление о прижизненном своде пушкинской поэзии, не всегда доступном в оригинале даже исследователю творчества Пушкина. Интерес его заключается в том, что издание это отразило не только авторский замысел, но и творческую судьбу поэта. «Стихотворения Александра Пушкина» 1829—1835 гг. неотделимы от предшествовавших, сопутствовавшим им и возникших уже после их издания замыслов; только в этом контексте способна раскрыться их история и судьба.

1

Впервые мысль объединить написанное им в стихотворном сборнике появилась у Пушкина еще в Лицее. В канун его окончания у поэта собралось уже немало стихотворений, многие из них в 1814—1817 гг. были напечатаны и, хотя большинство публиковалось под псевдонимом, успели принести юному поэту имя и известность. Три стихотворения — «К Лицинию», «Наполеон на Эльбе» и «Воспоминания в Царском Селе» попали даже в «Собрание образцовых Руских сочинений и переводов в стихах, изданное обществом любителей отечественной словесности» (СПб., 1816—1817. Ч. 4, 6). Успех у товарищей, одобрение преподавателей, внимание старших поэтов также способствовали сознанию значительности того, что выходило из-под его пера, и Пушкин задумывается над возможностью предстать перед читателем автором собственного поэтического сборника. Перед глазами юного поэта был пример В. А. Жуковского, подарившего ему как собрату первую часть своего только что вышедшего сборника «Стихотворения Василия Жуковского» («Жуковский дарит мне свои стихотворения», — с гордостью записал Пушкин в дневнике; XII, 295),[1] и на обложке тетради, предназначенной для переписывания ранее созданных стихотворений, появляется многозначительная надпись: «Стихотворения Александра Пушкина. 1817». Общение с Жуковским, благожелательно отнесшимся к стихотворениям Пушкина-лицеиста, сыграло, видимо, немаловажную роль в появлении у него замысла поэтического сборника, и поэт начинает обдумывать его состав и композицию.

[1] Все цитаты из Пушкина даются по изданию: *Пушкин*. Поли. собр. соч. М., 1937—1949. Т. 1—16 и Справочный том (1959) с указанием в скобках римскими цифрами тома и арабскими — страницы.

Трудно, конечно, сказать, насколько серьезны были намерения Пушкина *издать* готовившийся сборник, однако то, что создавался он именно как авторский сборник, призванный создать представление о творчестве поэта, является очевидным.[2] Как и друзья-лицеисты, помогавшие Пушкину переписать в тетрадь его стихотворения (исследователи узнали руку И. Пущина, А. Дельвига, В. Вольховского, А. Илличевского, А. Горчакова, М. Яковлева, Ф. Матюшкина, В. Кюхельбекера и др.), Жуковский явился ее первым читателем, оставившим на полях ряд помет; вполне возможно, что его критика заставила поэта охладеть к своему замыслу. Сам замысел, однако, не прошел для Пушкина бесследно, — необходимо поэтому присмотреться к нему поближе.

Помимо упомянутой тетради,[3] сохранился также и план, позволяющий судить о составе и композиции задуманного Пушкиным сборника.[4] Как и аналогичный сборник Жуковского, он должен был строиться по жанровому принципу: один столбец плана отведен «Посланиям», другой открывается заголовком «Лирические»,[5] явно относящимся к перечисленным ниже стихотворениям: «Наполеон на Эльбе», «Воспоминания в Царском Селе» и «Принцу Оранскому»; далее появляются и другие жанровые обозначения: «XV Элегии», «Эпиграммы и надписи»; наконец, слово «пьески» относится, по-видимому, к тем стихотворениям (не все они перечислены в плане), жанровая приуроченность которых вызывала затруднения (ср. раздел «Смесь» в «Стихотворениях Василия Жуковского»). Даже раздел «Посланий», судя по перечисленным в нем произведениям, предполагал некоторую размытость жанровых границ;[6] можно поэтому полагать, что само жанровое построение задуманного Пушкиным сборника предстает, скорее, как дань сложившейся традиции, представлявшейся непререкаемой. В тетради «Стихотворения Александра Пушкина. 1817» эта традиция вообще не соблюдается, и расположение стихотворений в тетради лишено определенной системы. Видимо, эта тетрадь и не задумывалась как готовый макет будущего сборника, а представляла собой лишь материалы к нему (не включены в нее, в частности, опубликованные стихотворения Пушкина, согласно плану предназначавшиеся для помещения в сборнике). В составлении тетради сказались, вероятно, навыки коллективных сборников, объединявших произведения лицейских поэтов, только на этот раз это было собрание стихотворений лишь одного автора, признанного зато первым лицейским поэтом.

---

[2] Подробнее о «лицейской тетради» Пушкина см.: *Вацуро В. Э.* Лицейское творчество Пушкина // Пушкин А. С. Стихотворения лицейских лет. 1813—1817. СПб., 1994. С. 383—403; *Цявловский М. А.* Источники текста лицейских стихотворений // *Пушкин А. С.* Стихотворения лицейских лет. 1813—1817. СПб., 1994. С. 460—476. В статье Н. Н. Петруниной «Из истории первого собрания стихотворений Пушкина» (Русская литература. 1990. № 3) «лицейская тетрадь» рассматривается лишь как «свод ненапечатанных его ⟨Пушкина⟩ стихов», не воспринимавшаяся якобы автором «как рукопись будущей книги» (с. 144). Этот вывод, основанный на ряде гипотетических соображений, не представляется убедительным.

[3] ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 829.

[4] См.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты (далее — РП). М.; Л., 1935. С. 225—228.

[5] Под «лирическими» здесь подразумеваются стихотворения «высокого» плана, ориентированные на одическую традицию. Ср. раздел «Лирические стихотворения» в первой части «Стихотворений Василия Жуковского».

[6] См.: *Томашевский Б. В.* Пушкин. М., 1990. Т. 1. С. 105—106.

Список, составленный Пушкиным, и лицейская тетрадь с вписанными в нее стихотворениями поэта вместе обозначили более 60 стихотворений (некоторые из названных в списке стихотворений не поддаются соотнесению с известными нам произведениями Пушкина). Они составляют значительную часть из написанного Пушкиным в лицейские годы, но очевиден и отбор: наиболее заметно то, что предусматривалось включить в сборник лишь малое число стихотворений 1814 г., произведения же 1813 г. вообще отсутствуют. Очевидно, что в 1817 г. Пушкин достаточно сурово относился к своим ранним поэтическим опытам, даже к тем, которые были опубликованы («К другу стихотворцу», «Кольна», «Козак» и др.). Зато почти все написанное в 1815 г. и тем более в 1816-м (как, вероятно, и в 1817 г.) предполагалось включить в задуманный сборник (хотя некоторые из них, как например «Городок», все же остались за пределами его плана). Впрочем, известные нам материалы дают неполное представление о составе сборника, неясна и последовательность возникновения лицейской тетради и плана; поэтому всякое суждение об этом замысле не может быть вполне убедительным и достоверным; к тому же и не все сохранившиеся лицейские стихотворения могут быть точно датированы. Так или иначе, готовившийся в 1817 г. сборник должен был довольно полно представить лицейскую поэзию Пушкина; после окончания Лицея поэт, однако, уже не возвращается к нему, хотя мысль о нем совсем и не отбрасывается: замысел сборника лицейских стихотворений был учтен при разработке нового проекта, из которого затем вырастают «Стихотворения Александра Пушкина» 1826 г.

Первые сведения о новом издательском замысле Пушкина относятся к концу 1818 г. 24 декабря А. И. Тургенев сообщал П. А. Вяземскому: «Пушкин печатает свои стихотворения».[7] Несколько ранее (18 декабря) С. А. Соболевский писал своему отцу: «...скоро выйдут произведения молодого Пушкина ⟨...⟩ мне, вместе с его братом, поручено Пушкиным распределять билеты в нашем пансионе;[8] цена по подписке 10 рублей за 2 тома in 12°. Жуковский один взял 100»[9] (Жуковский, таким образом, взял на себя частичное финансирование предполагавшегося издания). Возможно, с этим несостоявшимся проектом связаны и пометы в лицейской тетради Пушкина: «надо», «переписать», «не надо», «переделать»⟨?⟩; не исключено и составление рукописи будущего сборника, до нас не дошедшей.

Ближе к реализации оказался план 1820 г., с которым связана история так называемой «тетради Всеволожского»,[10] писарской копии, предназначенной для нового издания сочинений Пушкина. Задумав осуществить его за свой счет, поэт организовал предварительную подписку на него. Позднее он вспоминал об этом в письме Вяземскому 29 ноября 1824 года: «...в 1820 г. переписал я свое вранье и намерен был издать его по подписке; напечатал билеты и роздал около сорока» (XIII, 124—125). Речь как раз и идет о наборной рукописи издания, сохранившейся, хотя и в неполном виде, под все тем же заглавием «Стихотворения

---

[7] Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 179.

[8] С. Соболевский вместе с Л. Пушкиным воспитывался в Благородном пансионе при Главном Педагогическом Институте в Петербурге.

[9] Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 727 (подл. по-французски).

[10] Тетрадь Всеволожского (Публ. Б. Томашевского; Комментарии Б. Томашевского и М. Цявловского) // Летописи Гос. Литературного музея. М., 1936. Кн. 1: Пушкин. С. 1—74.

Александра Пушкина». В нее должно было входить не менее шестидесяти стихотворений (по реконструкции Б. В. Томашевского, практически восстановившего весь вероятный состав сборника). Задуманный Пушкиным новый сборник вполне соизмерим со «Стихотворениями Александра Пушкина. 1817», хотя, разумеется, план обоих уже не совпадал. Пушкиным к 1820 г. было создано немало новых произведений, изменился и его взгляд на написанное прежде, что привело к значительному сокращению лицейской лирики в составе задуманного сборника (добавлено было, однако, несколько стихотворений, написанных в Лицее уже после составления тетради 1817 г.).

Любопытно, что в состав «тетради Всеволожского» были введены некоторые лицейские стихотворения, видимо отвергнутые в 1817 г.: «Роза», «Пробуждение», «Гроб Анакреона». Предположение Б. В. Томашевского о том, что «из каких-то соображений Пушкин понизил требовательность при отборе своих стихотворений для издания 1820 г.»,[11] вряд ли справедливо, — у поэта мог измениться критерий отбора и его взгляд на прежние произведения стал более проницательным; названные стихотворения прочно займут свое место во всех последующих пушкинских сборниках. Значительной оказалась и переработка лицейских текстов, нередко радикально изменявшая их облик; к своим лицейским стихам Пушкин относится теперь как к сырому материалу, нуждающемуся в существенной переработке сообразно с новыми эстетическими требованиями «взыскательного художника». Дело, однако, заключалось не только в эстетических критериях: перерабатывая «Воспоминания в Царском Селе», включенные в «тетрадь Всеволожского», Пушкин снял все то, что связывало их с официальным отношением к Александру I, вплоть до полного изъятия посвященной царю строфы («Достойный внук Екатерины...» и т. д.). Смещение политических акцентов привело к тому, что изменения приобретали вызывающий смысл,[12] и Пушкин счел за благо вообще изъять это уже приобретшее известность стихотворение и никогда не включал его в свои последующие сборники.

С отношением к «Воспоминаниям в Царском Селе» согласуется также исключение из плана 1820 г. стихотворения «На возвращение государя императора из Парижа» (в 1818 г. напечатанного в «Трудах Общества любителей Российской словесности при императорском Московском университете»); если же с этой точки зрения рассмотреть все подобные изъятия (в сравнении со списком произведений и тетрадью 1817 г.), то возникает впечатление очень строгого отбора прежних лицейских стихотворений. Соображения у Пушкина, конечно, могли быть различными, но главное заключалось именно в эстетической требовательности, заставлявшей, по-видимому, отказаться от таких стихотворений, как «Наполеон на Эльбе», «Сраженный рыцарь» и других менее удачных произведений. Одновременно уходило и то, что утрачивало для Пушкина актуальный смысл: стихотворения с резко отмеченной лицейской «домашней семантикой» («Пирующие студенты» и др.), уже отодвинувшейся для поэта в прошлое, хотя обобщенное восприятие лицейской темы в таких стихотворениях, как «Товарищам», «Разлука» (первоначально опубликованного под названием «Кюхельбеке-

---

[11] Там же. С. 40.

[12] См. там же. С. 71.

ру»), представлялось по-прежнему значимым и достойным включения в сборник стихотворений.

Что касается стихотворений 1817—1820 гг., отобранных для сборника 1820 г., то здесь на первый план выдвигались иные критерии. Отпадало, естественно, то, что имело резко политическую окраску («Вольность», «К Чаадаеву», «Сказки. Noël», эпиграммы и др.). Б. В. Томашевский, правда, допускал, что в «тетрадь Всеволожского» могла быть включена «Деревня» (конечно, с существенными изъятиями; первая часть стихотворения под названием «Уединение» печаталась затем в сборниках 1826 и 1829 гг.), поскольку, считал ученый, в 1820 году Пушкин «должен был поступить еще смелее и ввести в сборник более полный текст, предоставив цензорам его сокращать».[13] С политическим направлением пушкинской лирики согласовывалось и включение в «тетрадь Всеволожского» (хотя и в недошедшей ее части) стихотворения «К Н. Я. П⟨люсковой⟩», опубликованного незадолго перед тем под заглавием «Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елисаветы Алексеевны» (Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1819. № 10. С. 70—71). Исключалось и все то, что имело сугубо интимный смысл («Тургеневу», «О. Массон» и т. п.); но, конечно, мотивы отказа Пушкина от тех или иных произведений, не относящихся к числу политических стихотворений или «домашней» лирики, не всегда могут быть убедительно объяснены (например, отсутствие таких стихотворений, как «Мечтателю», «Дорида», «Дориде» и др., сначала опубликованных Пушкиным и затем благополучно включенных в сборники 1826 и 1829 гг.). В целом же тематика и характер пушкинской лирики 1817—1820 гг. очень отчетливо представлены в «тетради Всеволожского»; за ее пределами оставалось не так уж много написанных в это время произведений.

Как и замысел 1817 г., сборник, задуманный в 1820 г., предполагал жанровое расположение стихотворений. Его должен был открывать раздел «Элегий» (не «Посланий», как в плане 1817 г.), другие из-за дефектности рукописи прослеживаются менее очевидно; но вероятно, что за ним должны были следовать «Послания» и «Мелкие стихотворения» (или «Смесь»). Анализ «тетради Всеволожского» дает, таким образом, значительный и достоверный материал для реконструкции замысла 1820 г. Ему не удалось осуществиться в силу главным образом внешних причин, связанных с нависшей над Пушкиным угрозой высылки из Петербурга, что заставило его принять меры, которые обеспечили бы сохранность тетради и вероятность ее опубликования. В апреле 1820 г. поэт, по его словам, «полу-продал, полу-проиграл» (XIII, 115) рукопись своему другу и собрату по «Зеленой лампе» Н. В. Всеволожскому, входившему в то время в близкое дружеское окружение Пушкина. «Разумеется, с известным условием», добавлял Пушкин, сообщая об уступке своей тетради Всеволожскому в письме Вяземскому (XIII, 125). Иными словами, поэт передавал другу право на публикацию своего сборника; речь поэтому может идти не о легкомыслии Пушкина, но об определенном расчете, с которым он связывал участие Всеволожского в последующей судьбе своей рукописи (Всеволожский слыл богачом, и Пушкин надеялся, по-видимому, на его финансовые возможности). В случае же

[13] Там же. С. 37.

невыполнения данного «условия» Пушкин оставлял за собой право выкупа тетради у ее нового владельца. Из полученной поэтом суммы — тысячи рублей — половина шла, вероятно, в уплату карточного долга («полу-проиграл»).

Оказавшись в ссылке, Пушкин сохраняет надежду на то, что Всеволожский сумеет выполнить задуманное; 27 июля 1820 г. он просит брата: «...постарайся свидиться с Всеволожским — и возьми у него на мой счет число экземпляров моих сочинений (буде они напечатаны), розданное моими друзьями — экземпляров 30» (XIII, 31). Надежда на Всеволожского вскоре, однако, иссякает, и уже в 1822 г. у Пушкина возникает новый план издания сборника его стихотворений, предпринятого было библиофилом кн. А. Я. Лобановым-Ростовским через посредство другого приятеля поэта по «Зеленой лампе» Я. Н. Толстого, для чего потребовалась рукопись, находившаяся по-прежнему у Всеволожского. «Явись от меня к Никите Всеволожскому, — писал Пушкин брату 4 сентября 1822 г., — и скажи ему, чтобы он ради Христа погодил продавать мои стихотворения до будущего года — если же они проданы, явись с тою же прозьбой к покупщику» (XIII, 45). Сложившуюся ситуацию объясняет письмо Пушкина Я. Толстому 26 сентября 1822 г., прямо связанное с названным проектом: «Предложение князя Лобанова льстит моему самолюбию, но требует с моей стороны некоторых изъяснений. Я хотел сперва печатать мелкие свои сочинения по подписке, и было роздано уже 30 билетов — обстоятельства принудили меня продать мою рукопись Никите Всеволожскому, а самому отступиться от издания — разумеется, что за розданные билеты должен я заплатить, и это первое условие. Во-вторых, признаюсь тебе, что в числе моих стихотворений иные должны быть выключены, многие переправлены, для всех должен быть сделан новый порядок, и потому мне необходимо нужно пересмотреть свою рукопись; третье: в последние три года я написал много нового; благодарность требует, чтоб я всё переслал князю Александру, но ценсура, ценсура!..» (XIII, 46—47). В письме этом, помимо того что оно имеет в виду новый план издания стихотворений, интересно также указание на неудовлетворенность Пушкина ранее подготовленной рукописью, что требует как пересмотра текстов, так и нового композиционного решения. Дело, однако, затянулось, и в конце концов предприятие кн. Лобанова расстроилось; свою роль в этом сыграли какие-то интриги Н. И. Гнедича, также претендовавшего на право быть издателем пушкинских стихотворений (см. XIII, 84). Но в 1824 г. возникает новый замысел издания, связанный с П. А. Мухановым, который при посредстве К. Ф. Рылеева задумал было издавать Пушкина. В письме Рылееву Муханов сообщал: «... я надеюсь приобрести элегии и мелкие стихотворения А. Пушкина; буду просить тебя наблюдать за печатанием оных ⟨...⟩ *Не выдавай секрета*, жду из Одессы решительного ответа по сей почте».[14] И этот проект остался нереализованным; но мысль о новом издании своих сочинений уже не покидает Пушкина. Препятствием по-прежнему оказывается право Всеволожского на их публикацию, и поэт обращается с просьбой, на этот раз к А. Бестужеву, добиться возвращения ему этого права: «...постарайся увидеть Никиту Всеволожского, лучшего из минутных друзей моей минутной

---

[14] Цит. по: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799—1826 // Сост. М. А. Цявловский. 2-е испр. и доп. изд. Л., 1991. С. 410.

младости. Напомни этому милому, беспамятному эгоисту, что существует некто А. Пушкин, такой же эгоист и приятный стихотворец. Оный Пушкин продал ему когда-то собрание своих стихотворений за 1000 р. ассигн⟨ациями⟩. Ныне за ту же цену хочет у него их купить. Согласится ли Аристип Всеволодович?..» (XIII, 101). С этого времени начинаются активные и настойчивые хлопоты Пушкина по выкупу его рукописи у Всеволожского, поскольку сохранение за ним права на ее издание препятствовало осуществлению нового замысла, приобретавшего уже вполне конкретные очертания. Дело шло не только о поэтическом престиже Пушкина, но и о материальных соображениях. «И тебе, — писал Пушкину Вяземский, — не худо хлопотать о грошах или денежках на черный день ⟨...⟩. Собери все свои элегии и пришли мне их; можно их отдельно напечатать. Потом *три поэмы*. Там отрывки из „Онегина"; а уж под конец полное собрание. Вот тебе и славная оброчная деревня! А меня наряди своим бурмистром!..» (XIII, 118).

Вяземский, таким образом, предлагал расширенный план издания, включающего в себя наряду со стихотворениями (в данном случае только элегиями) также и произведения крупного жанра; Пушкин же по-прежнему ориентировался на отдельное издание «мелких стихотворений». Отвечая Вяземскому, он сообщал ему о положении с Всеволожским, а также писал о ситуации, сложившейся вокруг предполагаемого издания: «Между тем принужден был бежать из Мекки в Медину, мой Коран пошел по рукам — и доныне правоверные ожидают его. Теперь поручил я брату отыскать и перекупить мою рукопись, и тогда приступим к изданию элегий, посланий и смеси» (XIII, 125). В дело, таким образом, вновь был включен Л. Пушкин, который затем (вместе с П. А. Плетневым и Жуковским) окажется причастным к редактированию «Стихотворений Александра Пушкина», о подготовке к изданию которых практически и идет уже речь. Оставалось снять последнее препятствие — уговорить Всеволожского вернуть рукопись и вместе с нею право на ее издание. В конце сентября 1824 г. через брата, уезжавшего из Михайловского в Петербург, Пушкин направляет Всеволожскому письмо (сохранившееся в черновике) с просьбой об этом; напоминая о себе и об истории с переданной ему тетрадью, поэт писал: «Я раскаялся, но поздно — ныне решился я исправить свои погрешности, начиная с моих стих⟨ов⟩, большая часть оных ниже посредственн⟨ости⟩ и годится только на соверш⟨енное⟩ уничтожение, некоторых хочется мне спасти. Все⟨воложский⟩ ми⟨лый⟩ ⟨...⟩, продай мне назад мою рукопись, — за ту же цену 100⟨0⟩ (я знаю, что ты со м⟨ной⟩ спорить не станешь; даром же взять не захочу) ⟨...⟩ Передумай и дай ответ». (XIII, 115). Хлопоты затянулись вплоть до начала 1825 г., пока, наконец, в марте «тетрадь Всеволожского» была возвращена и 13 марта оказалась в руках Пушкина. Уже зная о ее возвращении, но еще не получив рукописи, поэт писал брату: «Перешли же мне проклятую мою рукопись — и давай уничтожать, переписывать и издавать ⟨...⟩ Элегии мои переписаны — потом послания, потом смесь, потом, благословясь, и в цензуру» (XIII, 151). Возвращение «тетради Всеволожского» открывало путь к изданию давно задуманного сборника; ожидая ее, Пушкин включился уже в работу по его непосредственной подготовке: «Тотчас займусь новым собранием и перешлю тебе», — едва получив долгожданную рукопись, сообщает он брату (XIII, 152). С работой над «новым собранием»

связано составление уже другой, так называемой «капнистовской тетради».[15] «Капнистовская тетрадь» представляла собой рукопись, имевшую чисто прикладное значение: «что-то среднее между письмом и списком стихотворений».[16] Она содержала в себе, помимо переписанных текстов, ряд соображений по поводу состава задуманного сборника, расположения в нем стихотворений, замечания редакционного и библиографического характера и т. д. В ней в основном намечено такое композиционное решение, которое ляжет в основу «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 г.: разделы «Элегий», «Подражаний древним», «Посланий» (большая часть этого раздела в рукописи была утрачена), «Смеси», наконец, «Эпиграмм, надписей и прочего». Для первого раздела, переписанного еще до возвращения «тетради Всеволожского», последняя оказалась практически ненужной, поскольку Пушкин почти отказался от более ранних произведений этого жанра: основу его составили элегии, написанные начиная с 1820 г. («Погасло дневное светило...», «Увы! зачем она блистает...», «Простишь ли мне ревнивые мечты...» и др.). В процессе изготовления «капнистовской тетради» возникали новые решения: «Поместить в элегиях», «В элегии» — такие пометы появляются у стихотворений «Гроб юноши», «Сожженное письмо», «Подражание А. Шенье» («Ты вянешь и молчишь...») и др. То же относится и к другим разделам, состав которых тут же и обсуждается; см., например, помету, относящуюся к стихотворениям «К К.» («Кто мне пришлет ее портрет...») и «Дочери Карагеоргия»: «NB. Эти 2 штуки можно поместить и в *Смеси*. Твоя воля» (замечание обращено к брату).

В отличие от «тетради Всеволожского» композиционное решение нового сборника претерпело изменения; выдвижение на первый план элегий отразило реальное положение этого жанра в поэзии Пушкина первой половины 1820-х гг., в составе которой элегии заняли преобладающее место. Более определенными оказались и жанровые приметы элегий, позволившие четко выделить круг произведений, которые были отнесены к данному разделу. «Подражания древним» («или как хотите», — добавил здесь Пушкин, не настаивавший, таким образом, именно на этом обозначении) включали в себя антологические стихотворения («Дориде», «Нереида», «Муза», «Ночь» и др.), по своему характеру примыкавшие к элегиям, но в отличие от них лишенные жанровой определенности. Образцом для Пушкина послужили аналогичные поэтические опыты Батюшкова, воссоздававшего характер и формы греческой антологии в русской поэзии. Впрочем, Пушкин не ставил перед собой задачи формального следования античной поэзии, и понятие «древние» выступает у него сначала как определенная эстетическая мера, на которую сориентированы свободные «подражания» им. Стилистическое же решение стихотворений опиралось на элегические принципы.

Раздел «Посланий», предусмотренный «капнистовской тетрадью», совпадал в основном, видимо, с тем, как он представлен в сборнике 1826 г., — отсутствие соответствующих страниц в рукописи, бывшей в свое время в распоряжении

---

[15] Тетрадь названа по имени ее владельца гр. П. И. Капниста; в конце XIX—нач. XX в. она использовалась пушкинистами, один из которых (Л. Н. Майков) описал ее, а другой (П. И. Рейнбот) сделал с нее несколько фотографий. На основе этих и других косвенных материалов исследование этой утраченной тетради осуществил Б. В. Томашевский. Опубликована в РП. С. 228—231.

[16] *Томашевский Б. В.* Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 843.

ученых, не позволяет судить о нем более определенно. Для «Смеси» в «капнистовской тетради» имелся лишь перечень подлежавших включению в него стихотворений, причем в ходе его подготовки возникает мысль об отказе от предполагавшегося вначале заголовка: «Заглавие *Смесь* не нужно», — замечает Пушкин в конце относящихся к этому разделу указаний.

По точному замечанию Б. В. Томашевского, «именно тетрадь Капниста дает представление о том, в каком виде Пушкин хотел печатать свои стихи» и что только она «дает нам возможность представить себе лирический облик Пушкина в 1825 году так, как он сам себе его представлял».[17] Подчеркнуть это необходимо потому, что в опубликованном позднее сборнике 1826 г. схема, намеченная «капнистовской тетрадью», была нарушена, причем возможность ее разрушения предусматривалась указаниями самого Пушкина, видимо, не придававшего намеченному расположению безусловного значения и настаивавшего лишь на «разнообразии» как определяющем композиционном принципе будущего издания: «Дай всему этому порядок, какой хочешь, но разнообразие!» (ср. выше: «Вообще в расположении пиес должно наблюдать некоторое разнообразие»).

В ходе работы над «капнистовской тетрадью», начатой еще до возвращения «тетради Всеволожского», последняя оказалась необходимой для подготовки разделов, следовавших за «Элегиями» в той их части, которая совпадала с планом нового сборника (сама эта тетрадь, видимо, была переслана в Петербург с Дельвигом, посетившим Пушкина в Михайловском в апреле 1825 г.). В «тетради Всеволожского» выделяются два слоя поправок, относящихся именно к 1825 г.: один пушкинский и другой, связанный с работой Л. Пушкина и Жуковского. На основе полученных от поэта материалов была составлена писарская копия, посланная затем Пушкину для просмотра. Переписка Пушкина с братом и Плетневым обнаруживает большую заинтересованность в той редакционной работе, которую по его поручению они осуществляли вместе с Жуковским; он старается не упустить даже мелких подробностей, касающихся оформления будущей книги, но одновременно предоставляет издателям большую свободу действий. Еще в письме от 15 марта 1825 г., адресованном обоим («Брат Лев и брат Плетнев!»), сообщая им об отсылке им «новых и старых стихов», Пушкин писал: «Я выстирал черное белье на скоро, а новое сшил на живу́ю нитку. Но с вашей помощью надеюсь, что барыня публика меня по щекам не прибьет, как непотребную прачку. Ошибки правописания, зн⟨аки⟩ препинания, описки, бессмыслицы — прошу самим исправить — у меня на то глаз недостанет. — В порядке пиэс держитесь также вашего благоусмотрения. Только не подражайте изданию Батюшкова — исключайте, марайте с плеча. Позволяю, прошу даже» (XIII, 153). В письме же Л. Пушкину 27 марта 1825 г., в котором поэт спрашивал его: «Получил ли ты мои стихотвореньяʔ», — он снова возвращается к неограниченным полномочиям, предоставленным им своим помощникам. Размышляя о том, в каком из разделов сборника следовало бы поместить несколько стихотворений («Послание к Овидию», «Друзьям» и «Море»), он замечает: «...да и вообще можно переменить весь порядок» (XIII, 158). Имея такие полномочия, издатели «Стихотворений Александра Пушкина» и пошли на существенные

[17] Литературное наследство. Т. 16—18. С. 866, 867.

композиционные перестановки, исказившие намеченный в «капнистовской тетради» порядок.

Что же касается круга произведений, включенных в сборник, то он претерпевал ряд изменений; Пушкин то вспоминал о некоторых своих стихотворениях,[18] то обнаруживал колебания относительно целесообразности их включения в свой сборник.[19] Важным эпизодом в ходе этого обсуждения явился вопрос о «Воспоминаниях в Царском Селе». В цитированном письме брату 27 марта 1825 г. Пушкин вписывает: «Не напечатать ли в конце *Воспоминания в Ц*⟨*арском*⟩ *С*⟨*еле*⟩ с Notой, что они писаны мною 14⟨-ти⟩ лет — и с выпискою из моих Записок (об Державине) ась?» Но тут же зачеркивает эту фразу, заменяя ее решительным «Нет» (XIII, 159). Вскоре, однако, поэт меняет свое решение и в письме брату от первой половины мая 1825 г. дает ему новое распоряжение: «Тиснуть *Царское Село* и с Нотой» (XIII, 175). Л. Пушкин понял это так, будто у брата есть ряд «прелюбопытных примечаний» к стихотворению, и Плетнев, ссылаясь на него, просил поэта прислать их (см. XIII, 234—235). Издатели выполнили пожелание Пушкина, поставив «Воспоминания в Царском Селе» первым в разделе «Разных стихотворений», заменившем «Смесь»; однако стихотворение так и не было напечатано. Пушкин снял его в последний момент, руководствуясь, видимо, теми соображениями, о которых говорилось ранее.

Таким образом, Пушкин внимательно следил за подготовкой своего сборника, принимая, насколько это позволяло расстояние, отделяющее его от Петербурга, активное участие в ней. «Что делают мои *Разн*⟨*ые*⟩ *Стих*⟨*отворения*⟩? ⟨...⟩ От Плетнева не получаю ни единой строчки», — писал поэт Дельвигу в начале июня 1825 года (XIII, 181). Дело с подготовкой сборника явно затягивалось, главным образом, по вине Л. Пушкина, медлившего с работой, но зато широко читавшего в обществе предназначенные для него стихи. «Чтеньебесие» брата, о котором он получал известия из Петербурга, крайне возмущало Пушкина, и Плетнев, стараясь загладить его вину, брал на себя заботу о примирении братьев: «Он, может быть, по молодости лет и рассеян, но тебя очень любит. Твое ожесточение огорчило бы его ⟨...⟩ Напиши ему просто, чтобы он скорее кончил переписку Разн⟨ых⟩ Стих⟨отворений⟩» (XIII, 189). Поведение брата раздражало Пушкина не только потому, что он заранее знакомил публику с его еще не напечатанными стихотворениями, но и потому, что замедление в работе над сборником отдаляло время его выхода в свет и, следовательно, задевало материальные интересы поэта. В письме Дельвигу 23 июля 1825 г. он очень резко говорит о поведении Л. Пушкина: «С братом я в отношения входить не намерен. Он знал мои обстоятельства и самовольно затрудняет их. У меня нет ни копейки денег в минуту нужную, я не знаю, когда и как я получу их. Беспечность и легкомыслие эгоизма извинительны только до некоторой степени» (XIII, 191—192); о том же крайне сухо пишет он и самому брату (письмо от 28 июля 1825 г.); «Словом, мне нужны деньги или удавиться. Ты знал это и обещал мне капитал прежде году — а я на

[18] См., например, в «Капнистовской тетради»: «NB. Есть у меня еще какая-то *Дорида*. См. *Невский Зритель*. Если достойно тиснения, то отыщите ее»; в цит. выше письме Л. Пушкину: «Тиснуть еще стихи к⟨нягине⟩ Голиц⟨ыной⟩—Суворовой, возьми их от нее» (XIII, 158).

[19] См. там же: «Телегу жизни напечатать ли?»

тебя полагался. Упрекать тебя не стану — а благодарить ей Богу не за что» (XIII, 194). Резкость Пушкина, по-видимому, возымела действие; дело пошло быстрее, и в конце сентября 1825 г. Плетнев отсылает автору для просмотра оглавление готового для печати сборника. Сличение его с «капнистовской тетрадью» обнаруживает результаты той работы, которая была проделана весной и летом 1825 г.; отдел элегий вместо пятнадцати заключал двадцать стихотворений, «Смесь» пополнилась девятью, а «Эпиграммы и надписи» пятью стихотворениями. На этом, однако, работа не была закончена; из присланного Плетневым оглавления Пушкин вычеркивает элегии: «К ней», «Уныние» и «Я видел смерть...», а позднее, когда им была получена рукопись сборника, уже прошедшая цензуру, еще пять стихотворений, относящихся к лицейскому периоду, в том числе и «Воспоминания в Царском Селе». Возможны и некоторые цензурные изъятия — ими, скорее всего, объясняется исчезновение стихотворения «К Н. Я. П⟨люсковой⟩», о котором говорилось ранее: Пушкин едва ли мог быть заинтересован в его исключении. Кроме того, несколько стихотворений 1825 г. были, вероятно, в последний момент добавлены в состав «Стихотворений Александра Пушкина» («Если жизнь тебя обманет...», «Ex ungue leonem» и «Юноша»).

Так определился состав «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 г. Заглавие это появляется на поздней стадии работы над сборником. В письме 26 сентября 1825 г. Плетнев излагал мотивы его изменения: «Я назову всю книгу просто: *Стихотворения Ал⟨ександра⟩ Пуш⟨кина⟩* для того, чтобы второй разряд можно было назвать: *Разные Стихотворения*. Если же книгу всю назвать: Разн⟨ые⟩ Стихотв⟨орения⟩, то не обойдешься во втором разряде без *Смеси*, которой ты не жалуешь» (XIII, 235). Проходит еще немного времени, и в самом конце 1825 г. книга стихотворений Пушкина появляется в петербургских книжных лавках, начиная свой путь к читателю.

2

29 декабря 1825 г. «Северная Пчела» оповещала своих читателей: «В нынешнюю среду, то есть 30 декабря, поступит в продажу на сих днях отпечатанная книга под названием «Стихотворения Александра Пушкина. Получить ее можно будет у всех здешних ⟨петербургских⟩ книгопродавцев по 10 р., а с пересылкою 11 р.». Книга, таким образом, появилась вскоре после событий 14 декабря, и обеспокоенный Н. М. Карамзин, одним из первых получивший в подарок от имени Пушкина его сборник,[20] с тревогой откликается на предпосланный ему латинский эпиграф из Проперция («Aetas prima canat veneres, extrema tumultus»).[21] «Что же вы это сделали! Зачем губит себя молодой человек!» Однако Карамзина удалось успокоить объяснением, что, мол, имеются в виду смятения душевные.[22] Все, впрочем, обошлось благополучно: на эпиграф не обратили

[20] См. в письме Плетнева Пушкину 21 января 1826 г.: «Мне Карамзины поручили очень благодарить тебя за подарок им твоих Стихотворений» (XIII, 255).

[21] Первая молодость воспевает любовь, более поздняя — смятения.

[22] См.: Русский Архив. 1870. Стб. 1366.

внимания. Вместе с тем он очень знаменателен и отражает одну из главных идей пушкинского сборника — идею развития творчества поэта, положенную, хотя и не прямо, в основу его составления.

«Стихотворения Александра Пушкина» были отпечатаны обычным для того времени тиражом в 1200 экземпляров; причем сам Пушкин отказался от большего тиража, опасаясь, по-видимому, что он не будет распродан. Опасения были напрасными: сборник имел несомненный читательский успех, и книгопродавцы не могли жаловаться на его распространение. Уже 27 февраля 1826 г. Плетнев сообщал поэту: «Стихотворений Александра Пушкина у меня уже нет ни единого экземпляра, с чем его и поздравляю. Важнее того, что между книгопродавцами началась война, когда они узнали, что нельзя больше от меня ничего получить» (XIII, 263). Это было несколько неожиданно для того времени: книги обычно расходились тогда гораздо медленнее. Пушкин был доволен своим изданием: «Душа моя, — писал он Плетневу около 25 января 1826 г., — спасибо за *Стих⟨отворения⟩ Ал⟨ександра⟩ П⟨ушкина⟩*, издание очень мило; кое-где ошибки, это в фальшь не ставится. Еще раз благодарю сердечно и обнимаю дружески» (XIII, 256). Книга принесла поэту и существенный доход; Плетнев сообщал ему 18 января 1827 г.: «Из 1130 экз. Стихотворений А⟨лександра⟩ Пушкина, поступивших в действительную продажу, ни одного уже не осталось, и за них получены деньги сполна *8.040 руб.* Следственно, общий приход твоих денег был *15.017 руб.*» (XIII, 318). Оплатив издержки и долги, Плетнев отправил Пушкину, вслед за ранее посланной тысячей, еще 2885 рублей, сумму по тому времени весьма значительную. Успех сборника заставил задуматься и о новом издании, на котором настаивал Плетнев; характерна, однако, его оговорка: в случае нового издания «Стихотворений...», писал он Пушкину, «надобно что-нибудь прибавить; потому что в другой раз некоторых пиес уже не пропустят» (XIII, 264) — усиление цензурных строгостей после 14 декабря 1825 г. делало этот прогноз вполне обоснованным. «„Монах"[23] и „Смерть Андрея Шенье" перебесили нашу цензуру», — писал Е. А. Баратынскому А. А. Дельвиг,[24] объясняя поэту причины цензурных мытарств, выпавших и на его долю. Отвечая на письмо Плетнева, Пушкин предпочел отклонить его предложение: «Ты говоришь, мой милый, что некоторых пиэс уже цензор не пропустит: каких же? А. Шенье? итак, погодим с новым изданием: время не уйдет, всё перемелется — будет мука — тогда напечатаем второе, добавленное, исправленное изд⟨ание⟩ (однако, скажи: разве были какие-нибудь неудовольствия по случаю моих Стихотв⟨орений⟩? или это одни твои предположения?)» (XIII, 266). Замысел «второго добавленного, исправленного издания» «Стихотворений Александра Пушкина», таким образом, откладывался, — он был реализован только в 1829 г., и издание это уже решительно отличалось от сборника 1826 г.

Что же представляли собой «Стихотворения Александра Пушкина» 1826 г.? Сборник включал в себя 99 стихотворений, по традиции расположенных по четырем жанровым отделам; исключение составляли «Подражания Корану», вынесенные в конец книги вне жанровых рубрик. Пушкин, таким образом, пошел

---

[23] Имеется в виду баллада Пушкина «Русалка».
[24] *Дельвиг А. А.* Сочинения. Л., 1986. С. 314.

по проторенному пути, опираясь на опыт своих предшественников, Жуковского и Батюшкова прежде всего. История русского авторского стихотворного сборника во всех подробностях еще не изучена; поэтому ее можно представить лишь в самых общих чертах.[25] Но представление это необходимо, так как Пушкин несомненно учитывал традицию прежде всего русского стихотворного сборника, внимательно присматриваясь к изданиям других поэтов. Следуя за ними, он тем не менее улавливал и те новые тенденции, которые пробивали себе дорогу в русском стихотворном сборнике первой четверти XIX в.

Жанровое построение стихотворного сборника было данью традиционным эстетическим представлениям, восходящим к эпохе классицизма; однако в поэзии первых десятилетий XIX в. незыблемость жанровых канонов была уже сильно подорвана, что, естественно, сказалось и на эволюции авторских поэтических сборников этого времени. Не случайно поэтому, что наряду с внешним следованием традиции возникают и сборники, практически от нее отступающие и формирующиеся по новой, более свободной системе.[26] Пушкин несомненно был знаком и с подобными книгами И. М. Долгорукова, и А. Х. Востокова.[27] Произведениями первого поэт интересовался еще в Кишиневе (его сын, П. И. Долгоруков, сослуживец Пушкина, в своем дневнике 12 марта 1822 г. записал: «Пушкин присылал ко мне сегодня просить батюшкиных сочинений»[28]); четыре части «Бытия сердца моего» сохранились и в его библиотеке; находилось в ней и издание стихотворений Востокова 1821 г. Поэтому нет ничего невероятного в предположении, что в процессе подготовки своих поэтических сборников Пушкин мог обращаться к некоторым аналогичным изданиям своих предшественников.[29]

Но, конечно, наиболее важным для него при формировании «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 г. оказались издания стихотворений Жуковского и особенно Батюшкова, «Опыты в стихах» которого были к этому времени «структурным эталоном поэтического сборника»,[30] ориентированным и на русскую, и на французскую традицию. Как и «Стихотворения Василия Жуковского», «Опыты...» Батюшкова были построены по традиционному жанровому принципу. Обращение прежде всего к опыту Жуковского и Батюшкова для Пушкина совершенно естественно: авторитет этих поэтов в русской поэзии в то время был

---

[25] Постановку вопроса см.: *Булкина И. С.* Жанр и художественные особенности сборника Е. А. Баратынского «Сумерки» // Пути развития русской литературы: Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1990. С. 20—26. См. также литературу, посвященную сборникам отдельных поэтов: *Семенко И. М.* Батюшков и его «Опыты» // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 433—492; *Зубков Н.* Опыты на пути к славе: О единственном прижизненном издании К. Н. Батюшкова // Свой подвиг свершив... М., 1987. С. 265—350; *Фризман Л. Г.* Поэт и его книги // Баратынский Е. А. Стихотворения; Поэмы. М., 1982. С. 497—557. и др.

[26] См.: *Карамзин Н.* Мои Безделки. М., 1794; *Дмитриев И.* И мои безделки. М., 1795. Ср.: *Карамзин Н. М.* Сочинения. М., 1803. Т. 1; *Дмитриев И.* Сочинения и переводы. М., 1803. Ч. 1—3.

[27] Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукова. М., 1802; *Востоков А.* Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах. СПб., 1805. Ч. 1—2.

[28] Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 370.

[29] Подробнее см.: *Сидяков Л. С.* «Стихотворения Александра Пушкина» и русский стихотворный сборник первой трети XIX века // Проблемы современного пушкиноведения: Сб. статей. Псков, 1994. С. 45—49.

[30] *Петрунина Н. Н.* Указ. соч. С. 143.

особенно высок. Собрания их стихотворений обнаруживали, что, несмотря на утрату классицизмом прежних позиций, жанровое мышление не исчезло, хотя сама жанровая система заметно трансформировалась, видоизменилась и иерархия жанров. Предромантизм, а тем более романтизм вырабатывают новую жанровую систему, в которой на первый план выдвигаются периферийные для классицизма жанры: элегии и послания прежде всего.

Важно и другое. Несмотря на очевидную ориентацию на традиционное жанровое построение авторского стихотворного сборника, оба поэта — и Жуковский, и Батюшков — не совсем безразличны и к идее движения своего творчества как конструктивному принципу издания их стихотворений. Правда, проявляется это по-разному. Жуковский, начиная с первого издания своих стихотворений, хотя и не совсем последовательно, но датирует включенные в сборники произведения, не придавая этому, по-видимому, принципиального значения: даты создания произведений выступают у него как лишь дополнительная, но все же имеющая определенное значение информация о них. Современный исследователь объясняет их появление в сборнике воздействием Байрона, у которого даты служат демонстрации личностного характера его поэзии.[31] Так или иначе, наличие дат позволяло читателю, минуя жанровое расположение стихотворений, выстроить их в определенный хронологический ряд, проследив, таким образом, эволюцию творчества поэта. Подобную возможность имели в виду и «Стихотворения Александра Пушкина» 1826 г. Еще в процессе их подготовки, обсуждая характер предполагавшегося предисловия к сборнику, Пушкин предложил ввести в него указание на эволюцию его творчества, которая дополнила бы заложенное в композицию представление о его жанровом составе. В переписке Пушкина, касающейся подготовки сборника, есть любопытное письмо, адресованное брату (27 марта 1825 г.); в нем поэт в шутливой форме высказывает свои соображения относительно содержания предисловия к сборнику: «Вот в чем должно состоять предисловие: многие из сих стихотворений — дрянь и недостойны внимания российской публики — но как они часто бывали печатаны Бог весть кем, черт знает под какими заглавиями, с поправками наборщика и с ошибками издателя — так вот они, извольте-с кушать-с ⟨...⟩ 2) Мы (сиречь Издатели) должны были из полного собрания выбросить многие штуки, которые могли бы показаться темными, будучи написаны в обстоятельствах неизвестных или малозанимательных для почтеннейшей публики (российской) или могущие быть занимательными единственно некоторым частным лицам, или слишком незрелые, ибо г. Пшк. изволил печатать свои стишки в 1814 году (т. е. 14⟨-ти⟩ лет), или как угодно ⟨...⟩ 4). Всё это должно быть выражено романтически, без буфонства. Напротив. Во всем этом полагаюсь на Плетнева» (XIII, 157—158).

Речь, таким образом, идет прежде всего о том, как должен быть объяснен отбор стихотворений, включенных в сборник: отбрасывались, во-первых, стихотворения «домашние» — этот критерий был еще значим для Пушкина, хотя реально с середины 1820-х гг. границы между ними и общезначимой лирикой в его поэзии уже подвергались разрушению; во-вторых же, к исключению предна-

---

[31] См.: *Сайтанов В. А.* Стихотворная книга: Пушкин и рождение хронологического принципа // Редактор и книга. М., 1986. Вып. 10. С. 135—136.

значались произведения «слишком незрелые», прежде всего относившиеся к раннему периоду творчества поэта. Характерно, что Пушкин подчеркивает дату своей первой публикации — 1814 г.; она предстает как точка отсчета в развитии его поэзии (предполагая, как уже говорилось, включить в «Стихотворения Александра Пушкина» «Воспоминания в Царском Селе», в «ноте» к ним поэт также хотел подчеркнуть 14-летний возраст их автора). И хотя в окончательный состав сборника стихотворения 1814 г. так и не вошли и вообще лицейская лирика подверглась весьма решительному сокращению, Пушкину все же было важно сохранить хотя бы немногие юношеские стихотворения, для того чтобы не прерывать связь с ранним периодом его творчества. Идея его эволюции, как видно, явно просматривается в пушкинском проекте предисловия; сам поэт отказался написать его, предоставив Плетневу реализовать его план. Плетнев уловил мысль Пушкина, и хотя предисловие «От Издателей», предпосланное пушкинскому сборнику, не вполне учло всех пожеланий поэта, положение о развитии его творчества, отраженном в составе «Стихотворений Александра Пушкина», сохранилось в нем. Вот это предисловие:

«Собранные здесь стихотворения не составляют полного издания всех сочинений А. С. Пушкина. Его поэмы помещены будут со временем в особенной книжке. Мы теперь предложили только то, что не могло войти в собрание собственно называемых поэм.

В короткое время автор наш успел соединить голоса читателей в пользу своих поэтических дарований. Мы считаем себя вправе ожидать особенного внимания и снисхождения публики к нынешнему изданию его стихотворений. Любопытно, даже поучительно будет для занимающихся словесностию, сравнить четырнадцатилетнего Пушкина с автором „Руслана и Людмилы" и других поэм. Мы желаем, чтобы на собрание наше смотрели, как на историю поэтических его досугов в первое десятилетие авторской жизни.

Многие из сих стихотворений напечатаны были прежде в периодических изданиях. Иные, может быть, нами и пропущены. При всем том это первое в некотором порядке собрание небольших стихотворений такого автора, которого все читают с удовольствием. Как издатели мы перед ним и публикою извиняемся особенно в том, что, по недосмотрению корректора, остались в нашей книжке значительные типографские ошибки. Для предварительной поправки, выписываем замеченные нами».[32]

Наряду с суждением о том, что «мелкие стихотворения» поэта соотносятся с его поэмами, пушкинская мысль о развитии его творчества явно прослеживается в предисловии «От Издателей»; упоминание о «четырнадцатилетнем Пушкине» также восходит к предложенному автором проекту предисловия. Проследить это развитие читатель мог, обратившись к оглавлению сборника, в котором, подобно «Стихотворениям Василия Жуковского», почти все стихотворения (за исключением раздела «Эпиграмм и надписей») были датированы, и хотя размещены они были по жанрам, вне хронологической последовательности, выстроить их в определенный ряд по времени создания не составляло большого труда. В этом отношении читатели «Стихотворений Александра Пушкина» имели очевидное

---

[32] *Пушкин А.* Стихотворения. СПб., 1826. С. XI—XII.

преимущество перед читателями «Опытов в стихах» Батюшкова: принципиальный отказ от какой-либо хронологии отличал это издание от пушкинского и затруднял решение поставленной в предисловии к нему задачи.

Правда, мысль о датировке произведений, включенных в сборник, принадлежала не самому Пушкину, но была, скорее, внушена ему Плетневым; сам поэт даже сомневался поначалу в целесообразности этого: «Годы везде назначены, но думаю, что это лишнее», — заметил он в «капнистовской тетради».[33] Плетнев, однако, настаивал на своем: «Я страстен аккуратностью, — писал он Пушкину 26 сентября 1825 г., — хотел бы, чтобы ты выставил годы против каждой уж пиесы, даже самой маленькой. Это будет удовлетворительнее для читателя и красивее для оглавления» (XIII, 234). Речь, конечно, пока не идет о признании принципиальной важности хронологии произведений; однако забота Плетнева об интересах читателя указывает на ее значение для лучшего понимания эволюции творчества поэта, идея которой закладывалась в пушкинский сборник и была прокламирована в предисловии к нему. Приняв доводы Плетнева, Пушкин внимательно отнесся к его просьбе, проверив и уточнив даты своих произведений, далеко, правда, не всегда соответствовавшие реальному времени их создания; отчасти это объясняется тем, что даты нередко проставлялись по памяти, иногда умышленно искажались (особенно показательно это для стихотворений 1824 г. на крымскую тему, передатированных в соответствии с их содержанием на 1820 г.). Тем не менее сама последовательность датировок придавала им существенное значение, а в перспективе открывала путь к отказу от традиционной композиции поэтического сборника. Так пробивало себе дорогу то «влияние века», которое, по словам Б. В. Томашевского, «перевесило классические навыки».[34] Сборник 1826 г. предвещал уже в известной мере «Стихотворения Александра Пушкина» 1829 г.

Произведения, помещенные в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1826 г., определили затем и содержание первой и частично второй части нового сборника; пополненное немногими позднее опубликованными произведениями, стихотворения были повторены в них, составив хронологические рубрики 1815—1824 гг. и отчасти 1825 г. Но, разумеется, жанровый характер первого сборника способствовал иному восприятию его как целого. В одном из первых откликов печати на появление «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 г. отмечалось: «В сей книжке собраны почти все, до сего года помещенные в разных повременных изданиях и Альманахах отдельные стихотворения А. С. Пушкина, и к ним присовокуплено много нового...»[35] Действительно, многое из вошедшего в сборник было уже хорошо известно читателям, а некоторые стихотворения, как например «Черная шаль», приобрели уже шумную известность. И все же это не лишало пушкинский сборник ощущения новизны. Около половины помещенных в нем стихотворений, не считая напечатанных ранее не под полным именем автора, вообще не были известны читателям; кроме того, собранные под одной обложкой, все они создавали возможность общего взгляда на лирическую поэзию Пушкина

[33] РП. С. 230.
[34] *Томашевский Б. В.* Пушкин: Работы разных лет. М., 1990. С. 15.
[35] Московский Телеграф. 1826. Ч. 7. № 1.

в ее целостности и отчасти о ее эволюции. Еще раз подчеркнем, что жанровая композиция «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 г., будучи данью традиции, обнаруживала определенную непоследовательность. Уже Плетнев обращал внимание Пушкина на некоторые «странности» в композиционном решении сборника: «Отчего, напр⟨имер⟩, *К Лицинию* в Посланиях, а к *Овидию* в Раз⟨ных⟩ Стих⟨отворениях⟩, отчего *Усы* в Эпигр⟨аммах⟩ и Надп⟨исях⟩, а к *Прелестнице* в Посланиях?» (XIII, 234). Подобные несообразности не единичны и свидетельствуют лишь о том, что твердость границ, свойственная жанровой системе классицизма, была поколеблена и не представлялась уже обязательной для поэта. Пожалуй, только раздел Элегий, демонстрируя наиболее актуальный для читателя поэтический облик Пушкина, обнаруживал бо́льшую устойчивость в этом отношении. Собранные вместе, пушкинские элегии широко представляли свойственную этому жанру гамму поэтических эмоций и создавали определенное единство, мотивированное авторским образом. Но произведения этого жанра отнюдь не складывались в единый лирический сюжет, как это склонны иногда усматривать, видя в этом результат целенаправленной редактуры Жуковского.[36]

Другим важнейшим разделом сборника оказались несомненно *Послания*; отодвинутые в результате изменения первоначальной композиции[37] почти в самый конец сборника раздел этот тем не менее наряду с *Элегиями* определял основное его содержание (с *Элегиями* тесно связан и раздел *Подражаний древним*, содержавший в себе антологические стихотворения Пушкина). При определении стихотворений в *Послания* был взят во внимание внешний признак адресованного стихотворения; раздел этот объединил разные виды посланий, «высокого» и дружеского прежде всего (ср., например, такие стихотворения, как «Лицинию», «Ч⟨аадае⟩ву», 1821 и «Кривцову», «Алексееву»); некоторые же из помещенных здесь стихотворений («Прелестнице», «Дочери Карагеоргия») лишь внешне соотнесены с жанром послания — обращение к адресату здесь, скорее, только повод для развития определенной лирической темы. Все это, естественно, лишало этот раздел строгости и единства; композиционная свобода демонстрирует в нем общие особенности сборника в целом.

Наиболее интересен в этом отношении раздел *Разных стихотворений*; пушкинское требование «разнообразия», декларированное в его обращении к издателям «Стихотворений Александра Пушкина»,[38] наглядно выступает здесь как конструктивный принцип. Обозначение *Разные стихотворения* связывает его как с представлением о стихотворениях разных жанров (главным образом не выделенных в самостоятельные рубрики, как например, *баллада* — «Русалка», «Песнь о вещем Олеге» и др., — но отчасти соотносимых с элегиями и посланиями: «Певец», «Друзьям» и т. п.), так и с разными стихотворениями в собственном смысле слова, т. е. произведениями, лишенными жанровой определенности (например, «Фонтану Бахчисарайского дворца», «К морю», «Телега

---

[36] См.: *Сайтанов В. А.* Указ. соч. С. 146.

[37] В результате трансформации первоначально задуманной композиции сборника (см. выше) в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1826 г. разделы распределены следующим образом: «Элегии», «Разные стихотворения», «Эпиграммы и надписи», «Подражания древним», «Послания», «Подражания Корану». Оглавление сборника см. в «Дополнении» — С. 627—629.

[38] См.: РП. С. 230, 231.

жизни» и др.). Подобную же тенденцию обнаруживают и *Эпиграммы и надписи*, включающие наряду с произведениями традиционных малых жанров и небольшие стихотворения, жанровая приуроченность которых трудно определима: например, «Веселый пир», «Птичка» и некоторые другие.

Создавалось, таким образом, впечатление внутренней немотивированности сцепления включенных в *Разные стихотворения* (и отчасти в *Эпиграммы и надписи*) произведений; в результате возникала весьма пестрая картина, призванная, как, впрочем, и весь сборник (не случайно первоначальное название «Разные стихотворения» предназначалось именно для него), представить пушкинскую поэзию в ее богатстве и многообразии. Все это придавало первому пушкинскому сборнику исключительное значение; создавались условия для цельного восприятия поэзии Пушкина как сложного единства. Этому впечатлению не могло уже помешать традиционное жанровое деление. По справедливому замечанию Н. В. Измайлова, само распределение произведений по разделам обнаруживало, «что уже в это время формальное понятие жанра не имело для Пушкина существенного и решающего значения».[39]

Традиционная композиция лишь оттеняла новизну пушкинского подхода, но она явно становилась тесной для поэта. Требовалось по-новому организовать «разнообразие» его поэзии, и эту задачу призваны были решить «Стихотворения Александра Пушкина» 1829 г.

3

Сведений о замысле «Стихотворений Александра Пушкина» 1829 г. и о работе над новым пушкинским изданием немного, и это повышает значение тех материалов, которые характеризуют процесс подготовки и издания прежнего сборника стихотворений Пушкина — в известной мере они позволяют вообще судить о принципах реализации издательских планов поэта. Вопрос о новом издании впервые возник непосредственно после выхода в свет «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 г., но поэт, как уже отмечалось, не торопился с его осуществлением. Не способствовала этому и критическая реакция на сборник, контрастировавшая его читательскому успеху. Кроме простых сообщений о его появлении, сопровождавшихся самыми общими замечаниями о нем, русские журналы никак не откликнулись на «Стихотворения Александра Пушкина». «Дамский Журнал», например, практически свел свой отзыв лишь к перепечатке предисловия «От Издателей» — «чтобы дать обстоятельное понятие о сем издании».[40]

Тем временем продолжали одна за другой выходить книги Пушкина, и это позволило ему поставить вопрос о собрании сочинений, в котором «мелкие стихотворения» заняли бы подобающее им место. «Он по возвращении своем из Грузии, — писал В. Л. Пушкин Вяземскому 21 марта 1829 г. о своем племян-

---

[39] *Измайлов Н. В.* Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20-х—30-х годов // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 214.

[40] Дамский Журнал. 1826. Ч. 13. № 2. С. 93.

нике, — будет печатать все свои сочинения».[41] Плетнев, однако, отнесся к этому плану скептически. В письме Пушкину 29 марта 1829 г. он писал: «Проект твой нового издания хорош, только не выгоден ни для публики, ни для тебя: для публики потому, что ей нет никакой причины снова тратиться на первые два тома, которые она у себя уже имеет; а для тебя потому, что ты сбудешь один третий том» (XIV, 41). Имеется в виду том «мелких стихотворений», которому предшествовали бы два тома недавно выпущенных отдельными книгами поэм. Пушкин прислушался к совету Плетнева; задуманное издание не состоялось, и вместо него появляются две части «Стихотворений Александра Пушкина». Работа над сборником, очевидно, была начата уже раньше, только первоначально он мыслился как составная часть собрания сочинений, лишь потом от него отпочковавшаяся. Пушкин несомненно принял активное участие в подготовке издания. До нас дошли списки произведений, относящиеся к этому изданию; они датируются начиная с 1827 г.

Первый список[42] датируется апрелем—августом 1827 г.; он не мог быть составлен позднее, поскольку включал в себя «Песни о Стеньке Разине», о запрещении которых Пушкин узнал из письма Бенкендорфа 22 августа 1827 г.[43] Список включает в себя перечень стихотворений 1816—1826 гг., не вошедших в первый пушкинский сборник; из этого явствует, что последний был принят за основу при подготовке нового собрания. Бóльшая часть перечисленных произведений вошла затем в «Стихотворения Александра Пушкина» 1829 г.

Перешли они и в следующий список, относящийся к концу мая—июню 1828 г.[44] Составляя его, Пушкин, очевидно, держал перед глазами первый список, дополняя и корректируя его.

Список этот значительно расширен по сравнению с первым; он включает в себя уже 53 стихотворения (в первом их было 30); большинство их вошло в состав сборника 1829 г. Несколько стихотворений, обозначенных в списке 1827 г., в новый список не было включено, помимо исключенных по цензурным причинам «Песен о Стеньке Разине» (1826), это «Графу Олизару» (1824), «К Зине» (1826), «К Родзянке» (1825). Первое из стихотворений, к тому же окончательно не отделанное, могло быть также снято из автоцензурных соображений; что же касается двух последних, затем не печатавшихся, то их исключение могло быть вызвано их «домашним» характером (особенно это касается «К Родзянке»). Однако сама мысль о возможности их включения в сборник, хотя и отвергнутая поэтом, свидетельствует о его колебаниях, очень показательных для второй половины 1820-х гг. Некоторые стихотворения, заглавия которых введены в список 1828 г., не были затем включены в состав первых двух частей «Стихотворений Александра Пушкина». Из не вошедших в издание 1829 г. стихотворений два (послание к Языкову 1824 г. и стансы 1828 г. — «Дар напрасный, дар случайный...») были помещены затем в раздел «Разных годов» третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» (1832), некоторые («К

---

[41] Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 89.

[42] См.: РП. С. 238.

[43] См.: *Томашевский Б. В.* Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925. С. 111; РП. С. 239.

[44] См.: РП. С. 240—241.

Щербинину», 1819; «Ф. Глинке», 1822; «Кипренскому», 1827) так и остались неопубликованными, другие же («К Каверину», 1817; «К. А. Тимашевой», 1826; «Русскому Геснеру», 1827; «К Морфею», 1816; «Желание», 1816) были в разное время напечатаны. Мотивировать отказ Пушкина от включения этих стихотворений в состав издания 1829 г. можно лишь гипотетически; что касается ранних, особенно лицейских, стихотворений, то их исключение могло быть вызвано стремлением не перегружать ими корпус печатаемых в сборнике произведений.

Примечательной особенностью списка 1828 г. является система условных знаков, которыми отмечены многие стихотворения; Б. В. Томашевский связал их с расчетами, сделанными на первом списке, но относящимися уже ко времени работы над вторым. Значки соотносят отмеченные ими стихотворения с определенной жанровой рубрикой, на которые разбиты стихотворения списка: «элегии», «капитальные пиэсы», «лирические», «послания», «мелочи», «перевод». Хотя они не вполне совпадают с разделами «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 г., все же очевидно, что поэт и в новом своем издании поначалу хотел сохранить прежнюю, жанровую композиционную систему. В основу ее, как и прежде, положены элегии и послания, «мелочи» могут быть соотнесены с «Эпиграммами и надписями». К «капитальным пиэсам» отнесены большие стихотворения, такие как «19 октября» (1825), «Жених», «Сцена из Фауста», «Череп» («Послание Дельвигу») и «Свод неба мраком обложился...» (отрывок из неоконченной поэмы «Вадим»). Определение «лирические» соотносится уже не с произведениями «высокого» плана, но с теми, которые в сборнике 1826 г. были отнесены в раздел «Разных стихотворений»; наконец, «перевод» — это «Сто лет минуло, как Тевтон...», в списке 1828 г. обозначенное «Из Мицк⟨евича⟩». Таким образом, указания на жанровые рубрики в основном соответствуют принципам систематизации, принятым в первом сборнике, и при формировании нового пушкинского сборника могли быть соотнесены с ними; а вновь включаемые стихотворения, предусмотренные составленным Пушкиным списком, были бы, таким образом, вмонтированы в прежнюю жанровую структуру, может быть, с некоторыми поправками. Этого, однако, не произошло — Пушкин отказался от жанрового расположения и перешел на новую, хронологическую систему композиции.

Составленные Пушкиным списки произведений, предназначенных для нового издания «мелких стихотворений», — будь то том задуманного собрания сочинений или же самостоятельный сборник — показывают характер и степень участия поэта в его подготовке. Его активное участие в этой работе продолжалось до конца марта 1829 г., когда Пушкин уехал из Петербурга в Москву, откуда в начале мая отправился в поездку на закавказский театр военных действий. До этого, очевидно, было принято решение, отказавшись от идеи собрания сочинений, сосредоточиться на подготовке «Стихотворений Александра Пушкина», непосредственное осуществление которой взял на себя, как обычно, Плетнев. Пушкин, однако, не ограничился определением того, чем должно быть пополнено новое издание; им несомненно были снова просмотрены и «Стихотворения Александра Пушкина» 1826 г., в текст которых были внесены некоторые редакционные изменения. Сличение обоих изданий позволяет установить характер этих изменений — они касаются в основном деталей пунктуации и правописания, замены отдельных слов, пополнения или сокращения текстов и т. д. Наиболее значитель-

ным оказалось изменение текста стихотворения «Жуковскому» (1818), в котором были сняты заключительные семнадцать стихов.

Говоря о тексте пушкинских стихотворений в издании 1829 г. по отношению к первому сборнику, Б. В. Томашевский замечал: «Мы находим здесь значительные изменения, иной раз коренную переработку отдельных произведений».[45] Тезис этот, не подтвержденный конкретными примерами, может, на первый взгляд, вызвать недоумение, если ограничиться тем, что обычно связывается с представлением о вариантах текста, т. е. преимущественно лексическими изменениями, которых в издании 1829 г. очень немного. И все же ученый был прав. Очевидно, он имел в виду менее бросающиеся в глаза и, как правило, не учитываемые в разделе вариантов изменения, затрагивающие пунктуационную и стоящую за ней интонационную систему поэтических текстов; именно здесь действительно можно заметить подчас даже «коренную переработку текста», о которой в 1925 г. справедливо писал Б. В. Томашевский. Внимательное сличение «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 и 1829 гг. дает впечатляющую картину изменений, которым подвергся текст помещенных в них стихотворений. Первое, что бросается в глаза, — это отказ во многих случаях от восклицательных знаков, к которым Пушкин прибегал ранее довольно часто и которые были в основном сохранены в издании 1826 г. Правда, в 1930-е гг. Б. В. Томашевский, обративший внимание на это обстоятельство, склонен был считать, что Пушкин восстанавливал свойственную ему пунктуационную систему, нарушенную издателями его первого сборника. Отметив, что «в издании 1829 года Пушкин упорно и последовательно истреблял обильные восклицательные знаки, расставленные в издании 1826 года», он пришел к выводу: «По-видимому, расставлены они были не Пушкиным».[46] Мнение это может быть оспорено, тем более что даже наблюдение, от которого отправлялся ученый, позволяет прийти к иным выводам. Б. В. Томашевский обратил внимание на то, что в элегии «Погасло дневное светило...» в издании 1826 г. «появилось несколько лишних против автографа восклицательных знаков»; однако, за исключением одного стиха (21-го), все восклицательные знаки в пушкинском стихотворении полностью совпадают с их расстановкой в первопечатном тексте и, следовательно, соответствуют общей интонационной тенденции, свойственной лирике Пушкина романтического периода. Сопоставление с первопечатными текстами произведений, помещенных в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1826 г., вообще показывает, что расстановка восклицательных знаков в них совпадает, хотя и наблюдаются некоторые колебания в ту или иную сторону. В целом же характер их употребления в сборнике 1826 г. не противоречит представлению о поэтической манере Пушкина, как она складывалась до середины 1820-х гг.; поэтому отказ от многих восклицательных знаков в издании 1829 г. может быть объяснен, скорее, не освобождением от чужеродных вкраплений, но ограничением сферы их употребления, вызванным изменением в художественной системе поэта к рубежу 1830-х гг., когда появляются «Стихотворения Александра Пушкина» 1829 г.

---

[45] *Томашевский Б. В.* Пушкин: Работы разных лет. С. 17.

[46] Литературное наследство. Т. 16—18. С. 851.

Как бы широки ни были полномочия, предоставленные поэтом издателям «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 г., едва ли они пошли бы на радикальную переделку его текстов; в своей работе над ними они опирались прежде всего на его рукописи и первопечатные тексты. И хотя полной уверенности в принадлежности той или иной формы написания слова или определенного знака препинания именно Пушкину в отношении к его первому сборнику у нас быть не может, общая тенденция, в том числе и в расстановке знаков препинания, не противоречит его замыслу, насколько об этом можно судить, сличая разные издания пушкинских текстов и рукописи поэта там, где они сохранились. Поэтому есть все основания утверждать, что отказ от многих восклицательных знаков в процессе подготовки «Стихотворений Александра Пушкина» 1829 г. связан не с восстановлением нарушенной пунктуации, но, напротив, имел отношение к изменениям в поэтической системе, к которым приноравливались теперь ранее созданные произведения. Несомненно и то, что изменения эти вносились самим Пушкиным; их природа, последовательность и системность указывают на их творческий характер, и трудно поэтому допустить, что они вносились кем-то другим, тем более без ведома автора. Проведенное нами совместно с Т. В. Тополевской исследование[47] позволило прийти к выводу, что, подготавливая к изданию свой новый сборник, Пушкин стремился, не меняя лексического состава прежних текстов, придать им характер, более соответствующий тем художественным принципам, которые складывались в его лирике рубежа 1830-х гг.; поэт явно старался «приглушить» в них романтический пафос, не соответствовавший уже его теперешнему мироощущению, но все же не настолько, чтобы его произведения утратили связь с тем временем, в которое они были созданы, и с теми принципами, на которых они в свое время основывались. Историзм, стоявший за хронологической структурой нового издания, препятствовал бы такому решению. Таким образом, изменения в интонационной системе лирических стихотворений Пушкина, перенесенных в «Стихотворения Александра Пушкина» 1829 г. из предыдущего сборника, вполне соответствовавшего эстетическим принципам поэта первой половины 1820-х гг., приблизили их к новой пушкинской поэтике, не меняя при этом их словесного облика.

Касается это, конечно, и нового композиционного решения, заменившего прежний жанровый принцип. К сожалению, отсутствуют какие-либо сведения о том, когда и как было принято это решение, принципиально менявшее характер репрезентации пушкинской поэзии, хотя идея ее эволюции и была заложена уже в первом сборнике. Некоторый свет на это обстоятельство проливает ретроспективное высказывание Плетнева в его статье «Александр Сергеевич Пушкин» (1838): «...в 1829 г. вышло новое издание разных мелких его стихотворений в двух томах. Издатели, не держась классификации в их размещении, редко правильной и еще реже для всех удовлетворительной, поместили их в хронологическом порядке, что теперь заставляет дорожить особенно этим изданием. Оно, обнимая вдохновенные заметки мгновенных ощущений поэта в продолжение

---

[47] См.: *Сидяков Л. С.* , *Тополевская Т. В.* Интонационные изменения в лирике Пушкина на рубеже 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. СПб. Т. 16 (в печати).

первых пятнадцати лет его авторства, доставляет приятное удобство при чтении книги следовать за всеми изменениями идей его, языка и самого вкуса в выборе предметов».[48] Обращает на себя внимание критика Плетневым жанровой системы, утратившей свое прежнее значение, и указание на достоинства издания 1829 г., заставляющие «дорожить» им как единственным в своем роде (оно оставалось таким вплоть до издания сочинений Пушкина, осуществленного в 1855 г. П. В. Анненковым, «посмертное издание» 1838 г. вернулось к жанровому расположению лирики Пушкина). Действительно, хронологическое расположение стихотворений позволило воочию представить творческий путь поэта в движении, наглядно проследить изменения, которые претерпевала его поэзия на протяжении относительно длительного времени.

Состав нового сборника (две первые части «Стихотворений Александра Пушкина» включили в себя 157 стихотворений, из них семнадцать не входили в список 1828 г., значительная часть их была написана уже после его составления) давал, таким образом, представление о развитии пушкинской лирики с 1815-го по 1829 г. (Пушкин успел внести во вторую часть одно стихотворение, относящееся к 1829 г.). Только отрывок из неоконченной поэмы «Вадим» («Свод неба мраком обложился...») и еще отчасти «Жених» не имели прямого отношения к лирике поэта. Хронологическое расположение не распространялось на раздел «Разных годов», завершавший вторую часть «Стихотворений Александра Пушкина»; в его основу легли «Эпиграммы и надписи» сборника 1826 г.: они не были датированы и там, поэтому их размещение по хронологическим рубрикам требовало бы дополнительных изысканий, не всегда, по-видимому, легко осуществимых даже для самого автора. Композиционно раздел был значительно перестроен и к нему добавлены еще четыре стихотворения малых жанров, помещенные в самом конце «Разных годов». «Годовые» подборки стихотворений 1815—1825 гг. составлялись из произведений, перенесенных из сборника 1826 г., в некоторых случаях к ним добавлялись и другие стихотворения. Внутри «годовых» рубрик хронология уже не соблюдалась (это было бы трудно осуществимо даже для самого Пушкина); расположение стихотворений диктовалось в значительной мере соотнесенностью со «Стихотворениями Александра Пушкина» 1826 г.: сперва обычно шли произведения, ранее в них опубликованные, причем в том же порядке. В качестве примера можно привести любую из «годовых» рубрик, например 1819 г.: ее открывает элегия «Увы, зачем она блистает...» (III позиция в разделе элегий, открывавшем сборник 1826 г.); за ней следуют «Русалка», «Стансы Толстому», «Уединение» (отрывок из «Деревни»), «Домовому» (они взяты из второго раздела сборника 1826 г. «Разные стихотворения», в котором занимали соответственно II, XIII, XIV и XVI позиции), далее идут стихотворения «Всеволожскому», «Кривцову» и «N. N.» («Я ускользнул от Эскулапа...») (II, VI и XI позиции в разделе «Посланий», в сборнике 1826 г., следовавшем за «Эпиграммами и надписями» и «Подражаниями древним»), а завершают рубрику два стихотворения, опубликованные после 1826 г. и впервые включенные в пушкинский сборник, — «Недоконченная картина» и «Возрождение». Подобная композиция соблюдается довольно последовательно (исключение составляет раз-

[48] *Плетнев П. А.* Статьи; Стихотворения; Письма. М., 1988. С. 44.

дел «Разных годов», последовательность размещения стихотворений в котором существенно изменена в сравнении с «Эпиграммами и надписями» сборника 1826 г.). В этом в значительной мере случайном распределении стихотворений в сборнике 1829 г. Б. В. Томашевский справедливо увидел «смесь между распределением по жанрам и случайным распределением по времени включения в сборник».[49] Стихотворения последующих годов, не входившие в состав сборника 1826 г., по мнению Б. В. Томашевского, расположены уже вне определенного принципа; исключением является лишь то, что «год всегда начинается с наиболее значительного стихотворения (1826-й — «Пророк», 1827-й — стансы «В надежде славы и добра», 1828-й — «Чернь»). Одновременно он отметил, что «первым стихотворением первой части, вопреки порядку 1826 г., является «Лицинию», а «вторая часть, опять вопреки механическому порядку, начинается со стихотворения «Андрей Шенье», и в этих отступлениях, по мнению ученого, «ясно выражается либерализм Пушкина».[50] Он допускает также, что с последним обстоятельством связано и помещение «Птички» в начале раздела «Разных годов».

Распространив подмеченный Б. В. Томашевским принцип и на первую часть «Стихотворений Александра Пушкина» («годовые» рубрики открываются здесь стихотворениями: 1815-й — «Лицинию», 1817-й — «Торжество Вакха», 1820-й — «Погасло дневное светило...», 1822-й — «Песнь о вещем Олеге»), Н. В. Измайлов пришел к выводу, что в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1829 г. наряду с «почти механически проведенным хронологическим расположением стихотворений по годам» «проведена, хотя и непоследовательно, другая система, основанная на идейно-тематическом значении важнейших, определяющих и опорных произведений, выделенных почти в каждом году», и эта «обдуманная система» «не имеет ничего общего с прежним и традиционным распределением стихотворений по формальному жанровому признаку».[51]

Новаторство пушкинского решения сразу же было замечено современниками. Рецензируя первую часть «Стихотворений Александра Пушкина», критик «Московского Телеграфа» отмечал: «Изданная ныне часть *Стихотворений* особенно любопытна потому, что в ней стихотворения сии помещены по годам сочинения оных ⟨...⟩ Это история впечатлений нашего Поэта. Здесь можно наблюдать, что, когда и как поражало и волновало его. Наслаждение удивительное — наблюдать ход человека, отмеченного гением!»[52] Лирика Пушкина, таким образом, воспринималась теперь не как сумма произведений различных жанров, но как единое движение в пределах определенного периода его творчества, что и создавало возможность по-новому оценить ее.

Две части «Стихотворений Александра Пушкина» вышли в свет одна за другой в мае и июне 1829 г. Гриф на обороте титульного листа — «С дозволения Правительства» — заменял снабженное датой обычное цензурное разрешение (он связан с особым путем прохождения пушкинских произведений в соответствии с

[49] *Томашевский Б. В.* Пушкин: Работы разных лет. С. 16.
[50] Там же. С. 16, 17.
[51] *Измайлов Н. В.* Указ. соч. С. 216, 217.
[52] Московский Телеграф. 1829. Ч. 27. № 11. С. 390.

волей Николая I); из дел III Отделения известно, что разрешение на выпуск в свет первой и второй частей дано соответственно 25 мая и 25 июня 1829 г.

В книжных магазинах Петербурга и Москвы первая часть появилась в конце мая—начале июня, вторая — в начале июля. Цена каждой части была определена в 10 рублей (с пересылкой — 11), тираж по-прежнему составлял 1200 экземпляров. Точных сведений о распространении «Стихотворений Александра Пушкина» 1829 г. и доходах, полученных за них автором, не сохранилось; исследователям пришлось ограничиться приблизительными данными.[53] Отзывы критики, хотя снова немногочисленные, свидетельствовали об успехе издания; оценка поэта была в высшей степени комплиментарной: «Стихотворения Пушкина красноречиво говорят сами за себя, и потому мы удерживаемся от всяких суждений и похвал, которые прежде и часто были повторяемы нашему Поэту»;[54] «Не говорим о прелести сих сочинений: кому неизвестны они? Читатели не найдут здесь ничего незнакомого им, но найдут одну из тех книг, которую можно уподобить другу: чем более мы узнаем его, тем сильнее привязываемся к нему».[55]

Интерес к новому пушкинскому сборнику был обусловлен и новизной подачи помещенных в нем стихотворений. Так, рецензент «Северной Пчелы» писал: «...кажется нам гораздо лучше придумано: стихотворения помещены в нем по годам, в которых написаны Поэтом; благодаря этому новое собрание позволяет увидеть «постепенный ход таланта Пушкина».[56] В рецензии «Московского Телеграфа» главное внимание было сосредоточено на мысли об эволюции творчества Пушкина: «Какой шаг сделал он сам и заставил сделать других со времени своего появления на литературном поприще! Говорят, что в первых своих стихотворениях он так же хорош, как в последних; касательно стихосложения, это некоторым образом и справедливо. Природа наградила Пушкина такою гармоническою душою, что с самых юных лет своих он не мог писать дурных стихов. Но поэтический дар его, его взгляд на предметы, его обзор во время пятнадцатилетней службы Музам увеличился удивительно. Живая, пламенная душа его, глубокая проницательность ума, необыкновенная способность и ненасытимое стремление его к учению оправдывают Русскую поговорку, что человек может, по крайней мере нравственно, *расти не по годам, а по часам*. Пушкина можно назвать ныне одним из просвещеннейших людей в России, и вместе первым Поэтом своего народа».[57]

Появление «Стихотворений Александра Пушкина» 1829 г. закрепило, таким образом, поэтическую славу их автора, свидетельствуя о масштабах и значении его творчества. Издание это подводило итоги творческому развитию Пушкина-лирика в 1820-е гг., создавая условия для восприятия его поэзии в ее целостности. Современники восприняли пушкинский сборник как «полное собрание мелких стихотворений Пушкина»,[58] «собрание всех его поэтических произведений, кроме

---

[53] См.: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 220—223.

[54] Северная Пчела. 1829. 27 июня. № 77. С. 2.

[55] Московский Телеграф. 1829. Ч. 27. № 11. С. 390—391.

[56] Северная Пчела. 1829. 27 июня. № 77. С. 1.

[57] Московский Телеграф. 1829. Ч. 27. № 11. С. 389—390.

[58] Московский Телеграф. 1829. Ч. 28. № 13. С. 101.

тех, кои, по объему своему, напечатаны особыми книжками».[59] Разумеется, это далеко не так, однако задача, которую преследовал поэт, обозначена вполне справедливо.

Существует, правда, представление, исходя из которого «Стихотворения Александра Пушкина» 1829—1835 гг. — не что иное, как случайное собрание произведений. Полемизируя с Б. В. Томашевским, придававшим пушкинским сборникам важное значение для последующей практики издания сочинений Пушкина, Г. О. Винокур задавался вопросом: «Можно ли с уверенностью утверждать, что композиция этих сборников есть композиция художественно подлинная?» Отвечая на него, он негативно оценивал их значение. По мнению Г. О. Винокура, Пушкин не работал над своими стихотворными сборниками «как над особой художественной формой». В составленных поэтом списках предназначенных для них произведений он видел лишь «записи припоминаемого, а не действительно художнического отбора». На основании этих заключений Г. О. Винокур и делал вывод о том, что пушкинские сборники «ни в какой мере не отражают действительного лирического наследства Пушкина и лишены той внутренне закономерной композиции, которая заставляла бы считаться с ними как с законченной и цельной формой».[60]

Все это едва ли справедливо, в особенности в отношении к «Стихотворениям Александра Пушкина» 1829 г. Конечно, отвергая то или иное произведение, Пушкин не всегда мог руководствоваться чисто художественными соображениями (об этом говорит хотя бы вынужденный отказ от «Песен о Стеньке Разине»); чем далее, тем более должен он был считаться и с возможной реакцией критики, наконец, не исключена и доля случайности в пропуске тех или иных стихотворений, — в целом, однако, отбор, осуществленный поэтом, заключал в себе определенный художественный смысл, и его значение для представления о корпусе лирической поэзии Пушкина, выносимой им на суд читателей, едва ли может быть оспорено.

По подсчетам М. А. Цявловского, «если исключить из числа стихотворений, составивших обе части издания 1829 г., лицейские стихотворения 1815—1816 гг., а также одно стихотворение 1829 г., то мы получим сто сорок семь стихотворений 1817—1828 гг., включенных Пушкиным в издание, в то время как за эти годы им было написано по крайней мере двести восемьдесят два стихотворения. Таким образом, лишь немногим больше половины из числа всех написанных поэтом стихотворений он счел достойными быть включенными в собрание стихотворений».[61] Строгость эта диктовалась разными соображениями, учесть которые в полной мере не представляется теперь возможным. Решая вопрос о принципах пушкинского отбора, нельзя избежать известной доли гипотетичности. М. А. Цявловский не случайно исключил из своих подсчетов лицейскую лирику: здесь отбор был особенно строгим; к тому же Пушкин менее всего стремился к репрезентации своей юношеской лирики, относящиеся к ней стихотворения необходимы ему лишь для того, чтобы обозначить юношеский период его поэзии,

---

[59] Северная Пчела. 1829. 2 июля. № 79. С. 1.

[60] *Винокур Г. О.* Критика поэтического текста // Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М., 1991. С. 139.

[61] РП. С. 244.

представить его как исходный пункт его творческой эволюции. То же в значительной мере относится и к его раннему творчеству вообще: 1815—1819 гг. представлены лишь немногими избранными образцами, и только начиная с 1820 г. их отбор приобретает более репрезентативный характер, хотя и здесь многое, даже опубликованное недавно Пушкиным, исключается. Например, Пушкин не включает в свой сборник эпиграмму 1827 г. на А. Н. Муравьева «Лук звенит, стрела трепещет...» («Эпиграмма. Из Антологии»), незадолго до того напечатанную в «Московском Вестнике» (1827. Ч. 2. № 6). Важнее, однако, не определение значения каждого конкретного случая, но оценка содержания пушкинского сборника с точки зрения того, что осталось за его пределами, т. е. соотношения не опубликованной в нем части лирических стихотворений Пушкина с составом сборника 1829 г. Определяя производившийся Пушкиным отбор, мы остановимся лишь на произведениях с 1825-го по 1828 г., поскольку в процессе непосредственной подготовки «Стихотворений Александра Пушкина» 1829 г. он производился преимущественно на стихотворениях, написанных в это время; остальное его содержание совпадало в основном со сборником 1826 г.; «годовые» рубрики 1815—1824 гг. были пополнены лишь немногими вновь включенными в состав пушкинского сборника произведениями.

В основном, исключая отношение к ранней лирике, принципы отбора произведений для «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 г. немногим отличались от тех, которыми поэт руководствовался в период подготовки нового собрания своих «мелких стихотворений». Прослеживая эти принципы в отношении к стихотворениям 1825—1828 гг., можно прежде всего убедиться в том, что при отказе от произведений, несомненно важных для автора, решающую роль играли внешние причины, главным образом цензурные (и автоцензурные). Так обстояло дело со стихотворениями, связанными с декабристской темой: ни «Во глубине сибирских руд...», ни послание И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный...») заведомо не предназначались для публикации, и вопрос об их включении в сборник 1829 г. вообще не мог стоять. Сложнее обстоит дело с «Арионом», позднее, в 1830 г., напечатанным Пушкиным, а затем, как увидим, предназначавшимся для третьей части «Стихотворений Александра Пушкина». Отклоняя его, поэт, разумеется, не мог иметь в виду художественных соображений: по-видимому, он просто считал, что время для его публикации еще не пришло. Нежеланием задевать своих друзей-декабристов, вероятно, вызвано и то, что Пушкин не счел возможным включить в свой сборник такие произведения, как «Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову», задевавшая Кюхельбекера, и эпиграмма на Ф. Глинку («Наш друг *Фита*, Кутейкин в эполетах...»).

Заведомо не могли предназначаться для печати, хотя и по разным соображениям, такие стихотворения, как «К**» («Ты богоматерь, нет сомненья...») или «Рефутация г-на Беранжера» и «Сводня грустно за столом...» Прямому цензурному вмешательству подверглось важное для Пушкина стихотворение «Друзьям», определявшее его позицию по отношению к власти в первые годы после восстания декабристов: запрет на его публикацию наложил Николай I (см. в письме Бенкендорфа Пушкину 5 марта 1828 года: «Что же касается стихотворения Вашего под заглавием „Друзьям", то его величество совершенно доволен им, но не желает, чтобы оно было напечатано»; XIV, 6).

Все эти случаи, таким образом, совершенно очевидны и не нуждаются в подробном обосновании. Столь же очевидно и отсутствие в сборнике 1829 г. стихотворений Пушкина, оставшихся в рукописях и не доведенных до окончательной обработки. Таких случаев немало; среди подобных стихотворений есть и такие, которые современное читательское сознание привыкло совмещать с представлением о бесспорных вершинах пушкинской лирики и воспринимает их как вполне законченные произведения. Таковы, например, «Храни меня, мой талисман...», «Рифма, звучная подруга...», «В прохладе сладостной фонтанов...», «С португальского...», «Лишь розы увядают...» К этим стихотворениям Пушкин более не возвращался; естественно, что вопрос об их публикации заведомо не ставился. Трудно в каждом конкретном случае мотивировать причины отказа поэта от дальнейшей работы над подобными произведениями: они могли иметь и творческий, и психологический, иногда и тактический характер. Например, важное для автора в первые последекабрьские годы стихотворение «Мордвинову» позднее, по-видимому, утратило для него свою злободневность, и Пушкин, перебелив написанное, все же отказался от мысли доводить работу над ним до конца.[62]

Показателен также отказ Пушкина от публикации тех его произведений, которые воспринимались им как сугубо «домашние» (к ним можно отнести и стихотворения, включенные как составная часть в письма поэта, например известный итинерарий в письме С. А. Соболевскому: «У Гальяни иль Кольони...»). Опять-таки независимо от того, как воспринимает их современное читательское сознание, необходимо считаться с этим существенным для поэта критерием. Другое дело, что в реальной поэтической практике Пушкина второй половины 1820-х гг. критерий этот размывался (в этом отношении характерны прослеженные выше колебания поэта при составлении списков 1827 и 1828 гг.). Тем не менее он несомненно существовал, чем и может быть объяснено отсутствие в сборнике 1829 г. таких стихотворений, как «Признание», «Ее глаза» (без разрешения Пушкина опубликовано в 1829 г. «альманашником» М. А. Бестужевым-Рюминым в «Северной Звезде»), «Н. Д. Киселеву», «За Netty сердцем я летаю...», «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной», «Цветы последние милей...» (в копии, сделанной адресатом стихотворения П. А. Осиповой, оно было озаглавлено: «Стихи на случай в позднюю осень присланных цветов к П. от П. О.») и других подобных, не говоря уже о произведениях, заведомо невозможных для печати в силу их сугубой интимности, вроде обращенных к А. Н. Вульф стихотворений «Хотя стишки на именины...», «Увы! напрасно деве гордой...» и т. п. Относится это и к некоторым альбомным стихотворениям, хотя сам этот жанр и не исключался Пушкиным из его общезначимой лирики и ряд подобных стихотворений был включен в его поэтические сборники. Их отсутствие в них может подчас объясняться тем, что у поэта не сохранилось автографов, а альбомы, в которые они были вписаны, оказывались для него недоступными. Некоторые из них он мог и запамятовать. Таковы, например, обращенные к Ек. Н. Ушаковой стихотворения «Когда бывало в старину...» и «В отдалении от

---

[62] См.: *Стенник Ю. В.* Стихотворение А. С. Пушкина «Мордвинову»: к истории создания // Русская литература. 1965. № 3. С. 172—181.

вас...», альбомные стихи А. П. Керн, «В альбом П. П. Вяземскому» и т. п. Подобными же причинами может объясняться и отсутствие среди вошедших в сборник 1829 г. стихотворений записанного в альбом С. Н. Карамзиной стихотворения «Три ключа», хотя оно и не относится к собственно альбомному жанру.

Не всегда, по-видимому, психологически возможна была для Пушкина публикация стихотворений, относящихся к его любовной лирике, хотя некоторые из них, обращенные, например, к А. А. Олениной, были включены им в его сборник. Сложнее обстоит дело со стихотворением «Портрет» («С своей пылающей душой...»): оно было напечатано среди целого ряда других стихотворений Пушкина в «Северных Цветах» на 1829 г., и все они, в том числе и стихотворение «Наперсник», тематически близкое к названному произведению и связываемое обычно с именем той же женщины (А. Ф. Закревской), были затем включены в состав «Стихотворений Александра Пушкина». Отсутствие среди них «Портрета» трудно объяснимо; не исключено, что это могло быть вызвано и случайными обстоятельствами. Маловероятно, что оно связано с художественными критериями отбора, которыми может быть объяснен отказ от некоторых других ранее или позднее опубликованных стихотворений («Нравоучительные четверостишия», «К. А. Тимашевой» и т. п.); критерий этот, скорее, применялся к более ранним стихотворениям Пушкина, опубликованным не всегда с согласия поэта во второй половине 1820-х гг. («Романс», 1814; «К живописцу», 1815, и др.).

Сопоставление включенных в «Стихотворения Александра Пушкина» 1829 г. произведений со всем написанным поэтом в 1825—1828 гг. в области лирики показывает, что нельзя говорить о случайном и немотивированном отборе стихотворений для сборника; практически все самое значительное вошло в него и, если не считать стихотворений, публикация которых исключалась по цензурным и другим внешним соображениям, можно утверждать, что относящиеся к этим годам рубрики вполне объективно представляют объем и характер пушкинской лирической поэзии этого времени. Можно, правда, еще назвать несколько не печатавшихся ранее стихотворений Пушкина, публикация которых по разным причинам была отложена: «К Языкову» (1824), «Зимний вечер» (1825), «19 октября, 1827», «Дар напрасный, дар случайный...», «Каков я прежде был, таков и ныне я...», «Анчар» (все три — 1828), — все они были затем включены в раздел «Разных годов» третьей части «Стихотворений Александра Пушкина». Два из них — «Зимний вечер» и «Дар напрасный, дар случайный...» появятся в печати уже через несколько месяцев после выхода второй части пушкинского сборника в «Северных Цветах» на 1830 г. Едва ли их отсутствие в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1829 г. позволяет говорить о недостаточной представительности соответствующих «годовых» рубрик — у поэта могли быть свои причины отложить на некоторое время их публикацию.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что сборник 1829 г. вполне точно репрезентировал пушкинскую лирику 1820-х гг.; отдельные исключения субъективного, а тем более объективного свойства не противоречат этому выводу. Две части «Стихотворений Александра Пушкина» давали в руки современному читателю книги, представляющие лирическое творчество поэта

таким, каким он хотел его представить, — отзывы критики закрепили это представление, образ Пушкина как «первого поэта своего народа» приобрел четкие и полные очертания.

4

В начале 1832 г. из печати выходит третья часть «Стихотворений Александра Пушкина». В отличие от двух первых она сопровождалась уже цензурным разрешением (к этому времени произведения Пушкина, помимо цензуры III Отделения, должны были проходить и общую цензуру), датированным 20 января 1832 г. В свет книга выходит в конце марта и тогда же появляется в книжных магазинах. Внешнее оформление книги (отпечатанной в той же типографии Департамента народного просвещения, что и первые две) и ее композиция полностью соответствовали «Стихотворениям Александра Пушкина» 1829 г., таким образом, третья часть сборника естественно воспринималась как продолжение первых двух. И это действительно было так, хотя все же новый сборник заметно отличался от предыдущих. Во-первых, книга представляла собой не ретроспективу всей лирической поэзии Пушкина, но была локализована, если не считать раздела «Разных годов», несколькими последними годами (1829—1831); во-вторых, он не был уже, как его аттестовал Вяземский, «томом мелких стихотворений Пушкина»;[63] значительное место в нем занимали и крупные произведения — две «маленькие трагедии» («Пир во время чумы» и «Моцарт и Сальери») и «Сказка о царе Салтане» (только на «Сказку» приходилась почти четвертая часть всего объема книги). Правда, включение этих произведений не противоречило заглавию книги: в пушкинское время слово «стихотворение», помимо обозначения небольшого поэтического произведения, относилось вообще к произведениям, писанным стихами, и в этом смысле и драматические произведения в стихах, и стихотворная сказка вполне соответствовали этому понятию. И все же включение этих произведений в третью часть «Стихотворений Александра Пушкина» существенно видоизменяло прежний план сборника, лишая его прежнего лирического содержания. По-видимому, диктовалось это прежде всего соображениями объема: нужно было примерно уравновесить новый сборник с двумя предыдущими, поскольку отобранных для этого стихотворений не хватало для его заполнения (появление среди «мелких стихотворений» Пушкина его крупных произведений расценивается Д. П. Якубовичем как «несомненно временная мера»);[64] отразилась в этом и новая литературная ситуация, в которой оказался Пушкин в начале 1830-х гг. Состав сборника в известной мере предвещал уже то полное размывание первоначального замысла, которое продемонстрирует последняя, четвертая, часть «Стихотворений Александра Пушкина» (1835).

Появлению третьей части сборника предшествовали новые планы собрания сочинений Пушкина, в которых «мелкие стихотворения» входили бы как его

---

[63] См. в письме П. А. Вяземского Ю. Н. Бартеневу // Русский архив. 1897. № 10. С. 284.

[64] *Якубович Д. П.* Пушкинские планы полного собрания его сочинений // Вестник АН СССР. 1934. № 2. С. 43.

составная часть.[65] Первый из планов, относящийся ко времени не позднее начала мая 1830 г., мог возникнуть и в более раннее время и даже предшествовать появлению «Стихотворений Александра Пушкина» 1829 г. (в таком случае именно его мог иметь в виду Плетнев в цитированном выше письме Пушкину 29 марта 1829 г.); однако, скорее всего, под «мелкими стихотворениями» имелось в виду содержание двух первых частей пушкинского сборника, незадолго до того вышедших в свет. Наряду с поэмами и «Евгением Онегиным» собрание должно было включать в себя также и «Бориса Годунова», к тому времени еще не опубликованного, и лирические стихотворения Пушкина. Последующие планы конкретизируют этот замысел. Список, датируемый серединой мая 1830 г., подразделяет предполагаемое издание уже на четыре части (первоначально предполагалось деление на пять частей): две части отводились стихотворному эпосу (поэмам и «Евгению Онегину»), третья — «Борису Годунову» («трагедия с Notами и предисловием»), четвертая — «мелким стихотворениям». Примечательна форма записи содержания четвертой (первоначально пятой) части задуманного издания: «IV (V). Мелкие стихотворения. 2 разговор поэта». Последнее разумеет, конечно, «Разговор книгопродавца с поэтом», первоначально изданный вместе с первой главой «Евгения Онегина» (в том числе и во втором ее издании 1829 г.). Пушкин, очевидно, отказывался уже от мысли сохранить стихотворение в составе текста «романа в стихах», как это и было затем осуществлено в первом полном его издании (1833), и хотел включить его в собрание лирических стихотворений. Неясно, однако, означает ли указание на него введение «Разговора книгопродавца с поэтом» в соответствующую хронологическую рубрику или же публикацию его, как полагал Д. П. Якубович, в качестве эпилога к «мелким стихотворениям».[66] Стихотворение не было включено в третью часть «Стихотворений Александра Пушкина», возможно потому, что Пушкин еще колебался в своем решении, и только после выхода в свет «второго издания» «Евгения Онегина» (1833) он включает «Разговор книгопродавца с поэтом» в четвертую часть «Стихотворений Александра Пушкина».

Несколько позднее, в начале июня 1830 г., появляется еще один план собрания сочинений, дополненный затем в сентябре—октябре 1831 г. Наиболее существенным его отличием от предыдущего оказывается то, что «мелкие стихотворения» объединены здесь с «Борисом Годуновым» («Трагедия»), открывавшим план заключительного третьего тома (кроме того, «Евгений Онегин» введен здесь в общий ряд поэм, предшествуя «Полтаве», вместе с которой он должен был составить второй том). Однако, дополняя план в 1831 г., Пушкин включил в него наряду с «Домиком в Коломне» («Окт⟨авы⟩») еще и «Сказку» (т. е. «Сказку о царе Салтане»), и «Сцены», под которыми разумеются написанные ранее в Болдине «маленькие трагедии» (слово это написано дважды: и в общем перечне, и в ряду с произведениями третьего тома, в котором теперь предполагалось объединить «мелкие стихотворения» не только с одним «Борисом Годуновым», но вообще с драматическими произведениями Пушкина). Из этого можно

[65] Пушкинские планы собрания сочинений и комментарий к ним см.: РП. С. 244—256. См. также указ. ст. Д. П. Якубовича.

[66] См.: *Якубович Д. П.* Указ. соч. С. 45.

заключить, что, отказавшись пока от замысла издания собрания сочинений, Пушкин принимает решение включить ранее неопубликованные им произведения (кроме «Домика в Коломне» и двух «маленьких трагедий») в состав третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» в соответствующих «годовых» рубриках 1830 (VI. «Пир во время чумы» и XIV. «Моцарт и Сальери») и 1831 г. (IV. «Сказка о царе Салтане...»). Наконец, в промежутке между двумя слоями предыдущего плана (ноябрь 1830 г.—июль 1831 г.) был намечен еще один план четырехтомного собрания сочинений Пушкина, отличавшийся от рассмотренного выше в основном тем, что им предполагалось выделение «Евгения Онегина» в самостоятельный, четвертый том (третий по-прежнему должен был объединять драматические произведения и «мелкие стихотворения» поэта). Позднее, в 1833 г., вернувшись к этому плану, Пушкин приписал к нему написанные к тому времени эпические произведения в стихах: поэму «Анджело» и три сказки (имелись в виду, кроме «Сказки о царе Салтане», еще «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о мертвой царевне», вскоре вошедшие в четвертую часть «Стихотворений Александра Пушкина»).

Все эти планы, однако, остались на уровне проектов; реализуется пока лишь замысел новой части «Стихотворений Александра Пушкина» как продолжения вышедших в 1829 г. первых частей издания. С осуществлением этого замысла связан уже список, начатый поэтом в 1830 г. (на обороте чернового письма родителям 12 или 13 апреля). Работа над ним велась в несколько приемов до начала сентября 1831 г. (тогда же, в первой половине сентября, составлена и беловая копия списка).[67] Таким образом, еще не оставив совсем мысли о собрании сочинений, Пушкин начинает обдумывать состав новой части своих «Стихотворений...» Судя по спискам предназначенных для нее произведений, Пушкин тщательно отбирает их для будущего сборника. В отличие от первых частей «Стихотворений Александра Пушкина» третья их часть включала, не считая немногих произведений, составивших раздел «Разных годов», только недавно написанные поэтом стихотворения, и это во многом определило то авторское пристрастие, которое угадывается в противоречивых решениях его относительно некоторых из них: они то включались, то исключались из состава задуманного сборника. В первом списке зачеркнутыми оказываются четыре стихотворения, обращенные к Дельвигу: помимо вошедшей затем в третью часть пушкинского сборника надписи «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы...», это, по-видимому, остававшееся неотделанным стихотворение 1830 г. «Мы рождены, мой брат названый...», а также, вероятно, два ранее не публиковавшиеся послания 1815 и 1821 гг. — «К. А. Тимашевой» («Из радуги», т. е. альманаха «Радуга» 1830 г., в котором это стихотворение 1826 г. было напечатано) и «Ее глаза» («Глаза 1828») — стихотворение «оленинского цикла», отвергнутое, как, впрочем, и предыдущее, при подготовке сборника 1829 г. Ко времени составления нового списка оно было опубликовано, хотя и без ведома Пушкина, под произвольным заглавием «К приятелю, сравнивавшему глаза одной девицы с южными звездами»; видимо, это обстоятельство позволило Пушкину снова включить его в список. Наконец, в списке появляется и «Герой» — стихотворение

[67] См.: РП. С. 256—263.

принципиального значения, но опубликованное в начале 1831 г. строго анонимно в «Телескопе»; вычеркнув его, Пушкин, по-видимому, не желал нарушать эту анонимность. Дело, однако, не ограничивается тем, что Пушкин вычеркивает некоторые произведения; перебеляя свой список, поэт не внес в него и те, которые в первом списке оставались незачеркнутыми. Два из них все же вошли в сборник 1832 г.: «В часы забав иль праздной скуки...» («Филарету») и «Дорожные жалобы» («Дорожные стихи»). Из белового списка исчезает послание 1817 г. «К Каверину», снова, как и при подготовке сборника 1829 г., отвергнутое Пушкиным. Исключена и поэма «Домик в Коломне» («Октавы»), предусмотренная первым списком; это придавало беловому списку как проекту собрания именно «мелких стихотворений» поэта бо́льшую однородность (затем эта однородность была нарушена включением в сборник «маленьких трагедий» и «Сказки о царе Салтане»). Но и беловой список стихотворений, предназначенных для третьей части «Стихотворений Александра Пушкина», не только в этом отношении не соответствует вполне ее содержанию: только сорок четыре стихотворения из пятидесяти шести, предусмотренных списком, вошли в это издание (в первоначальном списке их было шестьдесят шесть); несколько было добавлено: помимо крупных произведений и восстановленных стихотворений первого списка, это: «К Языкову» («Издревле сладостный союз...»), предполагавшееся еще для сборника 1829 г., «Калмычке», «На перевод Илиады» и «Узник». Вероятные мотивы, которыми руководствовался Пушкин, отказываясь от ряда включенных в беловой список произведений, подробно проанализированы Н. В. Измайловым.[68] К некоторым из его соображений мы еще вернемся; пока же остается отметить, что, судя по спискам, раздел «Разных годов» мыслился более обширным: помимо уже упомянутых стихотворений «К Каверину», «К. А. Тимашевой», «Ее глаза», они включали еще «Аквилон» (1824) и «Арион» («Нас было много») (1827); незадолго до составления второго списка опубликованный в «Литературной Газете» (1830. 30 мая. Т. 2. № 43). «Аквилон» будет напечатан Пушкиным незадолго до его роковой дуэли (Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1837. 2 янв.). По справедливому предположению Н. В. Измайлова, отказ от их помещения в третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» мог объясняться тем, что «Пушкин, по-видимому, не хотел вводить в сборник, где были и «Анчар», и «19 октября 1827», еще два произведения, которые бы могли вызвать подозрения властей напоминанием о пережитых политических бурях».[69]

Сохранилась также цензурная рукопись третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» — оригинал, с которого после прохождения цензуры набиралась книга.[70] Она представляет собой сшитую из разрозненных листов тетрадь, в которую входят в основном писарские копии стихотворений Пушкина (некоторые из копий принадлежат руке О. М. Сомова, вместе с Плетневым принимавшего участие в издании), вырезанные из различных изданий печатные тексты произведений, а также немногие автографы поэта. Рукопись завизирована цензором

---

[68] См.: *Измайлов Н. В.* Указ. соч. С. 225—229.

[69] Там же. С. 226—227.

[70] ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 420. См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 168—175.

В. Н. Семеновым, давшим разрешение на ее издание; содержатся в ней и указания наборщикам. Наблюдения над цензурной рукописью приоткрывают некоторые особенности редакторской работы: помимо Пушкина, ее осуществлял Плетнев. Первоначально все произведения, предназначенные для третьей части «Стихотворений Александра Пушкина», были датированы поэтом: в большинстве случаев им были проставлены карандашные пометы, затем, очевидно после того, как произведения были размещены в определенной последовательности по годам, зачеркнутые Плетневым. Зачеркнуты были и даты, проставленные под стихотворениями, отнесенными в раздел «Разных годов», кроме тех, которые, согласно замыслу автора, стали составной частью текста стихотворения, функционально заменяя подчас отсутствующее заглавие. В автографе, например, стихотворение «Каков я прежде был, таков и ныне я...» предварялось заглавием «Отрывок из Андрея Шенье», сопровождавшимся датой (1828); и то и другое было сперва зачеркнуто рукой Плетнева. В печатном тексте, однако, дата в форме, предложенной Пушкиным, была сохранена как помета над текстом, заглавие же в качестве подзаголовка перенесено в оглавление сборника. Подобным же образом помечены стихотворения «Дар напрасный, дар случайный...» и «Анчар», не говоря уже о «лицейской годовщине» 1827 г., в которой дата является заглавием стихотворения.

Наибольший интерес в цензурной рукописи третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» представляют, естественно, случаи авторской правки, свидетельствующие о непосредственном участии Пушкина в редактировании его текстов перед сдачей их в печать. Чаще она встречается в заменяющих наборную рукопись вырезках из печатных изданий; такова, например, карандашная поправка в «Дорожных жалобах», видоизменяющая ст. 27—28:

Об отставке, об невесте
О деревне помышлять!

(взамен слов «отставке», «О деревне» на поля выносится новое чтение: «деревне», «На досуге»). В «анфологической эпиграмме» «Рифма» изменяется, по-видимому, ошибочно напечатанное слово «приняла» на «прияла» («Ее прияла сама Мнемозина»); несколько поправок внесено в печатный текст, изъятый из брошюры «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина» (СПб., 1831): в «Бородинской годовщине» изменено чтение ст. 31 (вместо «Кто уступил, тот невредим» — «В бореньи падший невредим»); в ст. 38, 46, 61 заменены эпитеты: «хладного [лица]» на «гневного»; «измученный [колосс]» на «расслабленный»; «буйный [шум]» на «бурный»; в ст. 83 «И встрепетала тень его» начало заменяется на «Вострепетала»; наконец, в начале ст. 60 «Святыни» исправляется на «Святыню», но оставлена без внимания досадная опечатка в конце стиха («градов» вместо «гробов»), так и перешедшая в текст сборника 1832 г. (см. примеч.).

Существенный интерес представляет и правка, осуществленная в тексте «Сказки о царе Салтане» — частично Пушкиным, частично Плетневым; они подтверждают вынужденный характер изменений ст. 5—6 и 48—49 сказки. В первом случае это возвращение к исправленному Пушкиным первоначальному чтению: сперва поэт в ст. 5 («То сама на весь бы мир») зачеркивает слова «сама»

и «бы» и надписывает чернилами слово «крещеный» («То на весь крещеный мир»); затем рукой Плетнева прежний текст восстанавливается и заодно зачеркивается «б» в ст. 6; Пушкин снова настаивает на своем: зачеркнув правленный Плетневым стих, он снова надписывает: «То на весь крещеный мир» и восстанавливает «б» в следующем стихе; Плетнев же в конце концов возвращается к исходному чтению. Что стоит за этим: эстетический спор или сопротивление цензуре, которой уступает Плетнев? Трудно сказать, но очень вероятно именно вмешательство цензуры, которому пытался сопротивляться Пушкин, но вынужден был подчиниться Плетнев, видимо, конечно, с ведома и согласия автора. Следы же прямого цензурного вмешательства несут на себе ст. 48—49 «Сказки о царе Салтане»: они подчеркнуты карандашом и отчеркнуты на полях в сопровождении дважды подчеркнутого знака NB.[71] Плетнев зачеркивает ст. 48 и начало 49-го («Дела вдаль не отлагая, С первой ночи...»), вписав вместо них новый текст:

«Обещанье исполняя,
С той же ночи понесла», —

исполняя, таким образом, требования цензора-пуриста. И эти изменения, если не прямо принадлежат Пушкину, то, вероятно, санкционированы им. Осуществлены Пушкиным и некоторые другие замены в тексте «Сказки о царе Салтане»: в ст. 27 («Вы ж невестушки-сестрицы») слово «невестушки» заменяется на «голубушки»; в ст. 30 слово «женой» исправляется на «сестрой» («Вслед за мной и за сестрой») и т. д.[72] Следует также отметить и случаи отказа от некоторых стихов. Так, после ст. 168 зачеркнуты четыре стиха:

Кличет лебедь безотрадно...
Стало жалко и досадно
Моему богатырю —
Я те, лебедь, подарю!

Зачеркнуты, но уже рукой не Пушкина, а Плетнева (по-видимому, по указанию автора) также и три стиха после ст. 353:

Там у берега морскова
Опустился он и снова
Князем стал из комара, —

а также на полях значками 2) и 1) переставлены местами ст. 723—724 (первоначально читались: «На носу вскочил волдырь Нос ужалил богатырь»).

Нет необходимости отмечать все случаи частных изменений текста, осуществленных самим Пушкиным или по его указанию; многие из них отражены в примечаниях. В целом цензурная рукопись представляет существенный интерес тем, что создает возможность воочию увидеть некоторые подробности редакционной работы над пушкинским изданием, в других случаях невосстановимые. Можно было бы указать и еще на некоторые частности; например, на незначи-

---

[71] В данной помете на цензурной рукописи видят подчас руку Николая I. См.: III_2, 1078, 1305—1306 (примеч. А. Л. Слонимского).

[72] См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме. С. 172—174.

тельные разночтения отдельных автографов Пушкина с печатным текстом (в основном это описки, исправленные в процессе печатания), отказ от ряда заглавий и подзаголовков, перенесенных затем в оглавление или видоизмененных (первоначальное заглавие «Анчара» — «Анчар, древо яда» — было расчленено и вторая его часть перенесена, по-видимому Плетневым, в подстрочное примечание), и т. д. Достаточно лишь создать общее представление о редакторской работе, осуществлявшейся в процессе подготовки книги к изданию, что и позволяет сделать случайно сохранившаяся цензурная рукопись третьей части «Стихотворений Александра Пушкина».

План сборника 1832 г. вполне складывается к середине сентября 1831 г., и, по-видимому, уже в это время ведется интенсивная подготовка его к печати. В беловом списке почти все произведения снабжены датами, и хотя расположены они не в хронологическом порядке, выстроить их в соответствующей последовательности не составляло большого труда. В процессе подготовки сборника к печати его состав претерпел некоторые изменения; сопоставляя его с напечатанным Пушкиным и написанным им в 1829—1831 гг., а также с беловым списком предполагавшихся для него произведений, можно увидеть некоторые особенности осуществленного поэтом отбора. Общая тенденция его во многом совпадает с отбором произведений для сборника 1829 г., однако только отчасти. Время, отделяющее 1832 г. от того, когда собирались предыдущие части «Стихотворений Александра Пушкина», коренным образом изменило литературную ситуацию вокруг Пушкина, и это не могло не сказаться на его новом сборнике. Конец 1820-х гг. и особенно год 1830-й прошли для поэта в интенсивной полемике с противниками пушкинского круга писателей, в ходе которой не только поляризовались позиции ее участников, но и изменилась существенно литературная репутация Пушкина и его окружения. Сгустилась намеченная уже в баталиях вокруг «Полтавы» и в других критических отзывах второй половины 1820-х годов атмосфера глубокого непонимания путей, которыми отныне шло развитие пушкинского творчества. И в этих условиях поэт должен был проявить бóльшую избирательность, представляя свои произведения читателям. Это и определило во многом содержание третьей части «Стихотворений Александра Пушкина». Число отвергнутых в процессе ее подготовки к печати напечатанных или завершенных Пушкиным стихотворений по-прежнему не очень велико; пробелы нередко могут быть объяснены внешними, главным образом цензурными, причинами. Пушкин не смог опубликовать «Мою родословную», стихотворение, которому он придавал принципиальное значение, поскольку оно затрагивало важнейшие для него и мировоззренческие, и полемические аспекты, отражавшие атмосферу накаленной литературной борьбы, которая окружала поэта в 1830 г. Суждение Николая I («Для чести его пера и особенно его ума будет лучше, если он не станет распространять их ⟨стихи⟩»; XIV, 247, 443; оригинал по-франц.) закрывало возможность печатания этого стихотворения, впрочем, широко ходившего в списках. Возможно, цензурными причинами объясняется и отсутствие в сборнике стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...» Посланное Дельвигу для помещения в «Северных Цветах» на 1830 г. (под псевдонимом А. Заборский), оно не вошло в число стихотворений Пушкина, опубликованных в этой книжке альманаха. Точные причины его отсутствия в ней неизвестны; не исключено, что

оно могло быть не пропущенным светской или духовной цензурой. Правда, после смерти Дельвига Пушкин запрашивал назад свою рукопись, надеясь «что-нибудь из этого сделать» (XIV, 194). Это могла быть и автоцензура. В письме Бенкендорфу в октябре 1831 г. Пушкин писал: «Высочайшая доверенность налагает на меня обязанность быть к самому себе строжайшим цензором...» (XIV, 234). Вероятно, автоцензурными или цензурными соображениями объясняется отказ от включения в сборник 1832 г. стихотворения 1829 г. «К бюсту завоевателя» («К портрету Зав⟨оевателя⟩»), содержавшего нелицеприятную оценку Александра I.

Более существенными для Пушкина были другие соображения, оставившие за пределами сборника ряд написанных им стихотворений. Прежде всего он отказался от ряда эпиграмм, возникших в пылу литературной борьбы 1829—1830 гг., не желая, по-видимому, сосредоточивать вновь на ней внимание. Отбрасываются предусмотренные списком эпиграммы на Булгарина: «Видок Фиглярин», «Булгар⟨ин⟩» в первом и «Видок Ф⟨иглярин⟩(2)» во втором списке («Не то беда, что ты поляк...», «Не то беда, Авдей Флюгарин...»), несколько эпиграмм на Каченовского и Надеждина (вероятно, «Там, где древний Кочерговский...», «Журналами обиженный жестоко...», «Мальчишка Фебу гимн поднес...», ранее напечатанные Пушкиным, или же остававшиеся не напечатанными «Надеясь на мое презренье...» и «притча» «Сапожник», позднее опубликованная в «Современнике» в 1836 г.), а также отдельно обозначенная эпиграмма «Седой Свистов, ты царствовал со славой...» («Седой Хв⟨остов⟩» в списках). При изменившихся литературных отношениях Пушкина с Надеждиным как издателем «Телескопа», в котором стал публиковаться поэт, эпиграммы на него утратили свою прежнюю актуальность.

Как и ранее, в рукописях Пушкина оставался ряд не доведенных до завершения стихотворений, публикация которых поэтому не представлялась возможной. Их отсутствие в сборнике, конечно, существенно видоизменяло картину творчества поэта, особенно имея в виду столь привычные для нас и важные для понимания пушкинской лирики стихотворения, как «Воспоминания в Царском Селе» (1829), «Еще одной высокой важной песни...», «В начале жизни школу помню я...», «Два чувства дивно близки нам...», «Чем чаще празднует Лицей...» и некоторые другие, не существовавшие как законченные и подготовленные к печати произведения, и уже поэтому вопрос об их включении в сборник вообще не вставал. Другое дело, что сам отказ от завершения по крайней мере некоторых из них имел отношение к тем соображениям, которые заставляли Пушкина не печатать и некоторые свои законченные произведения, и представляется поэтому вполне симптоматичным.

Н. В. Измайлов особо обратил внимание на отсутствие в сборнике 1832 г. стихотворений, названных им «прощальными». Это написанные Пушкиным в Болдине «Прощание», «Заклинание» и «Для берегов отчизны дальной...» Все они упомянуты в списках произведений, предназначенных для третьей части «Стихотворений Александра Пушкина»: в первом из них прямо названо только «Заклин⟨ание⟩»; однако Б. В. Томашевский высказал правдоподобное предположение, что под заглавием «К EW» (инициалы раскрываются как Elise Woronzoff) скрывается стихотворение «Прощание», в беловом списке обозначен-

ное по первому стиху («В последний раз ⟨твой образ милый...⟩»).[73] Об особом значении, которое Пушкин придавал этим стихотворениям, говорит и то, что все они в беловом списке передатированы: «Прощание» обозначено 1829-м, а «Заклинание» и «Для берегов отчизны дальной...» даже 1828 г. (В списке первый стих последнего стихотворения приведен в первоначальной редакции: «Для берегов чужбины &»). «Эти ложные даты, — отметил Н. В. Измайлов, — затушевывают происхождение и значение стихотворений...»[74] И тем не менее даже под произвольными датами стихотворения в сборнике не появляются и вообще (за исключением, быть может, «Прощания», переложенного на музыку А. Н. Есауловым[75]) остаются неизвестными современным Пушкину читателям. Их исключение, конечно, существенно изменяет облик болдинской лирики Пушкина, тем более что, видимо, по аналогичным соображениям (т. е. из-за интимности чувств, выраженных в стихотворениях) в сборник 1832 г. не попадает также и болдинская «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...»), впрочем (но уже вне своего контекста), помещенная затем в четвертой части «Стихотворений Александра Пушкина» (в списках «Элегия» обозначена по началу одного из ключевых стихов — «Я жить хочу ⟨чтоб мыслить и страдать⟩»).

Среди опубликованных Пушкиным в сборнике 1832 г. произведений мы не находим и одного из важнейших, имеющих программное значение стихотворение болдинской осени 1830 г. — «Румяный критик мой, насмешник толстопузой...» По убедительному предположению Н. В. Измайлова, именно оно было предусмотрено списками 1830—1831 гг. под обозначением «Осень 1 окт.» и «Осень в деревне». Вопрос этот имеет свою историю. Исследуя упомянутые списки, Б. В. Томашевский и М. А. Цявловский полагали, что речь идет о стихотворении «Осень», «первые октавы» которого поэт и предполагал будто бы включить в третью часть «Стихотворений Александра Пушкина».[76] Этому противоречит, однако, то, что отсутствуют какие-либо следы работы Пушкина над этим стихотворением ранее 1833 г., которым датируются все известные его рукописи. В то же время дата 1 окт⟨ября⟩⟨1830⟩ проставлена над текстом стихотворения «Румяный критик мой...», что и позволило Н. В. Измайлову связать именно с ним пушкинские записи в списках (обозначение «Осень в деревне» вполне соответствует и содержанию этого стихотворения). Все это и позволяет принять гипотезу Н. В. Измайлова, а также и его соображения о вероятных мотивах отказа Пушкина от включения этого стихотворения в сборник: мотивируя отказ поэта, ученый указывал на резкую полемичность и вызывающую нетрадиционность стихотворения «Румяный критик мой...»; они действительно могли вызвать нежелательную реакцию критики, и поэт отказывается от мысли о публикации своего программного стихотворения.[77] Менее вероятны цензурные соображения, на возможность которых тут же указывает Н. В. Измайлов; скорее,

---

[73] *Томашевский Б. В.* Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. С. 115, 117.

[74] *Измайлов Н. В.* Указ. соч. С. 229.

[75] Там же. С. 229—230 (сноска).

[76] См.: *Томашевский Б. В.* Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. С. 115, 117; РП. С. 259.

[77] *Измайлов Н. В.* Указ. соч. С. 227—228.

именно обстановка, сложившаяся вокруг Пушкина в начале 1830-х гг., делала нежелательным обнародование этого острого по смыслу стихотворения. Обозначение «Осень в деревне» появляется и спустя ряд лет в одном из поздних списков предназначавшихся, по-видимому, для печати стихотворений (1836). Вполне вероятно, что и здесь имеется в виду стихотворение «Румяный критик мой...».[78] Литературная ситуация 1836 г. делала вполне вероятным замысел его публикации. Пока же Пушкин воздерживается от его обнародования, и это вполне укладывается в прослеживаемую тенденцию: поэт не хочет делиться с отказывающей ему в понимании публикой наиболее сокровенными, важными для него и в психологическом, и в литературном плане произведениями. Подобные мотивы отчетливо прослеживаются в таких опубликованных в сборнике 1832 г. стихотворениях, как «Поэту», «Ответ анониму» и «Эхо». Впоследствии тенденция эта закрепляется. По верному замечанию Н. В. Измайлова, «отказ от печатания стихотворений важнейшего значения — как общественного, так и чисто личного — становится для Пушкина правилом».[79] Связаны с этой тенденцией, конечно, и отказ от окончания некоторых стихотворений такого рода (даже тогда, когда оставалось провести лишь немногие завершающие штрихи). Не случайно, например, среди болдинских стихотворений, не вошедших в третью часть «Стихотворений Александра Пушкина», не находим мы и «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы», в то время еще остававшихся в черновой рукописи, хотя и доведенной почти до завершенного текста. Пушкин вернется к ним в конце своей жизни, задумается над возможностью их опубликования, но и тогда стихотворение так и останется в рукописи.

Таким образом, репрезентация лирической поэзии Пушкина 1829—1831 гг. в сборнике 1832 г. связана с более существенными утратами, чем при подготовке «Стихотворений Александра Пушкина» 1829 г. В целом, по крайней мере количественно, она создавала достаточно широкое и объективное представление о пушкинской лирике, и все же представление далеко не полное. Тем не менее изъятия, на которые пошел Пушкин, готовя свой новый сборник, пока еще не имели решающего значения, оставаясь, скорее, исключениями, чем правилом. Правилом они станут потом, и это скажется на составе четвертой части «Стихотворений Александра Пушкина», в которой немногие «мелкие стихотворения», да и то более эпического, нежели лирического характера, ни в какой мере не отразят уже состояния лирики поэта.

С проявлением новых тенденций в организации поэтического сборника связана и композиция третьей части «Стихотворений Александра Пушкина». С одной стороны, ее хронологическое построение вполне соответствовало конструкции двух первых частей сборника: с другой же, — в отличие от них, расположение стихотворений внутри «годовых» рубрик тяготело уже к некоторой, хотя и непоследовательной, систематизации. Тяготение к ней, по наблюдениям Н. В. Измайлова, наметилось уже при составлении белового списка произведений, предназначенных для сборника 1832 г.[80] Хронологическое расположение внутри сборника

---

[78] Там же. С. 260.
[79] Там же. С. 230—231.
[80] Там же. С. 218—219.

неизбежно разрушало намечавшиеся связи; однако в «годовых» рубриках при их видимой бессистемности расположения по крайней мере некоторые стихотворения объединяются в тематические группы. Особенно это относится к стихотворениям так называемого «кавказского цикла», явно создававшимся с ориентацией на их последующее объединение:[81] семь из них открывают рубрику 1829 г., создавая определенное единство (к ним примыкает и напечатанное под восьмым номером стихотворение «Олегов щит»); по наблюдению Н. В. Измайлова, стихотворения II—VII следуют одно за другим, «почти точно воспроизводя этапы путешествия поэта в армию».[82] Объединение это, однако, проведено непоследовательно — связанные с путешествием на Кавказ стихотворения «Дорожные жалобы» и «Калмычке» помещены значительно ниже, занимая XVII и XVIII позиции, но тоже рядом одно с другим. Не случайно внутри той же рубрики соединены и стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...» и «Зимнее утро», связанные не только психологически, но и по их происхождению, а также упомянутые выше эпиграммы на Каченовского (XV, XVI), объединенные к тому же и с предшествующим стихотворением «Счастлив ты в прелестных дурах...», связанным с ними, хотя и не прямо, общностью сатирической и литературно-полемической направленности. Завершается ряд стихотворений 1829 г. стансами «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», подводящими, по словам Н. В. Измайлова, «философский итог тридцатого года жизни поэта...».[83] Философский же смысл стихотворения «В часы забав и праздной скуки...» (первого за 1830 г.), вне зависимости от его происхождения (см. примеч.), поддерживает тему раздумий над жизнью, способствуя, таким образом, возникновению связи и между смежными годовыми рубриками. Соотношение это протягивается и далее — к разделу «Разных годов», в котором помещено стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...». С последним прямо связана полемика между Пушкиным и митрополитом Филаретом. Связь эту мог ощутить и читатель, не знакомый с обстоятельствами возникновения стихотворения. Н. В. Измайлов справедливо соотносил смысл стихотворения «В часы забав иль праздной скуки...» с темой назначения поэта.[84] В сборнике 1832 г. она представлена в «годовых» рубриках 1830 г. («Поэту», «Ответ анониму» — оба стихотворения поставлены рядом, занимая III и IV позиции, — а также «Моцарт и Сальери») и 1831 г. («Эхо»). Тематически соотнесены помещенные рядом (V, VI) произведения «Пью за здравие Мери...» и «Пир во время чумы». Позиции IX—XIII в рубрике 1830 г. занимают «анфологические эпиграммы» Пушкина, уже ранее опубликованные им в «Северных Цветах» на 1832 г. в качестве единого цикла под общим заглавием. Последнее в сборнике 1832 г. снимается, но сохраняется их единство и последовательность. Только между двумя стихотворениями, замыкавшими цикл («Рифма» и «Труд»), помещается еще одна «анфологическая эпиграмма» — «На перевод Илиады». Зато «Три сонета 1830», обозначенные в беловом списке как

---

[81] См.: *Слинина Э. В.* Лирический цикл «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)» // Слинина Э. В. Лирика Пушкина 1820—1830-х годов: Проблемы становления личности поэта. Псков, 1990. С. 38—48.

[82] *Измайлов Н. В.* Указ. соч. С. 221.

[83] Там же. С. 223.

[84] Там же.

единое целое, в «Стихотворениях Александра Пушкина» разделены, занимая в рубрике 1830 г. III, VII и XVIII позиции (сонет «Мадона» завершает собой «годовую» рубрику, подчеркивая, по словам Н. В. Измайлова, «завершение целого периода в жизни поэта».[85] В рубрике 1831 г. центральное место занимают два стихотворения так называемого «польского цикла», связанные по происхождению и по предшествующей публикации (см. примеч.).

Конечно, все это не может рассматриваться как универсальный принцип, превращающий сборник 1832 г. в объединение стихотворений, складывающееся в определенное единство; тем не менее как тенденция принцип этот прослеживается достаточно очевидно. Хронологический принцип, также последовательно проведенный в сборнике, совмещается здесь с тенденцией к определенной упорядоченности входящих в него текстов как внутри «годовых» рубрик, так и между ними. Этим третья часть «Стихотворений Александра Пушкина» отличается от предыдущих, расположение произведений в которых не давало оснований для подобных наблюдений. Речь, таким образом, может идти о некоторой эволюции пушкинского стихотворного сборника при сохранении, однако, определенного единства трех частей «Стихотворений Александра Пушкина» как целого. Внешне это единство подчеркнуто не только сохранением объединяющего их хронологического расположения материала, но и дополнением его произведениями, вынесенными за пределы «годовых» рубрик; как и вторая часть сборника 1829 г., третья часть «Стихотворений Александра Пушкина завершается разделом «Разных годов». Он невелик (девять стихотворений против двадцати пяти) и принципиально отличается от соответствующего раздела сборника 1829 г. тем, что объединяет не стихотворения малых жанров, но произведения либо по времени их создания, либо по другим соображениям, выведенные за пределы общего хронологического ряда. Три стихотворения этого раздела: «Подъезжая под Ижоры», «Собрание насекомых» и «Приметы» относятся к 1829 г., представленному в сборнике, причем все они включены в оба предварявшие его состав списка и, таким образом, легко могли быть введены в соответствующую «годовую» рубрику. Пушкин, однако, соединяет их с ранее написанными стихотворениями, и, хотя последовательность их размещения в разделе определяло время их создания, отсутствие дат при стихотворениях 1829 г. (не датированы также «Узник» и «Зимний вечер») скрывало от читателя эту композиционную особенность. Н. В. Измайлов, как кажется, несколько преувеличил обдуманность композиции раздела «Разных годов»; несомненно, однако, что поставленное в конец его стихотворение «Приметы» позволяет соотносить его с другими произведениями, помещенными в сборнике, —

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты... —

закрепляя, таким образом, общее тяготение его к композиционной упорядоченности и организованности. Не следует только преувеличивать эту тенденцию, настаивая на «циклической организации сборника», позволяющей якобы поэту

[85] Там же. С. 224.

«создать эпический контекст для малых лирических жанров», а также объявлять третью часть «Стихотворений Александра Пушкина» «книгой-циклом стихотворений», в которой «сочетаемость стихотворений в большом лирическом контексте рождает „надсмысл" подборок и сборника в целом».[86] Подобные утверждения не подкрепляются реальным содержанием пушкинского сборника; тенденции, заключенные в нем, все же не позволяют выводить столь категоричные и далеко идущие заключения.

Немногочисленные критические отзывы на сборник 1832 г. отличались большей основательностью и глубиной, нежели отзывы на первые части «Стихотворений...», но их содержание вытекало из того непонимания художественных исканий зрелого Пушкина, которым отмечено преимущественно критическое восприятие его творчества в конце 1820-х—1830-х гг. Правда, это не исключало и положительной оценки. В частности, интерес вызвала новинка пушкинского сборника — «Сказка о царе Салтане», представлявшая новую сторону поэзии Пушкина, невольно проецируемую на ее начало — поэму «Руслан и Людмила». Сказка Пушкина, отмечалось в рецензии «Русского Инвалида», рассказана «с тою свободою и прелестью стиха, с тем знанием Русского сказочного тона, с тем счастливым даром применяться к вымыслам, поверьям и быту народных наших рассказов, коими читатели Русские любовались в эпилоге к *Руслану и Людмиле* и во многих местах самой сей поэмы».[87] Но если в приведенной оценке сказка 1831 г. отождествлялась с ранней пушкинской поэмой, то автор помещенной в «Северной Пчеле» рецензии, барон Е. Ф. Розен, литератор, близкий к пушкинскому кругу писателей, видит в «Сказке о царе Салтане» нечто новое, сопоставимое разве что с прежними достижениями Пушкина в русской балладе: «Дабы все области Поэзии были возделаны нашим Поэтом, он обратился к простонародной сказке, доказав уже прежде своею народною балладою: *Наташа*,[88] до какой степени он освоился с Русским духом».[89] Что же касается оценки сборника, то в этих рецензиях, хотя и вполне сочувственных, она сводится к самым общим суждениям, как например следующее восклицание: «Истинный подарок любителям чтения к Светлому празднику!»[90] (в 1832 г. Пасха приходилась на 10 апреля) или замечание о впечатлении, которое производят стихотворения Пушкина, будучи изъятыми из контекста, в котором они впервые появились, и собранные вместе: «...мы убеждаемся на опыте, что они и здесь не только имеют равное прежнему действие, но и от совокупности своей еще получают новую прелесть».[91] Значительную часть статьи бар. Розена занимают еще приуроченные к смерти Гете рассуждения о нем и о сходстве его и Пушкина поэтической судьбы.

Но не эти, достаточно бесцветные, отзывы определили восприятие третьей части «Стихотворений Александра Пушкина». Она явилась предметом серьезного разбора в «Летописях отечественной литературы» журнала «Телескоп». Автор

---

[86] См.: *Долгова Л. М.* Сборник стихотворений 1832 года как тип циклической организации лирики в творчестве А. С. Пушкина // Проблемы литературных жанров. Томск, 1987. С. 49.

[87] Русский Инвалид. 1832. 2 апр. № 86. С. 343.

[88] Имеется в виду «Жених» (1825).

[89] Северная Пчела. 1832. 7 апр. № 81. С. 3.

[90] Русский Инвалид. 1832. 2 апр. № 86. С. 343.

[91] Северная Пчела. 1832. 7 апр. № 81. С. 2.

статьи, издатель «Телескопа» Н. И. Надеждин, рассматривает ее вместе с последней главой «Евгения Онегина» и книгой стихов В. Г. Теплякова как наиболее заметные явления литературной продукции 1832 г., свидетельствующие, однако, не об успехах русской словесности, но о ее очевидном бесплодии. Статья «Телескопа» чрезвычайно симптоматична как одно из проявлений того нового взгляда на Пушкина, который в начале 1830-х гг. преобладал в критических отзывах на его произведения. Если еще недавно, в 1831 г., Надеждин приветствовал появление «Бориса Годунова» как надежду на изменение направления пушкинского творчества, им не одобрявшегося, то и последняя глава «Евгения Онегина» и особенно «Стихотворения Александра Пушкина» вызывают в нем глубокое разочарование: «В самом внутреннем их достоинстве обнаруживается крайняя бедность поэтической жизни, не радостная для патриотов Русской словесности», — пишет он в начале статьи.[92] Читательское восприятие Пушкина оценивается как путь от неумеренных восторгов до полного равнодушия, которым встречаются последние произведения поэта: «Произведения *Пушкина* являются и проходят почти неприметно». Третья часть «Стихотворений Александра Пушкина», пишет он далее, «скромно, почти инкогнито, прокрадывается в газетных объявлениях, наряду с мелкою рухлядью цехового рифмоплетного рукоделья; — и (о верх унижения) между журнальными насекомыми».[93] Для самого критика рецензируемая им книга «оставалась единственною опорою, к коей мы хотели приковать наши зыблющиеся надежды ⟨...⟩ и потому с жаром ухватились за собрание новых, последних его произведений, дабы найти в них приятное оправдание нашим мечтаниям. И к сожалению, с тою же искренностию, должны мы теперь сознаться, что мечтания сии оказались не сбывшимися».[94] Разочарование критика тем более велико, что мелкие стихотворения поэта для него — важнейшая, значительнейшая часть его творчества. Применительно к Пушкину это новый взгляд, поскольку слава поэта базировалась в основном на восприятии крупных произведений, бывших в глазах читателей, да и самого поэта, фундаментом его поэтического творчества. По мысли же Надеждина, именно мелкие стихотворения являются «самыми важными документами для изучения постепенного образования художнической жизни поэта ⟨...⟩ мелкие стихотворения, вырывающиеся небрежно из души, в минуты поэтического на́ития, трепещут свободною, безыскусственною, неподдельною жизнию минуты, их породившей. Следовательно, в них собственно должно изучать внутреннюю историю поэта». Применяя эту мысль к Пушкину, критик отмечает: «Кто хочет вызвать ⟨вызнать?⟩ истинную глубину его таланта, тот должен вслушаться в его могучую беседу с *Морем*, или в вещую думу о *Наполеоне*. Посему-то ⟨...⟩ мы особенно надеялись на *Третью Часть* его стихотворений».[95] Она, однако, вызвала разочарование критика; последние три года поэзии Пушкина, итоги которых представлены в сборнике, показались ему «печальной лествицей ощутительного упадания поэта».[96] Мысль об «упадании» таланта Пушкина, превращавшаяся в расхожий штамп

[92] Телескоп. 1832. Ч. 9. № 9. С. 104.
[93] Там же. С. 105.
[94] Там же. С. 110.
[95] Там же. С. 110—111.
[96] Там же. С. 111.

критики 1830-х гг., таким образом, разделяется и Надеждиным. Исходя из нее, он оценивает содержание пушкинского сборника 1832 г.: «...не оскудевая в силах, талант *Пушкина* ощутительно слабеет в силе, теряет живость и энергию, выдыхается», — заключает он и продолжает: «Напрасно привычным ухом вслушиваешься в знакомую мелодию его звуков: они не отзываются уже тою неподдельно-естественною свободою, которая в прежних стихотворениях его увлекала за собой непреодолимым очарованием. Как будто резвые крылья, носившие прежде вольную фантазию поэта, опали; как будто тайный и враждебный демон затянул и осадил рьяного коня его».[97]

Подтверждение этому Надеждин находит в поэтических декларациях самого Пушкина: стихотворения «Цыганы» и «Приметы» («заключающие, — говорит он о последнем стихотворении, — как бы нарочно сию *третью часть* стихотворений, третий том жизни *Пушкина*»)[98] упоминаются как свидетельство несоизмеримости прошлого и настоящего пушкинской поэзии. «Сказка о царе Салтане», на которую, как на новинку, подобно другим, обращает внимание и критик «Телескопа», не является для него исключением; в ней он видит «одно принужденное усилие, tour de force ⟨напряжение⟩ могущественного, но безжизненного искусства», воспроизводящего лишь «наружные формы старинной Русской народности». «Всё произведение, — заключает он, — носит на себе печать механической подделки под старину, а не живой поэтической ее картины».[99] «Сказка о царе Салтане», по мнению Надеждина, проигрывает даже в сравнении с «Русланом и Людмилой»: «Там конечно меньше истины, меньше верности и сходства с Русской стариной в наружных формах: но зато какой огонь, какое одушевление!»[100]

Таким образом, сравнение с прошлым пушкинской поэзии и здесь оказывается не в пользу новых произведений поэта: «...в Третьей части стихотворений *Пушкина* мы увидели ряд неудачных попыток таланта, разочарованного в юношеских своих мечтах и не умеющего найти опоры для своих зрелых помыслов и вдохновений».[101] Безрадостный итог Надеждина в оценке пушкинского сборника подкрепляется и его отзывом о стихотворениях Теплякова; хотя в целом он и более благосклонен к нему, нежели к Пушкину, произведения обоих подтверждают его общий взгляд на состояние современной литературы: «Поэзия наша решительно не двигается вперед, но, обращаясь в одном и том же круге, только что повторяет сама себя в более и более тускнеющих отражениях».[102] Такое состояние продолжится до тех пор, «пока Русский дух не обратится внутрь себя, не отыщет в самом себе источника новой, самобытной жизни!..Но как приняться, как начать это великое дело?..» — меланхолически вопрошает критик.[103]

Статья Надеждина выгодно отличается от других отзывов на «Стихотворения Александра Пушкина» тем, что подходит к их оценке серьезно, исходя из

---

[97] Там же. С. 111—112.
[98] Там же. С. 113.
[99] Там же. С. 114.
[100] Там же. С. 115.
[101] Там же.
[102] Там же. С. 122.
[103] Там же. С. 123.

принципов, которых придерживался критик, и не ограничиваясь пустыми похвалами или порицаниями. И хотя он проглядел пути обновления русской поэзии там, где они реально обозначались, критика им Пушкина вызвана искренним стремлением указать на то, что, по его мнению, мешало поэту твердо стать на путь создания «своей, Русской, народной поэзии»,[104] как он ее понимал. Тем не менее общий вывод критика был безрадостен, и его статья могла показаться Пушкину еще одним доказательством непонимания его поэтического развития. Поэт несомненно читал статью Надеждина; страницы принадлежавшего ему экземпляра «Телескопа» разрезаны именно на ней, и она, естественно, не могла порадовать его. Не исключено, что холодный прием третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» повлиял на последний план собрания сочинений Пушкина (1833—1834): «мелкие стихотворения» в нем снова объединены с «Борисом Годуновым» (другие драматические произведения почему-то опущены, «едва ли не по ошибке»);[105] причем поставленные столбиком цифры I, II могут, по мнению М. А. Цявловского, означать, что поэт предполагал не перепечатывать стихотворения из сборника 1832 г.;[106] впрочем, Д. П. Якубович полагал, что «лирика» просто «разделена на два отдела», и допускал даже, что там же могли быть повторены и две ранее напечатанные «маленькие трагедии».[107] Вопрос, таким образом, остается открытым, тем не менее, если догадка М. А. Цявловского верна, последний пушкинский план собрания сочинений свидетельствует о том, насколько глубоко задевало Пушкина неприятие критикой его зрелой лирики. Реализация плана собрания сочинений намечалась на первую половину 1834 г.; в начале декабря 1833 г. Пушкин сообщал Нащокину: «...думаю весной приступить к полному собранию моих сочинений» (XV, 99). Вместо него, однако, в 1835 г. почти одновременно появляются два других издания: «Поэмы и повести Александра Пушкина» и четвертая часть «Стихотворений Александра Пушкина». Последняя, однако, разительно отличалась от предшествовавших частей.

5

Заключительная часть «Стихотворений Александра Пушкина» тесно связана с ситуацией, в которой оказался поэт в начале 1830-х гг. Сборник 1832 г. был последним крупным выступлением Пушкина-лирика перед читателями. С этого времени публикация его «мелких стихотворений» резко идет на убыль. Лишенный дружественных периодических изданий (выпущенная в конце 1831 г. книжка «Северных Цветов» на 1832 г., посвященная памяти Дельвига, завершила издание основанного им альманаха; еще ранее прекратила существование и «Литературная Газета»), поэт в течение 1832 и 1833 гг. не напечатал ни одного стихотворения (появлялись лишь перепечатки ранее изданных произведений), и только в 1834—начале 1835 г. он снова начинает публиковать их в новом журнале

[104] Там же. С. 122.
[105] *Якубович Д. П.* Указ. соч. С. 46.
[106] См.: РП. С. 266.
[107] *Якубович Д. П.* Указ. соч. С. 46.

«Библиотека для чтения», издававшемся известным книгопродавцем А. Ф. Смирдиным, с которым у Пушкина установились в это время тесные деловые отношения. Из его стихотворных произведений в журнале появляются «Гусар», «Сказка о мертвой царевне», «Будрыс и его сыновья», «Воевода», «Красавица», «Подражания древним», «Элегия», вступление к «Медному Всаднику» («Петербург. Отрывок из поэмы»), «Песни западных славян», «Сказка о Золотом петушке» и «Сказка о рыбаке и рыбке». Легко увидеть, что эти произведения (за исключением отрывка из «Медного Всадника») и явились ядром четвертой части «Стихотворений Александра Пушкина», оказавшейся в сущности (если не считать «Разговора книгопродавца с поэтом») сборником перепечаток из «Библиотеки для чтения». Поскольку издание пушкинского сборника также взял на себя Смирдин, получилось, что, по словам Н. П. Смирнова-Сокольского, «в течение одного года он дважды уплатил Пушкину гонорар за одни и те же произведения».[108] Состав сборника определил совершенно новый его характер. Даже внешне четвертая часть «Стихотворений Александра Пушкина» не напоминала прежних частей: книга была отпечатана в типографии Академии Наук,[109] изменены были и обложка, и шрифт; это в общем случайное обстоятельство лишний раз подчеркивало, что новый сборник лишь формально продолжал предыдущие.

У Пушкина был уже опыт составления подобного сборника. Еще в начале 1832 г., незадолго до выхода третьей части «Стихотворений Александра Пушкина», им была выпущена книжка «Стихотворения А. С. Пушкина. (Из Северных Цветов 1832 года)», содержавшая в себе, как это явствует из заглавия, подборку произведений, незадолго до того опубликованных в редактированном Пушкиным последнем выпуске издававшегося покойным Дельвигом альманаха. Обстоятельства появления этой книжки довольно загадочны и едва ли не связаны с тактическими соображениями.[110] В продажу она, скорее всего, не поступала, поэтому является сейчас величайшей библиографической редкостью (сохранились всего два ее экземпляра); вместе с тем это не отдельный оттиск, сделанный для нужд автора, но заново набранное самостоятельное издание. «Стихотворения А. С. Пушкина. (Из Северных Цветов 1832 года)» интересны как опыт объединения произведений, прежде напечатанных в одном издании и представляющих некое единство. Возможно, этот опыт был учтен Пушкиным при составлении его сборника 1835 г. Правда, в отличие от первого, в котором все произведения расположены строго в той же последовательности, в какой они были разрозненно напечатаны в поэтическом отделе альманаха (от «Моцарта и Сальери» до «Бесов»), расположение произведений в сборнике 1835 г. (к тому же пополненного «Разговором книгопродавца с поэтом») несколько отклоняется от реальной последовательности их появления в «Библиотеке для чтения». Расположение их произвольно и не связано ни с жанровой принадлежностью, ни с хронологической последовательностью.

---

[108] *Смирнов-Сокольский Н. П.* Указ. соч. С. 379.

[109] Документы, относящиеся к печатанию сборника 1835 г., опубликованы Л. Б. Модзалевским. См.: Звенья. М.; Л., 1933. Т. 2. С. 244, 245.

[110] См.: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Указ. соч. С. 289—303.

Три баллады («Гусар», «Будрыс и его сыновья» и «Воевода») разделены «Сказкой о мертвой царевне»; сказки о Золотом петушке и о Рыбаке и рыбке разделяют лирические стихотворения Пушкина, и только завершающие сборник «Песни западных славян» предстают как единый поэтический цикл (в отличие от публикации «Библиотеки для чтения» они были воссоединены с отдельно напечатанной в ней «сербской песней» «Конь» и дополнены предисловием и общими примечаниями). Не соблюдена и хронология: если четыре первых произведения относятся к 1833 г., то следующее за ними стихотворение «Красавица» датируется 1832 г.; нарушена хронологическая последовательность помещенных одна за другой сказок о Золотом петушке и о Рыбаке и рыбке (1834 и 1833); относящийся еще к 1820-м гг. «Разговор книгопродавца с поэтом» вклинивается между ними и написанными в 1833 г. «Подражаниями древним»; идущая следом за ними «Элегия» написана болдинской осенью 1830 г. Датированы лишь три первых произведения: «Гусар», «Сказка о мертвой царевне» и «Будрыс и его сыновья» (все — 1833 г.). Указание на время их создания производит впечатление случайности, кажется данью оставленному хронологическому принципу. Далее автор как бы спохватывается и уже не сообщает читателям дат возникновения помещенных в сборнике произведений.

Что же произошло? Почему был отвергнут недавно, казалось бы, прочно утвердившийся в пушкинском издании хронологический принцип? (Кстати, он сохранил свое значение в параллельно изданных «Поэмах и повестях Александра Пушкина»). И является ли расположение произведений в четвертой части «Стихотворений Александра Пушкина» совершенно хаотическим? Вероятно, сошлось много причин, заставивших поэта решительно изменить композицию его нового сборника. Прежде всего в отличие от предыдущих частей, включая и третью, «мелкие стихотворения» уже не составляли его основы. Отказавшись почти от публикации новых своих лирических стихотворений, Пушкин не счел нужным размещать произведения в хронологической последовательности. Кроме 1833 года, к которому относится большинство помещенных в нем произведений (к нему, кроме трех баллад, двух сказок и «Подражаний древним», относится, вероятно, и большинство «Песен западных славян»; см. примеч.), 1832-м годом датируется только «Красавица», 1834-м — «Сказка о Золотом петушке», а два остальных стихотворения относятся к более раннему времени: (1824 г. — «Разговор книгопродавца с поэтом» и 1830 г. — «Элегия»). Выстроив содержание сборника в хронологический ряд, Пушкин столкнулся бы с очевидной диспропорцией, искаженно представлявшей динамику его творчества 1832—1834 гг., и это несомненно было одной из важнейших причин, заставивших его изменить принятому им в прежних сборниках хронологическому порядку расположения стихотворений.

Содержание четвертой части «Стихотворений Александра Пушкина» делает ненужным и сопоставление его с реально напечатанным и написанным поэтом в годы, отделявшие ее от предыдущей, третьей части. К тому же сборник 1835 г. практически исчерпал все то, что было за это время опубликовано Пушкиным: еще одно стихотворение, «Туча», было напечатано в «Московском Наблюдателе» (1835. Ч. 2. Кн. 2) уже после того, как было получено цензурное разрешение на печатание пушкинского сборника. Практически все лирическое творчество Пуш-

кина в силу называвшихся ранее причин оказывалось теперь за пределами печатаемого поэтом. Даже те немногие стихотворения, которые вошли в состав четвертой части «Стихотворений Александра Пушкина», оказались изолированными от контекста, в котором они появились. Стихотворение «Красавица», например, вместе со стихотворением «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...» образовывали некоторое единство: они завершали любовную лирику Пушкина, переводя тему в новый план — утверждение эстетической сущности женской красоты, любование ею как своего рода замещение любовного чувства, самоограничение в любви.

...Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье...
(III, 288)

(Подобные мотивы можно обнаружить и в альбомных стихотворениях 1832 г.: «В альбом кнж. А. Д. Абамелек», «Гонимый рока самовластьем...», «Долго сих стихов заветных...»). В свою очередь «Подражания древним» связаны с рядом поэтических опытов Пушкина 1832—1833 гг., отразивших новый подход его к античной поэзии: непосредственное обращение к античным источникам (хотя бы и в переводе) определяло стремление по-иному, чем прежде, передать ощущение классической древности (ср. «Мальчику. Из Катулла», «Бог веселый винограда...», «Юноша! Скромно пируй, и шумную Вакхову влагу...», «Вино» (Ион Хиосский); часть из них восходит к тому же источнику, что и опубликованные Пушкиным стихотворения). Вырванные из поэтического контекста, с которым они связаны, эти стихотворения лишь обозначали направление художественных исканий Пушкина первой половины 1830-х гг., не раскрывая их, в отличие от предшествовавших сборников, более подробно.

Другой причиной, побудившей Пушкина пересмотреть избранный им ранее хронологический принцип, могла оказаться тенденция, определившая развитие русского стихотворного сборника после отказа от традиционной жанровой системы. Путь, избранный Пушкиным, не был поддержан другими поэтами, и хронологический принцип в том виде, как он представлен в «Стихотворениях Александра Пушкина» (ч. 1—3), оказался неповторенным. Впрочем, и у Пушкина он, вероятно, не имел самодовлеющего значения. Как отмечал Б. В. Томашевский, «расположение стихотворений по годам было лишь приемом нейтрализации традиционных классических жанров»; «внутри годов Пушкин не чуждался эстетических мотивов объединения стихов».[111] Поэтому в условиях преодоления прежней традиции принцип этот утрачивал свою обязательность. Четвертая часть «Стихотворений Александра Пушкина» при всей видимой хаотичности ее построения в какой-то мере напоминает композиционный принцип авторских поэтических сборников конца 1820-х—начала 1830-х гг., с тем, правда, различием, что пушкинский сборник 1835 г. не является уже совокупностью «мелких стихотворений» по преимуществу. «Эстетические мотивы объединения стихов» возобладали в изданиях 1830-х гг.; в них был принят

[111] *Томашевский Б. В.* Пушкин: Работы разных лет. С. 22.

принцип свободного расположения стихотворений, не лишенного, правда, трудно уловимой для читателя логики.

Так были построены, например, «Стихотворения барона Дельвига» (1829) и второй сборник Е. А. Баратынского («Стихотворения Евгения Баратынского», 1835). Оба поэта отправлялись от традиционного жанрового принципа — именно он был положен в основу первого издания стихотворений Баратынского (1827), включавшего в себя три «книги» элегий, «Смесь» и раздел посланий. Дельвиг же, свободно расположив стихотворения внутри сборника, систематизировал их по жанрам в оглавлении («Идиллии», «Песни и романсы», «Сонеты», «Разные стихотворения»), предложив, таким образом, компромисс между традиционной и нетрадиционной структурой авторского сборника. Даже тогда, когда стихотворения в сборниках датировались, пусть и непоследовательно (см., например, «Стихотворения Дениса Давыдова», 1832 или «Стихотворения Николая Языкова», 1833), наличие дат лишь подчеркивало независимость расположения произведений от хронологии. В новом композиционном решении авторского поэтического сборника находят свое воплощение как поэтическое сознание, свойственное романтизму, так и реалистические тенденции. В первом случае, как справедливо отмечает современный исследователь, бессистемность «выражает особый род единства»; она демонстрирует «цельность поэтического мира, то, что создает единство сборника и является условием единства авторской личности», во втором — «разноречивое собрание стихотворений мыслилось 〈...〉 как правдивое отражение действительности, а не произвольное создание романтического духа».[112] Результатом обеих тенденций оказывается возникновение стремления к циклизации поэтических произведений. Можно предположить, что в четвертой части «Стихотворений Александра Пушкина» поэт отдает некоторую дань подобной «бессистемности», хотя происхождение его сборника и невольное самоограничение, которое он на себя накладывает, не позволяют говорить о принципиальном характере сделанного им выбора.

Поэтому и анализ построения сборника 1835 г. не дает увидеть в нем сколько-нибудь определенной системы[113] — выявить ее, по-видимому, не представляется возможным. Сам Пушкин, представляя Бенкендорфу 28 ноября 1834 г. проект своей будущей книги, писал: «Книгопродавец Смирдин хочет издать в одну книгу мои уже напечатанные стихи...» (XV, 201). И поскольку почти все они были опубликованы именно в «Библиотеке для чтения», то, естественно, четвертая часть «Стихотворений Александра Пушкина» оказалась по преимуществу собранием извлеченных из нее произведений поэта, что и определило во многом случайный характер ее состава.

---

[112] *Булкина И. С.* Указ. соч. С. 22, 23.

[113] Так, например, не выдерживает критики утверждение Н. П. Смирнова-Сокольского, будто Пушкин в сборнике 1835 г. напечатал «Разговор книгопродавца с поэтом» «как послесловие ко всем четырем частям» (указ. соч. С. 379). Положение стихотворения, помещенного между «Сказкой о рыбаке и рыбке» и «Подражаниями древним», за которыми следовали «Элегия» и «Песни западных славян», никак не способствует убедительности этой мысли. Другое дело гипотеза Н. В. Измайлова о тактическом значении, которое приобретало вновь стихотворение Пушкина в условиях возникновения в середине 1830-х гг. «позднеромантического течения» в русской поэзии (см.: *Измайлов Н. В.* Указ. соч. С. 232).

Мы не знаем подробностей работы над составлением и редактированием пушкинского сборника 1835 г. Никаких сведений об этом не сохранилось. Вероятно, по-прежнему комиссионером Пушкина был Плетнев, хотя и об этом никаких положительных сведений не имеется. В большинстве случаев текст произведений Пушкина совпадает с опубликованным в «Библиотеке для чтения»; во всяком случае в стихотворениях поэта существенных разночтений не наблюдается. Иначе обстоит дело со сказками. Их текст, помещенный в «Стихотворениях Александра Пушкина», разительно отличается от того, который был опубликован в журнале. Обнаруживаются в нем и некоторые недочеты, свидетельствующие о небрежности корректуры сборника, не досмотревшей ряда досадных опечаток. По-видимому, в том, как сказки Пушкина были напечатаны в «Библиотеке для чтения», сказалось характерное для редакции журнала бесцеремонное отношение к текстам публикуемых в нем произведений. По словам Н. В. Гоголя, «распорядитель» «Библиотеки для чтения» О. И. Сенковский «стал переправлять и переделывать все почти статьи, в ней печатаемые, и любопытно то, что он объявлял об этом сам довольно смело и откровенно 〈...〉 Многие писатели начали опасаться, чтобы публика не приняла статей 〈...〉 за их собственные и потому начали отказываться от участия в издании сего журнала».[114] В числе этих «многих писателей», надо полагать, оказался и Пушкин. Хотя в своем вызванном тактическими соображениями «Письме к издателю А. Б.», напечатанном в «Современнике», он и относил подобную практику Сенковского к «домашним, так сказать, распоряжениям книгопродавца Смирдина» (XII, 95), как автор он все же едва ли мог остаться к ней вполне равнодушным. Сенковский-редактор и стоявший за ним Смирдин как издатель «Библиотеки для чтения» вызывали раздражение Пушкина: «Сенковский такая бестия, — писал он Нащокину в начале января 1836 г., — а Смирдин такая дура, — что с ними связываться невозможно» (XVI, 73). В числе мотивов, которыми руководствовался поэт, отказываясь от участия в «Библиотеке для чтения», главным было, конечно, неприятие того направления, которое придавал журналу Сенковский, однако и чинимый им редакторский произвол играл, по-видимому, не последнюю роль в принятии этого решения. Правда, Сенковский, как правило, избегал применять свои редакторские приемы к произведениям Пушкина; однако, не вмешиваясь в содержание пушкинских произведений и не производя в них обычных для него произвольных сокращений или композиционных перестановок, он все же не смог удержаться от довольно заметных вторжений в представленный Пушкиным текст его сказок. Хотя прямых доказательств, что дело обстояло именно так, у нас нет, трудно иначе объяснить многочисленные и порой весьма существенные разночтения в тексте пушкинских сказок в «Библиотеке для чтения» и «Стихотворениях Александра Пушкина». Они тем более неожиданны, что между их публикацией в обоих изданиях прошло совсем немного времени. Например, книжка журнала, в которой была напечатана «Сказка о Золотом петушке», вышла 1 апреля 1835 г., а уже 25-м апреля датируется подписанное А. В. Никитенко цензурное разрешение на выпуск четвертой части «Стихотворений Александра Пушкина».

---

[114] *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1986. Т. 6. С. 146.

Обратившись к своду печатных вариантов в примечаниях, читатель легко убедится как в множественности имеющихся разночтений, так и в их характере. Можно предположить, что, готовя рукопись сборника 1835 г., издатели возвратились к пушкинским автографам. Не все они дошли до нас; однако сличение полной беловой рукописи «Сказки о Золотом петушке» с текстом «Стихотворений Александра Пушкина» показывает, что именно с нее он и печатался. (Точнее, с нее, вероятно, была изготовлена наборная рукопись). Текст сказки в сборнике сохраняет все ее особенности вплоть до описок. В «Библиотеке для чтения» мы имеем дело, скорее всего, с ее искажением. Достаточно отметить, что, например, изобилие восклицательных знаков, расставленных в тексте сказок в «Библиотеке для чтения», явно вступало в противоречие с пунктуационными навыками Пушкина; как уже отмечалось, начиная с рубежа 1830-х гг., поэт резко ограничил сферу их применения, и вполне вероятно, что в журнальном тексте мы имеем дело с произвольным искажением пушкинской пунктуации. Очевидно, этим и вызвано решение отказаться от простой перепечатки сказок. Их набор для «Стихотворений Александра Пушкина» производился, по-видимому, по копии, составленной в полном соответствии с пушкинской рукописью. Заметив в журнальном тексте большие расхождения с оригиналом, Пушкин должен был остаться недовольным изменениями, внесенными в журнальный текст. Поэтому он, по-видимому, и настоял на том, чтобы в его сборнике сказка была напечатана в точном соответствии с тем, как он ее написал. История со сказками Пушкина дает хоть какое-то представление о редакторской работе над четвертой частью «Стихотворений Александра Пушкина», в других деталях не известной.

В продажу сборник 1835 г. поступил в октябре, и вскоре же появились критические отзывы на него. Откликнулась на новый пушкинский сборник и «Библиотека для чтения». По словам ее рецензента, он «заключает собою, в сочинениях Пушкина, особый ряд томов, которого не должно смешивать с другим рядом, носящим заглавие «Поэмы и повести». Последний состоит доселе из двух частей».[115] Замечание это интересно тем, что представляет «Стихотворения Александра Пушкина» как издание (наряду с собранием поэм), замещающее несуществующее собрание сочинений Пушкина. Что же касается оценки содержания сборника, то, поскольку почти все включенные в него произведения прежде были напечатаны в «Библиотеке для чтения», рецензент журнала от нее воздержался, ограничившись несколькими замечаниями о «Песнях западных славян» в их отношении к Мериме, отрывок из письма которого из предисловия к циклу здесь и перепечатывается. «Песни западных славян» рассматриваются в ряду «тех прелестных подражаний народным поэтическим преданиям отечественного и иностранного происхождения, которые под пером Пушкина обновляют угасающую жизнь свою, чтобы продлить свое существование еще на несколько столетий».[116]

Иной характер имела рецензия В. Г. Белинского в «Молве» (газетном приложении к «Телескопу»). Еще в первом своем крупном критическом выступлении, «Литературных мечтаниях», молодой критик, присоединяясь к расхожему мнению об упадке пушкинской поэзии, писал: «Теперь мы не узнаем Пушкина:

---

[115] Библиотека для чтения. 1835. Т. 12. Ч. 2. Отд. 6. С. 17.

[116] Там же.

он умер или, может быть, только обмер на время. Может быть, его уже нет, а может быть, он и воскреснет, это вопрос, это гамлетовское *быть или не быть* скрывается во мгле будущего».[117] Основным аргументом для него служат сказки Пушкина и другие произведения, публиковавшиеся в «Библиотеке для чтения» (а также в альманахе Смирдина «Новоселье», особенно поэма «Анджело»), т. е. именно тот круг произведений, который составил содержание четвертой части «Стихотворений Александра Пушкина». Естественно поэтому, что на тех же представлениях основывается и отзыв Белинского о пушкинском сборнике 1835 г.: «Вообще очень мало утешительного можно сказать об этой четвертой части стихотворений Пушкина. Конечно, в ней виден закат таланта, но таланта Пушкина; в этом закате есть еще какой-то блеск, хотя слабый и бледный...».[118] Снисхождение критика вызывают отчасти «Песни западных славян», которым, опираясь на «подложные» песни Мериме (с ними Белинский ошибочно связывает все 16 стихотворений цикла), придан был «колорит славянский ⟨...⟩ Кто что ни говори — а это мог сделать только один Пушкин».[119] Решительно не одобряя сказок Пушкина, Белинский все же готов выделить среди них «Сказку о рыбаке и рыбке», заслуживающую внимания «по крайней простоте и естественности рассказа, а более всего по своему размеру чисто русскому».[120] В целом же сказки Пушкина подвергаются самому решительному осуждению («они, конечно, решительно дурны, конечно, поэзия и не касалась их»), хотя он и оговаривается при этом, что «всё-таки они целою головою выше всех попыток в этом роде других наших поэтов».[121] «Не без достоинств», считает Белинский, и баллады Пушкина, особенно «Воевода»: «Здесь есть чувство; но прочее по большей части показывает одно уменье владеть языком и рифмою, уменье, иногда уже изменяющее, потому что нередко попадаются стихи, вставленные для рифмы, особенно в сказках, стихи, в которых отсутствует даже вкус, видно одно savoir faire ⟨умение⟩, и то нередко с промахами!..»[122]

В сборнике Пушкина Белинский выделяет лишь два произведения: «Разговор книгопродавца с поэтом» и особенно «Элегию». В первом он видит напоминание о «золотом времени поэзии Пушкина»: «Да, прекрасное то было время! Но что нам до времени? Оно прошло, а прекрасные плоды его остались, и они всё так же свежи, так же благоуханны!..[123] Противопоставляя нового Пушкина прежнему, Пушкину-романтику, Белинский трактует реплики Поэта стихотворения как прямое лирическое излияние автора («как говорит он сам о себе в этой пьесе — Всё волновало нежный ум...» и т. д.),[124] ошибочно воспринимая их как манифест пушкинского романтизма — аберрация, характерная для восприятия стихотворения Пушкина многими современниками. Об «Элегии» Белинский отзывается восторженно; ее он выделял и среди всех опубликованных в «Библиотеке для

[117] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 73.
[118] Там же. Т. 2. С. 82.
[119] Там же.
[120] Там же (сноска).
[121] Там же.
[122] Там же. С. 83.
[123] Там же. С. 83, 84.
[124] Там же. С. 83.

чтения» стихотворений еще и в «Литературных мечтаниях», видя в этом стихотворении залог возможного возрождения поэзии Пушкина: «Вы, верно, были потрясены глубоким чувством, которым дышит это создание? Упомянутая «Элегия», кроме утешительных надежд, подаваемых ею о Пушкине, еще замечательна и в том отношении, что заключает в себе самую верную характеристику Пушкина как художника:

Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь.

⟨...⟩ Я верю, думаю, и мне отрадно верить и думать, что Пушкин подарит нас новыми созданиями, которые будут выше прежних...».[125] Так и теперь, рецензируя «Стихотворения Александра Пушкина», в «Элегии» Белинский готов видеть искупление всех неудач поэта: «Но в четвертой части стихотворений Пушкина есть одно драгоценное перло, напомнившее нам его былую поэзию, напомнившее нам былого поэта; это „Элегия"». И далее, приведя целиком пушкинское стихотворение, критик восклицает: «Да! такая элегия может выкупить не только несколько сказок, даже целую часть стихотворений!..»[126]

Завершив на этой мажорной ноте свою рецензию, Белинский, таким образом, поддерживает те надежды, которые были высказаны еще в «Литературных мечтаниях». Осудив последнюю книгу «Стихотворений Александра Пушкина», он тем не менее не теряет надежды на возможное возрождение поэта (ни в «Библиотеке для чтения», ни в сборнике 1835 г. «Элегия» не была датирована, и Белинский мог по времени связать ее с основной частью опубликованных в них произведений Пушкина). Общий вывод тем не менее был неутешителен — отрицание поздней поэзии Пушкина в рецензии Белинского выступало как симптом времени. Надо, однако, заметить, что пушкинский сборник 1835 г. в отличие от прежних его частей не давал сколько-нибудь точного представления о характере поздней поэзии Пушкина, особенно лирической, и, создавая впечатление случайного подбора произведений, если и не поддерживал представления об упадке дарования поэта, то и не противоречил мысли об исчерпанности по крайней мере его лирики, до того составлявшей основу «Стихотворений Александра Пушкина», а в четвертой их части как бы растворенной среди эпической поэзии. Вынужденный к этому обстоятельствами Пушкин, таким образом, подливал масла в огонь. Негативная оценка Белинского лишь усугубила драматический финал «Стихотворений Александра Пушкина».

1836 г. изменил возможности публикации произведений Пушкина. Возникновение собственного журнала открывало перспективу регулярного их появления в печати. Наряду с другими произведениями Пушкина в «Современнике» публикуется ряд его стихотворных произведений, в том числе и лирических, печатание которых в середине 1830-х гг. почти прекратилось. Первый том журнала открывался принципиально важным стихотворением «Пир Петра Первого» (1835). В нем же помещены «Скупой рыцарь» (1830) и стихотворение «Из А. Шенье» («Покров, упитанный язвительною кровью...» 1835). В третьем томе

[125] Там же. Т. 1. С. 73—74.
[126] Там же. Т. 2. С. 84.

появляются «Родословная моего героя» (1836), «Полководец» (1835) и «Сапожник. Притча» (1829). Во втором и четвертом томах «Современника» стихотворения Пушкина помещены не были. В последнем, однако, в составе статьи Пушкина «Объяснение» (по поводу стихотворения «Полководец») опубликована значительная часть стихотворения, входившего в «польский цикл» 1831 г., — «Перед гробницею святой...». Подпись Пушкина под статьей раскрывала авторство «Полководца», напечатанного, как и другие стихотворения издателя «Современника», анонимно («Скупой рыцарь» был подписан латинской литерой: Р.). Вряд ли, однако, авторство Пушкина не было разгадано читателями его журнала, тем более что произведения других поэтов, как правило, обозначались именами авторов или их инициалами, и это способствовало выделению произведений издателя «Современника» из общего ряда помещенных в нем стихотворений. Таким образом, благодаря пушкинскому журналу читатель знакомился уже с целым рядом стихотворных произведений Пушкина, ранее ему не известных, причем большинство их относилось к 1835 г., представляя новейший этап творчества поэта. Разумеется, они не исчерпывали его. Кроме того, еще одно стихотворение 1835 г. «На выздоровление Лукулла. Подражание латинскому» было напечатано в «Московском Наблюдателе» (1835. Ч. 4. Сентябрь. Кн. 2). Тем не менее их появление создавало условия для более обстоятельного знакомства со зрелой лирикой Пушкина. Еще дальше в этом отношении шли некоторые замыслы поэта, очевидно связанные с «Современником»: в частности, создание так называемого «лирического («каменноостровского») цикла» 1836 г., впервые описанного Н. В. Измайловым и ставшего с того времени предметом пристального внимания исследователей.[127] Бесспорно, в него входят стихотворения «Отцы пустынники и жены непорочны...», «Подражание италиянскому», «Мирская власть» и «Из Пиндемонти», имеющие соответственно номера II, III, IV и VI; гипотетически к нему относят еще «Напрасно я бегу к сионским высотам...» (I), «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (V) и «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (I). Три из них: «Когда за городом, задумчив, я брожу...» («Кладбище»), «Отцы пустынники и жены непорочны...» («Молитва») и «Из Пиндемонти» («Не дорого ценю я громкие права...») включены Пушкиным в небольшой список стихотворений, также, вероятно, предназначенных для «Современника», и включающий, помимо того, ряд стихотворений, объединяемых, по словам Н. В. Измайлова, по признаку их медитативности, сочетанию «глубоко личного начала с широкими обобщениями философского, этического, общественно-политического содержания».[128] Это «Странник» («Из Bunyan»), «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» («Мне не спится»), «Вновь я посетил...» («Сосны») и «Аквилон». Кроме того, под обозначением «Осень в деревне» может скрываться либо «Осень. Отрывок» (1833), либо стихотворение «Румяный

---

[127] См.: *Измайлов Н. В.* Указ. соч. С. 243—259; *Савченко Т. Т.* О композиции цикла 1836 г. А. С. Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1979. С. 70—81; *Тоддес Е. А.* К вопросу о «каменноостровском цикле» // Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983. С. 26—44; *Фомичев С. А.* Последний лирический цикл Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985. С. 52—66; *Давыдов С. С.* Последний лирический цикл Пушкина: Опыт реконструкции // Revue des études slaves. 1987. Т. 59. Fasc. 1—2. Р. 157—170 и др.

[128] *Измайлов Н. В.* Указ. соч. С. 261.

критик мой, насмешник толстопузой...» (см. выше). За исключением более раннего «Аквилона» (1824), все это стихотворения 1830—1836 гг., причем преобладают произведения самого последнего времени: 1835 г. («Странник», беловая редакция «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы») и 1836 г. (стихотворения, относящиеся к «каменноостровскому циклу»). Все это говорит о вероятном преодолении Пушкиным тех настроений, которые еще недавно препятствовали широкому представлению его лирической поэзии, что способствовало искажению прежнего плана «Стихотворений Александра Пушкина». Однако и новая попытка собрания стихотворений Пушкина вынужденно ограничилась прежними рамками.

Перечень стихотворений, о котором говорилось выше, относится к середине или второй половине 1836 г.[129] В конце же этого года возникает новый проект сборника стихотворений Пушкина, работа над реализацией которого велась поэтом в последние месяцы его жизни. Речь идет о задуманном издании стихотворений Пушкина, о котором поэт в декабре 1836 г. заключил соглашение с известным петербургским книгоиздателем и книгопродавцем А. А. Плюшаром. Обмен письмами между ними состоялся 23 и 29 декабря 1836 г. Из него следует, что Плюшар брался издать пушкинский сборник очень большим для того времени тиражом в 2500 экземпляров, что косвенно свидетельствует о читательском успехе предыдущего издания («Стихотворения Александра Пушкина» 1829—1835 гг. не превышали обычного тиража стихотворных сборников — 1200 экземпляров). Издатель выговаривал себе при этом исключительное право продажи книги со скидкой 15 %. Пушкин немедленно получал аванс в 1500 руб., который предполагалось погасить вместе с другими расходами по изданию за счет «сумм, вырученных за продажу первых экземпляров» (XVI, 204, 402; ориг. по-франц.). В ответном письме Пушкин полностью соглашался на предложенные Плюшаром условия: «Итак, решено, что вы распоряжаетесь отпечатать его в 2500 экземпляров на бумаге, которую сами выберете, что вам одному будет поручена продажа издания с предоставлением 15 % скидки и что доход с первых проданных томов пойдет на возмещение всех издержек по изданию, а также и 1500 рублей ассигнациями, которые вы любезно выдали мне вперед» (XVI, 296, 403, ориг. по-франц.). Исследователи расходятся в мнении о том, насколько выгодны были для Пушкина предложенные Плюшаром условия. Если С. Я. Гессен считал 15 % в пользу издателя требованием достаточно скромным,[130] то Л. Б. Модзалевский, напротив, утверждал, что Пушкин больше терял, чем выигрывал: «Таким образом, кроме полученного аванса, Пушкин не мог рассчитывать на получение каких-либо денежных сумм до тех пор, пока все издание не разойдется и не будет произведен полный расчет с Плюшаром».[131] Так или иначе, при той материальной нужде, которую остро испытывал поэт в последние месяцы своей жизни, полученный от

---

[129] См.: РП. С. 285—286. Н. В. Измайлов считает наиболее вероятной его датировку сентябрем—октябрем 1836 г. См.: Указ. соч. С. 259.

[130] *Гессен С.* Книгоиздатель Александр Пушкин: Литературные доходы Пушкина. Л., 1930. С. 115.

[131] *Модзалевский Л. Б.* Неосуществленное издание стихотворений Пушкина 1836 г. // Книжные новости. 1936. № 7. С. 19.

издателя аванс приобретал существенное значение; и Пушкин соглашается на «кабальные», по словам Л. Б. Модзалевского, условия.

Еще ранее, в начале декабря, было получено цензурное разрешение на новое издание. В библиотеке Пушкина сохранился конволют, объединяющий третью и четвертую части «Стихотворений Александра Пушкина», в которых, вычеркнув прежнее цензурное разрешение, цензор П. А. Корсаков поставил свою подпись (вероятно, соответствующим образом были оформлены и две первые части). Это означает, что состав сборника заранее ограничивался и в него могли войти только те произведения, которые были уже напечатаны в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1829—1835 гг. Неоднородный характер 1—3-й и 4-й частей издания, выразившийся в отказе в последней из них от хронологического принципа, потребовал новых композиционных решений, и Пушкин, готовя в конце 1835— начале 1837 г. задуманное собрание стихотворений, внешне как бы возвращается к жанровой организации своего первого сборника, повторяя некоторые его разделы: «Подражания древним», «Послания», «Эпиграммы, надписи и пр⟨очее⟩», «Разные стихотворения» (заглавие, снова переделанное из «Смеси»). Предполагался несомненно и раздел «Элегий» (он упомянут в относящемся к ноябрю—декабрю 1836 г. плане издания, имеющем отношение к рассматриваемому замыслу).[132] О том, что, несмотря на драматические обстоятельства последних месяцев своей жизни, Пушкин все же приступил к непосредственной работе над изданием, свидетельствует подготовленная для него рукопись, состоящая из писарских копий, явно составленных по печатным экземплярам «Стихотворений Александра Пушкина» 1829—1835 гг. (цифра над произведениями, переписанными каждое отдельно, соответствует позиции «годовых» рубрик в 1—3-й частях издания; произведения 4-й части номеров не имеют).[133] Рукопись не полна: она или не была закончена или не дошла до нас целиком. Кроме того, и расположение листов, вероятно использовавшихся затем при подготовке так называемого посмертного издания сочинений Пушкина, не позволяет судить ни о задуманном расположении произведений внутри разделов, ни даже об их составе, поскольку содержимое (по крайней мере некоторых из обложек), очевидно, изменялось уже после смерти Пушкина (так, например, надписанная Пушкиным обложка «Сонеты» потом дополнена другой, на которой рукой Жуковского написано: «Песни, стансы, сонеты», хотя «песни предусматривались и в предыдущем разделе «Баллады и песни»; соответственно к трем сонетам Пушкина добавлен ряд стихотворений, изъятых, очевидно, из других разделов). Все это затрудняет сколько-нибудь достоверное суждение о задуманном Пушкиным сборнике, его составе и композиции. К тому же работа над ним была едва начата; немногочисленные поправки, внесенные поэтом, были результатом, вероятно, лишь беглого просмотра писарских копий. В основном это замена нескольких заглавий и уточнение текста отдельных стихотворений: например, в стихотворении «Наполеон» Пушкин восстанавливает изъятый по цензурным соображениям стих: «Померкни, солнце Австерлица!»[134] и т. д.

---

[132] См.: *Измайлов Н. В.* Указ. соч. С. 266.

[133] ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 848—858. См.: *Измайлов Н. В.* Указ. соч. С. 264—267.

[134] ПД. Ф. 244. Оп. I. № 848. Л. 5.

Более или менее достоверно можно судить лишь об обозначении задуманных рубрик, представляющих существенный интерес. Это «Стихотворения лирические»,[135] «Подражания Древним», «Послания», «Эпиграммы, надписи и пр⟨очее⟩», «Баллады и песни», «Сонеты», «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)», «Песни западных славян», «Вольные подражания восточным стихотворениям» (переделано из «Подражания восточным стихотворениям»), «Простонародные сказки», «Разные стихотворения» и, наконец, не озаглавленная Пушкиным рубрика, включающая драматические произведения из третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» (к ним добавлена и «Сцена из Фауста»); она озаглавлена Жуковским «Разг⟨оворные⟩».

Внешнее сходство этой классификации со «Стихотворениями Александра Пушкина» 1826 г. привело Л. Б. Модзалевского к заключению, что Пушкин «окончательно отказался от расположения стихотворений в общей хронологической последовательности по годам их написания ⟨...⟩ и вернулся к распределению их по жанрам».[136] Тем не менее это не так. Н. В. Измайлов, подробно исследовавший издательский замысел Пушкина, пришел к более точным заключениям. По его мнению, Пушкин все же не возвращается к композиционному решению издания 1826 г., но группирует материал «частично по внутренне-тематическим признакам ⟨...⟩ совпадающим в иных случаях с жанровыми», и лишь некоторые разделы «образованы по жанровому признаку в его классическом, чисто формальном понимании».[137] В целом, однако, в новом замысле Пушкина Н. В. Измайлов готов увидеть «странное явление», возврат, «хотя не в полной мере, к устарелой для него и для русской поэзии вообще жанровой классификации».[138] Возникновение проекта издания 1836 г. он объясняет исключительно внешними случайными обстоятельствами, например тем, что, ограничив состав сборника лишь произведениями, уже опубликованными в четырех частях «Стихотворений Александра Пушкина», в которых хронологически поэзия прослеживается лишь до 1831 г., поэт не хотел подтвердить расхожее представление об упадке его лирической поэзии.[139] Внешние обстоятельства несомненно сыграли свою роль, однако такое объяснение недостаточно для того, чтобы объяснить причины пушкинского выбора. За ним стояло, по-видимому, и признание того, что путь русского авторского стихотворного сборника 1830-х гг. разошелся с хронологическим построением, предложенным тремя частями «Стихотворений Александра Пушкина». В нем, как уже отмечалось, обнаружилось тяготение к иной, более сложной организации материала. Принцип свободного расположения стихотворений, хотя и по-новому систематизированных, доминирует в плане

---

[135] Эпитет «лирические» в данном случае снова применен к произведениям «высокого» плана, в частности ориентированным на одическую традицию («Наполеон», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина»). В этом могла сказаться отмеченная Н. В. Измайловым вероятная ориентация Пушкина на четвертое издание «Стихотворений Василия Жуковского», семь томов которых вышли в 1835—1836 гг. (ср. также заглавие раздела «Баллады и песни»). См.: *Измайлов Н. В.* Указ. соч. С. 264, 265.

[136] *Модзалевский Л. Б.* Указ. соч. С. 20.

[137] *Измайлов Н. В.* Указ. соч. С. 266—267.

[138] Там же. С. 267.

[139] См.: Там же. С. 267—268.

нового пушкинского издания. Произведения объединены в нем сразу по нескольким признакам. Традиционные рубрики: «Послания», «Эпиграммы, надписи и пр⟨очее⟩», «Баллады и песни», как и несомненно предполагавшиеся «Элегии», совмещены здесь с разделами другого рода; «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)» и «Песни западных славян» представляют уже образования, тяготеющие к форме поэтического цикла. Заглавия же такого рода, как «Подражания древним», утрачивают характер чисто жанрового обозначения. Правда, с составом этого раздела нет полной ясности. В соответствующей обложке находятся лишь три стихотворения: «Поэт», «Буря», «Кобылица молодая...» Вряд ли, однако, этим ограничилось бы содержание раздела. Для него, вероятно, предназначались попавшие в обложку «Эпиграммы, надписи и пр⟨очее⟩», «Подражания древним» 1833 г., «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы...», «Анфологические эпиграммы» 1830 г., а также ряд стихотворений из «Подражаний древним» сборника 1826 г. («Дионея», «Муза», «Дева», «Красавица перед зеркалом», «Нереида», «Дориде»). Лишь затем следуют стихотворения из «Разных годов» сборника 1829 г. Можно полагать, что первые попали сюда случайно и предполагались, скорее всего, для раздела «Подражания древним» задуманного сборника 1836 г.[140] Если это так, то раздел «Подражания древним» неосуществленного сборника объединил бы антологические стихотворения, примыкающие к элегиям, со стихотворениями 1830-х гг., основанными уже на принципиально ином отношении к наследию античности, как например «Подражания древним» 1833 г., представляющие собой произведения, ориентированные на подлинную античность и имеющие мало общего с романтической антологической лирикой 1820-х гг. Таким образом, заголовок «Подражание древним», обозначивший раздел неопубликованного сборника, в отличие от «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 г. не указывал уже на жанр стихотворений, но лишь на соотнесенность — в разной мере и по разным признакам — с античной традицией. В еще большей степени нежанровый характер имело и название раздела «Вольные подражания восточным стихотворениям». Как и «Подражания древним», оно указывало бы лишь на объединение произведений, тяготеющих к циклизации преимущественно по тематическому признаку.

Все это говорит о том, что композиционная система сборника 1826 г. в плане задуманного в 1836 г. собрания стихотворений претерпела существенные изменения: жанровый принцип сменяется, по определению Н. В. Измайлова, «жанрово-тематическим»,[141] тяготеющим к более свободному расположению материала. Справедливо утверждая, что мы не вправе считать план издания 1836 г. последним словом поэта в представлении корпуса его стихотворений, Н. В. Измайлов одновременно преувеличивает случайность происхождения этого замысла, сводя характер задуманного Пушкиным издания к чисто коммерческому расчету. Речь, по-видимому, должна идти о кризисе не только жанрового, но и хронологического

---

[140] Косвенным подтверждением этого может служить то обстоятельство, что Пушкин снимает заглавие «Подражания древним», объединявшее стихотворения «Из Афенея» и «Из Ксенофана Колофонского», возможно для того, чтобы не дублировать название всего раздела, для которого они предназначались.

[141] *Измайлов Н. В.* Указ. соч. С. 268.

принципа составления авторского поэтического сборника. Не поддержанный дальнейшей эволюцией последнего, такой принцип был признан Пушкиным недостаточным. Принцип организации материала, предполагавшийся замыслом 1836 г., развивает тенденции, проявившиеся в трех первых частях «Стихотворений Александра Пушкина» и способствовавшие разрушению хронологического принципа в четвертой их части. При всей неполноте сведений о проекте издания 1836 г. очевидно, что речь не может идти о реанимации прежней жанровой системы: новый принцип нес в себе новое начало, в значительной мере совпадавшее с эволюцией русского стихотворного сборника в 1830-е гг. Особенно важным представляется предполагавшееся включение в сборник, задуманный Пушкиным, «Стихов, сочиненных во время путешествия» (1829), по-новому, в сравнении с третьей частью «Стихотворений Александра Пушкина», организованных в стихотворный цикл (подобный же характер в составе задуманного сборника приобретали и выделенные в отдельный раздел «Песни западных славян»). Внутри стихотворного сборника, таким образом, появлялся лирический цикл как особая форма организации стихотворного материала. Подобное намечалось уже в составе «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 г. выделением «Подражаний Корану»; там, однако, их специфика как поэтического цикла нейтрализовалась жанровой композицией сборника. В проекте же 1836 г. цикл «Подражания Корану» мыслился в составе «Вольных подражаний восточным стихотворениям», подчеркивая нежанровую природу этого заголовка. Намечавшаяся трансформация стихотворного сборника Пушкина, совпадавшая во многом с тенденциями, воплотившимися в сборниках других поэтов в 1830-е гг., открывала дорогу для появления таких сборников-циклов, как «Сумерки» Баратынского (1842), предвосхищавших будущий феномен «книги стихов». Как этап эволюции эдиционных приемов Пушкина, сборник, задуманный им в 1836 г., мог стать свидетельством внимания поэта к тенденциям, воплощенным в развитии русского стихотворного сборника первой трети XIX в.; сам его замысел показывает, что пушкинская мысль шла в направлении, предвосхищавшем пути этого развития в дальнейшем. Задуманное в 1836 г. собрание стихотворений Пушкина, несмотря на то что ограничение его состава содержанием «Стихотворений Александра Пушкина» 1829—1835 гг. обрекало его на заведомую неполноту и промежуточный характер, осуществляло, таким образом, попытку по-новому решить проблему представления корпуса его поэтических произведений, поставленную в предшествовавших сборниках. В этом его несомненный интерес и значение.

История «Стихотворений Александра Пушкина», как изданных, так и задуманных, — это история последовательных попыток их автора предстать перед своими читателями в том именно поэтическом облике, в каком он хотел им явиться. Не все удавалось поэту: прижизненный свод его поэзии отразил и литературную судьбу Пушкина, драматически складывавшуюся особенно в последние годы его жизни. Знакомство со «Стихотворениями Александра Пушкина» 1829—1835 гг., стоящими в центре этих попыток и наиболее наглядно и полно вместившими в себя повороты судьбы поэта, дает нам возможность увидеть поэзию Пушкина такой, какой видел ее современник поэта, создает ощущение прямого диалога поэта с читателем. И хотя мы, разумеется, не можем уже отвлечься вполне от

того, что стало достоянием последующих поколений читателей Пушкина, прижизненное издание его стихотворений способно освежить наш взгляд, приблизить к нам поэта. Эту драгоценную особенность прижизненных книг Пушкина и призвано передать — пусть и с неизбежными в современном переиздании утратами — предлагаемый читателю том «Литературных памятников».

Должны существовать разные издания Пушкина: и те, к которым мы привыкли, и те, которые могут показаться нам необычными. Ждет своего продолжения старый спор Г. О. Винокура с Б. В. Томашевским,[142] отнюдь не снятый временем. Считая, что «читательские» издания произведений Пушкина (в отличие от «документальных») должны опираться на эдиционный опыт поэта, Б. В. Томашевский в своих ранних и отчасти позднейших изданиях Пушкина стремился следовать плану «Стихотворений Александра Пушкина». Переиздание последних может быть поэтому полезным и для решения современных задач издания сочинений Пушкина. Наконец, приближая к современному читателю прижизненное пушкинское издание и делая его более доступным для него, оно способно активизировать и научный интерес: в истории «Стихотворений Александра Пушкина» немало неисследованного и непроясненного, ожидающего еще внимания ученых.

---

[142] См.: *Винокур Г. О.* Указ. соч. С. 137—141. Ср.: *Томашевский Б. В.* Пушкин: Работы разных лет. С. 25—30.

ПРИМЕЧАНИЯ

(Составитель *Л. С. Сидяков*)

«Стихотворения Александра Пушкина» 1829—1835 гг. (Далее — СП$_{1-4}$) никогда не переиздавались. Единственным приближением к решению этой задачи явилось издание стихотворений А. С. Пушкина (в двух частях) 1924 г. (Л.: ГИЗ / Ред. Б. В. Томашевский и К. И. Халабаев). Однако в основу этого издания было положено лишь расположение произведений в СП$_{1-4}$. К тому же оно было дополнено разделами, включающими произведения как напечатанные Пушкиным, но не вошедшие в СП$_{1-4}$, так и при жизни поэта не опубликованные. Изменения коснулись и состава композиционных единиц пушкинского издания: раздел стихотворений «Разных годов» СП$_3$ был пополнен рядом произведений из СП$_4$ («Элегия», «Красавица», «Подражания древним» и «Воевода»), иные (как то «Анчар», «Дар напрасный, дар случайный...») перенесены в соответствующую «годовую» рубрику (то же касается «Разговора книгопродавца с поэтом», напечатанного в составе СП$_4$: он был перенесен в 1824 г. и помещен вслед за «Подражаниями Корану»). В тех случаях, когда текст стихотворений в составе СП$_{1-4}$ подвергся искажениям, последние были устранены, и даже вместо «Уединения» (1819) целиком напечатана «Деревня». Стихотворения из СП$_4$ «Гусар» и «Будрыс и его сыновья» образовали хронологическую рубрику (1833), следующую непосредственно за стихотворениями 1831 г. Кроме того, в издание 1924 г. не вошли эпические и драматические произведения А. С. Пушкина, занимающие значительное место в его СП$_{1-4}$. В целом же это издание давало весьма приблизительное представление о четырехтомнике А. С. Пушкина и явилось лишь подготовительным этапом к известному пушкинскому однотомнику 1924 г., осуществленному теми же редакторами, расположившими лирические произведения поэта на основе композиционного принципа его прижизненного издания. Задача документально точного воспроизведения СП$_{1-4}$ изданием 1924 г., следовательно, не снималась; к тому же вышедшее давно и весьма незначительным тиражом оно представляет теперь библиографическую редкость.

Задачей предлагаемого издания является возможно более точное воспроизведение СП$_{1-4}$, этого важного источника изучения прижизненного корпуса произведений поэта. Изменения коснулись в основном лишь тех форм написания, которые характерны для старой орфографии; заменены буквы *i*, *ѣ*, *θ*, *v*; исключен ъ в конце слов; в соответствие с современными нормами приведены окончания «-аго», «-яго», «-ия», «-ой», «-ий», «-ый» и др. (за исключением отдельных случаев, когда их замена нарушила бы ритмические особенности стиха, а также альтернативных для пушкинского времени форм написания, особенно тех, которые указывают на фонетические предпочтения поэта: такие, например, как «скрыпач», «серги», «выдти», «ныньче», «возми», «впрям», «песнь», «под час», «сей час», «мадона», «дуель», «имянины», «окиян», «руской», «тма», «поцалуй» и т. п.). Буква ё употребляется в зависимости от характера ее написания в пушкинском тексте; единственное исключение — последовательное введение ее в слове «всё», хотя Пушкин в этом случае ее обычно не употреблял. Это введение *ё*, при

отсутствии параллельной формы «всѣ», позволявшей не заботиться о контексте, облегчает чтение и исключает возможность неправильного истолкования текста (см., например: «Всё в таинственном молчаньи...», «Всё скорлупки золотые...», но «Все красавцы удалые...» и т. п.).

При подготовке текста без специальной оговорки устранялись опечатки (некоторые из них все же оговорены в примечаниях). Необходимые изменения, внесенные в текст $СП_{1-4}$, отмечены угловыми скобками. При внесении изменений в текст $СП_{1-4}$ учитывались также исправления явных ошибок, отмеченных еще Пушкиным (например, замена «градов» на «гробов» в «Бородинской годовщине»), однако позднейшие исправления (например, внесенные в цензурный экземпляр $СП_4$ или в писарские копии, предназначенные для издания 1836 г., учтенные в основном тексте произведений) в настоящее издание не вносились (например, «огрузили шею» вместо «окружили» в «Сказке о рыбаке и рыбке»). В результате публикуемый текст, не заменяя собой фототипического воспроизведения $СП_{1-4}$, все же дает достаточно полное представление об особенностях прижизненного сборника произведений Пушкина. Касается это и пропусков текста и его изменений цензурного и автоцензурного характера — недостающие его части и правильное чтение отдельных слов и стихов даются в примечаниях.

Примечания к настоящему изданию (точнее — каждое из примечаний к тому или иному произведению А. С. Пушкина) включают:

1) *справку о публикациях и перепечатках произведений Пушкина.* Параллельные публикации указываются непосредственно вслед за первой. Отдельно указывается наличие произведения в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1826 г. (далее — СП): страница, жанровая рубрика и позиция в ней. В рубрику «Перепечатано» отнесены переиздания пушкинских произведений, к которым автор обычно прямого отношения не имел. В случаях, когда подобных перепечаток было много, дается их выборочное перечисление. Полные сведения можно найти в библиографическом указателе (см.: *Синявский Н., Цявловский М.* Пушкин в печати. 1814—1837. 2-е изд. М., 1938). Подобные случаи, однако, весьма немногочисленны (см., например, «Черная шаль», «Я пережил свои желанья», «Зимний вечер» и др.). При указании на основные публикации произведений Пушкина отмечается наличие или отсутствие подписи автора и ее форма; в перепечатках учитывается лишь отсутствие подписи, а также заглавие стихотворения или его видоизменение. Нотные публикации романсов на слова Пушкина библиографически не описываются, указывается лишь имя композитора и год издания;

2) *печатные варианты.* В этом разделе перечисляются все разночтения прижизненного печатного текста произведений Пушкина, помещенных в $СП_{1-4}$. Не учитываются, однако, варианты перепечаток: они вторичны и прямого отношения к истории печатного пушкинского текста не имеют. Исключены лишь указания на простейшие опечатки; там же, где опечатка не очевидна, приводится соответствующая помета — *опеч.?* При составлении данного раздела учитывались случаи разночтений, многие из которых обычно в качестве вариантов не принимались во внимание. Сюда относятся различия в форме написания слов, употреблении знаков препинания, оформлении прямой речи, применении прописных или строчных букв и, конечно, все те случаи, которые связаны с текстуальными изменениями, в том числе и более или менее значительными пропусками текста. Особое внимание уделено демонстрации альтернативных для языка пушкинского времени форм, поскольку это дает возможность проследить особенности правописания и пунктуации, присущие Пушкину. Разумеется, в этих случаях не всегда возможно отличить авторские принципы от редакторских; однако прослеживаемая таким образом последовательность предпочтения тех или иных форм говорит, скорее, об авторском выборе. В любом случае $СП_{1-4}$ в большей степени демонстрируют языковые принципы автора, нежели публикации его произведений в других изданиях.

Все это позволяет проследить судьбу пушкинского печатного текста во всех ее подробностях. Значение в данном случае имеет даже не только то, имел ли автор прямое отношение к отмеченным изменениям: важно создание представления о том, в каком именно виде перед читателем-современником представали прижизненные публикации произведений Пушкина. Приведенные варианты сопровождаются сокращенным обозначением источника (форма сокращения указана в перечне публикаций); если источник один, он указывается непосредственно в подзаголовке (например: *Варианты* СП). В случае, если первопечатный текст существенно отличается от напечатанного в $СП_{1-4}$, приводится его полная редакция. Это не сделано в отношении сказок Пушкина в $СП_4$, поскольку двойная публикация обширного текста заняла бы слишком много места, к тому же она лишилась бы той наглядности, которую в данном случае дает перечень вариантов;

3) *историко-литературный комментарий*. Он включает указания на датировку произведений (в случае, когда она отмечена в пушкинских рукописях или других восходящих к автору документах, а также тогда, когда в $СП_{1-4}$ не назван или изменен год создания произведения), сведения об обстоятельствах написания произведения, его источниках, адресатах, соотнесенности с биографическими и историко-литературными или общественно-историческими обстоятельствами, отражении его в письмах Пушкина и его статьях, свидетельствах современников, в необходимых случаях указание на его судьбу; наконец, объяснение отдельных слов, выражений и различных реалий, способствующее более точному восприятию пушкинского текста.

Сведения об истории рукописного текста, как правило, в комментариях не приводятся (о некоторых деталях сообщается лишь тогда, когда они имеют существенное значение для понимания произведения). Сообщаются, однако, некоторые дополнительные сведения, касающиеся печатной истории текста. Примечания основаны на многочисленных источниках и литературе предмета, включая комментарии в различных изданиях Пушкина. Источники сведений специально не оговариваются, отсутствуют и ссылки на соответствующие публикации. Приводимый комментарий имеет целью дать лишь необходимый минимум сведений, помогающих раскрыть содержание произведений Пушкина и способствующих более полному их пониманию. Не приводятся, как правило, соображения других комментаторов, носящие чрезмерно гипотетический или резко индивидуальный характер, если они не представляются достаточно убедительными; комментатор старался также избегать освещения вопросов, касающихся интерпретации произведений и их историко-литературной оценки.

В заключение остается выразить чувство признательности М. Л. Гаспарову, Т. И. Краснобородько, Ю. М. Лотману, Н. И. Михайловой, Е. А. Тоддесу, Т. В. Тополевской, С. А. Фомичеву, своими советами содействовавшими работе над данным изданием, а также Ю. И. Сидяковой, оказавшей неоценимую помощь в подготовке пушкинских текстов к печати.

Л. С. Сидяков

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

1815

I. ЛИЦИНИЮ

(С. 7—8)

Впервые опубл.: Российский Музеум (далее — РМ). 1815. Ч. 2. № 5. С. 129—132. Подп.: 1...17—14. Перепеч.: Собрание образцовых Руских сочинений и переводов в стихах, изд. Обществом любителей отечественной словесности. СПб., 1816. Ч. 4. С. 184—187. Подп.: А. Пушкин; 2-е изд. СПб., 1822. С. 145—148. В СП на с. 137—140 (Послания, I).

Редакция РМ

К Лицинию. (С Латинского)

Лициний! зришь ли ты? на быстрой колеснице,
Увенчан лаврами, в блестящей багрянице,
Спесиво развалясь Ветулий молодой,
В толпу народную летит по мостовой.
Смотри, как все пред ним усердно спину клонят,
Как Ликторов полки народ несчастной гонят!
Льстецов, Сенаторов, прелестниц длинной ряд,
С покорностью ему умильный мещут взгляд,
Ждут в тайном трепете улыбку, глаз движенья
Как будто дивного богов благословенья;
И дети малые и старцы с сединой
Стремятся все за ним и взором и душой,
И даже след колес, в грязи напечатленной,
Как некий памятник им кажется священной.

О Ромулов народ! пред кем ты пал во прах?
Пред кем восчувствовал в душе столь низкой страх?
Квириты гордые под иго преклонились!
Кому ж, о Небеса! кому поработились?
Скажу ль, Лицинию! — Отчизне стыд моей,
Развратный юноша воссел в совет мужей,
Любимец Деспота Сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечества бесславит!
Ветулий, Римлян Царь!... О срам! о времена!
Или вселенная на гибель предана?

Но кто под портиком, с руками за спиною,
В изорванном плаще и с нищенской клюкою,
Поникнув головой, нахмурившись идет?
Не ошибаюсь я, Философ то Дамет.
Дамет! куда, скажи, в одежде столь убогой
Средь Рима пышного бредешь своей дорогой?

— Куда? не знаю сам. Пустыни я ищу,
Среди разврата жить уж боле не хочу;
Япетовых детей пороки, злобу вижу,
Навек оставлю Рим, я людства ненавижу.

Лициний, добрый друг! не лучше ли и нам,
Отдав поклон мечте, фортуне, суетам,
Седого Стоика примером научиться?
Не лучше ль поскорей со градом распроститься,
Где всё на откупе: законы, правота,
И жены, и мужья, и честь, и красота?
Пускай Глицерия, красавица младая,
Равно всем общая, как чаша круговая,
Других неопытных в любовну ловит сеть,
Нам стыдно слабости с морщинами иметь.
Летит от старика любовь в толпе веселий!...
Пускай бесстыдной Клит, Вельможей раб Корнелий,
Оставя ложе сна с запевшим петухом,
От знатных к богачам бегут из дома в дом;
Я сердцем Римлянин, кипит в груди свобода,
Во мне не дремлет дух великого народа.
Лициний! поспешим далеко от забот,
Безумных гордецов, обманчивых красот,
Докучных Риторов, Парнасских Геростратов;
В деревню пренесем отеческих пенатов.
В тенистой рощице, на берегу морском
Найти не трудно нам красивый, светлый дом,
Где больше не страшась народного волненья,
Под старость отдохнем в тиши уединенья,
И там, расположась в уютном уголке,
При дубе пламенным возженным в комельке,
Воспомним старину за дедовским фиялом,
Свой дух воспламеню Петроном, Ювеналом,
В гремящей сатире порок изображу,
И нравы сих веков потомству обнажу. —

О Рим! о гордый край разврата, злодеянья,
Придет ужасной день, день мщенья, наказанья;
Предвижу грозного величия конец,
Падет, падет во прах вселенныя венец!
Народы дикие, сыны свирепой брани,
Войны ужасной мечь прияв в кровавы длани,
И горы и моря оставят за собой,
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим — его покроет мрак глубокой,
И путник обратив на груды камней око,
Речет задумавшись в мечтаньях углублен:
«Свободой Рим возрос — а рабством погублен!»

Варианты СП

17 Квириты гордые под иго преклонились
18 *Отсутствует.*
19 (Скажу ль?) Ветулия! Отчизны стыд моей,

Сатирическое послание «Лицинию» ориентировано на традицию римской сатиры, переосмысленную русской гражданской поэзией начала XIX в. Ср. «К Рубеллию. Сатира Персиева» М. В. Милонова (1810), к которой позднее отослал свою сатиру 1820 г. «К временщику» К. Ф. Рылеев (см. подзаголовок «Подражание Персиевой сатире „К Рубеллию"»). Ср. подзаголовок пушкинского стихотворения, сохраненный в СП и $СП_1$: «С латинского», цель которого — отклонить возможные подозрения цензуры о его связи с политической действительностью России 1810-х гг. Опубликованный в СП и $СП_1$ текст «Лицинию» является слегка переработанной редакцией стихотворения 1818—1819 гг., представленной в «Тетради Всеволожского».

Багряница — мантия пурпурового цвета (порфира), символизирующая облеченность верховной властью.

Ликторы — служители, сопровождавшие при выходе высших сановников Древнего Рима.

Квириты — римские граждане.

Циник (киник) — последователь древнегреческого философского учения, проповедовавшего аскетизм и добродетель в противовес господствующей общественной морали; грубый плащ, сума, посох, вызывающе смелое поведение — постоянные атрибуты циников. В ранней редакции стихотворения — *стоик* — представитель римского стоицизма, философской школы, развившейся из кинизма, более ученой и менее дерзкой в поведении.

Ювенал, Децим Юний (ок. 60—ок. 127 гг.) — римский поэт-сатирик. В пушкинском послании видят следы знакомства с третьей сатирой Ювенала. В ранней редакции упомянут и другой римский писатель — Гай *Петроний* (ум. в 66 г. н. э.), как и Ювенал, обличавший упадок нравов в императорском Риме.

II. ГРОБ АНАКРЕОНА

(С. 9—10)

Впервые опубл.: Труды Общества любителей Российской словесности при Имп. Московском университете (далее — Тр.). М., 1818. Ч. 10. Кн. 16. С. 76—80 2-й паг. Подп.: Александр Пушкин. В СП на с. 48—49 (Разные стихотворения, III).

Перепеч.: Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. М., 1831. Ч. 3. С. 27—29.

Варианты Тр. и СП

Заглавие Гробница Анакреона (Тр.)
1 Все в таинственном молчаньи,
4 Полу-месяц молодой;

Между 4 и 5

Темных миртов занавеса
Наклонилася к водам;
В их сени, у края леса, —
Чью гробницу вижу там?

Розы юные алеют
На покрытом камне мхом;
Лавры цвет любви лелеют,
И Зефиры их не смеют
Свеять трепетным крылом. —
5 Вижу... лира над могилой
9 В мертвой слышится струне. —
10 Вижу... горлинка на лире
11 В розах кубок и венец!..
12—13 Други! други! в сладком мире
Здесь Теоской спит мудрец!
14—15 Посмотрите: на порфире
Сын отрад изображен;

Между 15 и 16

Здесь на ветреной цевнице
Резвый наш Анакреон,
Красотой очарованный,
Нежно гимны ей поет;
Виноградом увенчанный,
В чашу сок его лиет. —
17 Говоря: я сед и стар:
18 Жизнью дайтеж насладиться
19 Жизнь, увы! не вечный дар.
20 Здесь на лиру кинув длани
23 Но поет одну любовь. —
25 Тяжкий долг он заплатить....
26 Старый пляшет в хороводе,
27 Жажду просит утолить;
28 Вкруг философа седого
29 Девы пляшут и поют:
31 Крадет несколько минут. —
32—33 Вот и Музы и Хариты
Пригорюнившись сидят;
34а Плющем, розами повиты, (Тр.)
б Плющем, розами увиты (СП)
35 Кажется, в слезах твердят:
36 «Он исчез, как наслажденье
37 «Как невинный вздох любви!...
39а «Смертный! век твой сновиденье: (Тр.)
б Счастье резвое лови! (СП)
в «Счастье резвое лови
41а «Наслаждайся! наслаждайся! (Тр.)
б Наслаждайся, наслаждайся!
42а Чаще кубок наливай! (СП)
б «Чаще кубок наливай
43 «Страстью тайной утомляйся (Тр.)

Стихотворение было прочитано В. Л. Пушкиным 24 февраля 1817 г. на собрании Общества любителей Российской словесности при Московском университете, в Трудах которого затем и опубликовано (ранее оно было послано в «Вестник Европы»

М. Т. Каченовского, но было отвергнуто). «Гроб Анакреона» представляет собой свободную комбинацию мотивов так называемой «Анакреонтики» — цикла позднегреческих стихотворений, лишь приписанных, как позднее выяснилось, древнегреческому поэту Анакреонту (ок. 570—478 гг. до н. э.), имя которого связано с утверждением радостей и наслаждений жизни. Пушкин опирается как на известные ему в переводе тексты анакреонтических од, так и на богатую традицию русской анакреонтики XVIII — нач. XIX в. Например, ст. 20—23 являются парафразой оды I «Анакреонтики», перевод которой был включен М. В. Ломоносовым в его стихотворение «Разговор с Анакреоном» («Мне петь было о Трое...»). Тема гробницы Анакреона, восходящая к античной поэзии, у Пушкина может быть связана со стихотворением И. В. Гете (1785) «Anakreon's Grab».

1816

I. ПРОБУЖДЕНИЕ

(С. 11)

Впервые опубл.: Северный Наблюдатель (далее — СН). 1817. Ч. 2. № 25. С. 352—353. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 3—4 (Элегии, I). Многократно перепеч.: Эвтерпа: Подарок любительницам и любителям пения на 1828 г. М., 1828. С. 142—143; Лира Граций, подарок на Новый год любительницам и любителям пения, или Новейшее собрание романсов и песен. М., 1832. С. 64—65; Полный новейший песенник. М., 1835. Ч. 3. С. 113—114 и др.

Варианты СП и СН

1 Мечты, мечты! (СП)
3 Где ты, где ты (СН)
4 Ночная радость! (СП)
5 Исчезнул он
6 Веселый сон,
8 Во тьме глубокой,
9 Я пробужден!...
11 Немая ночь;
15 Любви мечтанья;
17 Душа желанья, (СН)
20 Любовь, любовь! (СН, СП)
21—23 Пусть упоенный,
Усну я вновь
Обвороженный;
24 И по утру
25 Вновь утомленный,
26 Пускай умру,
27а Не пробужденный!... (СН)
б Непробужденный! (СП)

Стихотворение относится к ряду элегий главным образом 1816 г., связанных с увлечением Пушкина Е. П. Бакуниной (так называемый бакунинский цикл), и является единственным из них, без существенных изменений включенным поэтом в его последующие сборники. Начало стихотворения в ироническом контексте отозвалось в «Евгении Онегине» (гл. 6, XLIV).

II. ДРУЗЬЯМ

(С. 12)

Впервые опубл.: СП. С. 9 (Элегии, V). Перепеч.: Опыт Руской анфологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, апологи и некоторые другие мелкие стихотворения. Собрано Михаилом Яковлевым. СПб., 1828. С. 40; Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. М., 1831. Ч. 3. С. 79.

Значительно сокращенная и переосмысленная редакция лицейской элегии, относящейся к «бакунинскому циклу», отброшено сперва 16, а затем еще 8 стихов.

III. ПЕВЕЦ

(С. 13)

Впервые опубл.: СН. 1817. Ч. 1. № 1. С. 14. Подп.: Александр Пушкин. В СП на с. 65 (Разные стихотворения, VIII). Перепеч.: Денница: Альманах на 1831 г., изд. М. Максимовичем. М., 1831 (2 ненумеров. стр. в конце книжки с заголовком: «Слова для музыки»); Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. М., 1831. Ч. 2. С. 115—116, а также с нотами Н. С. Титова (1829) и А. Н. Верстовского (1831).

Варианты СН и СП

4 Свирели звук унылой и простой
6 Встречалиль вы в пустынной тьме лесной
8 Прискорбнуюль улыбку замечали, (СН)
9 Иль тихий взор, исполненный тоской? (СП)
10а Встречалиль вы? (СН)
б Встречали ль вы? (СП)
13 Когда в лесах вы юношу видали,
14 Встречая взор его потухших глаз (СН)

Стихотворение, написанное в форме романса, примыкает к «бакунинскому циклу» элегий 1816 г.; в нем отразились впечатления от одноименного стихотворения В. А. Жуковского 1811 г. (ср. вопросительную форму первой строфы), примененного Пушкиным к себе в дневниковой записи 29 сент. 1815 г.

IV. АМУР И ГИМЕНЕЙ

(С. 14—15)

Впервые опубл.: СП. С. 66—68 (Разные стихотворения, IX).

Варианты СП

Заглавие Амур и Гименей. Сказка (в оглавл.)

Согласно жанровому определению, в оглавлении СП «Амур и Гименей» относится к «сказкам», повествовательным стихотворным произведениям, широко распространенным во французской литературе XVII—XVIII вв. и русской — XVIII—нач. XIX в. Тема

соперничества Амура и Гименея разработана Пушкиным самостоятельно, хотя он и опирается на предшествующую традицию; ближайшим образом его сказка соотносится с басней Лафонтена «Амур и Безумие» («L'Amour et la Folie»), своеобразной репликой на которую она является. В басне Лафонтена Безумие ослепило Амура и в наказание принуждено было стать его поводырем. Ср. у Пушкина: «Безумие ведет Эрота». В лицейской редакции стихотворения этот стих читался: «Дурачество ведет Амура», что указывает на знакомство поэта с русскими переводами басни Лафонтена, в которых слово «La Folie» нередко передавалось как «Дурачество» (А. П. Сумароков, П. П. Сумароков, Д. И. Хвостов).

Он сын Вулкана молчаливый,

Холодный, дряхлый и ленивый — такое изображение Гименея, божества брака в древнегреческой мифологии, у Пушкина противоречит его традиционному образу стройного юноши с факелом в руке (ср. «докучный фонарь»); согласно мифологической традиции, не был он и сыном Вулкана (Гефеста), приходившегося мужем Венере (Афродите), сыновьями которой почитались и бог любви Амур (Эрот) и Гименей.

V. Ш***ву
(С. 16)

Впервые опубл.: СП. С. 147—148 (Послания, IV).

Значительно сокращенная и переработанная редакция лицейского послания А. А. Шишкову (1799—1832), молодому поэту, племяннику руководителя «Беседы любителей русского слова» адмирала А. С. Шишкова. В 1816 г. А. А. Шишков служил в гренадерском полку, расквартированном в пригороде Царского Села Софии, в чине поручика. Здесь он познакомился с Пушкиным и другими лицеистами. Позднее Пушкин назовет Шишкова «царскосельским товарищем», «товарищем детских лет» и «отчасти бурной молодости». Ранние стихи Шишкова, о которых столь комплиментарно говорит Пушкин, не сохранились.

Эрато — муза любовной, эротической лирики.

Тибулл, Альбий (ок. 50—19 гг.) — римский поэт-элегик, в частности автор любовных стихов.

Нелединский-Мелецкий Ю. А. (1752—1829) — русский поэт-сентименталист, автор песен, в том числе и любовных.

Парни Э. (1753—1814) — французский поэт; элегии, вошедшие в его сборник «Эротических стихотворений» (1778) и др., оказали значительное воздействие на русскую поэзию начала XIX в.

Геликон — гора в Греции, на которой, согласно мифологическим представлениям, обитали Музы.

Парнасские забавы — поэтическое творчество (по имени горы Парнас — в античной мифологии представленной как место обитания Аполлона и Муз).

1817

I. ТОРЖЕСТВО ВАКХА

(С. 17—19)

Впервые опубл.: СП. С. 53—56 (Разные стихотворения, V).

Варианты СП

27 И фавнов и сатиров рой;
Вместо 45—48 И тирс, символ победный мира,
И кубок, тяжкой золотой,
Подарок Вакха дорогой.
71 Махая тирсами, несутся;

Стихотворение написано в конце 1817—нач. 1818 г.; в «тетради Капниста» датировано 1818 г. Ранняя редакция «Торжества Вакха» подверглась значительной переработке для издания в СП. В стихотворении воссоздается мифологический эпизод — праздник (вакханалия) в честь возвращения Бога плодородия, виноградарства и виноделия Вакха (Бахуса) из Индии, где он утверждал свой культ (позднеантичный миф, получивший популярность в европейской литературе XVI—XVIII вв.).

Тимпан — древний музыкальный ударный инструмент, род бубна.

Тирс — жезл Вакха и его спутников, увитый виноградными листьями и увенчанный сосновой шишкой.

Фавны, сатиры, сильваны — в античной мифологии полуживотные, лесные божества, составлявшие свиту Диониса (Вакха).

Силен — начальник над сатирами, воспитатель Вакха, не способный самостоятельно передвигаться из-за постоянного пьянства.

II. РАЗЛУКА

(С. 20)

Впервые опубл.: Невский Зритель (далее — НЗ). 1820. Ч. 2. Апрель. С. 66—67. Подп.: А. П. В СП на с. 69 (Разные стихотворения, X). Перепеч.: Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. М., 1831. Ч. 3. С. 31—32.

Варианты НЗ и СП

Заглавие Кюхельбекеру (НЗ)
1 В последний раз, в тиши уединенья,
2 Моим стихам внимает наш Пенат!
4 Делю с тобой последние мгновенья!
5—6 И так они прошли — лета соединенья; —
И так разорван он — наш братский верный круг!
7 Прости!... хранимый тайным небом, (НЗ)
8 Не разлучайся, милый друг, (НЗ, СП)
9 С фортуной, дружеством и Фебом, —
10 Узнай любовь — неведомую мне —
14 Прости.... гдеб ни был я: в огне ли смертной битвы,
16 Святому братству верен я! (НЗ)

17 И пусть.... (услышит ли Судьба мои молитвы?) (НЗ, СП)

Под текстом:

Лицей,
9 Июня 1817. (НЗ)

Обращенное к лицейскому товарищу Пушкина поэту В. К. Кюхельбекеру (1797—1846), стихотворение входит в ряд поэтических произведений Пушкина и других поэтов-лицеистов, связанных с окончанием Лицея (проставленная в НЗ дата — день выпускного акта). Будучи опубликованным, оно послужило одним из поводов для известного доноса В. Н. Каразина министру внутренних дел В. П. Кочубею (1820), обличавшего молодых поэтов в политическом вольнодумстве как следствии дурного воспитания в «царских училищах».

III. П***ну
(С. 21)

Впервые опубл.: Полярная Звезда: Карманная книжка на 1824 г., для любительниц и любителей Руской словесности, изд. А. Бестужевым и К. Рылеевым (далее — ПЗ). СПб., 1824. С. 234—235. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 145—246 (Послания, III).

Варианты ПЗ и СП

Заглавие Отрывок из послания В. Л. П-ну
1 Что восхитительней, живей,
2 Войны, сражений, и пожаров;
3 Кровавых и пустых полей
4 Бивака, Рыцарских ударов;
5 И что завидней кратких дней — (ПЗ)
6 Неслишком мудрых усачей, (СП)
9 В дали забав и нег и Граций,
13 Не ведают: что скука, страх,
16 Счастлив кто мил и страшен миру,
17 Об ком за песни, за дела
19 Кто славит Марса и Темиру
20 И бранную повесил лиру — (ПЗ)

Стихотворение представляет собой извлечение из большого «Послания к В. Л. Пушкину» («Скажи, Парнасский мой отец...»), в котором, обращаясь к своему дяде-поэту накануне окончания Лицея, поэт обсуждает сравнительные достоинства военной службы перед статской, хотя и приходит в конце к выводу о предпочтении «уединения и свободы» как достояния «питомцев Феба и свободы».

Как жил бессмертный трус Гораций,
В Тибурских сумрачных лесах — имеется в виду эпизод биографии римского поэта Квинта *Горация* Флакка (65—8 гг. до н. э.). После поражения республиканцев под Филиппами (42 г. до н. э.) Гораций, служивший в войске Брута, бежал и тайно возвратился в Рим. Позднее, в 1830 г., Пушкин осуществил свободный перевод оды Горация «К Помпею Вару», в которой говорится об этом эпизоде (стих. «Кто из богов мне возвратил...»).

Тибур — дачная местность под Римом, в окрестностях которой находилась вилла Горация, подаренная ему Меценатом.

IV. ДЕЛЬВИГУ
(С. 22)

Впервые опубл.: СП. С. 149—150 (Послания, V).

Варианты СП

3 Живи под их надежной сенью!
5 Наперснику богов нестрашны бури злые:
13 Я мирных звуков наслажденья *
17 Нет, нет! В слезах упав к ногам
18 Дрожащий, дикий, исступленный
19 Тогда б воскликнул он к Богам:
20 Отдайте, Боги, мне рассудок омраченный;
21 Возмите от меня сей образ роковой!
22 Довольно я любил: отдайте мне покой!

На основании указания П. В. Анненкова о том, будто стихотворение обращено к конкретному молодому человеку, его вероятным адресатом считается В. К. Кюхельбекер.

1818

II. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ
(С. 24)

Впервые опубл.: СП. С. 10—11 (Элегии, VI).

Варианты СП

8 Так, видел я тебя! Мой тусклый взор узнал
15 Бессмертные! С каким волненьем
19 Жестокий друг! Меня томишь ты упоеньем:
22 Явись, волшебница! Пускай увижу вновь

Автобиографическая основа стихотворения связана с тяжелой болезнью Пушкина в январе—феврале 1818 г. Оно как будто отражает и реальный факт: посещение больного поэта одной из петербургских «прелестниц», переодетой в гусарскую форму. Но сюжет этот имеет и явно литературное происхождение, совпадая с аналогичным эпизодом в послании К. Н. Батюшкова «Мои Пенаты» (1811—1812):

Вошла — наряд военный
Упал к ее ногам,
И кудри распущенны
Взвивают по плечам и т. д.

---

* Допущенное в СП неправильное прочтение слова («лирных») повторено и в $СП_1$.

III. ПРЕЛЕСТНИЦЕ

(С. 25)

Впервые опубл.: Невский Зритель. 1820. Ч. 2. Апрель. С. 68—69. Подп.: А. П. В СП на с. 158—159 (Послания, IX).

Варианты НЗ и СП

Заглавие К прелестнице (НЗ)
3 Младое сердце воспалять,
7 Стыдливости притворной вид,
8 Движений томная небрежность —
10 Напрасно хитрые старанья: (*опеч.* ?)
11 В порочном сердце жизни нет!...
13 Тебе — мой роковой ответ. —
Вместо ст. 14—15
а . . . .
. . . . (НЗ)
б . . . . (СП)
17 Твоей обители презренной —
19 Нет! нет! другому свой завялый
20 Неси, прелестница, венок —
22 В твоих объятиях усталый!
24 Не привлечешь питомца Музы (НЗ)
25 Ты на предательскую грудь! (НЗ, СП)
28 Корысти хладные лобзанья —
29 И принужденные желанья, (НЗ)

IV. ЖУКОВСКОМУ

(С. 26)

Впервые опубл.: Сын Отечества (далее — СО). 1821. Ч. 74. № 52. С. 276—277. Без подписи. Примечание: «Сочинитель не подписал своего имени, но кто не узнает здесь того Поэта, который — в такие лета, когда другие еще учатся правилам Стихотворства, — стал на ряду с нашими первоклассными Писателями. *Издатели*». В СП на с. 167—168 (Послания, XV). Перепеч.: Русская стихотворная хрестоматия. Собр. Васильем Золотовым. М., 1829. Ч. 1. С. 162.

Варианты СО и СП

Заглавие К Ж***. (*По прочтении изданных им книжек: Для Немногих*) (СО)
Перед 1
Когда младым воображеньем
Твой гордый гений окрилен
Тревожит лени праздный сон,
Томясь мятежным упоеньем;
1—2 Когда возвышенной душой
Летя к мечтательному миру,
3 Ты держишь на коленях лиру
4 Нетерпеливою рукой,

9 Ты прав! творишь ты *для немногих*;
10 Не для подкупленных судей
Между 10 и 11
Ревнивых милостью своей,
14 Священной истины друзей!
18а Высоких мыслей и стихов! (СО)
б Высоких мыслей и стихов; (СП)
20 В завидный получил удел,
22 Восторгом сладостным и ясным!
После 22
а Смотри, как пламенный Поэт, (СО)
б Смотри, как пламенный поэт, (СП)
Вниманьем сладким упоенный,
На свиток гения склоненный,
а Читает повесть древних лет. (СО)
б Читает повесть древних лет! (СП)
а Он духом там — в дыму столетий! (СО)
б Он духом там, в дыму столетий: (СП)
Пред ним волнуются толпой
а Злодейства, мрачной славы дети[5] (СО)
б Злодейства, мрачной славы дети, (СП)
С сынами доблести прямой;
От сна воскресшими веками
а Он бродит тайно окружен, (СО)
б Он бредит тайно окружён (СП)
И благодарными слезами
Карамзину приносит он
Живой души благодаренье
За миг восторга золотой,
За благотворное забвенье
а Бесплодной суеты земной — (СО)
б Бесплодной суеты земной: (СП)
И в нем трепещет вдохновенье. (СО)

Стихотворение вызвано появлением в 1818 г. шести книжек избранных переводов В. А. Жуковского «Für Wenige» («Для немногих»), преследовавших педагогические задачи и вышедших в считанном количестве экземпляров для распространения в узком, преимущественно придворном и литературном, кругу. Пушкин в своем послании переосмысливает это заглавие, придавая ему характер комплиментарной характеристики поэзии Жуковского, способной вызвать отклик у подлинных ценителей искусства. В исключенной при перепечатке в $СП_1$ концовке Пушкин выразил свое впечатление от знакомства с первыми томами «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, вышедшими в 1818 г.; отказ от нее объясняется, по-видимому, тем, что это окончание переводило содержание стихотворения в другой план и содержало намеки, недостаточно ясные для читателей (поддержка исторических замыслов Жуковского, к тому же не осуществленных). Стихотворение Пушкина вызвало восторженное отношение самого Жуковского и других поэтов (К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский), причем особое восхищение вызывал именно один из впоследствии отброшенных стихов: «Он духом там — в дыму столетий!»

1819

I. «УВЫ, ЗАЧЕМ ОНА БЛИСТАЕТ...»
(С. 27)

Впервые опубл.: ПЗ. 1823. С. 335—336. Подп.: А. Пушкин; Новости Литературы. 1823. Кн. 3. № 1 (далее — НЛ). С. 13—14. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 7 (Элегии, III). Перепеч.: Эвтерпа, или Собрание новейших романсов, баллад и песен известнейших и любимых Русских Поэтов. М., 1831. С. 170—171; Ладо, или Полное собрание лучших романсов и песен. М., 1832. С. 26—27 (заглавие: «Романс»); Песни, романсы и куплеты из Водевилей Известных и Любимых поэтов. М., 1833. С. 58—59, а также с нотами А. А. Алябьева (1832).

Варианты ПЗ, НЛ и СП

Заглавие Элегия (ПЗ, НЛ)
1 Увы! зачем она блистает (ПЗ, НЛ)
2 Минутной, нежной красотой! (СП)
4 Во цвете юности живой.
5 Увянет! жизнью молодою
6 Не долго наслаждаться ей;
7 Не долго радовать собою (ПЗ, НЛ)
8а Счастливый круг семьи своей; (ПЗ)
б Счастливый круг семьи своей, (НЛ)
10 Беседы наши оживлять (ПЗ, НЛ)
11 И тихой ясною душою (ПЗ)
12 Страдальца душу услаждать! (СП)
13а Спешу в волненье дум тяжелых (ПЗ)
б Спешу в волненьи дум тяжелых, (СП)
17 Смотрю на все ее движенья; (НЛ)
18 Внимаю каждый звук речей: (СП)

Датировка стихотворения в СП и СП$_1$ не соответствует действительности. Оно было написано осенью 1820 г. в Гурзуфе (на беловой рукописи имеется помета: 1820. Юрзуф) и, по-видимому, окончательно отделано в 1821 г. (помета на другой рукописи: 8 февраля 1821 г. Киев; под текстом — Юрзуф). Включено Пушкиным в ряд стихотворений под общим заглавием: «Эпиграммы во вкусе древних». Передатировка вызвана, по-видимому, соображениями личного характера. Стихотворение связывают с одной из дочерей ген. Н. Н. Раевского, в семье которого Пушкин гостил в 1820 г. в Крыму, — Еленой или, скорее, Екатериной (первая была вообще болезненной девушкой, вторая болела в 1820 г., и ее болезнью была вызвана поездка всей семьей в Гурзуф). Поэт, видимо, не хотел, чтобы адресат или его близкие узнал себя в его стихотворении, дата — 1819 — исключала это.

II. РУСАЛКА
(С. 28—29)

Впервые опубл.: СП. С. 44—47 (Разные стихотворения, II); НЛ. 1826. № 1. С. 36—37. Подп.: А. Пушкин. Примеч. НЛ: «Из прекрасного собрания мелких Стихотворений, на сих днях только отпечатанного. Сия книга продается у Комиссионера

Р. Р. *И. Сленина* по 10 р. экземпляр, с пересылкою 11 рублей. См. *Русский Инвалид* № 3-й 1826-го года».

Варианты НЛ и СП

Заглавие в оглавл. Русалка. *Баллада* (СП)
8 Святых Угодников молил.
42 Целует издали, шутя,
56 Русалки дергали в воде.* (НЛ)

Сюжет пушкинской баллады имеет точки соприкосновения с его ранней лицейской поэмой «Монах» (1814). При первой попытке опубликовать стихотворение в 1819 или 1820 гг. оно было запрещено цензором И. О. Тимковским, а также вызвало нарекания духовенства и жалобы в Министерство просвещения.

III. СТАНСЫ Т***му
(С. 30)

Впервые опубл.: СП. С. 72—73 (Разные стихотворения, XIII). Перепеч.: Венера... Ч. 2. С. 113—114.

Варианты СП

Заглавие Стансы Т-му
13 Зевес, балуя смертных чад
К ст. 18 примеч. (8): «Как здесь, так и в других местах поэт шутит над философиею эпикурейцев. Читатель без сомнения не будет смешивать чистых, душевных наслаждений с удовольствиями чувственными» (с. 191).

Стихотворение обращено к Я. Н. Толстому (1791—1867), в то время члену Союза Благоденствия и председателю петербургского литературного и театрального общества «Зеленая лампа», в котором участвовал и Пушкин. Оно является ответом на стихотворное послание Толстого, в котором он упрекал Пушкина за то, что тот не выполнил своего обещания написать обращенное к нему стихотворение: «Твоих стихов десятка три — Вот, Пушкин, всё мое желанье, Меня ты ими по́дари!» и т. д. Примечание в СП, составленное, вероятно, П. А. Плетневым, было призвано отвратить возможные цензурные придирки. На самом деле жизненный идеал, представленный в стихотворении, вполне соответствовал умонастроению поэта (таким оно и видится в ряде стихотворений Пушкина «петербургского периода», в том числе связанных с его участием в «Зеленой лампе».

Эпиктет — греческий философ римского времени (ок. 50—ок. 138), стоик, образец сурового морализма (лампада — символ ночного труда).

Фиал — чаша, символ эпикурейского идеала, выраженного во многих одах Горация.

---

* Данный вариант содержит в себе и черновая рукопись стихотворения, и ряд его списков. Это свидетельствует о том, что издатель НЛ А. Ф. Воейков, якобы перепечатавший стихотворение из СП, в действительности располагал его текстом в автографе или неправленных корректурных листах.

IV. УЕДИНЕНИЕ

(С. 31)

Впервые опубл.: Майский листок (далее — МЛ): Весенний подарок для любительниц и любителей отечественной поэзии. СПб., 1824. С. 1 в качестве эпиграфа к элегии — на (М. А. Бестужева-Рюмина?) «Возвращение на родину» (до ст. 26 с пропуском ст. 9—20). Подп.: П. — В СП на с. 74—75 (Разные стихотворения, XIV).

Варианты МЛ

1 Приветствую тебя пустынный уголок,
2 Предел спокойствия, трудов и вдохновенья,
5 Я твой! я променял . . . .
6 Прекрасные пиры, забавы, заблужденья,
8 На праздность вольную, подругу размышленья!
21 Я здесь от суетных оков освобожденный,
22 Учуся в тишине блаженство находить,
24 Роптанью не внимать толпы непросвещенной
25 Участьем отвечать застенчивой мольбе,
26 И не завидовать счастливейшей судьбе

Это начало политического стихотворения Пушкина «Деревня»; в полном виде оно распространялось лишь в списках, из которых, вероятно, заимствован текст эпиграфа к стихотворению, помещенному М. А. Бестужевым-Рюминым в «Майском листке». Хотя в СП подчеркнута фрагментарность стихотворения, «Уединению» придан характер самостоятельного произведения. Традиционная сентиментальная идиллия совмещена в нем с поэтически точным описанием пейзажа Михайловского, в котором Пушкин провел часть лета 1819 г.; ст. 21—34 наряду с темой творческого труда содержат и политические мотивы, выраженные, однако (в отличие от полного текста «Деревни» с ее антикрепостническим пафосом), недостаточно явно.

Цирцеи — здесь: обольстительные красавицы; от Цирцеи (Кирки) — мифологической царицы-волшебницы, обольстившей Одиссея и в течение года удерживавшей его на своем острове.

V. ДОМОВОМУ

(С. 32)

Впервые опубл.: ПЗ. 1824. С. 318—319. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 78 (Разные стихотворения, XVI).

Варианты ПЗ и СП

2 Тебя молю, наш добрый домовой,
3 Храни селенье, лес и дикой садик мой,
4 И скромную семьи моей обитель. (ПЗ)
5 Да не вредят полям опасный хлад дождя (СП)
6 И ветра позднаго осенние набеги;
10 Постигни робостью полунощного вора,
12 Счастливый домик охрани;
13 Ходи вокруг его заботливым дозором,
16 С калиткой ветхою, с обрушенным забором;

18 Луга измятые моей бродящей ленью,
19—20 Прохладу лип и кленов шумный кров
— Они знакомы вдохновенью. (ПЗ)

Стихотворение связано с впечатлениями Пушкина от посещения Михайловского летом 1819 г.

VI. В***му
(С. 33—34)

Впервые опубл.: СП. С. 141—144 (Послания, II).

Варианты СП

17 Жеманство в шитых кружевах,
31 Кипит в бакале опененном
39 А там египетские девы
43 Огонь неистовых очей,
44 И всё, мой друг; в душе твоей (*опеч.* ?)
52 От грозных аргусов украдкой,
58 О скоро ль милого найдут

Стихотворное послание, обращенное к Н. В. Всеволожскому (1799—1862), приятелю и сослуживцу Пушкина по Коллегии иностранных дел, учредителю «Зеленой лампы», в доме которого происходили заседания общества, театралу и театральному критику, характерному представителю круга молодежи, с которым поэт был тесно связан в годы между Лицеем и ссылкой. В рукописи стихотворение датировано 27 ноября 1817 г. В СП ст. 3—10 представляют собой цензурную редакцию; в беловой рукописи вместо них имеются следующие стихи:

Итак, от наших берегов,
От мертвой области рабов,
Капральства, прихотей и моды
Ты скачешь в мирную Москву,
Где наслажденьям знают цену,
Беспечно дремлют наяву
И в жизни любят перемену.
В сей азиатской стороне,
Нас уверяют, жизнь игрушка!
В почтенной кичке, в шушуне
Москва премилая старушка.
Разнообразной и живой
Она пленяет пестротой и т. д.

Египетские девы — здесь: цыганки (длительное время происхождение цыган связывалось с Древним Египтом).

Вздыхает пленница младая — имеется в виду возлюбленная Н. Всеволожского, воспитанница театрального училища Е. М. Овошникова.

Аргус — здесь: бдительный страж (по имени мифологического многоглазого чудовища, охранявшего превращенную в корову возлюбленную Зевса Ио).

И смотрит на пустынный дом — театральное училище, в котором воспитывалась Е. Овошникова, находилось неподалеку от дома Н. Всеволожского.

Киприда — Венера (Афродита), согласно мифологическим представлениям, родившаяся из морской пены вблизи Кипра.

VII. КРИВЦОВУ
(С. 35)

Впервые опубл.: СП. С. 151—152 (Послания, VI).

Варианты СП

9 Каждый у своей гробницы

В беловой рукописи стихотворение датировано декабрем 1817 г.; к 1819 г., очевидно, относится окончательная редакция послания. Оно обращено к Н. И. Кривцову (1791—1843), петербургскому приятелю Пушкина, славившемуся религиозным вольнодумством (в беловом автографе оно было озаглавлено «К Анаксагору» — по имени греческого философа, обвинявшегося в оскорблении богов).

Пафосская царица — Венера (Афродита), от названия города Пафос на Кипре, связанного с ее культом.

Лета — согласно мифологическим представлениям, река забвения в царстве мертвых.

VIII. N. N.
(С. 36)

Впервые опубл.: СП. С. 160—161 (Послания, XI).

Стихотворение обращено к В. В. Энгельгардту (1785—1837), петербургскому приятелю Пушкина, близкому к кругу, в котором вращался поэт в период между Лицеем и ссылкой, и подразумевает план поездки в Михайловское Пушкина, только что оправившегося после тяжелой болезни. В СП и $СП_1$ в стихотворение внесены цензурные изменения в ст. 13 («Свободы, Вакха верный сын») и 14 («Венеры набожный поклонник»), а также опущены заключительные 8 стихов:

Дай руку мне. Приеду я
В начале мрачном сентября:
С тобою пить мы будем снова,
Открытым сердцем говоря
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

Эскулап — здесь: врач; в античной мифологии Эскулап (Асклепий) — бог врачевания.

Приап — божество плодородия и чувственных наслаждений в античной мифологии; в данном контексте метафорически означает сладострастие.

Пинд — горная гряда в Греции, в позднейшей традиции воспринимавшаяся как место обитания Аполлона.

IX. НЕДОКОНЧАННАЯ КАРТИНА

(С. 37)

Впервые опубл.: Московский Вестник (далее — МВ). 1828. Ч. 10. № 15. С. 212. Подп.: А. Пушкин.

Варианты МВ

5 Ты, Гений!.... Но любви страданья

Поэт имеет в виду обстоятельства смерти великого итальянского художника Рафаэля Санти (1483—1520), не завершившего работы над своей картиной «Преображение».

X. ВОЗРОЖДЕНИЕ

(С. 38)

Впервые опубл.: Невский Альманах (далее — НА) на 1829 г., изд. Е. Аладьиным. СПб., б. г. С. 227. Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: Русская стихотворная хрестоматия. Собр. Васильем Золотовым. М., 1829. С. 227—228; Жасмин и Роза, подарок для туалета на 1830 г. любительницам и любителям пения, или Новейшее собрание романсов и песен. М., 1830. С. 14.

Варианты НА

2 Картину Гения чернит
6 Спадают ветхой чешуёй:
7 Созданье Гения пред нами
10 С измученной души моей
12 Первоначальных чистых дней.

В первых строфах стихотворения речь идет о картине Рафаэля «Святое семейство» («Мадонна с безбородым Иосифом»), хранившейся в петербургском Эрмитаже. Об ее истории Пушкин мог узнать из альбома «Эрмитажная галерея», изданного в 1805 г. Ф. И. Лабенским, в котором сообщалось: «Неискусной какой-то живописец, желая поновить ее и, не умея совместить работы своей с работой творца оной, всю ее переписал снова, так что уже не видно было в ней кисти Рафаела. Но когда господин Барруа ее купил, то Вандин, очистив ее от посторонней работы, возвратил свету подлинное ее письмо, которое вместо повреждения стало оттого гораздо свежее: наложенные на нее краски неискусного живописца послужили ей покрышкою и сохранили ее от вредных действий воздуха...»

Эти сведения, по-видимому, отразились позднее в реплике Сальери в трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери»:

«Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля...»

1820

I. «ПОГАСЛО ДНЕВНОЕ СВЕТИЛО...»
(С. 39—40)

Впервые опубл.: Сын Отечества (далее — СО). 1820. Ч. 65. № 46. С. 271—272. Без подп. Перепеч.: Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, вышедших от 1816 по 1821 г., изд. Обществом любителей Отечественной словесности. СПб., 1821. Ч. 2. С. 111—112. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 22—23 (Элегии, XIII). Позднее перепеч.: Эвтерпа, или Собрание новейших романсов... С. 133—135 (*заглавие*: К Морю); Лира Граций... С. 122—124 (*заглавие*: Воображение спокойствия. Элегия); Радуга, или Карманная книжка для любителей и любительниц чтения на 1833 г. М., 1832. С. 94—95 (*заглавие*: К морю); Песни, романсы и куплеты из водевилей... С. 34—37 (*заглавие*: К морю) и с нотами И. Геништы (1828).

Редакция СО

Элегия

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило!
Волнуйся подо мной, угрюмый океан!

Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной роскошные края,
С невольным трепетом туда стремлюся я,
Сердечной думой упоенный....

И чувствую: в очах родились слезы вновь,
Смущенный дух во мне кипит и замирает,
Мечта знакомая вокруг меня летает.
Я вспомнил юных лет безумную любовь
И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман...
Шуми, шуми, послушное ветрило!
Волнуйся подо мной, угрюмый океан!

Неси меня, корабль, неси к пределам дальным,
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где Музы милые мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость —
И сердце хладное страданью предала!

Искатель новых впечатлений —
Я вас бежал, отечески края!
Я вас бежал, питомцы наслаждений
Минутной младости минутные друзья!

И вы, наперсницы мятежных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покоем, славою свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы младыя,
Подруги тайные моей весны златыя!
И вы забыты мной..... но прежних сердца ран
Глубоких ран любви, ничто не излечило!
Шуми, шуми, послушное ветрило!
Волнуйся подо мной, ужасный океан! */

Черное море.
1820. Сентябрь.

Варианты СП

3(15, 39) Шуми, шуми, послушное ветрило!
4(16) Волнуйся подо мной, угрюмый океан!
27 И сердце хладное страданью предала!
29 Я вас бежал, отечески края!
31 Минутной младости минутные друзья!
37 И вы забыты мной!... Но прежних сердца ран,
40 Волнуйся подо мной, угрюмый океан!...

По свидетельству Пушкина (в письме брату 24 сент. 1820 г.), стихотворение написано им во время переезда морем «мимо полуденных берегов Тавриды в Юрзуф»: «Ночью на корабле написал я Элегию, которую тебе присылаю, отправь ее Гречу без подписи». Указание Пушкина относится к ночи с 18 на 19 августа 1820 г. Дата при первой публикации указывает, очевидно, на время отделки стихотворения перед посылкой ее брату. В «тетради Капниста» элегия имела заглавие «Черное море» и эпиграф из «Чайльд-Гарольда»: «Good night my native land. Вугоп» («Прощай, моя родина. Байрон»).

Эпиграф имеет отношение к подзаголовку стихотворения в оглавлении СП и $СП_1$ «Подражание Байрону», хотя реальная его связь с «Чайльд-Гарольдом» незначительна.

Ветрило — поэтическое обозначение паруса.

II. ЧЕРНАЯ ШАЛЬ

(С. 41—42)

Впервые опубл.: СО. 1821. Ч. 69. № 15. С. 34—35. Подп.: А. Пушкин; Благонамеренный (далее — Бл.). 1821. № 10. Ч. 14. С. 142—143, с примечанием: «Напечатана с ошибками в 15 № Сына Отечества». Подп.: Александр Пушкин. Перепеч.: Новое собр. образцовых рус. соч. ... Ч. 2. С. 182—185. В СП на с. 50—52 (Разные стихотворения, IV). Позднее многократно перепеч.: Новейший избранный песенник, заключающий в себе собрание лучших, отборных, употребительных и новейших

* ужасный — *опеч.* ?

всякого рода песен... М., 1827. Ч. 1. С. 74—76. Без подп.; Букет благовонных цветов, или Новейшее собрание романсов и песен. М., 1829. С. 30 — 32. Без загл. и подп.; Собрание русских простонародных песен. М., 1831. С. 14—17. Без загл. и подп.; Ладо... С. 920 (*заглавие*: Известная песня, петая Г. Булаховым). Без подп.; Эвтерпа: Подарок любительницам и любителям пения ... 2-е изд. М., 1836. С. 30—31. Без загл. и др., а также с нотами А. Н. Верстовского (1824, 1829, 1830) и Геништы (1829).

Варианты Бл., СО и СП

Заглавие
а Черная шаль. (Молдавская песня) (СО)
б Молдавская песня (Бл.)
1а Гляжу я безмолвно на *черную шаль*, (СО)
б Гляжу, как безумный, на черную шаль, (Бл.)
в Гляжу как безумный на черную шаль: (СП)
4а Гречанку младую я страстно любил. (СО, СП)
б Младую Гречанку я страстно любил;
5 Прелестная дева ласкала меня, (Бл.)
6 Но — скоро я дожил до черного дня. (СО)
7 Однажды я созвал веселых гостей; (СО, Бл.)
11 Я дал ему злата — и проклял его! (СО)
12 И верного призвал раба моего. (Бл.)
13а Мы вышли, — я мчался на борзом коне, (СО)
б Мы вышли; я мчался на борзом коне, (Бл.)
в Мы вышли: я мчался на борзом коне, (СП)
15а Едва я завидел Гречанки порог... (СО, СП)
б Едва я завидел Гречанки порог, (Бл.)
16а Глаза потемнели, я весь изнемог. (СО, СП)
б Глаза потемнели и весь изнемог. (Бл.)
17 Вхожу в отдаленный покой я один... (СО,СП)
18 Неверную деву лобзал Армянин! (СО, Бл.)
19а Не взвидел я света: булат загремел, (СО)
б Не взвидел я света, булат загремел... (Бл.)
20 Прервать поцелуя злодей не успел!
23а Я помню моленья... текущую кровь: (СО)
б Я помню моленья... текущую кровь... (Бл.)
24а Погибла Гречанка, погибла любовь! (СО)
б Погибла Гречанка — погибла любовь! (Бл.)
25 С главы ее мертвой сняв *черную шаль*, (СО)
29 С тех пор не целую прекрасных очей, (СО, Бл., СП)
30а С тех пор я не знаю веселых ночей! (СО)
б С тех пор я не знаю веселых ночей; (Бл.)
31а Смотрю, как безумный, на *черную шаль*, (СО)
б Гляжу, как безумный, на черную шаль (Бл.)
в Гляжу как безумный на черную шаль: (СП)
32а И — хладную душу терзает печаль. (СО)
б И Хладную душу терзает печаль. (СП) (*опеч.* ?)

Под текстом:
Кишенев.
1820 г. Ноября 14.

Сюжет баллады Пушкина, по-видимому, не имеет фольклорного происхождения (ср. подзаголовок, а ранее вариант заглавия: Молдавская песня), хотя в нем могли отразиться отдельные мотивы молдавского и, шире, балканского фольклора, которым Пушкин интересовался во время пребывания в Кишиневе. Очевиднее литературный генезис «Черной шали», связанной с балладой В. А. Жуковского «Мщение», опубликованной в начале 1820 г. Совпадение стиха и строфики может указывать и на полемический характер пушкинской баллады, отразившийся в некоторой нарочитости как ее сюжетных положений, так и стилистики. Стихотворение имело долгий и прочный успех, особенно благодаря его музыкальным обработкам. Существовали и лубочные листы на сюжет пушкинской «Черной шали».

III. ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА

(С. 43)

Впервые опубл.: СП. С. 57—58 (Разные стихотворения, VI). Перепеч. с нотами Н. С. Титова (1829).

Варианты СП

8 Журчи, журчи свою мне быль!...

В СП и $СП_1$ Пушкин отнес стихотворение к 1820 г., однако рукописи показывают, что реально оно написано в Михайловском осенью 1824 г. и лишь навеяно воспоминаниями о времени, проведенном в Крыму (ср. написанный несколько позднее в том же году «Отрывок из письма к Д.»). Передатировка объясняется крымской темой, хронологически связанной с 1820 г., о чем свидетельствуют стихотворения, действительно написанные в этом году. В «Фонтане Бахчисарайского дворца» упоминаются героини поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан», задуманной и осуществленной лишь позднее.

IV. ВИНОГРАД

(С. 44)

Впервые опубл.: СП. С. 71 (Разные стихотворения, VII). Перепеч.: Венера... Ч. 3. С. 39—40.

Варианты СП

3 Мне мил и виноград, на лозах

Как и стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца», написано осенью 1824 г. в Михайловском и передатировано Пушкиным согласно с его темой 1820-м годом.

V. «О ДЕВА-РОЗА, Я В ОКОВАХ...»

(С. 45)

Впервые опубл.: СП. С. 89 (Разные стихотворения, XXII). Перепеч.: Венера... Ч. 1. С. 73 (*заглавие*: Подражание Турецкой песни).

Варианты СП

Заглавие Подражание Турецкой песне

Как и два предыдущих стихотворения, написано в Михайловском осенью 1824 г. и связано с воспоминаниями о времени, проведенном на юге. Вопреки подзаголовку (ранее заглавию) стихотворению лишь внешне придан восточный колорит (тема соловья и розы), призванный, очевидно, завуалировать личный мотив любовной темы стихотворения.

VI. ДОРИДЕ

(С. 46)

Впервые опубл.: НЗ. 1820. Ч. 1. Генварь. С. 96. Подп.: А. П.; НЛ. 1823. Кн. 5. № 34. С. 128. Подп.: А. П. В СП на с. 124 (Подражания древним, II). Перепеч.: Опыт Руской анфологии... С. 45.

Варианты НЗ и НЛ

1а Я верю; я любим, для сердца нужно верить. (НЗ)
б Я верю, я любим; для сердца нужно верить.
2 Нет; милая моя не может лицемерить!
3 Всё непритворно в ней: желаний томный жар; (НЛ)
4а Стыдливость робкая, Харит бесценный дар, (НЗ)
б Стыдливость робкая, Харит бесценный дар; (НЛ)

Происхождение стихотворения связано с XXV элегией французского поэта А. Шенье (подробнее о нем см. в примеч. к стихотворению «Андрей Шенье»), из которой заимствован последний стих. По замечанию П. В. Анненкова, «Пушкин отымает из довольно длинной элегии Шенье один только стих: „Et de noms ceressantes le molesse enfantine" 〈...〉, и созидает на нем легкий, грациозный образ...»

VII. «РЕДЕЕТ ОБЛАКОВ ЛЕТУЧАЯ ГРЯДА...»

(С. 47)

Впервые опубл.: ПЗ. 1824. С. 198. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 125 (Подражания древним, III). Перепеч.: Весенние Цветы, или Собрание романсов, баллад и песен... М., 1835. С. 17.

Варианты ПЗ

Заглавие Элегия
3 Твой луч осеребрил увядшие равнины,
5 Люблю твой слабый свет в небесной вышине,
6 Он думы разбудил уснувшие во мне.
9 Где стройны тополы в долинах вознеслись *
12 Там некогда в горах сердечной думы полный,
13 Над морем я влачил задумчивую лень;
Текст дополнен ст. 14—16:
Когда на хижины сходила ночи тень,
И дева юная во мгле тебя искала,
И именем своим подругам называла.

* Чтение «тополы» соответствует пушкинскому автографу и принято в качестве основного. В настоящем издании сохранена форма «тополи», представленная в СП и $СП_1$.

Стихотворение написано в конце 1820 г. в имении Давыдовых Каменке Киевской губ., где Пушкин гостил с ноября 1820 по январь 1821 г. (на это указывает помета в конце белового автографа: Каменка). С впечатлениями от Каменки связан пейзаж в начале стихотворения. В элегии отражены крымские воспоминания Пушкина (в одной из рукописей стихотворение озаглавлено «Таврическая звезда», а в другой (ст. 11) читался: «И сладостно шумят Таврические волны»); в частности, его увлечение Ек. Н. Раевской, о которой говорится в опущенном в СП и $СП_1$ окончании стихотворения. Публикация трех последних стихов в ПЗ вызвала негодование Пушкина, который писал А. А. Бестужеву 12 янв. 1824 г.: «Ты напечатал именно те стихи, об которых я просил тебя: ты не знаешь, до какой степени это мне досадно. Ты пишешь, что без трех последних стихов элегия не имела бы смысла. Велика важность!» Нежелание обнародовать последние стихи элегии вызвано стремлением поэта скрыть наиболее личную сторону содержания стихотворения, а также опасением, что публикация этих строк может вызвать иеудовольствие той, о которой в них говорится достаточно прозрачно (см. в письме А. Бестужеву 29 июня 1824 г.: «Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я более, чем мнениями всех журналов на свете и всей нашей публики»). В беловой рукописи элегия «Редеет облаков летучая гряда...» объединена со стихотворением «Нереида» под общим заголовком «Эпиграммы во вкусе древних».

VIII. НЕРЕИДА
(С. 48)

Впервые опубл.: ПЗ. 1824. С. 29. Подп.: А. Пушкин; Литературные Листки (далее — ЛЛ). 1824. № 4. Ч. 1. С. 135. Подп.: А. Пушкин (общая со стихотворением «Простишь ли мне ревнивые мечты...»). В СП на с. 127 (Подражания древним, V). Перепеч.: Опыт Руской анфологии... С. 180.

Варианты ЛЛ, ПЗ и СП

3а Сокрытый меж олив едва я смел дохнуть, (ПЗ)
б Сокрытый меж олив, едва я смел дохнуть. (ЛЛ)
5а Младую, белую, как лебедь, воздымала, (ПЗ,* ЛЛ)
б Младую, белую, как лебедь, воздымала (СП)

Стихотворение написано во время пребывания Пушкина в Каменке в конце 1820 г. и в рукописи объединено с элегией «Редеет облаков летучая гряда...» под общим заголовком «Эпиграммы во вкусе древних», связанным с восприятием Крыма (Тавриды) сквозь призму античности. Примеры антологической поэзии «во вкусе древних» Пушкин находил у К. Н. Батюшкова и А. Шенье.

Нереида — морская нимфа, одна из многочисленных дочерей морского старика Нерея.

IX. ДОРИДА
(С. 49)

Впервые опубл.: НЗ. 1820. Ч. 1. Февраль. С. 92. Подп.: А. П. В СП на с. 129 (Подражания древним, VII).

---

* В части экземпляров ПЗ ст. 5 был напечатан с цензурным пропуском: «— — — — — — воздымала». Над этим иронизирует Пушкин в своем письме А. Бестужеву 12 янв. 1824 г.

Варианты НЗ и СП

Заглавие Дориде (НЗ)
6а Желанья гасли вдруг и снова разгарались — (НЗ)
6 Желанья гасли вдруг и снова разгорались; (СП)
7 Я таял — но среди неверной темноты
8 Другие милые мне виделись черты; (НЗ)
9 И весь я полон был таинственной печали (СП)

Стихотворение, датированное в СП и $СП_1$ 1820-м годом, в действительности написано в 1819 г. Очевидно, издатели СП положились на время публикации в НЗ, на которую им указал Пушкин: «NB. Есть у меня еще какая-то Дорида. См. Невский Зритель. Если достойна тиснения, то отыщите ее». Заглавие НЗ было исправлено как явно ошибочное, так как стихотворение не предполагает адресата.

X. Ч***ву
(С. 50)

Впервые опубл.: Северная Пчела (далее — СПч.). № 12. 27 янв. Подп.: А. П. В СП на с. 162—163 (Послания, XII). В составе «Отрывка из письма А. С. Пушкина к Д.» напеч.: Северные Цветы на 1826 г., собр. Бар. Дельвигом. СПб., б. г. С. 104—105 отд. «Проза». Перепеч.: Abregé de la grammaire française... СПб., 1830 (в составе Хрестоматии русских текстов); *Пенинский Иван*. Российская хрестоматия, или Отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах. СПб., 1833. Ч. 1. С. 296 (в составе «Отрывка из письма к Д.», напеч. под загл.: «К Д. о Тавриде»).

Варианты СП, СПч. и СЦ

Заглавие К Ч
1820. *Морской берег Тавриды* (СПч.)
3 Где, крови жаждущим, богам (СП)
6а Вражда свирепой Эвмениды; (СПч.)
6 Вражда свирепой эвмениды; (СЦ)
10 Святое Дружбы торжество, (СПч.)
13 Ч — , помнишь ли былое? (СПч., СЦ)
14 Давно ль, с восторгом молодым, (СПч.)

Стихотворение обращено к П. Я. Чаадаеву (1794—1856). Его знакомство с Пушкиным, восходящее еще ко времени пребывания поэта в Лицее (Чаадаев служил в гусарском полку, расквартированном в Царском Селе), в период его жизни в Петербурге переросло в тесную дружбу (ср. ниже послание Чаадаеву 1821 г.), о которой и идет речь в данном послании. Датировка его 1820-м годом условна: по положению в рукописи и на основании того, что о «холодных сомненьях» И. М. Муравьева-Апостола в изданной значительно позднее его книге «Путешествие по Тавриде» (СПб., 1823) Пушкин мог упомянуть только после знакомства с нею в конце 1824 г., оно может быть отнесено только к этому времени. В письме А. А. Дельвигу (сер. дек. 1824—первая пол. дек. 1825 г.), обработанном затем в форме прозаического очерка, в состав которого вошло и комментируемое стихотворение, Пушкин сообщал: «*Путешествие по Тавриде* прочел я с чрезвычайным удовольствием (вариант: с жадностию и чрезвычайным удовольствием)». В первых строках стихотворения Пушкин имеет в виду опровержение Муравьевым-Апос-

толом легенды, связывавшей местоположение древнего храма Девы (Артемиды, Дианы) с развалинами вблизи Георгиевского монастыря, который поэт осматривал во время его путешествия с Раевскими по южному берегу Крыма в начале сент. 1820 г. «Тут же видел я баснословные развалины храма Дианы. Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере тут посетили меня рифмы. Я думал стихами. Вот они...», и далее приводится полный текст стихотворения «Ч***ву». Передатировка послания, как и в случае со стихотворением «Фонтану Бахчисарайского дворца» и др. (см. выше), продиктована, по-видимому, стремлением увязать с нею содержание стихотворения. В начале послания Пушкин оживляет «мифологические предания», сопоставляя их с античным Крымом (Тавридой) и вспоминая миф об Ифигении в Тавриде. Жрица храма Девы (Дианы), дочь царя Агамемнона, Ифигения была поселена здесь самой Дианой. При ее храме в Тавриде по обычаю в жертву богине приносились все чужестранцы (в собственно Греции человеческих жертвоприношений не существовало, отсюда выражение «провозвестница Тавриды»). Такими чужеземцами попадают к ней, неузнанные, ее брат Орест и его друг Пилад. Она хочет отпустить одного из них, каждый предлагает на смерть себя вместо друга («Святое дружбы торжество»); происходит узнавание и Ифигения помогает друзьям бежать и увезти с собой в Грецию кумир Дианы. Это должно было стать искуплением греха Ореста, который, мстя за отца, убил свою мать, за что его преследовали богини кровной мести эриннии (эвмениды). Античный пример дружбы переносится затем на отношения поэта и адресата; во второй части стихотворения, отделенной от первой отточием, в данном случае не означающим реального пропуска стиха, Пушкин вспоминает о строках раннего своего послания к Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы...»; 1818):

«И на обломках самовластья
Напишут наши имена!»

Связь обоих посланий подчеркнута близостью их композиции и стиха.

XI. ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГИЯ
(С. 51)

Впервые опубл.: СП. С. 166 (Послания, XIV).

Согласно помете на рукописи, стихотворение написано 5 октября 1820 г. Оно обращено к дочери предводителя сербского восстания 1804 г. Георгия Петровича Черного (Карагеоргия; 1766—1817), позднее верховного правителя Сербии. Будучи крайне жестоким, Карагеоргий убил отчима, препятствовавшего борьбе сербов с турками, а также приказал повесить своего брата. Ср. «Песню о Георгие Черном» из «Песен западных славян». Пушкин не был знаком с семьей Карагеоргия, жившей в 1820 г. в Бессарабии, в Хотине, но мог слышать о его дочери, которой, по свидетельству приятеля поэта И. П. Липранди, тогда было не более шести-семи лет.

Гроза луны — имеется в виду противостояние Георгия Черного туркам (луна, точнее, полумесяц — мусульманский символ).

1821

I. «МОЙ ДРУГ, ЗАБЫТЫ МНОЙ СЛЕДЫ МИНУВШИХ ЛЕТ...»

(С. 52)

Впервые опубл.: НЛ. 1825. Кн. XI. № 3. Март. С. 149. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 8 (Элегии, IV).

Варианты НЛ и СП

Заглавие К*** (НЛ)
1 Мой друг! Забыты мной следы минувших лет (СП)
2 И младости моей мятежное теченье; (НЛ)
5 Что я любил, что изменило мне!
6а Пускай я радости вкушаю не вполне;
б Пускай я радости вкушаю невполне! (СП)
7 Но ты, прекрасная, ты рождена для счастья:
8а Беспечно верь ему, веселья миг лови; (НЛ)
б Беспечно верь ему, летучий миг лови! (СП)
10а Для поцелуев сладострастья, (НЛ)
б Для поцелуев сладострастья; (СП)
11 Душа твоя чиста, унынье чуждо ей;
12 Ясна, как светлый день, младенческая совесть;
15 Она твой тихий ум невольно возмутит,
16 Ты слезы будешь лить, ты сердцем содрогнешься,
18 И ты моей любви, быть может, ужаснешься.....
19 Нет, милая моя!
20а Боюсь лишиться я последних наслаждений; (НЛ)
б Лишиться я боюсь последних наслаждений:
21 Не требуй от меня опасных откровений!
22 Сегодня я люблю, сегодня счастлив я! (СП)

Согласно помете на рукописи, элегия написана в ночь с 24 на 25 августа 1821 г.

II. ВОЙНА

(С. 53)

Впервые опубл.: ПЗ. 1823. С. 388—389. Подп.: **. Перепеч.: Собрание Образцовых Руских сочинений и переводов в стихах, изд. Обществом любителей Отечественной словесности. 2-е изд. СПб., 1822. Ч. 6. С. 221—222. Без подп. (несмотря на выходные данные, книга вышла позднее ПЗ). В СП на с. 12—13 (Элегии, VII).

Варианты ПЗ и СП

Заглавие Мечта воина (ПЗ)
1 Война!... Развиты наконец —
2 Шумят знамена бранной чести.
3 Увижу кровь, увижу праздник мести,
4 Засвищет вкруг меня губительный свинец!
5 И сколько новых впечатлений (ПЗ)

6 Для жаждущей души моей! (СП)
8 Тревоги стана, звук мечей (СП)
9 И в роковом огне сражений,
11 Предметы гордых песнопений,
14 Огни врагов, их чуждое призванье,
18 Ты жажда гибели, свирепый жар героев?
19 Венок ли мне двойной достанется на часть?
20 Кончину ль темную судил мне жребий боев?
23 Воспоминание и братьев и друзей,
25 И ты, и ты любовь? — Уже ль ни бранный шум (*опеч.* ?)
26 Ни грозные труды, ни ропот грозной славы,
27 Ничто не заглушит моих тревожных дум?
28 Я таю — жертва злой отравы. (ПЗ)
29 Покой бежит меня, нет власти над собой,
30 И тягостная лень душею овладела... (ПЗ)

На автографе стихотворения имеется дата: 29 ноября 1821 г. Пушкин был недоволен первой публикацией стихотворения, которая, как он утверждал, была «напечатана с ошибочного списка» (см. письмо Л. С. Пушкину 30 янв. 1823 г.; поэт отмечает неверное чтение ст. 17, 23, 27). Поводом к созданию стихотворения были надежды на возможность принять участие в войне с Турцией в поддержку восставших греков; однако Александр I, приверженный политическим принципам Священного союза, отказался от нее.

III. «Я ПЕРЕЖИЛ СВОИ ЖЕЛАНЬЯ...»
(С. 54)

Впервые опубл.: НЛ. 1823. Кн. 6. № 48. С. 144.

Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: Собрание новых Руских стихотворений, вышедших в свет с 1823 по 1825 г., служащее дополнением к Собранию Образцовых Руских сочинений и переводов. СПб., 1826. Ч. 2. С. 279. В СП на с. 14 (Элегии, VIII). Позднее многократно перепеч.: Собрание романсов и песен для прекрасного пола. М., 1827. Ч. 1. С. 30. Без подп.; Северный Певец, или Собрание новейших отличнейших романсов и песен, посвящается любительницам и любителям пения. М., 1830. Ч. 1. С. 41. Без подп.; Песни, романсы и куплеты, из Водевилей... С. 84; Новейший российский песенник, или Собрание новейших российских песен и романсов, избранных из лучших авторов. СПб., 1836. С. 18—19. Без подп. и др., а также с нотами неизвестного автора (1831) и Н. С. Титова (1834).

Варианты НЛ и СП

Заглавие Элегия (НЛ)
3 Остались мне одни страданья —
5—7 Безмолвно жребию послушный —
Влачу страдальческий венец;
Живу печальный, равнодушный, (НЛ)
8 И жду: придет ли мой конец! (СП)
10 Как ветров слышен зимний свист,
11 Один — на ветке обнаженной —
12 Трепещет запоздалый лист! (НЛ)

В рукописях стихотворение имеет заглавие «Элегия (*Из поэмы Кавказ*)» и помету: Каменка. 22 февр. 1821. Действительно, элегия вырастает из набросков стихов, предназначавшихся для «Кавказского пленника» и относящихся к речи пленника во второй части поэмы после ст.:

Без упоенья, без желаний
Я вяну жертвою страстей...

Переложенная на музыку, эта элегия надолго становится одним из наиболее популярных стихотворений Пушкина.

IV. «УМОЛКНУ СКОРО Я...»
(С. 55)

Впервые опубл.: СП. С. 15 (Элегии, IX).

Варианты СП

10 Заветным именем любовницы прекрасной!
14 И песень и любви последним вдохновеньем!

В рукописях стихотворение датировано 23 августа 1821 г.

V. ГРОБ ЮНОШИ
(С. 56—57)

Впервые опубл.: СП. С. 16—18 (Элегии, X).

Обычно стихотворение связывают с известием о ранней кончине лицейского товарища Пушкина Н. А. Корсакова, умершего 26 сентября 1820 г. во Флоренции (ср. «19 октября»); однако представленные в элегии атрибуты сельского пейзажа не вяжутся с этим предполагаемым поводом или во всяком случае очень опосредованно с ним связаны.

VI. К ОВИДИЮ
(С. 58—60)

Впервые опубл.: ПЗ. 1823. С. 81—84. Подп.: **. В СП на с. 39—43 (Разные стихотворения, I). Перепеч.: Русская стихотворная хрестоматия... Ч. 2. С. 296—299; *Пенинский Иван*. Российская хрестоматия, или Отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах. СПб., 1834. Ч. 2. С. 517—520.

Варианты ПЗ и СП

Заглавие Овидию (ПЗ)
1а Овидий! я живу близ тихих берегов, (ПЗ)
6 Овидий! Я живу близ тихих берегов, (СП)
4 Твой безотрадный плач места сии прославил,
5 И лиры нежный глас еще не онемел:
8 Пустыню мрачную, Поэта заточенье, (ПЗ)
12 Я сердцем следовал, Овидий, за тобою! (ПЗ, СП)

14 И якорь верженный близ диких берегов,
15 Где ждет певца любви жестокая награда:
23 Ты сам... (дивись, Назон, дивись судьбе превратной) *
24 Ты, с юных лет забыв волненье жизни ратной,
25а Привыкнул розами венчать свои власы, (ПЗ)
б Привыкнул розами венчать свои власы (СП)
26 И в неге провождать беспечные часы;
27 Ты будешь принужден взложить и шлем тяжелый
28 И грозный меч хранить близ лиры оробелой:
30 Ни Музы, легкие подруги прежних дней,
32 Напрасно Грации стихи твои венчали,
35 Ни песни робкие Октавия не тронут.
36 Дни старости твоей в забвении потонут!
39 Ты звуков родины вокруг себя не слышишь,
43а О други! Августу мольбы мои несите, (ПЗ)
б О други! Августу мольбы мои несите! (СП)
44 Карающую длань слезами отклоните;
45 Но если гневный Бог досель неумолим,
46 И ввек мне не видать тебя, великий Рим,
47 Последнею мольбой смягчая рок ужасный,
49 Чье сердце хладное, презревшее Харит,
52 Сии Элегии, последние творенья,
53 Где ты свой тщетный стон потомству передал!
56 И светом, и собой, и жизнью недовольный,
57 С душой задумчивой я ныне посетил
58 Страну, где грустный век ты некогда влачил;
60 Я повторил твои, Овидий, песнопенья
62 Но взор обманутым мечтаньям изменял:
65 Здесь долго светится небесная лазурь,
66 Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь; (ПЗ)
67 На скифских берегах переселенец новый, (СП)
68 Сын Юга, виноград блистает пурпуровый;
69а Уж пасмурный Декабрь на Руские луга (ПЗ)
б Уж пасмурный декабрь на руские луга (СП)
71 Зима дышала там — а с вешней теплотою
73 Младою зеленью пестрел увядший луг,
74 Свободные поля взрывал уж ранний плуг,
81 Шаги свои волнам, окованным зимой,
83 Скользила тень твоя — и жалобные звуки
85 Утешься! не увял Овидиев венец.
86 Увы! среди толпы затерянный певец
87 Безвестен буду я для новых поколений,
88 И жертва темная, умрет мой слабый гений
89 С печальной жизнию с минутною молвой...
90 Но если обо мне потомок поздний мой
92 Близ праха славного мой след уединенный: —
98 Не славой — участью я равен был тебе.
101 Великодушный Грек свободу вызывал, (ПЗ)

* В СП скобки закрываются в конце ст. 26.

103 Но чуждые холмы, поля и рощи сонны (ПЗ, СП)
104 И Музы мирные мне были благосклонны. (ПЗ)

В беловом автографе стихотворение датировано 26 декабря 1821 г. Оно основано на имевшей давнее хождение легенде, будто местом ссылки и погребения римского поэта Публия Овидия Назона (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.), высланного Августом (Октавием) за оставшийся неясным проступок, был берег позднейшей Бессарабии. Пушкин знал цену упомянутой легенде и предполагал сопроводить свое стихотворение примечанием, касающимся этого вопроса: «Мнение будто бы Овидий был сослан в нынешний Акерман ни на чем не основано. В своих элегиях он ясно назначает местом своего пребывания город Томы (Tomi) при самом устье Дуная» (позднее это примечание было использовано в отдельном издании первой главы «Евгения Онегина»). По свидетельству приятеля Пушкина И. П. Липранди, поэт «одинаково, как и мы все, смеялся над П. П. Свиньиным, вообразившим Акерман местом ссылки Овидия...». Тем не менее легенда эта привлекла Пушкина возможностью связать свою судьбу с судьбой Овидия. Тема изгнания римского поэта воссоздается на основе его «Скорбных элегий» («Tristia») и «Писем с Понта» («Ex Ponto»), созданных Овидием во время его ссылки. Пушкин внимательно читал Овидия (Липранди сообщает, что первая книга, взятая у него поэтом, «был Овидий во французском переводе, и книги эти оставались у него с 1820 по 1823 г.»), и следы этого чтения отразились в ряде соответствий с текстами Овидия и во взятых из них подробностей его биографии (ср., напр., Tristia, I, 2; III, 4; III, 10; IV, 1; и др.). Заключительные шесть стихов заменяют окончание беловой рукописи стихотворения:

Но не унизил ввек изменой беззаконной
Ни гордой совести ни лиры непреклонной.

Хотя эта замена вызвана, по-видимому, цензурными соображениями (Пушкин опасался вмешательства цензуры: «Предвижу препятствия в напечатании стихов к Овидию, — писал он А. Бестужеву 21 июня 1822 г., — но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа — по-видимому, ее настращали моим именем, не называйте меня, а поднесите ей мои стихи под именем кого вам угодно...»), новое окончание вносит в стихотворение новые мотивы, важные для завершения сопоставления судеб обоих поэтов. Пушкин высоко ценил свое стихотворение: «Каковы стихи к Овидию? — пишет он брату 30 января 1823 г., — душа моя, и „Руслан", и „Пленник" и „Noël", и всё дрянь в сравнении с ними».

Истр — древнее название Дуная.

... *на брега Дуная Великодушный грек свободу вызывал* — имеется в виду движение этеристов (гетеристов) во главе с кн. А. Ипсиланти (1792—1828), с февраля 1821 г. поднявших восстание с целью освобождения Греции от турецкого владычества в смежных с Бессарабией турецких владениях.

VII. НАПОЛЕОН

(С. 61—63)

Впервые опубл.: СП. С. 91—95 (Разные стихотворения, XXIV).

Варианты СП

15 Народов ненависть почила
33 Надменный, кто тебя подвигнул?

41 Россия, бранная царица!
46 Исчезни краткий наш позор!
48 Война: по гроб наш договор.
65 Искуплены его стяжанья,
74 Изгнанник помнил звук мечей
75 И льдистый ужас полуночи
85 Хвала!... Он рускому народу
86 Высокий жребий указал

Стихотворение явилось откликом на смерть Наполеона 5 мая (23 апр. ст. ст.) 1821 г. (см. вариант заглавия в беловой рукописи: На смерть Наполеона), о которой Пушкин узнал лишь 18 июля. Осенью того же года он приступает к работе над своей одой (см. заглавие в беловой рукописи: Наполеон. Ода) и возвращается к ней в 1824 г., дополнив ее 13 и 14 строфами (от «Искуплены его стяжанья» до «В унынье горьком думал он»), использовав для них стихи, первоначально предназначавшиеся для стихотворения «К морю». Обсуждая состав будущих СП, поэт задумывает включить в сборник и «Наполеона», сознавая, однако, невозможность без ущерба для его текста провести стихотворение через цензуру. «Богатая мысль напечатать „Наполеона", да цензура... лучшие строфы потонут», — писал он Л. С. Пушкину в первой половине мая 1825 г. К числу «самых сносных строф» Пушкин относил строфы 4—5 (см. письмо А. И. Тургеневу 1 дек. 1823 г.), целиком опущенные в СП и $СП_1$. В этих строфах сочувственно говорится о событиях Великой Французской революции, в ходе которой произошло возвышение Наполеона:

Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир,
И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир;
Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал,
И день великий, неизбежный —
Свободы яркий день вставал —

Тогда в волненьи бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел.
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленного народа
Ты буйность юную смирил,
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил;
Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил,
Помчал к боям их ополченья,
Их цепи лаврами обвил.

Целиком опущена и строфа 8, в которой идет речь о Тильзитском мире 1807 г., заключенном Наполеоном с Россией и Пруссией на унизительных для них условиях; воспоминание о нем было чувствительно для Александра I:

И се в величии постыдном
Ступил на грудь ее колосс.
Тильзит!... (при звуке сем обидном
Теперь не побледнеет росс) —
Тильзит надменного героя
Последней славою венчал,
Но скучный мир, но хлад покоя
Счастливца душу волновал.

С последним обстоятельством связан и пропуск ст. 3 строфы X:

Померкни солнце Австерлица!

Напоминание об Аустерлицком сражении (1805), в котором русские и австрийские войска, действовавшие по плану, одобренному Александром I, потерпели поражение от наполеоновских войск, относилось к числу нежелательных. Выражение «солнце Австерлица» воспроизводит известные слова Наполеона при восходе солнца перед Бородинским сражением: «Солдаты, это солнце Аустерлица».

Почий среди пустынных волн!

Великолепная могила... — Наполеон был первоначально похоронен на о. Св. Елены в Атлантическом океане, где он находился в качестве пленника в последние годы своей жизни.

Оцепенелыми руками

Схватив железный свой венец — имеется в виду так называемая «железная корона», древняя корона лангобардских королей, которой некогда венчался Карл Великий и которой в 1804 г. короновался Наполеон. Выражение «схватив железный свой венец» может включать в себя ассоциативное воспоминание об известном эпизоде во время коронации Наполеона, когда он, выхватив из рук римского папы корону, сам возложил ее на себя.

Немезида (Немесида) — в античной мифологии богиня возмездия.

И миру вечную свободу

Из мрака ссылки завещал — Пушкин связывает падение Наполеона с последующим подъемом освободительного движения в Европе начала 1820-х гг.; поэтому позднее, когда, потерпев ряд поражений, это движение пошло на убыль, он писал А. И. Тургеневу 1 декабря 1823 г.: «Эта строфа ныне не имеет смысла, но она писана в начале 1821 года», т. е. во время успехов европейского освободительного движения, порождавших надежды на торжество свободы.

VIII. МУЗА

(С. 64)

Впервые опубл.: Сын Отечества (далее — СО). 1821. Ч. 70. № 23. С. 132—133. Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: Новое собрание образцовых рус. соч. ... С. 276—277; Новые Аониды на 1823 г. М., 1823. С. 109. В СП на с. 123 (Подражания древним, I). Позднее перепеч.: Опыт Руской анфологии... С. 170; Роза Граций, или Собрание стихотворений для прекрасного пола на 1831 г. М., 1830. С. 3—4.

Варианты СО и СП

2 И семиствольную цевницу мне вручила.
3 Она внимала мне с улыбкой, и слегка
5 Уже наигрывал я слабыми перстами,
6 И гимны важные, внушенные Богами, (СО)
7 И песни мирные фригийских пастухов. (СП)
8 С утра до вечера, в немой тиши дубов
9 Прилежно я внимал урокам девы тайной,
10 И радуя меня наградою случайной, (СО)
Под текстом:
Кишенев.
Апреля 5. 1821. (СО)

В рукописи стихотворение датировано 14 февраля 1821 г.; указанная в СО дата, очевидно, указывает на время окончательной отделки стихотворения.

Цевница — свирель; слово употреблялось как обозначение поэзии.

И песни мирные фригийских пастухов — Фригия, область в Малой Азии, жители которой занимались скотоводством, связывалась, как и Аркадия на Пелопоннесе, с представлением о буколической (пастушеской) поэзии.

IX. ДИОНЕЯ

(С. 65)

Впервые опубл.: НЛ. 1825. Кн. XII. № 4. Апрель. С. 50. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 128 (Подражания древним, VI). Перепеч.: Опыт Руской анфологии... С. 164.

Редакция НЛ

Антологический отрывок

Подруга милая! я знаю, от чего
Ты с нынешней весной от наших игр отстала;
Я тайну сердца твоего
Давно, поверь мне, угадала:
Кларис в тебя влюблен; он молод — и не раз
Украдкою вдвоем я замечала вас;
Ты слушала его в безмолвии краснея,
Твой взор потупленный желанием горит....
И долго после, Галатея!
Улыбку нежную лице твое хранит.

Варианты СП

4 Твой взор потупленный желанием горит

В беловом автографе стихотворение озаглавлено «Идиллия».

X. ДЕВА
(С. 66)

Впервые опубл.: Соревнователь Просвещения и Благотворения (Труды Высочайше утвержденного Вольного Общества любителей Российской словесности) (далее — Сор.). 1825. № 3. Ч. 29. С. 295. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 130 (Подражания древним, VIII).

Варианты Сор.

Заглавие Я говорил и пр.
3 Неосторожный друг! Я знал, нельзя при ней
4 Другую замечать, иных искать очей.
8 Жужжат вокруг нее ревнивые мольбы;
9 Но дева гордая их чувства ненавидит,
10 И, очи опустя, не внемлет и не видит.

XI. ПРИМЕТЫ
(С. 67)

Впервые опубл.: СП. С. 132 (Подражания древним, X).

Варианты СП

1 Старайся наблюдать различные приметы!
10 Знай: завтра сонных дев разбудит дождь ревучий,
11 Иль бьющий в окна град; а ранний селянин,

В списке стихотворений, составленном Пушкиным в 1822 г., стихотворение «Приметы» («Старайся наблюдать...») помещено в ряду произведений 1822 г.; подтвердить или опровергнуть эту датировку невозможно. В беловом автографе датировано числом 27, возможно, декабря, что может объяснить передатировку в списке.

XII. ЗЕМЛЯ И МОРЕ
(С. 68)

Впервые опубл.: НЛ. 1825. Кн. XI. № 1. Январь. С. 27. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 133 (Подражания древним, XI).

Варианты НЛ и СП

Заглавие Море и Земля (НЛ)
4 И челны на волнах лелеет, (НЛ, СП)
7 И забываю песни Муз:
8 Мне моря сладкий шум милее! (НЛ)
12 И молнии во мраке блещут, (НЛ, СП)
14 В гостеприимные дубровы, (НЛ)
15 Земля мне кажется верней
16 И жалок мне рыбак суровый; (СП)
18 Игралища слепой пучины; (НЛ, СП)

В беловой рукописи стихотворение датировано: 8 февр. 1821. Киев, а также озаглавлено: «Морской берег. Идиллия Мосха». Оно представляет собой вольный перевод стихотворения, приписанного древнегреческому поэту-идиллику Мосху (II в. до н. э.). Ранее перевод этого стихотворения, несомненно известный Пушкину, был осуществлен его лицейским учителем Н. Ф. Кошанским в кн. «Цветы греческой антологии» (1811).

XIII. КРАСАВИЦА ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

(С. 69)

Впервые опубл.: Сор. 1825. № 3. Ч. 29. С. 295. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 134 (Подражания древним, XII).

Варианты Сор. и СП

Заглавие Мила и пр. (Сор.)
1 Мила красавица, когда свое чело
3 Играет локоном; и верное стекло (Сор.)
4 Улыбку, хитрый взор и гордость отражает! (СП)

Стихотворение в рукописи датировано: 9 февраля 1821 г. и включено в ряд стихотворений, объединенных общим заглавием: «Эпиграммы во вкусе древних». Предположительно связывается с именем Ек. Н. Раевской.

XIV. АЛЕКСЕЕВУ

(С. 70—71)

Впервые опубл.: ПЗ: Карманная книжка на 1825 г. ... С. 109—110. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 153 (Послания, VII).

Варианты ПЗ и СП

Заглавие Послание к А. (ПЗ)
2 Твои ревнивые мечты! (ПЗ, СП)
4 И плен опасной красоты. (СП)
5 Свободы друг миролюбивый (ПЗ)
6 В толпе красавиц молодых (СП)
7 Я равнодушный и ленивый (ПЗ, СП)
10 Уже не властны надо мной:
12 И пламя юности живой;
17 Прошел веселой жизни праздник!
19 Как Баратынской я твержу:
27 Когда любовник исступленный,
31 Когда, в жару своих желаний,
35 И крепко руку сжав у друга,
37 Или докучливую мать; (ПЗ)

В ПЗ текст дополнен ст. 45—52:

И чтож? изменой хладнокровной
Я ль стану дружеству вредить,
И снова тактики любовной

Уроки хитрые твердить?
Люби, ласкай свои желанья,
Надежде, сердцу слепо верь.
Увы! пройдут любви мечтанья
И станешь то, чем я теперь.

Стихотворение обращено к Н. С. Алексееву (1788—1834) — кишиневскому сослуживцу и приятелю Пушкина. Оно имеет биографическую основу — Алексеев опасался соперничества Пушкина в отношениях с М. Е. Эйхфельдт, женой кишиневского чиновника, с которой он был в связи. В дружеском кругу Эйхфельдт имела прозвище «еврейка» по якобы сходству ее с героиней романа В. Скотта «Айвенго» Ревеккой (см. первоначальный вариант ст. 51: *Надежде и Еврейке верь* —). Впоследствии (см. письмо Алексееву 26 декабря 1836 г.) Пушкин вспоминал «о Еврейке, которую так долго и так упорно таил ты от меня, своего черного друга...».

Как Баратынской я твержу — в последующих двух стихах Пушкин цитирует незадолго перед тем (1821) опубликованное стихотворение Е. А. Баратынского, обращенное к Н. М. Коншину («Пора покинуть, милый друг...»); приведенные стихи помещены в нём в обратном порядке.

XV. К***ну

(С. 72)

Впервые опубл.: СП. С. 155 (Послания, VIII).

Варианты СП

5 С досады, может быть, напрасной,
10 Погибни злобы миг единой!
13 Пред Мельпоменой и Моиной.

Стихотворение в беловой рукописи датировано: 5 апреля 1821 г. Оно обращено к П. А. Катенину (1792—1853), поэту, драматургу, театральному деятелю. В нем говорится об актрисе А. М. Колосовой (Каратыгиной; 1802—1880), ученице Катенина (имеется в виду появление ее гравированного портрета). Будучи страстным театралом, Пушкин приветствовал появление Колосовой на сцене (см. набросок стихотворения 1818 г. «О ты, надежда нашей сцены...»), но затем, отдав предпочтение игре великой русской актрисы Е. С. Семеновой, разочаровался в Колосовой-Каратыгиной и в 1819 г. написал на нее резкую эпиграмму («Все пленяет нас в Эсфири...»), которая послужила поводом для их размолвки. Комментируемое стихотворение и вызвано желанием поэта загладить допущенную им бестактность. Письмо его к Катенину с этим стихотворением не дошло до адресата. В феврале 1826 г. после знакомства с СП Катенин писал Пушкину: «...скажи, пожалуй, к какому К-ну ты пишешь нечто о Колосовой? Многие думают, что ко мне, но я в первый раз прочел эти стихи в печатной книге. Ты часто изволишь ставить начальные буквы таинственно...» Отвечая Катенину, Пушкин писал: «Я не выставил полного твоего имени, потому что с Катениным говорить стихами только о ссоре моей с актрисой показалось бы немного странным». В 1827 г. при встрече с Колосовой впервые после возвращения поэта из ссылки добрые отношения между ними были восстановлены, и Пушкин взял с нее слово никогда не вспоминать о его «глупости» и «мальчишестве». Для своего стихотворения Пушкин использовал наброски большого послания к своим друзьям по

«Зеленой лампе» («В кругу семей, в пирах счастливых...»), над которым он работал весной 1821 г.:

Но оскорбил я красоту,
Когда она блистала славой,
В дыму пылающих кадил...

Пред Селименой и Моиной — имеются в виду роли, исполнявшиеся Колосовой: Селимены в комедии Мольера «Мизантроп» и Моины в трагедии В. А. Озерова «Фингал». Именем Селимены Пушкин заменил поставленное в первопечатном тексте имя музы трагедии Мельпомены, подчеркнув этим разносторонность дарования Колосовой, позднее целиком перешедшей на исполнение комических ролей.

XVI. Ч***ву

(С. 73—74)

Впервые опубл.: СО. 1821. Ч. 72. № 35. С. 82—84. Подп.: Александр Пушкин. В СП на с. 169—172 (Послания, XVI).

Варианты СО и СП

Заглавие К Ч-ву (СО)
6 Не трудно было мне отвыкнуть от пиров,
10а В изгнании моем я не жалел об них. (СП)
6 В изгнании моем я не жалел о них. (СП)
12 *В СО точки.*
13 И сети разорвав, где бился я в плену,
17 Владею днем моим; с порядком дружен ум.
18 Учусь удерживать вниманье долгих дум,
22 Богини мира, вновь явились Музы мне
23 И независимым досугам улыбнулись,
25 Старинный звук меня обрадовал — и вновь
26 Пою мои мечты: Природу и любовь, (СО)
27 И дружбу верную и милые предметы, (СП)
28 Пленившие меня в младенческие леты
31 Я пеньем оглашал приют забав и лени,
35 Ни Музы, ни труды, ни радости досуга,
36 Ничто не заменит единственного друга!
37 Ты был целителем моих душевных сил:
38 О неизменный друг! тебе я посвятил
39 И краткий век — уже испытанный судьбою,
40 И чувства, может быть, спасенные тобою.
43 Я тайно изнывал, страдалец утомленный;
44 В минуту гибели, над бездной разъяренной
45 Ты поддержал меня недремлющей рукой, (СО)
После 52 в СО:
Что нужды было мне в торжественном суде
. . . .*

* *Пропуск ст.*: Холопа знатного, невежды ⟨при⟩ звезде,

Глупца Философа, который в прежни лета
Развратом изумил четыре части света,
Но просветив себя, загладил свой позор:
Отвыкнул от вина и стал картежный вор?
Оракул Лужников, никем не замечаем,
Мне мало досаждал своим безвредным лаем.*
53 Мне ль было сетовать о толках шалунов
54 О лепетанье дам, Зоилов и глупцов,
57 Благодарю Богов! прешел я мрачный путь:
58 Печали ранние мою теснили грудь,
59 К печалям я привык, расчелся я с судьбою
61 Одно желание: останься ты со мной;
62 Небес я не томил молитвою другой:
63 О скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?
66 Как обниму тебя!.... увижу кабинет,
67 Где ты всегда мудрец, а иногда мечтатель,
68а И ветренной толпы бесстрастный наблюдатель. (СО)
б И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель; (СП)
72 Знакомых мертвецов живые приговоры;
74а И счастлив буду я; но только, ради Бога, (СО)
б И счастлив буду я: но только ради Бога (СП)
75 Гони ты *** от нашего порога! (СО, СП)
Под текстом:
Кишенев, 20 Апреля 1821. (СО)

Послание обращено к П. Я. Чаадаеву (см. выше) и датировано в рукописи 6 апреля 1821 г. В это же время Пушкин записал: «Получил письмо от Чаадаева. — Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье, одного тебя может любить холодная душа моя. — Жалею, что не получил он моих писем: они бы его обрадовали. Мне надобно его видеть». Стихотворение напечатано с цензурными изъятиями: между ст. 73 и 74 пропущен ст.: «Вольнолюбивые надежды оживим», связывавший его с ранним посланием Пушкина к Чаадаеву 1818 г. («Любви, надежды, тихой славы...»). Пропуск этот в СП и $СП_1$ не обозначен. Пушкин писал по этому поводу в письме издателю Н. И. Гречу 21 сент. 1821 г.: «...уж эта мне цензура! Жаль мне, что слово *вольнолюбивый* ей не нравится: оно так хорошо выражает нынешнее libéral, оно прямо русское...» Опущены и в $СП_1$ и также не обозначены как пропуск стихи, напечатанные в СО; первые пять из них относятся к Ф. И. Толстому-Американцу (1784—1846), человеку авантюрного склада (свое прозвище он получил потому, что, участвуя в экспедиции И. Ф. Крузенштерна, он был за какой-то проступок высажен якобы на Алеутских островах) и глубоко порочному (известна, например, отмеченная Пушкиным и А. С. Грибоедовым склонность его к нечестной карточной игре). Прежние приятельские отношения Пушкина с Ф. Толстым были нарушены из-за клеветы, которую тот распространял о поэте после его высылки из Петербурга; глубоко уязвленный Пушкин ответил на это эпиграммой «В жизни мрачной и презренной...» (1821) и посвященными ему стихами в послании Чаадаеву. Цензурное изъятие одного стиха потребовало редакционной замены слов «Или Философа...» на «Глупца-Философа...», что явно не понравилось Пушкину (см. в цит. письме Гречу: «Зачем глупца? стихи

---

* В СП пропуск этих стихов отмечен строкою точек с примечанием: «Все пропуски в стихотворениях, означенные точками, сделаны самим автором».

относятся к Американцу Толстому, который вовсе не глупец; но лишняя брань не беда»). Из текста стихотворения в СП и СП$_1$ Пушкин изъял эти стихи потому, что ими был недоволен П. А. Вяземский, сохранивший дружеские отношения с Ф. Толстым (см. письмо Пушкина ему конца марта—нач. апреля 1825 г.; ср. письмо П. А. Вяземского Пушкину 22 и 23 апреля 1825 г.). Стихи об «ораторе Лужников» относятся к издателю «Вестника Европы» М. Т. Каченовскому, подписывавшему некоторые свои статьи псевдонимом «Лужницкий старец».

Где прах Овидиев пустынный мой сосед — см. выше примеч. к стихотворению «К Овидию».

*Гони ты *** от нашего порога* — имеется в виду О. Д. Шеппинг, гвардейский офицер, петербургский знакомец Чаадаева. Недолюбливавший его Пушкин видел в нем воплощение несносного и докучного человека (ср. «Послание к кн. Горчакову», 1819).

XVII. К*** («ЗАЧЕМ БЕЗВРЕМЕННУЮ СКУКУ...»)

(С. 75)

Впервые опубл.: МВ. 1827. Ч. 1. № 2. С. 91.
Подп.: А. Пушкин.

Варианты МВ

8 Потерянных тобою дней;

Стихотворение отнесено к 1821 г. условно. По положению в рукописной тетради оно относится к ряду крымских стихотворений Пушкина 1820 г.; беловой автограф датирован 1 ноября 1826 г.

1822

I. ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

(С. 76—78)

Впервые опубл.: СЦ на 1825 г.... С. 253—257. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 59—64 (Разные стихотворения, VII). Перепеч.: Русская стихотворная хрестоматия... Ч. 2. С. 292—293; Учебная книга Русской словесности, или Избранные места из Русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории Русской литературы, изд. Н. Гречем. 2-е испр. изд. СПб., 1830. Ч. 3. С. 318—320 (*заглавие*: Смерть Олега); Венера... Ч. 3. С. 33—39; *Пенинский Иван*. Российская хрестоматия... Ч. 2. С. 984 (*заглавие*: Смерть Олега).

Варианты СП и СЦ

2 Отмстить неразумным Хозарам;
4 Обрек он мечам и пожарам; (СЦ)
5 С дружиной своей, в цареградской броне, (СП)
7 Из темного лесу, на встречу ему,
11 В мольбах и гаданьях проведший весь век;
17а Открой мне всю правду, не бойся меня, (СЦ)
6 Открой мне всю правду, не бойся меня! (СП)

18 В награду любова возьмешь ты коня
19 «Волхвы не боятся могучих Владык,
20 А Княжеский дар им не нужен,
22 И с волей Небесною дружен.
23 Грядущие годы таятся во мгле, (СЦ)
25 Запомни же ныне ты слово мое! (СП)
26а Воителю слава — отрада (СЦ)
б Воителю слава отрада: (СП)
27 Победой прославлено имя твое,
28 Твой щит на вратах Цареграда,
29 И волны и суша покорны тебе,
32 В часы роковой непогоды (СЦ)
33 И пращ и стрела и лукавый кинжал (СП)
35а Под грозной броней ты не ведаешь ран, (СЦ)
б Под грозной броней ты не ведаешь ран: (СП)
36 Незримый Хранитель могущему дан.
41 И холод и сеча ему ничего;
42 Но примешь ты смерть от коня своего!»
43 Олег усмехнулся; — однако чело
44 И взор омрачилися думой; (СЦ)
46 С коня он слезает угрюмой; (СЦ, СП)
48 И гладит и треплет по шее крутой. — (СЦ)
49 Прощай, мой товарищ, мой верный слуга! (СП)
51 Теперь отдыхай! уж не ступит нога (СЦ, СП)
52 В твое позлащенное стремя!
53а Прощай, утешайся, да помни меня; (СЦ)
б Прощай, утешайся, да помни меня! (СП)
54 Вы, Отроки, други, возьмите коня!
56 В мой луг под устцы отведите; —
58 Водой ключевою поите!»
59 И Отроки тотчас с конем отошли
60 А Князю другова коня подвели.
61 Пирует с дружиною вещий Олег,
62 При звоне веселом стакана, —
63 И кудри их белы как утренний снег.
67 «А где мой товарищ? промолвил Олег,
71 И внемлет ответу: на холме крутом *
72 Давно уж почил непробудным он сном!
77 Мой конь и доныне носил бы меня!»
80 С ним Игорь и старые гости:
81 И видят — на холме, у брега Днепра,
82 Лежат благородные кости,
85 Князь тихо на череп коня наступил,
87 Твой старый хозяин тебя пережил;
88 На тризне — уже недалекой

* В тексте: *внемлют*, однако на с. VI СЦ указано: «Напечатано: *внемлют*. Надобно читать: *внемлет*». То же слово читается и в беловом автографе, введено оно и в основной текст стихотворения. Тем не менее в СП и СП1 снова напечатано: *внемлют*. Поэтому данная форма сохранена в тексте настоящего издания.

90 И жаркою кровью мой прах напоишь.
91 Так вот где таилась погибель моя!
95 Как черная лента, вкруг ног обвилась,
96 И вскрикнул внезапно ужаленный Князь.
98 На тризне плачевной Олега, —
99 Князь Игорь и Ольга на холме сидят, (СЦ)

В беловом автографе «Песни о вещем Олеге» стихотворение датировано 1 марта 1822 г. Источником сюжета баллады послужил рассказ о кончине Олега в «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, а также летописное предание, знакомое Пушкину по так называемой Львовской летописи (Летописец Руской от пришествия Рурика до кончины Царя Ивана Васильевича. Издал Н. Л⟨ьвов⟩. СПб., 1792), сохранившейся в его библиотеке: именно здесь содержались некоторые подробности, вошедшие в стихотворение, но отсутствующие у Карамзина. Оспаривая мнение А. А. Бестужева, Пушкин в письме ему конца января 1825 г. отметил достоинство древнего предания, положенного в основу стихотворения: «Тебе, кажется, „Олег" не нравится: напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического».

Вещий Олег — князь Олег, в 882—912 гг. правитель Руси во время малолетства и юности князя Игоря, сына легендарного Рюрика, был прозван вещим в результате похода 907 г. на Константинополь (Царьград).

Хозары (хазары) — тюркский народ, образовавший в соседствующих с Киевской Русью степях Хазарский каганат (вторая пол. VII—сер. X в.).

Перун — бог грозы в древнеславянской мифологии, верховное божество в языческом пантеоне Киевской Руси.

Твой щит на вратах Цареграда — согласно преданию, в 909 г. в ознаменование своей победы над Константинополем Олег водрузил свой щит на городских воротах («повеси щит свой на вратех на показание победы»). Эта деталь, отмеченная и К. Ф. Рылеевым в его думе «Олег Вещий», опубликованной вскоре после написания пушкинской баллады («Прибил свой щит с гербом России К царьградским воротам»), явилась поводом для полемики с ним. К слову «щит» в ст. 28 в беловой рукописи «Песни о вещем Олеге» Пушкин сделал приписку: «...но не с гербом России, как некто сказал во-первых, потому что во время Олега Рос⟨сия⟩ не имела еще герба. — Наш *Дв⟨углавый⟩ Ор⟨ел⟩* есть герб Р⟨имской⟩ Империи и знаменует разделение ее на Зап⟨адную⟩ и Вост⟨очную⟩. У нас же он ни⟨чего⟩ не значит» (ср. письма Пушкина брату 1—10 января 1823 г. и К. Ф. Рылееву второй половины мая 1825 г.).

Отроки — младшие воины княжеской дружины.

На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь... — речь идет о древнеславянском обычае, отмеченном в «Истории Государства Российского» Карамзина: «Славяне Российские ⟨...⟩ творили над умершим *тризну* ⟨... ⟩ и закалали на могиле любимого коня его» (Т. I. Гл. 3).

II. АДЕЛИ

(С. 79)

Впервые опубл.: ПЗ. 1824. С. 60. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 70 (Разные стихотворения, XI). Перепеч.: Венера... Ч. 3. С. 82—88.

Варианты ПЗ и СП

Заглавие В Альбом малютке (ПЗ)
2 Не знай печали! (ПЗ, СП)
4 Тебя венчали,
9 Для наслаждений
11 Час упоений (ПЗ)
17 Мою свирель! (ПЗ, СП)

Стихотворение обращено к двенадцатилетней дочери А. Л. Давыдова (см. ниже примеч. к стихотворению 1824 г. «Д***у»), за которой Пушкин шутливо ухаживал в Каменке.

Хариты (*Грации*) — в древнегреческой мифологии богини красоты, радости, воплощение женской прелести.

Лель — в представлениях XIX в. о древнеславянской мифологии бог любви.

III. ДРУЗЬЯМ

(С. 80)

Впервые опубл.: ПЗ. 1824. С. 24—25. Подп.: А. Пушкин. НЛ. 1824. № 10. Кн. 7. С. 24—25. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 81—82 (Разные стихотворения, XIX).

Варианты НЛ, ПЗ и СП

Заглавие в оглавл.: К друзьям (ПЗ)
2 Вчера был Вакха буйный пир;
4 При блеске чаш, при звуке лир.
5 Так! Музы вас благословили,
10 Не ослепляя ваших глаз,
11 Она не суетной работой (ПЗ, НЛ)
12 Не резьбою пленяла нас. (ПЗ, СП)
14а Что жажду Скифскую поя, (ПЗ, НЛ)
6 Что жажду скифскую поя, (СП)
17 Я пил — и думою сердечной (НЛ)
21 Меня смешила их измена —
23 Как исчезала в чашах пена (ПЗ, НЛ)
24 Под зашипевшею струей! (НЛ)

Один из рукописных вариантов заглавия — «К⟨ек⟩у, П⟨олторацк⟩им и Г⟨орчако⟩ву. 15 февраля 1822.» — указывает на повод к появлению стихотворения — прощальную пирушку, которую устроили офицеры-топографы А. П. и М. А. Полторацкие по случаю отъезда их товарища В. Т. Кека из Кишинева. Помимо Пушкина, в ней участвовал и его кишиневский друг, сослуживец Кека и Полторацких В. П. Горчаков. Пушкину был предложен самый большой из составных походных стаканов.

IV. ГРЕЧАНКЕ

(С. 81)

Впервые опубл.: ПЗ. 1823. С. 107—108. Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: Собрание новых Руских стихотворений, вышедших в свет с 1821 по 1823 г. ... Ч. 1. С. 276—277.

В СП на С. 164—165 (Послания, XIII). Позднее перепеч.: Весенние Цветы, или Собрание романсов, баллад и песен... М., 1835. С. 47—49.

Варианты ПЗ и СП

2 Воображение Поэтов,
7 И этой ножкою нескромной.
18 а Узнал иль видел, как во сне, (ПЗ)
б Узнал, иль видел, как во сне, (СП)
19 И скрылся образ незабвенный
24 В твоей груди самолюбивой,
26 Нет, нет, мой друг! мечты ревнивой
30 И тайной грустию томим,
31 Боюсь: неверно всё, что мило! (ПЗ)

Стихотворение обращено к Калипсо Полихрони (1804—1827), во время греческого восстания бежавшей из Константинополя и поселившейся с матерью в Кишиневе; о ней говорили, будто она была возлюбленной Байрона. В письме П. А. Вяземскому 5 апреля 1823 г. Пушкин сулил познакомить его «с гречанкою, которая целовалась с Байроном».

Певец Леилы — Байрон; в беловой рукописи стихотворения к этим словам имеется примечание: «См. поэму Лорда Байрона *Гяур*, а не *Джаур*, как пишут некоторые».

V. «СВОД НЕБА МРАКОМ ОБЛОЖИЛСЯ...»
(С. 82—85)

Впервые опубл.: МВ. 1827. Ч. 5. № 17. С. 3—7. Подп.: А. Пушкин; несколько ранее отрывок из данного текста с исключенными из него стихами напечатан: Памятник Отечественных Муз. Изд. на 1827 г. Борисом Федоровым (далее — ПОМ). СПб., 1827. С. 253—256. Подп.: А. Пушкин.

Варианты МВ и ПОМ

Заглавие а Отрывок из не оконченной поэмы. (Писано в 1822 году) * (МВ)
б Сон. (Отрывок из Новогородской повести: Вадим) (ПОМ)
8 Стремится белое ветрило
9 И блещет пена при луне.
15 Один смиренный житель волн
16 Гребет и к Югу правит чёлн;
18 Стоит недвижим — на брега
21 Перешагнуть уже готова, —
22 Плывут.... «Причаливай старик!
23 К утесу правь» — и в волны в миг
28 Свой чёлн к утесу пригоняет
29 К подошвам двух союзных ив;
33 Кремень звучит и пламя вскоре
57 Прекрасен он; но мнится, радость
59 В глазах потупленных кручина, (МВ)
71 Проходит ночь; огонь погас, (ПОМ)

* Снабжено примечанием: «Несколько стихов из сего отрывка напечатано было в Памятнике Отечественных Муз 1827 года».

72а Остыл и пепел, — вод пучина (МВ)
б Остыл и пепел. Вод пучина (ПОМ)
73а Белеет; близок утра час, (МВ)
б Белеет: близок утра час,
74 И сходит сон на Славянина.
75 Видал он дальние страны,
76 По суше, по морям носился, (ПОМ)
77 Во дни былые, дни войны (МВ)
78а На Западе, на Юге бился, (МВ)
б На Западе, на Юге бился —
81 И перед ним врагов ряды — (ПОМ)
82а Бежали, как морская пена, (МВ)
б Бежали как морская пена —
83 В час бури — к чорным берегам,
85 И арфам Скальдов вдохновенных, —
86 В жилище сильных пировал,
87 И очи дев иноплеменных — (ПОМ)
88 Красою чуждой привлекал; (МВ)
90 Теперь героев в край чужой,
92 Где меч главы героев косит!
94 Кориоландии печальной, (ПОМ)
96а Кровавых сечь и славы дальной. (МВ)
б Правдивых сеч и славы дальной. (ПОМ)
97 Ему не снится шум валов,
98 Он позабыл морские битвы (МВ)
99 И пламя яркое пиров, (ПОМ)
100а И трубный звук и лай ловитвы. (МВ)
б И трубный звук и лай ловитвы: (ПОМ)
102 Волнуют сердце Славянина.
103а Пред ним Славянская дружина: (МВ)
б Пред ним Славянская дружина,
104 Он узнает ее щиты;
106 К товарищам минувших лет,
108 Которых уж и в мире нет. (ПОМ)

После 108 в ПОМ:

Он видит Новгород великий,
Знакомый терем с давних пор;
Но тын оброс крапивой дикой,
Обвиты окна повиликой, —
В траве заглох широкий двор.
Он быстро храмин опустелых
Проходит молчаливый ряд:
Всё мертво... нет гостей веселых,
Застольны чаши не гремят; —
И вот веселая светлица: *
В нем сердце бьется: здесь иль нет —
Любовь очей, душа-девица?

* В ПОМ, по-видимому, допущена ошибка. В полном тексте данный стих читается: *И вот высокая светлица...*

Цветет ли здесь — мой милый цвет,
Найду ль ее?... И с этим словом —
Он входит... Что же? страшный вид!
В постеле хладной, под покровом —
Девица мертвая лежит!....
В нем замер дух и взволновался.
Покров приподнимает он,
Глядит: — и слабый стон *
Сквозь тяжкий сон его раздался.
Она, она! — ее черты!
На персях рану обнажает; —
Она погибла! восклицает.
Кто мог?... и слышит голос: — ты!
111 Тревожат душу старика.
116 И рыба сонная впадает
117 В тяжелый невод старика.
120 И вот пучина под челном
123 Несчастный возвратиться хочет;
125 Рыбак идет на дно морское
130 С дерев, с утесистых вершин (МВ)

Напечатанный в СП$_1$ текст представляет собой отрывок из написанной Пушкиным первой песни поэмы «Вадим». Исключенными оказались пять стихов (между 70 и 71), возможно, по цензурным соображениям:

Уста невнятны шепчут звуки.
Предмет великий, роковой
Немые чувства в нем объемлет,
Он в мыслях видит край иной.
Он тайному призыву внемлет..... —

ряд стихов, опубликованных Б. М. Федоровым, по-видимому, без ведома Пушкина в ПОМ (см. варианты), а также 34 стиха окончания. Отсутствие имени героя и неясность дальнейшего развития действия лишали отрывок сюжетной определенности и соотнесенности с традиционной для русской литературы темы *Вадима* (только примечание, отсылающее к публикации в ПОМ, включавшей в себя упоминание «Новогородской повести „Вадим"», создавало условия для ее идентификации). Многократно разрабатывавшаяся русскими писателями, тема эта восходит к скудным сведениям, сохраненным одной из поздних летописей под 864 г. («Того же лета оскорбишася новгородцы, глаголюще, яко „быти нам рабом и многа зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его". Того же лета уби Рюрик Вадима храброго и иных многих изби новгородцев советников его») и получившим некоторую разработку в исторической литературе XVIII в. (В. Н. Татищев). Н. М. Карамзин отнесся к сведениям о Вадиме скептически, хотя и не исключал их вероятия (см.: История Государства Российского. Т. I. Гл. 4). В русской литературе Вадим был воспринят как носитель духа вольного Новгорода, борец против «самодержавия» Рюрика, и его образ разрабатывался именно в таком плане, получая, однако, различное истолкование в зависимости от политических пристрастий авторов. Пушкин примыкает к традиции, восходящей к трагедии Я. Б. Княжнина (1740—1791) «Вадим Новгородский», при ее посмертной публикации в разгар Великой Французской революции (1793). «Вадим Новгородский» был воспринят властями как

* Очевидный пропуск. Там же читаем: Глядит, *она*! — и слабый стон

опасное произведение, подлежащее запрету и истреблению. Интерес к этой теме у Пушкина возник, вероятно, под воздействием В. Ф. Раевского: как и другие декабристы (ср. незавершенную думу К. Ф. Рылеева «Вадим»), он привносил в нее актуальное политическое содержание. Более определенно этот аспект обнаруживает себя не в начатой поэме «Вадим», но в писавшейся одновременно одноименной трагедии (сохранившиеся планы обнаруживают тесное взаимопроникновение обоих замыслов), а также в набросках стихотворения, относящегося к тому же времени и задуманного в народно-поэтическом ключе. Недостаточное представление об изображаемой исторической эпохе заставило, очевидно, Пушкина отказаться от разработки этого замысла и ограничиться опубликованием той части текста, которая представлялась ему наиболее удачной (публикация МВ, исключившая ряд незадолго перед тем обнародованных в ПОМ стихов и затем повторенная в $СП_1$, как бы отменяла напечатанный Б. М. Федоровым фрагмент, предлагая авторскую интерпретацию «отрывка из не оконченной поэмы»).

В волнах Варяжских лунный луч — Варяжским морем в Древней Руси называлось Балтийское море.

Оден (Óдин) — верховное божество скандинавской мифологии.

Скальды — певцы (поэты) в средневековых Норвегии и Исландии.

Кириаландия — Карелия.

Албион (Альбион) — древнее название Англии.

Ловитва — здесь: охота.

VI. БАРАТЫНСКОМУ ИЗ БЕССАРАБИИ

(С. 86)

VII. ЕМУ ЖЕ

(С. 87)

Впервые опубл.: СЦ на 1826 г. С. 29. Подп.: А. Пушкин.

Варианты СЦ

Заглавие (VI): Баратынскому. *Из Бессарабии*

(VII) 2 Чтож медлишь, милый трубадур!
3—4 Пришли ее мне Феба ради
И награди тебя Амур!

Оба стихотворения обращены к Е. А. Баратынскому (1800—1844), поэту, близкому другу А. А. Дельвига, благодаря которому Баратынский близко сошелся с Пушкиным в 1818—1819 гг. За проступок, совершенный во время учения в Пажеском корпусе, Баратынский вынужден был нести солдатскую службу в Петербурге; в 1820 г., получив чин унтер-офицера, он был переведен в Финляндию, восприняв это как изгнание. На это обстоятельство намекает Пушкин в конце первого стихотворения, сопоставляя судьбу Баратынского, также поэта-элегика, с судьбой Овидия (Назона).

VI

Она Державиным воспета
И славой Рускою полна — имеется в виду ода Г. Р. Державина «На взятие Измаила», посвященная овладению русскими воинами под предводительством А. В. Суворова турецкой крепости Измаил, располагавшейся в устье Дуная.

VII

Трубадур — наименование средневековых провансальских поэтов, обращавшихся преимущественно к любовной теме; в начале 1820-х гг. Баратынский воспринимался прежде всего как автор любовных элегий.

Феб — одно из имен Аполлона, бога поэзии и искусства в античной мифологии.

VIII. «ЛЮБЛЮ ВАШ СУМРАК НЕИЗВЕСТНЫЙ...»

(С. 88)

Впервые опубл.: Московский Телеграф (далее — МТ). 1826. № 1. Т. 7. Отд. 2. С. 5—6. Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: Новейшее собрание отборнейших песен и романсов, или Подарок милым и прекрасным на Новый год. М., 1829. С. 101. Без подп.

Варианты МТ

Заглавие Элегия
3 О вы, Поэзии прелестной
5 Вы нас уверили, Поэты,
20 И чужд мне будет мир земной!
24 Несовершенство бытия —
26 Не сохранит душа моя;

Как самостоятельное произведение элегия сложилась в 1825 г. на основе ранней редакции 1822 г. («Отрывок»), происхождение которой связано с замыслом незавершенного Пушкиным большого стихотворения «Таврида» (1822).

Элизей (Элизиум) — Елисейские поля, в мифологических представлениях античности место, отведенное для праведников в царстве мертвых, Аиде, в котором протекает и река забвения Лета.

1823

I. «ПРОСТИШЬ ЛИ МНЕ РЕВНИВЫЕ МЕЧТЫ...»

(С. 89—90)

Впервые опубл.: ПЗ. 1824. С. 314—315. Подп.: * (в оглавлении стихотворение следует за произведениями, обозначенными именем Пушкина); ЛЛ. 1824. Ч. 1. № 4. С. 134—135 с примечанием издателя (Ф. В. Булгарина): «Автор сих стихов прислал оные ко мне для помещения в Литературных Листках, по той причине, что они были напечатаны в другом издании с некоторыми ошибками. *Изд.*». Подп.: А. Пушкин, общая со стихотворением «Нереида». В СП на с. 19—20 (Элегии, XI).

Варианты ЛЛ, ПЗ и СП

Заглавие Элегия (ПЗ, ЛЛ)
2 Моей любви несчастное волненье? (ПЗ, ЛЛ)
3 Ты мне верна: за чем же любишь ты
5 Окружена поклонников толпой

6а За чем для всех казаться хочешь милой (ПЗ)
б Зачем для всех казаться хочешь милой (ЛЛ)
7 И всех даришь надеждою пустой? (*опеч.*?)
8—9 Твой чудный взор, то нежный, то унылой,
Мной овладел, мне чувства омрачив; (ПЗ) (*опеч.*?)
10 Уверена в любви моей безумной, (ПЗ, ЛЛ)
11а Невидишь ты, когда в толпе их шумной (ПЗ)
б Не видишь ты, когда в толпе их шумной, (ЛЛ)
в Не видишь ты, когда в толпе их страстной (СП)
12а Беседе чужд, угрюм и молчалив (ПЗ)
б Беседы чужд, угрюм и молчалив, (ЛЛ)
13а Терзаюсь я досадой одинокой, (ПЗ)
б Терзаюсь я досадой одинокой: (ЛЛ)
в Терзаюсь я досадой одинокой! (СП)
14 Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокой!.. (ПЗ)
15 Хочу ль уйти — с боязнью и мольбой — (ЛЛ)
18а Двусмысленный со мною разговор — (ПЗ)
б Двусмысленный со мною разговор,
19 Спокойна ты, веселый твой укор
23 Зачем тебя приветствует лукаво?
24а Что ж он тебе? — скажи, какое право (ЛЛ)
б Чтож он тебе?.. скажи какое право (ПЗ)
25 Имеет он бледнеть и ревновать? (ПЗ, ЛЛ)
26—28 *Отсутствуют.* (ЛЛ)
26 В нескромный час, меж вечера и света.
27 Без матери, одна, полуодета
28 За чем его должна ты принимать?
29а Но я любим, на едине со мною (ПЗ)
б Но я любим; наедине со мною (ЛЛ)
в Но я любим!.. Наедине со мною (СП)
30 Ты так нежна! лобзания твои (ЛЛ)
31а Так пламенны! — Слова твоей любви (ПЗ)
б Так пламенны! слова твоей любви (ЛЛ)
32 Так искренно полны твоей душою...
33а Тебе смешны мучения мои... (ПЗ)
б Тебе смешны мучения мои, (ЛЛ)
34 Но ты верна, тебя я понимаю. (ПЗ, ЛЛ)
35а Мой милый друг! Не мучь меня, молю! (ПЗ)
б Мой милый друг! не мучь меня, молю: (ЛЛ)
в Мой милый друг, не мучь меня, молю!
37 Не знаешь ты, как тяжко я страдаю! (СП)

В одной из рукописей стихотворение датировано: 11 ноября 1823. Од⟨есса⟩. Пушкин был недоволен публикацией его в ПЗ из-за допущенных там опечаток. «...Мне грустно видеть, — писал он А. Бестужеву 12 января 1824 г., — что со мною поступают, как с умершим, не уважая ни моей воли, ни бедной собственности». Посылая свое стихотворение (вместе с «Нереидой», см. выше) для перепечатки в ЛЛ Ф. В. Булгарину, Пушкин писал ему в письме от 1 февраля 1824 г.: «Вы очень меня обяжете, если поместите в своих листках здесь прилагаемые две пьесы. Они были с ошибками напечатаны в „Полярной Звезде", отчего в них и нет никакого смысла. Это в людях беда не большая,

но стихи не люди». Пропуск ст. 26—28 в ЛЛ соответствует беловой рукописи Пушкина, посланной Булгарину. Обычно стихотворение связывается с именем А. Ризнич, предмета увлечения Пушкина в Одессе; однако это предположение противоречит содержанию элегии, обращенной к девушке, а не замужней женщине. Очевиднее связь стихотворения с литературными впечатлениями Пушкина. Лирическая ситуация, на которой оно основано, делает похожим стихотворение Пушкина на элегию французского поэта Ш. Мильвуа (1782—1816) «Беспокойство» («L'Inquiétude»). Об интересе Пушкина к элегии Мильвуа свидетельствует то, что она была собственноручно переписана им в середине 1820-х гг. Некоторые мотивы этой элегии были переосмыслены Пушкиным. Возможен также полемический отклик в нем на перевод элегии Мильвуа, осуществленный А. А. Крыловым («Недоверчивость», 1821).

II. «НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ ПОТУХ; НЕНАСТНОЙ НОЧИ МГЛА...»

(С. 91)

Впервые опубл.: СП. С. 25—26 (Элегии, XV).

Варианты СП:

Заглавие в оглавл. Ненастный день потух. *Отрывок*
3 Как привидение за рощею сосновой
10 Вот время! По горе теперь идет она
15 Никто ее колен в забвеньи не целует!
17 Ни плечь, ни влажных уст, ни персей белоснежных!
21 Никто ее любви небесной не достоин!

Судя по содержанию стихотворения (резко контрастное соположение северного и южного пейзажа), явно отражающему впечатления Пушкина в первые месяцы его пребывания в Михайловском, оно может быть датировано осенью 1824 г., и, следовательно, указание на 1823 г. в СП и $СП_1$ едва ли соответствует действительности. О том, что настроения, воплощенные в стихотворении, характерны именно для осени 1824 г., говорят строки из письма поэта В. Ф. Вяземской конца октября названного года: «Всё, что напоминает мне море, наводит на меня грусть — журчанье ручья причиняет мне боль в буквальном смысле слова — думаю, что голубое небо заставило бы меня плакать от бешенства, но слава Богу небо у нас сивое, а луна точная репка...» (пер. с франц., слова от «но слава Богу...» написаны по-русски). Рукописей стихотворения не сохранилось; однако, скорее всего, обозначение пропусков текста в нем является художественным приемом, усиливающим эмоциональную напряженность; к тому же этот прием согласуется с обозначением стихотворения в оглавлении СП как «отрывка». Возможно, что речь в нем идет о гр. Е. К. Воронцовой, в которую Пушкин был влюблен в Одессе.

III. ДЕМОН

(С. 92)

Впервые опубл.: Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, изд. кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером (далее — Мн.). М., 1824. Ч. 3. С. 11—12. Подп.: А. Пушкин; СЦ на 1825 г. ... С. 275—276. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 87—88 (Разные стихотворения, XXI). Перепеч.: Весенние Цветы... С. 17.

Редакция Мн.

Мой Демон

Когда еще мне были новы
Все наслажденья бытия:
И взоры дев и шум дубровы
И ночью пенье соловья —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Мне сильно волновали кровь —
В часы надежд и упоений,
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный Гений
Стал в тайне навещать меня.
Печальны были наши встречи!
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи —
Вливали в душу хладный яд;
Неистощимой клеветою
Он Провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою,
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе,
На жизнь с насмешкою смотрел
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

Варианты СП и СЦ

2 Все впечатленья бытия:
4 И ночью пенье соловья; (СЦ, СП)
6 Свобода, слава, и любовь (СЦ)
8 Так сильно волновали кровь: (СЦ, СП)
11 Тогда какой-то злобный Гений
18 Он Провиденье искушал;
19 Он звал прекрасное мечтою,
21 Не верил он любви, свободе,
22а На жизнь насмешливо глядел (СЦ)
б На жизнь насмешливо глядел: (СП)

Стихотворение возникло в условиях кризиса, переживавшегося Пушкиным в 1823—1824 гг., и отражает настроения, владевшие поэтом в данный период. Оно вырастает из замысла, частично воплощенного в незавершенном стихотворении 1823 г. «Бывало, в сладком ослепленье...», объединявшем мотивы будущих «Демона» и «Свободы сеятель пустынный...». В восприятии «Демона» современниками Пушкина наметились две тенденции: одна, видимо, не без основания, связывала образ пушкинского демона с реальным лицом, приятелем Пушкина А. Н. Раевским (1795—1868), человеком резкого и скептического ума (см., например, письмо Пушкину С. Г. Волконского, шурина Раевского, 18 октября 1824 г.); другая — более перспективная — видела в нем образ, воплощающий «те непонятные чувствования, которые холодят нашу душу посреди восторгов самых пламенных...» (слова из аполога В. Ф. Одоевского «Новый демон» в

кн. 4 Мн.). Пушкин солидаризировался со второй точкой зрения в оставшемся неопубликованным автокомментарии к своему стихотворению (1825). В нем он, скорее всего, откликался на суждения автора «Письма на Кавказ» (Н. И. Греча?) в № 3 «Сына Отечества» за 1825 г. («„Демон" Пушкина не есть существо воображаемое: автор хотел представить развратителя, искушающего неопытную юность чувственностию и лжемудрствованием»). Заметку Пушкин хотел напечатать анонимно, поэтому он называет себя в ней в третьем лице. «Думаю, что критик ошибся. Многие того же мнения, иные даже указывали на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в своем странном стихотворении. Кажется, они неправы, по крайней мере вижу я в „Демоне" цель иную, более нравственную.

В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало-помалу вечные противуречия существенности рождают в нем сомнения, чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрассудки души. Недаром великий Гете называет вечного врага человечества *духом отрицающим*. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух *отрицания или сомнения*, и в сжатой картине начертал отличительные признаки и печальное влияние оного на нравственность нашего века».

Упоминание о Гете указывает на ближайшую традицию, к которой восходит образ пушкинского демона, — изображение Мефистофеля в «Фаусте», за которым стоит и ряд других воплощений аналогичного образа в европейских литературах. «Демон» сыграл важную роль в эволюции творчества Пушкина от «Кавказского пленника» к «Евгению Онегину» (при работе над 2-й гл. «романа в стихах» варьировались некоторые мотивы предварявших пушкинское стихотворение набросков). Пушкин был недоволен публикацией Мн.; в письме брату 4 декабря 1824 г. он писал: «Не стыдно ли Кюхле ⟨В. К. Кюхельбекеру, соиздателю Мн.⟩ напечатать ошибочно моего „Демона"! моего „Демона"! после этого он и „Верую" напечатает ошибочно...» (аналогия с Символом веры указывает на значение, которое придавал Пушкин своему стихотворению). Перепубликация стихотворения в СЦ вызвана стремлением исправить погрешности в тексте, помещенном в «Мнемозине...».

IV. ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

(С. 93)

Впервые опубл.: МТ. 1825. Ч. 1. № 1. С. 49. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 90 (Разные стихотворения, XXIII). Перепеч.: Собрание Российских стихотворений: В пользу юношества, воспитываемого в Учебном Округе Имп. Виленского Университета. Вильно, 1827. С. 381—382; Венера... Ч. 3. С. 62—63, а также с нотами Н. И. Бахметьева (1833).

*Варианты** МТ и СП

3 Ямщик лихой, седое время (МТ)
5 С утра садимся мы в телегу, (МТ, СП)
6а Мы погоняем с ямщиком, (МТ)
6 Мы погоняем с ямщиком (СП)
7 И презирая лень и негу,

* Условия данного издания не позволяют воспроизвести отличия в тексте стихотворения, связанные с написанием слова «телега»: в МТ буква «ять» стояла на втором, а в СП на первом слоге. В СП$_1$ в обоих случаях употреблена буква «е».

8а Кричим: «валяй по всем, по трем!» (МТ)
б Кричим: валяй по всем, по трем! (СП)
9 Но в полдень нет уж той отваги, (МТ, СП)
10 Порастрясло нас, нам страшней
11а Кричим: «полегче, дуралей!» (МТ)
б Кричим: потише, дуралей! (СП)
13 Катит по прежнему телега;
15 И дремля едем до ночлега —
16а А время гонит лошадей.... (МТ)
б И время гонит лошадей. (СП)

Стихотворение было послано Пушкиным П. А. Вяземскому в письме от 29 ноября 1824 г.: «Знаешь ли ты мою „Телегу жизни"? ⟨...⟩ Можно печатать, пропустив русский титул»; с этим замечанием связано изменение ст. 8 (слово «валяй», сохраненное и в СП, имелось в приведенном в письме Пушкина тексте стихотворения). Несмотря на данное им разрешение печатать стихотворение, Пушкин, видимо, сомневался в осуществимости его публикации; в письме Вяземскому 25 января 1825 г., упомянув вышедший № 1 МТ, он задавал вопрос: «Что там моего? „Море" или „Телега"?», а в письме тому же адресату 19 февраля 1825 г. спрашивал: «Где же Телеграф обетованный? Ты в самом деле напечатал „Телегу", проказник?» Колебался Пушкин и во время подготовки СП («Телегу жизни напечатать ли?»).

V. НОЧЬ
(С. 94)

Впервые опубл.: СП. С. 131 (Подражания древним, IX).

Варианты СП

8 Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя!..
В беловом автографе имеется дата над текстом стихотворения:
26 окт. 1823. Одесса.

1824

I. «ТЫ ВЯНЕШЬ И МОЛЧИШЬ; ПЕЧАЛЬ ТЕБЯ СНЕДАЕТ...»
(С. 95)

Впервые опубл.: СП. С. 21 (Элегии, XII).

Варианты СП

Заглавие Ты вянешь и молчишь. *Подражание Ан. Шенье.*
5 Грустить. О, я знаток в девической печали!
10 Не властвует конем по прихоти своей!

Стихотворение представляет собой вольный перевод V элегии французского поэта А. Шенье (подробнее о нем см. ниже в примеч. к «Андрею Шенье») «Девушка, с нами

твое сердце молчит...» («Jeune fille, ton coeur, avec nous veut se taire...»). Тематически перекликается оно и со стихотворением Пушкина «Дионея» (1821), особенно в его первопечатной редакции (см. выше).

II. ПРОЗЕРПИНА

(С. 96—97)

Впервые опубл.: СЦ на 1825 г. ... С. 293—295. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 76—77 (Разные стихотворения, XV).

Варианты СЦ

2 Своды Тартара дрожат,
4 Быстро к Нимфам Пелиона
5 Из Аида бога мчат.
7 Прозерпина, вслед за ним,
12 (И богиням льстит измена!):
14 Ада гордая Царица
16 Обняла — и колесница
17 Уж к Аиду их несет!
23 Там утехам нет конца!
28 Сокровенные красы;
31 Но бегут любви часы,
33 Своды Тартара дрожат:
38 Из Элизия выводит,

В беловой рукописи дата: 26 августа 1824 г. (первый черновой автограф — 1821 г.) и заглавие «Подражание Парни». Имеется в виду 27-я картина произведения Э. Парни «Переодевания Венеры. Картины в подражание древним» («Les Déguisements de Venus. Tableaux imités du grec»), вольным переводом которой и является «Прозерпина». Любовь Прозерпины к юноше-пастуху (Миртису) вымышлена Парни, в греческой мифологии богиня остается верной Плутону.

Флегетон (Перифлегетон) — в античной мифологии огненная река, омывающая царство мертвых Аид (у Пушкина также «ад»).

Тартар — обиталище грешников в Аиде.

Плутон — бог — владыка подземного царства (Аида).

Пелион — гора в северной Греции.

Прозерпина (Персефона) — жена Плутона, дочь богини плодородия Цереры (Деметры).

Элизей (Элизий) — обиталище блаженных в Аиде.

Лета — см. примеч. к стихотворению «Люблю ваш сумрак неизвестный...»

Сновидений ложный рой — образ из концовки VI песни «Энеиды». В Аиде двое ворот: роговые для вещих снов и из слоновой кости — для ложных. Эней, как и герой «Прозерпины», выходит через вторые. У Парни сны «счастливые».

III. К МОРЮ

(С. 98—99)

Впервые опубл.: Ми. 1825. Ч. 4. С. 102—104. Подп.: А. Пушкин. Ст. 45—51 впервые привел П. А. Вяземский в Прибавлении к статье В. Скотта «Характер лорда

Бейрона» (МТ. 1825. Ч. 1. № 1. С. 39). В СП на с. 83—86 (Разные стихотворения, XX). Перепеч.: Радуга, или Карманная книжка для любителей и любительниц чтения на 1833 г. М., 1832. С. 94—97.

Варианты Мн. и СП

8 Услышал я в последний раз! —
9 Моей души предел желанный,
12 Заветным умыслом томим! —
16 И своенравные порывы! —
19а Скользит отважно средь зыбей; (Мн.)
б Скользит беспечно средь зыбей: (СП)
20 Но ты взыграл неодолимый,
21 И тонет стая кораблей —
23 Мне скучный неподвижный брег,
26 Мой поэтический набег! (*опеч.?*)
27 Ты ждал, ты звал: я был окован!
28 Вотще рвалась душа моя;
29 Могущей страстью очарован
30 У берегов остался я!
32а Я путь беспечный устремил, (Мн.)
б Я путь отважный устремил? (СП)
33 Один предмет в твоей пустыне,
34 Мою бы душу поразил, —
35 Одна скала, гробница славы!
37 Воспоминанья величавы,
38 Там угасал Наполеон! —
39 Там он почил среди мучений!....
40 И в след за ним, как бури шум,
41 Другий от иас умчался гений,
42а Другой властитель наших дум!
Байрои. (Мн.)
б Другий властитель наших дум. (СП)
44 Оставя миру свой венец —
45 Реви, волнуйся непогодой, (Мн., МТ)
46а Он был, о море, твой певец! (МТ)
б Он был, о море! твой певец;
49 Как ты могущ, глубок и мрачен,
50 Как ты ничем неукротим! —
51—54а* Мир опустел . . . .
. . . . (Мн.)
б Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес океан?
. . . .
. . . . (СП)

---

* К ст. 51 в Мн. примечание: «В сем месте Автор поставил три с половиною строки точек. Издателям сие Стихотворение доставлено кн. П. А. Вяземским в подлиннике и здесь отпечатано точно в том виде, в каком оно вышло из-под пера самого Пушкина. Некоторые списки оного, ходящие по городу, искажены нелепыми прибавлениями. *Изд.*».

55 Прощай же море! не забуду (Мн.)
58 Твой шум в вечерние часы!
61 Твои скалы, твои заливы (Мн., СП)
62а И блеск и тень и говор волн! (Мн.)
б И блеск и тень и говор волн. (СП)

Стихотворение биографически связано с переездом Пушкина из Одессы в новую, михайловскую, ссылку. Его первая редакция, ограничившаяся лирической темой прощания с морем, была написана еще на юге; завершалась работа над ним уже в Михайловском, где осенью 1824 г. были написаны центральные по значению строфы о Наполеоне и Байроне. Посылая стихотворение в письме от 8 или 10 октября 1824 г. П. А. Вяземскому, неоднократно побуждавшему его откликнуться на смерть Байрона, Пушкин писал: «Посылаю тебе маленькое поминаньице за упокой души раба Божия Байрона — я было и целую панихиду затеял, да скучно писать про себя — или, справляясь в уме с таблицей умножения, глупости Бирукова, разделенного на Красовского». В упомянутом выше Прибавлении к статье В. Скотта в «Московском Телеграфе» Вяземский весьма положительно откликнулся на стихотворение «К морю» («Прощание с морем»): «Никто из поэтов, принесших дань памяти Бейрона, не изобразил его так правдиво и сильно, как наш Пушкин...» Упоминание в цитированном письме славившихся своей тупой придирчивостью цензоров объясняет пропуск в печатном тексте большей части строфы 13:

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба земли повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещенье иль тиран.

Примечание в Мн., отводя подозрения цензуры, носило явно защитный характер; отсылка к спискам, искажающим стихотворение, указывала на реальный факт. Появилось не только большое количество списков стихотворения «К морю», но в некоторых из них действительно встречались произвольные изменения, искажавшие пушкинский текст. Возможно, что, дополнив в СП текст строфы 13 полутора стихами, Пушкин указывал на то, что опущенные стихи всё же существуют, однако в СП$_1$ вернулся к прежней редакции как более художественно выразительной. Изъятие большей части строфы существенно обеднило тему стихотворения, ослабив пессимистические мотивы, связывавшие его с настроениями периода кризиса 1823—1824 гг. (ср. «Свободы сеятель пустынный»); романтическая тема «просвещения», как и тема «тирана», выступающего как враждебная людям сила, соотносима с проблематикой одновременно завершавшейся поэмы «Цыганы». В Мн. стихотворение напечатано без разделения на строфы.

Заветным умыслом томим — имеется в виду задуманное Пушкиным бегство из России морем; см. в письме брату (январь—нач. февраля 1824 г.): «... не то взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь. Святая Русь мне становится невтерпеж».

Одна скала, гробница славы — о. Св. Елены (ср. выше примеч. к «Наполеону»).

Другой от нас умчался гений — речь идет о смерти 19 (7) апреля 1824 г. английского поэта Д. Г. Байрона; краткая запись о ней занесена Пушкиным на обороте обложки рабочей тетради, в которой находятся и черновые рукописи стихотворения «К морю».

Исчез, оплаканный свободой — Байрон умер в Миссолунгах в Греции, в борьбе за освобождение которой он принимал участие.

IV. КОВАРНОСТЬ

(С. 100)

Впервые опубл.: МВ. 1828. Ч. 8. № 6. С. 136—137. Подп.: А. Пушкин.

Варианты МВ:

5 Как на тебя взор острый пригвоздя,
6 Качает он с презреньем головою; —
8 Он мучится безумною тоскою».
16 Употреблял на злобное гоненье, —
20 В его тоске, рыданьях, униженье, —
22 Ты про него невидимо был эхом, —
24 И сонного врагу предал со смехом, —
26 Всё тайное своим печальным взором; —
27 Тогда ступай, не трать пустых речей:

В черновом автографе стихотворение датировано: 18 окт⟨ября⟩ 1824. Мих⟨айловское⟩. Поводом к его созданию, вероятно, послужили интриги А. Н. Раевского (см. выше, примеч. к «Демону»), ревновавшего поэта к гр. Е. К. Воронцовой и способствовавшего его высылке из Одессы.

V. Д***у

(С. 101)

Впервые опубл.: МВ. 1829. Ч. 1. С. 107. Подп.: А. Пушкин.

Варианты МВ

Заглавие Д... у. На приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма. (1824)
11 Пускался в море наконец,
12 Ему Гораций, умный льстец

Стихотворение обращено к А. Л. Давыдову (1773—1833), одному из владельцев Каменки, генерал-майору в отставке. В нем отразилось свойственное Пушкину несколько ироничное отношение к адресату — толстому, добродушному гурману, лишенному общественных интересов, которыми жило его окружение (его брат В. Л. Давыдов был видным декабристом). В 1830-е гг. («Table-Talk») Пушкин сравнил А. Давыдова с героем Шекспира Фальстафом: «*** был второй Фальстаф: сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, слезлив и толст». Подзаголовок в оглавлении СП$_1$ указывает на повод к созданию стихотворения: Давыдов звал Пушкина принять участие в поездке в Крым, организованной М. С. Воронцовым, который, ожидая решения об удалении поэта из Одессы, исключил его из числа приглашенных.

Аристип (Аристипп, ок. 435—383 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа, считавший высшей ценностью наслаждение; имя его стало нарицательным.

Твой милый хрип — имеется в виду свойственная столичным гвардейским офицерам, к которым принадлежал и Давыдов (до отставки полковник Кавалергардского полка), особая манера речи.

Когда чахоточный отец

Немного тощей Энеиды — имеется в виду римский поэт Публий Вергилий Марон (70—19 гг. до н. э.), автор героической поэмы «Энеида», написанной в подражание «Илиаде» и «Одиссее», но, по традиционному суждению, всё же не равной своим образцам («немного тощей»). С юности Вергилий отличался слабым здоровьем (как предполагают, болел туберкулезом легких — отсюда «чахоточный»).

Пускался в море наконец — речь идет о предсмертном путешествии Вергилия в Грецию с целью посетить места действия своей поэмы. К его отъезду Гораций написал оду «К кораблю Вергилия» (I, 3).

VI. «НОЧНОЙ ЗЕФИР...»

(С. 102)

Впервые опубл.: Литературный Музеум на 1827 г. Владимира Измайлова (далее — ЛМ). М. 1827. С. 320 и нотное прилож. (музыка А. Н. Верстовского). Подп.: А. Пушкин; МВ. 1827. Ч. 2. № 8. С. 312—313 с примеч.: «Романс сей напечатан был в Литературном Музеуме с ошибками, а здесь помещается с поправками». Подп.: А. Пушкин. Многократно перепеч.: Эвтерпа: Подарок любительницам и любителям пения на 1828 г. ... С. 47—48; Эрато, приношение прекрасному полу, или Собрание новейших отборных и употребительнейших романсов и песен. М., 1829. С. 75—76; Новейшее собрание романсов и песен, избранных из лучших авторов... М., 1830. Ч. 1. С. 13—14; Полный новейший песенник в тринадцати частях, содержащий в себе собрание всех лучших песен известных наших авторов... М., 1835. Ч. 3. С. 64—65 и др., а также с нотами Н. С. Титова (1831) и А. Есаулова (1834).

Варианты ЛМ и МВ

Заглавие а	Испанская песня (ЛМ)
б	Гишпанская песня (ЛМ, *прилож.*)
в	Испанский Романс (МВ)
1, 10, 19	Ночной Зефир (ЛМ, МВ)
2	Струит эфир,
Вместо 3—4	Бежит, шумит (ЛМ)
5	Вот взошла луна златая. (МВ)
6а	Тише, чу! гитары звон, (ЛМ) *
б	Тише... чу!... гитары звон... (МВ)
7	И Гишпанка молодая
Вместо 10—14 и 19—23	Ночной Зефир и проч.
15	Сбрось мантилью, друг мой милый
16а	И явись как яркий день; (ЛМ)
б	И явись как яркой день, (МВ)
18	Ножку милую продень. (ЛМ)

В черновом автографе стихотворение датировано: 13 нояб⟨ря⟩ ⟨1824⟩.

Зефир — в античной мифологии имя бога западного ветра; здесь: легкий, теплый западный ветер.

Гвадалквивир — река на юге Испании.

* В ЛМ строфы 2—4 переставлены местами.

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ

(С. 103—108)

Впервые опубл.: СП. С. 175—192 (самостоятельный раздел); СЦ на 1826 г. ... С. 9 отд. «Поэзия» (IV. «С тобою древле, о Всесильный...»). Подп.: А. Пушкин. Перепеч. (IV): Опыт Руской анфологии... С. 58.

Варианты СП и СЦ

Заглавие Подражания Корану. (Посвящено П. А. Осиповой) (СП)

I. 3 Клянуся утренней зарёй,
16 Дрожащей твари проповедуй!

II. 1 О жены чистые пророка!
5 Живите скромно! Вам пристало
8 Для нег законных и стыдливых!
10 Не узрит вашего лица!
12 Стекаясь к трапезе его,
14 Смутить пророка моего!
20 Его невольниц молодых!

III. 18 Благословив его труды (СП)

IV. 4 Но ты, Господь, его смирил:
12 От слова гнева твоего: (СЦ)
14 С заката подыми его!

V. 4 И не подавят нас собой!
15 Да притечем и мы ко свету

VI. 13 Прельстясь добычей боевою
15 Рекут: возмите нас собою,

VII. 1 Восстань, боязливый!

IX. 7 И к пальме пустынной он бег устремил
21 Уж пальма истлела, а кладезь холодный
23 Давно занесенный песками степей,
27 И странное чудо тогда совершилось:
30 Вновь кладезь наполнен прохладой и мглой. (СП)

Примечания (10—14);* 13 (4). Из книги *Слепец* (*Тифля*). Вот почему слово сие почитается у Турков за жесточайшую брань. (СП)

Цикл «Подражаний Корану» представляет собой вольное переложение фрагментов из разных сур (глав) священной книги мусульман Корана, с которыми Пушкин знакомился по русскому переводу М. И. Веревкина («Книга Алькоран, аравлянина Магомета...» СПб., 1790) и французскому переводу Савари (1822). Перевод Веревкина, осуществленный с французского языка, был ориентирован на стиль славянской Библии, что определило во многом стилевое решение пушкинских «Подражаний...», примыкающих отчасти к традиции русских «духовных од» XVIII в. К обращению к Востоку и его поэзии Пушкин был подготовлен работой над поэмой «Бахчисарайский фонтан»; подход поэта к передаче восточного колорита в ней был обоснован в письме П. А. Вяземскому конца марта—начала апреля 1825 г.: «Слог восточный был для меня образцом, сколько

* В СП примечания к «Подражанию Корану» не выделены и даны в общей нумерации.

возможно нам, благоразумным, холодным европейцам. Кстати еще — знаешь, почему не люблю я Мура? — потому что он чересчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европеец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор европейца». Замечание это, и в частности критика восточных поэм ирландского поэта Т. Мура, объясняет и принципы создания «Подражаний Корану». В начале ноября 1824 г. Пушкин сообщает брату: «Я тружусь во славу Корана...» И в том же письме отмечал: «Я в Михайловском редко...», имея в виду нелады с отцом, С. Л. Пушкиным, взявшим на себя осуществление надзора за опальным сыном, что привело к резким объяснениям между ними. В результате основная работа над циклом велась в имении П. А. Осиповой Тригорском; этим объясняется посвящение ей «Подражаний Корану».

I. В основу положена сура 93 «Утро» (в переводе Веревкина «Солнце восходящее»); но использованы также и другие места Корана, например начальные стихи восходят к суре 89 («Заря»).

II. Содержание стихотворения восходит к суре 33 «Сонмы» (в переводе Веревкина «Артели или участки людей ратных»). В примечании к стихотворению дается свободный перевод ст. 53 названной суры.

III. Переложение суры 80 «Нахмурился» (в переводе Веревкина «Слепой»). В примечании к этому стихотворению в СП допущена неточность: слово «тифля» (слепой) — новогреческое, употребляемое и как ругательное. К Корану оно не имеет никакого отношения. Вероятно, этим объясняется то, что в $СП_1$ Пушкин снял данное примечание.

IV. Подражание восходит к ст. 260 суры 2 «Корова» («Крава» у Веревкина); Пушкин видоизменил его сюжет, изображая спор «могучего» с Господом, в Коране же описано прение «того, который не верил», с Ибрахимом (Авраамом), утверждающим величие Аллаха.

V. Текст данного подражания не воспроизводит конкретного места Корана, но восходит к разным его мотивам. См. суры 21 «Пророки» («Пророк» у Веревкина), 24 «Свет» (у Веревкина «Сияние»), 31 «Лукман» (в переводе Веревкина «Создатель»), 55 «Милосердие» и 5 «Трапеза» («Брашна» у Веревкина).

VI. Свободное переложение суры 48 («Победа»). Имеется в виду завоевание Магометом Мекки (630 г.).

VII. Восходит к начальным стихам суры 73 («Завернувшийся»; у Веревкина «Робкий»).

VIII. Переложение отрывка суры 2 («Корова»).

IX. Сюжет стихотворения восходит к отдельным мотивам ст. 261 суры 2 («Корова»), но разработан Пушкиным самостоятельно.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

1825

I. АНДРЕЙ ШЕНЬЕ
(С. 111—114)

Впервые опубл.: СП. С. 29—35 (Элегии, XVII).

Варианты СП

Заглавие Андрей Шенье. (Посвящено Н. Н. Раевскому)
1 Меж тем, как изумленный мир
3 И хору европейских лир
25 ...Не узрю вас, дни славы, дни блаженства!
37 Оплачьте, милые, мой жребий в тишине!
38 Стремитесь возбудить слезами подозренье!
44 Всей младости моей. Надежды и мечты
45 И слезы и любовь, друзья, сии листы
47 Молю, найдите их! Невинной музы дани
48 Сберите! Строгий свет, надменная молва
50 Безвременно падет! Мой недозрелый гений
51 Для славы не свершит возвышенных творений.
56 И долго слушая, скажите: это он!
57 Вот речь его! А я, забыв могильный сон,
61 Любовью. Может быть, и *Узница* моя,
66 Промчалось перед ним. Красавиц томны очи
67 И песни и пиры и пламенные ночи,
78 Свободу и друзей и сладостную лень?
80 Когда ж, вакхальною тревогой утомясь
90 Где страсти дикие, где буйные невежды
91 И злоба и корысть! Куда, мои надежды,
99 Погибни, голос мой! И ты, о призрак ложной,
102 Гордись и радуйся, поэт!
104 Перед позором наших лет:
105 Ты презрел мощного злодея.
120 Гордись, гордись, певец! А ты, свирепый зверь,
121 Моей главой играй теперь!
130 Теперь иду... пора... но ты ступай за мною!
138 Зовут... Постой, постой! День только, день один:

Написанное в жанре исторической элегии стихотворение посвящено судьбе французского поэта конца XVIII в. А. Шенье (1762—1794), казненного во время якобинской диктатуры по обвинению в монархическом заговоре (А. Шенье, приветствовавший начальный этап Великой Французской революции, занимал умеренную позицию; во время процесса Людовика XVI выступал в его защиту, резко осудил якобинскую диктатуру). Но образ французского поэта в стихотворении воссоздается так, что за ним встает и судьба самого Пушкина — поэта-изгнанника, жертвы тирании (см. эпиграф, заимство-

ванный из стихотворения Шенье «Молодая узница»). О возможности такого прочтения сам Пушкин писал П. А. Вяземскому в письме 13 июля 1825 г. вскоре после написания стихотворения: «Читал ты моего „А. Шенье в темнице“? Суди об нем как езуит — по намерению». («Андрей Шенье в темнице» — первоначальное заглавие стихотворения). Вместе с тем образ Шенье сохраняет свою историчность и создается на основе его реального поэтического облика — в стихотворении и примечаниях к нему имеются явные и скрытые отсылки к ряду произведений поэта. Для примечаний к стихотворению предназначалась краткая заметка Пушкина об А. Шенье: «A⟨ndré⟩ Ch⟨énier⟩ погиб жертвою фр⟨анцузской⟩ револ⟨юции⟩ на 31 году от рождения. Долго славу его составляло нес⟨колько⟩ сл⟨ов⟩, сказан⟨ных⟩ о нем Шатобрианом, два или три отрывка ⟨в древнем элегическом роде, Ода Младой Узницы⟩ и общее сожаление об утрате всего прочего. — Наконец творения его были отысканы и вышли в свет 1819 года. — Нельзя воздержаться от горестного чувства». Пушкин вкратце характеризует здесь писательскую судьбу А. Шенье: лишь единичные его произведения (главным образом публицистические статьи периода революции) были напечатаны при его жизни и вскоре после его гибели; краткое сочувственное напоминание о нем как о жертве революции в «Гении христианства» Ф. Р. Шатобриана (1802) надолго предварило подробное знакомство с его поэзией, состоявшееся благодаря публикации его сборника, прославившего имя поэта (в предисловии А. де Латуша сообщались и основные биографические сведения о Шенье). Пушкин, по-видимому, вскоре же с ним ознакомился, и с этого времени его интерес к жизни и поэзии А. Шенье становится и прочным, и постоянным. Какую-то роль в этом, если не знакомстве, то в более пристальном внимании к поэзии Шенье сыграл друг Пушкина Н. Н. Раевский-младший, чем и объясняется посвящение ему стихотворения (три первые строфы, в $СП_2$ отделенные звездочкой, чего не было в СП, обращены к нему; см. письмо Пушкина П. А. Плетневу 19 июля 1825 г.). В СП и $СП_2$ «Андрей Шенье» был напечатан не полностью; цензура изъяла из него 45 стихов. Во-первых, это большой фрагмент (начало первого монолога героя), описывающий события Французской революции:

Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило.
Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развеял пеплом и стыдом;
Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластию бестрепетный ответ.
Я зрел, как их могущи волны
Всё ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек, восторга полный,
Перерождение земли.
Уже сиял твой мудрый гений,
Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнанников входили славны тени,
От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,

На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: *Блаженство*!
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет, — не виновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой;
Но ты придешь опять со мщением и славой, —
И вновь твои враги падут;
Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Всё, ищет вновь упиться им;
Как будто Вакхом разъяренный,
Он бродит, жаждою томим;
Так — он найдет тебя. Под сению равенства
В объятиях твоих он сладко отдохнет;
Так буря мрачная минет!
Но я не узрю вас, дни славы, дни блаженства: —

Во-вторых, это ст. 110 (в СП и $СП_2$): «Сих палачей самодержавных». Примененный к якобинцам эпитет (в глазах цензора) мог вызвать ассоциации с русской политической действительностью. Изъятый цензурой отрывок «Андрея Шенье» имел свою судьбу; после восстания декабристов он стал ходить под произвольным заглавием «На 14 декабря», и это привело к политическому процессу по делу о его распространении, к разбирательству которого был привлечен и Пушкин, несколько раз вынужденный давать по нему показания. В частности, объясняя причины распространения не вошедшего в состав окончательного текста отрывка из «Андрея Шенье», Пушкин писал, что стихотворение его «было всем известно *вполне* гораздо прежде его напечатания, потому что я не думал делать из него тайну». Объяснения Пушкина были сочтены дерзкими и неудовлетворительными, и для поэта дело окончилось установлением за ним секретного полицейского надзора. В своих показаниях, отводя обвинение в том, будто стихи его имеют в виду недавние политические события в России, Пушкин дал свой комментарий к ним: «Они явно относятся к Французской революции, коей А. Шенье погиб жертвою. *Он* говорит:

Я славил твой небесный гром,
Когда он разметал позорную твердыню.

Взятие Бастилии, воспетое Андреем Шенье.

Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластию бестрепетный ответ —

Присяга du jeu de paume,* и ответ Мирабо: allez dire à votre maître etc.**

---

* игры в мяч (франц.)
** скажите вашему господину и т. д. (франц.)

И пламенный трибун и проч.

Он же, Мирабо.

Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнанников входили славны тени.

Перенесение тел Вольтера и Руссо в Пантеон.

Мы свергнули царей...

в 1793

Убийцу с палачами
Избрали мы в цари

Робеспьера и конвент».

Пушкин упоминает здесь, в частности, известный эпизод из истории Французской революции, когда депутаты Генеральных Штатов, провозгласившие себя Национальным Собранием (их заседания проходили в зале для игры в мяч) и поклявшиеся не расходиться до тех пор, пока не будет принята Конституция, отказались повиноваться приказу разойтись, и Мирабо произнес ставшие знаменитыми слова (начало их приводится поэтом): «Идите и скажите своему господину, что мы находимся здесь — по воле народа и оставим наши места, только уступая силе штыков». Говоря о перенесении праха Руссо в Пантеон (имея в виду слова Шенье), Пушкин допустил анахронизм: это событие произошло уже после казни поэта 11 октября 1794 г.

Меж тем как изумленный мир
На урну Байрона взирает — см. примеч. к стихотворению «К морю».
Певцу возвышенной мечты — в письме П. А. Плетневу ок. 19 июля 1825 г. Пушкин предложил поправку этого стиха: *Несу надгробные цветы*, — но поправка не была учтена в СП и не была введена в $СП_2$; в современных изданиях сочинений Пушкина данный стих включен в основной текст стихотворения.

О брате сожалеть не смеет ныне брат — намек на брата поэта, известного драматурга М. Ж. Шенье, расходившегося с ним в политической позиции.

Узница моя — имеется в виду написанное в тюрьме стихотворение Шенье «Молодая узница», посвященное Эме де Куаньи (см. примеч. Пушкина — с. 207—208).

Ты пел Маратовым жрецам

Кинжал и деву-эвмениду! — подразумевается стихотворение Шенье «Шарлотте Кордэ, казненной 18 июля 1793 г.», но стихи эти одновременно отсылают и к стихотворению самого Пушкина «Кинжал» (1821), в котором в близких выражениях воспевается убийство Марата Ш. Кордэ как акт тираноборчества: «Но вышний суд ему послал Тебя ⟨кинжал⟩ и деву Эвмениду».

Твой стих свистал по их главам — см. примеч. Пушкина, в котором упоминаются «Ямбы» Шенье — цикл стихотворений, обличавших якобинцев и их террор; ср. в цитате из Латуша в примечании Пушкина (Колло д'Эрбуа — один из видных якобинцев, член возглавлявшегося Робеспьером Комитета общественного спасения).

Когда святой старик... — К. Г. Мальзерб, защитник короля перед Конвентом; А. Шенье содействовал защите Людовика XVI, написав текст его послания Конвенту (см. в примеч. Пушкина цит. из биографии А. Шенье, написанной Латушем).

И час придет... и он уж недалек

Падешь, тиран! — пророчество Шенье о неизбежной гибели Робеспьера в контексте стихотворения приобретало и злободневную политическую окраску, особенно после смерти Александра I; см. в письме Пушкина П. А. Плетневу 4—6 декабря 1825 г.: «Душа! я

пророк, ей-Богу пророк! Я „Андрея Шенье" велю напечатать церковными буквами во имя Отца и Сына...»

...Постой, постой; день только, день один

И казней нет, и всем свобода — А. Шенье был казнен накануне переворота 9 термидора, свергнувшего Робеспьера; но произошел он не на другой день после казни поэта, как ошибочно полагал Пушкин (казнь состоялась не 8-го, а 7-го термидора II г. по французскому революционному календарю, т. е. 25 июля 1794 г.).

Он славу именует — см. 7 примеч. Пушкина; последние слова А. Шенье поэт применил к себе в письме П. А. Вяземскому второй половины ноября 1825 г.: «Грех гонителям моим. И я, как А. Шенье, могу ударить себя в голову и сказать: Il y avait quelque chose là... извини эту поэтическую похвальбу...»

Примечания к «Андрею Шенье» в части тиража $СП_2$ были пропущены, и на это обратил внимание рецензент «Московского Телеграфа» (1829. Ч. 28. № 13), имевший дело с подобным экземпляром: «Заметим, что в стихотворении *Андрей Шенье* выставлены цифры, указующие на примечания, но в настоящем издании сих примечаний нет. Это недосмотр Гг. Издателей». В данном издании эти примечания А. С. Пушкина, как и его переводы иноязычных текстов, воспроизведены в конце Второй части — см. с. 207—208.

II. СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО

(С. 115)

Впервые опубл.: СП. С. 24 (Элегии, XIV). Перепеч.: Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. М., 1831. Ч. 3. С. 80—81; Весенние Цветы, или Собрание романсов, баллад и песен. М., 1835. С. 103—104.

Варианты СП

2 Как долго медлил я! Как долго не хотела
4 Но полно, час настал: гори, письмо любви!
7 Минуту... вспыхнули... пылают... легкий дым
10 Растопленный сургуч кипит... О провиденье,
15 Останься век со мной иа горестной груди!

Стихотворение, написанное в 1824 г., связано с чувством поэта к Е. К. Воронцовой, письма от которой, по свидетельству П. В. Анненкова со слов сестры Пушкина О. С. Павлищевой, приходили в Михайловское. См. запись среди рукописей «Евгения Онегина» в рабочей тетради поэта: 5 сентября 1824. Une lettre de E⟨lise⟩ W⟨oronzoff⟩.* В стихотворении отразилось знакомство Пушкина с элегией XVI французского поэта К. Маро (1496—1544).

III. ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

(С. 116)

Впервые опубл.: Соревнователь Просвещения и Благотворения... (далее — Сор.). 1825. Ч. 30. № 6. С. 299—300. Подп.: Александр Пушкин. В СП на с. 27—28 (Элегии, XVI).

---

* Письмо от Е. Воронцовой (франц.). EW — монограмма, которой подписывалась Воронцова.

Варианты Сор. и СП

Заглавие Желание славы. (Элегия)
3 Я на тебя глядел и думал: ты моя!
4а Ты знаешь, милая, желал ли славы я. (Сор.)
6 Ты знаешь, милая, желал ли славы я! (СП)
6 Скучая суетой и званием поэта,
12 Шептала ты: скажи, ты любишь? ты счастлив? (Сор.)
18 Не придет никогда. И чтоже? Слезы, муки, (СП)
20 Обрушилося вдруг... Что я? где я? Стою
22 И всё передо мной затмилося... И ныне
23 Отсутствует (Сор.)

Стихотворение связывается с гр. Е. К. Воронцовой.
... Слезы, муки,
Изгнанье, клевета... — см. примеч. к стихотворению «Коварность».

IV. ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ
(С. 117)

Впервые опубл.: СП. С. 79 (Разные стихотворения, XVII).

Варианты СП

2 Раздайтесь, вакхальны припевы!

Стихотворение ориентировано на античный дифирамб; заглавие связывает его с культом Диониса (Вакха); однако не в меньшей степени «Вакхическая песня» связана и с пушкинской современностью, ритуалами, которых придерживались в близком дружеском круге поэта в конце 1810-х—нач. 1820-х гг., в частности, вероятно, в «Зеленой лампе».

V. «ЕСЛИ ЖИЗНЬ ТЕБЯ ОБМАНЕТ...»
(С. 118)

Впервые опубл.: Московский Телеграф (далее — МТ). 1825. Ч. 5. № 17. С. 37. Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: Опыт Руской анфологии... С. 171; Листки граций, или Собрание стихотворений для Альбомов. М., 1829. С. 3 и с нотами А. А. Алябьева (1829, 1831).

Варианты МТ и СП

Заглавие а Стихи в Альбом. (МТ)
б В альбом (СП)

1 Если жизнь тебя обманет,
2 Не печалься, не сердись; (МТ)
3 В день уныния смирись! (СП)

Стихотворение написано Пушкиным в альбом Е. Н. Вульф (1809—1883), в то время пятнадцатилетней барышни, дочери П. А. Осиповой, владелицы Тригорского.

VI. САФО
(С. 119)

Впервые опубл.: СП. С. 126.

Варианты СП

Заглавие Юноша
Заглавие в оглавл. Юноша. *Сафо*

Оригинальное антологическое стихотворение Пушкина, навеянное мотивами легендарной истории любви древнегреческой поэтессы Сафо (Сапфо; V в. до н. э.) к прекрасному юноше Фаону. Согласно легенде, Сафо, оставленная возлюбленным, бросилась с Левкадской скалы в море. Сюжет этот разработан Овидием в героиде XV (Сафо — Фаону).

VII. КОЗЛОВУ
(С. 120)

Впервые опубл.: СП. С. 156—157 (Послания, IX). Перепеч.: Русская стихотворная хрестоматия. Собр. Васильем Золотовым. М., 1829. Ч. 1. С. 161.

Варианты СП

13 И вновь живешь и обнимаешь

Стихотворение в беловой рукописи датировано 15 мая 1825 г. В СП и $СП_2$ оно напечатано с цензурным искажением 9 стиха; должно читаться: *Небесным пением твоим.* Оно обращено к поэту И. И. Козлову (1779—1840), приславшему Пушкину свою поэму «Чернец» с собственноручною надписью. К поэтическому творчеству Козлов обратился в 1821 г., после того как его постиг тяжелый недуг, — он был разбит параличом и ослеп. Козлов высоко ценил Пушкина. П. А. Плетнев писал ему 22 января 1825 г.: «Он твоим словом больше дорожит, нежели всеми громкими похвалами». И стихотворение Пушкина выражает не только чувство симпатии к несчастному поэту, но и искреннее восхищение его поэмой. В письме Л. С. Пушкину (первая половина мая 1825 г.) он писал: «Подпись слепого поэта тронула меня несказанно. Повесть его прелесть ⟨...⟩ Послание, может быть, лучше поэмы — по крайней мере ужасное место, где поэт описывает свое затмение, останется вечным образцом мучительной поэзии. Хочется отвечать ему стихами...» Послание, о котором говорит Пушкин, — стихотворение Козлова «К другу В. А. Жуковскому по возвращении его из путешествия», напечатанное вместе с «Чернецом». Описание «затмения» поэта в его послании отразилось и в стихотворении Пушкина. Ср.:

И новый мир мне предстоит;
Я в нем живу, я в нем мечтаю,
Почти блаженство в нем встречаю... —

и ст. 11—13 пушкинского стихотворения. Послание Пушкина глубоко тронуло адресата. В письме поэту Козлов писал: «Я не в силах выразить вам то необыкновенное удовольствие, которое доставили мне ваши прелестные стихи; это было поистине упоительное мгновение в моей жизни, и я горячо благодарю вас за него. Не мой слабый талант, но восхищение перед вашим дарованием и искренняя привязанность, которую я к вам питаю, оправдывает первое полустишие 7-го стиха; еще раз спасибо, большое спасибо: оно тронуло меня до глубины души!» (с франц.).

VIII. К***

(С. 121)

Впервые опубл.: Северные Цветы на 1827 г. ... (далее — СЦ). С. 341—342. Подп.: А. Пушкин. Перепеч. с нотами Н. С. Титова (1829), А. А. Алябьева (1832), Н. Мельгунова (1832) и К. Гедике (1833).

Варианты СЦ

17 Душе настало пробужденье,
23 И божество, и вдохновенье
24 И жизнь и слезы и любовь!

Стихотворение обращено к А. П. Керн (1800—1879), оставившей в своих позднейших «Воспоминаниях о Пушкине» (1859) подробный рассказ об обстоятельствах его появления. (В списках произведений, предназначенных для $СП_{1, 2}$, Пушкин обозначал стихотворение: «к Керн А. П.», «Керн»). Будучи племянницей П. А. Осиповой по первому мужу, Керн летом 1825 г. гостила в Тригорском, здесь повстречалась с Пушкиным, мимолетная встреча с которым состоялась еще в 1819 г. в доме Олениных, посетила Михайловское, и в день ее отъезда в Ригу, 19 июля, поэт вручил ей листок, содержавший посвященное ей стихотворение. Эти биографические обстоятельства, легко угадываемые в пушкинском тексте, и явились внешним поводом к созданию произведения, очень полно выразившего настроения, характерные для лирики Пушкина михайловского периода и определяющие поэтический смысл стихотворения. Примененное к адресату словосочетание «гений чистой красоты» восходит к поэзии В. А. Жуковского («Лалла Рук», «Я Музу юную, бывало...»).

IX. ПРОЗАИК И ПОЭТ

(С. 122)

Впервые опубл.: Московский Вестник (далее — МВ). 1827. Ч. 1. № 4. С. 256. Подп.: А. П.

Варианты МВ

Заглавие Прозаик и Поэт
6 Послушный лук согну в дугу, —
7 А там пошлю на удалую,

В позднейшей приписке к своей статье о поэме Пушкина «Цыганы» (1827) П. А. Вяземский приводит аргументы в пользу того, будто эта эпиграмма направлена против него и вызвана недовольством поэта некоторыми суждениями, высказанными в его рецензии. Однако это не согласуется ни с пушкинской датировкой стихотворения, ни со временем его публикации в МВ, опередившей появление «Цыган» и тем более статьи Вяземского об этой поэме.

X. ДВИЖЕНИЕ

(С. 123)

Впервые опубл.: Урания (далее — Ур.): Карманная книжка на 1826 г. для любительниц и любителей Руской словесности. Изданная М. Погодиным. М., б. г. С. 155. Подп.: А. Пушкин.

Варианты Ур.

3 Сильнее бы не мог он возразить
8 Однакож прав упрямый Галилей.

Стихотворение вместе со следующими тремя (а также мадригалом «Нет ни в чем вам благодати...»; см. ниже, разд. «Разных годов», XXIII) было послано Пушкиным П. А. Вяземскому в письме от начала декабря 1825 г.: «Ты приказывал, моя радость, прислать тебе стихов для какого-то альманаха (черт его побери), вот тебе несколько эпиграмм, у меня их пропасть, избираю невиннейших». Все они мыслились, очевидно, как определенное единство («Совет», «Соловей и кукушка», «Движение», «Дружба» и «Мадригал»). В «Движении» Пушкин воспроизводит анекдот о споре двух философов: последователя Зенона Элейского (V в. до н. э.), одним из важнейших постулатов которого было отрицание движения, и второго — киника, последователя Диогена (VI в. до н. э.) или Антисфена (V—IV в. до н. э.); киники были врагами отвлеченных рассуждений и славились прямотой и грубостью. Вероятным источником Пушкина была статья о Зеноне в т. 15 «Исторического и критического словаря» П. Бейля, парижское издание которого 1820—1824 гг. сохранилось в его библиотеке. К статье о Зеноне восходит запись Пушкина, представляющая собой краткий набросок темы будущего стихотворения: «On a admiré le [Phi ⟨losophe⟩] Cinique qui marcha devant celui qui niait le mouvement — la soleil fait tous les jours la même chose que Diog ⟨êene⟩, mais ne persuade personne».* Ссылка на итальянского астронома и математика Галилея (1564—1649) и знаменитые слова, будто бы произнесенные ученым, «А все-таки она ⟨Земля⟩ вертится!» (ст. 8) — оригинальный поэтический ход Пушкина. Эти слова были произнесены после того, как Галилей по настоянию церковного суда вынужден был подписать отречение от гелиоцентрического учения Н. Коперника, которое он твердо отстаивал.

XI. ДРУЖБА

(С. 124)

Впервые опубл.: Урания: Карманная кн. на 1826 г. ... С. 155. Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: Опыт Руской анфологии... С. 153.

См. примеч. к стихотворению «Движение».

XII. СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

(С. 125)

Впервые опубл.: Урания: Карманная кн. на 1826 г. ... С. 265. Подп.: А. Пушкин.

Варианты Ур.

5 Самолюбивая болтушка
10 От Элегических куку!

См. примеч. к стихотворению «Движение». Эпиграмма связана со спорами об элегии в начале 1820-х гг. и преодолением элегических традиций, главным образом так называ-

* Восхищались философом-циником, который ходил перед тем, кто отрицал движение, — солнце ежедневно совершает то же, что Диоген, но никого не убеждает (франц.).

емой «унылой элегии», ставшей достоянием эпигонов. Стихотворение Пушкина вызвало ответную реакцию Е. А. Баратынского: «...как ты отделал элегиков в своей эпиграмме! — писал он Пушкину в январе 1826 г. — Тут и мне достается, да и поделом; я прежде тебя спохватился и в одной ненапечатанной пьесе говорю, что стало очень приторно: Вытье жеманное поэтов наших лет. —» (Баратынский приводит стих из не дошедшей до нас редакции стихотворения 1824 г. «К Богдановичу»).

XIII. СОВЕТ

(С. 126)

Впервые опубл.: Урания: Карманная кн. на 1826 г. ... С. 205. Подп.: А. Пушкин.

Варианты Ур.

1 Поверь: когда и мух и комаров
4 Не возражай на писк и шум нахальной;
8 Прихлопни их проворной эпиграммой.

См. примеч. к стихотворению «Движение».

XIV. «ПОД НЕБОМ ГОЛУБЫМ СТРАНЫ СВОЕЙ РОДНОЙ...»

(С. 127)

Впервые опубл.: СЦ на 1828 г. ... С. 51 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин.

Варианты СЦ

Заглавие Элегия
13 Где муки, где любовь? Увы! в душе моей

Датировка элегии в $СП_2$ условна; в рукописи она имела заглавие «29 июля 1826 г.», возможно, совпадающее с датой ее написания; помета: 1826 — стоит и под текстом стихотворения, посланного А. А. Дельвигу в письме от 31 июля 1827 г. («Вот тебе обещанная элегия, душа моя»). Мотивы передатировки могут быть связаны с событием, послужившим поводом к созданию стихотворения. Оно посвящено памяти А. Ризнич (1803—1825), жены одесского купца, в которую Пушкин был влюблен в Одессе. В 1824 г. она покинула Россию и умерла во Флоренции, откуда она, по-видимому, была родом. Известие о смерти Ризнич Пушкин получил с большим опозданием; возможно, оно было сообщено его одесским приятелем поэтом В. И. Туманским (1800—1860), автором сонета «На кончину Р⟨изнич⟩», посвященного Пушкину и тоже, вероятно, присланного ему автором. В элегии «Под небом голубым страны своей родной...» можно увидеть связь с сонетом Туманского. Ср.:

И где ж теперь поклонников твоих
Блестящий рой? где страстные рыданья?
Взгляни: к другим уж их влекут желанья,

Уж новый огнь волнует души их;
И для тебя сей голос струн чужих —
Единственный завет воспоминанья!

(Ср. также заглавие «На смерть Р.», под которым стихотворение Пушкина включено в список произведений, предназначенных для СП$_{1, 2}$). На листке с рукописью элегии под ее текстом Пушкин записал:

Усл. о С. 25
У о с. Р. П. М. К. Б. 24.

Обычно эта запись расшифровывается: «Усл⟨ышал⟩ о С⟨мерти⟩ ⟨Ризнич⟩ 25 ⟨июля 1826 г.⟩. У⟨слышал⟩ о с⟨мерти⟩ Р⟨ылеева⟩. П⟨естеля⟩. М⟨уравьева-Апостола⟩. К⟨аховского⟩. Б⟨естужева-Рюмина⟩ 24 ⟨июля 1826 г.⟩», т. е. пяти казненных 13 июля 1826 г. декабристов. Нередко эта запись прямо связывается с содержанием стихотворения, что едва ли является обязательным. Имеется и другое, более спорное прочтение первой строки пушкинской записи: «Усл⟨ышал⟩ о С⟨ибири⟩ 25 ⟨июля 1826 г.⟩»; в этом случае помещение записи на рукописи элегии «Под небом голубым страны своей родной...» оказывается немотивированным.

XV. 19 ОКТЯБРЯ

(С. 128—131)

Впервые опубл.: СЦ на 1827 г. ... С. 342—348. Подп.: А. Пушкин.

Варианты СЦ

К заглавию дано примечание (Дельвига?): «19 Октября ⟨1811⟩ года было открытие Императорского Царскосельского Лицея».

3 Проглянет день, как будто по неволе,
18 Меня друзья сего дня именуют....
25 Он не пришел, кудрявый наш певец
37 Счастливый путь! с лицейского порога
42 Прекрасных лет первоначальны нравы,
43 Лицейский шум, лицейские забавы
50 Он как душа не разделим и вечен —
51 Не колебим, свободен и беспечен
64 Но горек был не братский их привет.
70 О* — мой, ты первый посетил;
76 Всё тот же ты для чести и друзей —
78 Ступая в жизнь, мы быстро разошлись,
81 Когда постиг меня судьбины гнев,
83 Под бурею главой поник я томной
86 О* — мой: твой голос пробудил
87 Сердечный жар так долго усыпленный
89 С младенчества дух песен в нас горел
90 И дивное волненье мы познали,
91 С младенчества две музы к нам летали
92 И сладок был их лаской наш удел.
93 Но я любил уже рукоплесканья;

94 Ты гордый пел для муз и для души,
97 Служенье Муз не терпит суеты;
99 Но юность нам советует лукаво
100 И шумные нас радуют мечты.
103 Скажи* — , нетоль и с нами было,
104 Мой брат родной по Музе, по судьбам?
106 Не стоит мир; оставим заблужденья,
110 Сердечные преданья оживи,
111 Поговорим о бурных днях Кавказа
113 Пора и мне... пируйте о друзья!
115 Запомнитеж поэта предсказанье:
116 Промчится год и я явлюся к вам!
117 О сколько слез и сколько восклицаний
123 Благослови, ликующая Муза,
124 Благослови! да здравствует Лицей!
125 Наставникам, хранившим юность нашу
136 Кому ж из нас подстарость день Лицея

Стихотворение является первым поэтическим откликом Пушкина на лицейскую годовщину, почти ежегодно отмечавшуюся лицеистами первого выпуска. Пушкин подхватывает традицию, начатую поэтами-лицеистами А. Д. Илличевским (1798—1837) и А. А. Дельвигом, откликаться на очередную лицейскую годовщину поэтическим посланием к друзьям. Печатный текст стихотворения значительно отличается от беловой рукописи, ряд строф из которой не вошел в его состав, некоторые были существенно переработаны; переработка коснулась в основном наиболее «домашних» реалий лицейской жизни, понятных и близких лишь узкому дружескому кругу. Исключение составляет лишь строфа, изъятая явно по цензурным соображениям (после ст. 128: «Не помня зла за благо воздадим»):

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Строфа эта мыслилась Пушкиным как неотъемлемая часть «19 октября»; в подаренном Ек. Н. Ушаковой экземпляре $СП_2$ поэт собственноручно вписал ее на полях. По настоянию А. Х. Бенкендорфа (в его письме Пушкину 4 марта 1827 г.) звездочками были заменены первоначально обозначенные инициалами имена друзей поэта: И. И. Пущина, А. М. Горчакова, А. А. Дельвига и В. К. Кюхельбекера («Заглавные буквы друзей в пиесе *19 октября* не могут ли подать повода к неблагоприятным для вас собственно заключениям? — это предоставляю вашему рассуждению»).

Он не пришел кудрявый наш певец — Н. А. Корсаков (1800—1820), лицейский товариш Пушкина, музыкант, умерший в Италии, где он находился на дипломатической службе, и похороненный во Флоренции. Перед смертью он сам сочинил эпитафию для своего надгробного памятника: «Прохожий, поспеши к стране родной своей! Ах! Грустно умирать далеко от друзей».

Чужих небес любовник беспокойный — Ф. Ф. Матюшкин (1799—1872), сразу же после окончания Лицея посвятивший себя морской службе и большую часть времени

проводивший в море (с августа 1825 г. он находился в очередном кругосветном плавании).

И повторял: на долгую разлуку

Нас тайный рок, быть может, осудил — видоизмененные стихи из «Прощальной песни воспитанников Царскосельского Лицея» А. А. Дельвига:

«Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас».

«Песнь» Дельвига запомнилась лицеистам, и ее мотивы заметны в «лицейских годовщинах» Пушкина.

... Поэта дом опальный,

*О *** мой, ты первый посетил* — речь идет о посещении ссыльного Пушкина в Михайловском его ближайшим другом-лицеистом декабристом И. И. Пущиным (1798—1859). Свидание состоялось 11 января 1825 г.; друзья провели вместе целый день. Посещение это подробно описано Пущиным в его «Записках о Пушкине».

*Ты,*** счастливец с первых дней* — строфа посвящена кн. А. М. Горчакову (1798—1883), в то время первому секретарю русского посольства в Лондоне. Его встреча с поэтом произошла в середине сентября 1825 г. в с. Лямонове, принадлежавшем дяде Горчакова А. Н. Пещурову и находившемся неподалеку от Михайловского. Узнав о прибытии Горчакова, Пушкин специально приехал туда для встречи с товарищем. Общение с Горчаковым разочаровало поэта, хотя, как писал он, «Горчаков мне живо напомнил Лицей, кажется, он не переменился во многом», свидание не было сердечным: «Мы встретились и расстались довольно холодно — по крайней мере с моей стороны» (см. письма Пушкина П. А. Вяземскому 13 и 15 и ок. 24 сентября 1825 г.). Именно Горчакову суждено было стать последним из оставшихся в живых лицеистов первого, пушкинского выпуска.

Пермеские (Пермесские) девы — музы (по реке Пермес, стекающей с Геликона, обители муз).

И ты пришел сын лени вдохновенный,

*О *** мой...* — стихи посвящены Дельвигу, гостившему у Пушкина в Михайловском в апреле 1825 г. (см. письмо Пушкина брату 22 и 23 апреля 1825 г.).

Служенье муз не терпит суеты — ср. в стихотворении В. А. Жуковского «К Батюшкову. Послание» (1812):

О друг! служенье муз
Должно быть их достойно:
Лишь с добрым их союз.

*Скажи,***, не то ль и с нами было*

Мой брат родной, по музе, по судьбам — строки посвящены В. К. Кюхельбекеру (Вильгельму) и касаются некоторых сторон его литературной позиции (защита высокого предмета поэзии, пристрастие к Шиллеру) и обстоятельств его жизни (брат «по судьбам» — Кюхельбекер, подозреваемый в политической неблагонадежности, вынужден был принять службу на Кавказе у ген. А. П. Ермолова, где он находился короткое время в 1821—1822 гг., и это воспринималось как ссылка).

XVI. ЖЕНИХ

(С. 132—136)

Впервые опубл.: МВ. 1827. Ч. 4. № 13. С. 3—10. Подп.: А. Пушкин.

Варианты МВ

Заглавие Жених (Простонародная сказка)
23 Конями стоя правит,
30 Он! Он! узнала, говорит,
37 Обидел кто тебя, скажи, —
41 На утро сваха к ним на двор
45—46 «Пораб невесту под венец,
А на примете молодец,
48 Невздорной, незазорной
58 Ее за воротами,
59 Не по рукам ли, — да с двора,
62 Да речь ведет обиняком, —
70 Не всё касатке распевать, —
88 Да Суд на пир зовите», —
89 Изволь, Наташа, Ангел мой!
91 Я жизнь отдать!» — и пир горой;
101 (*Жених*) А что же, милые друзья,
110 Отец ей: «чтож твой сон гласит?
112 Дитя мое родное?» —
117 С тропинки сбилась я: в глуши,
119 И сосны лишь да ели,
121 «И вдруг, как будто на яву,
126 В избе свеча горит, гляжу —
129 *Жених*. А чем же худ, скажи, твой сон?
133 На сукны, коврики, парчу,
138—139 Я погасила свечку,
Да поскорее дверью хлоп,
143 И с ними голубица,
151 По леву голубица,
155—156 *Жених*. А чем же худ, скажи, твой сон?
Вещает он веселье.
168 Ей праву ручку рубит».
169 Ну это, говорит жених,
183 Прославилась Наташа

Датировано в беловой рукописи: 30 июля 1825 Михайловское. Подзаголовок «Простонародная сказка» связывает стихотворение с традицией, из которой оно возникло. «Жених» представляет собой разработку широко распространенного в мировом фольклоре сказочного сюжета «Девушка и разбойники», с которым Пушкин мог познакомиться непосредственно в устном исполнении в процессе собирания произведений русского народного творчества во время михайловской ссылки. Вероятным источником пушкинского «Жениха» является также сказка из сборника бр. Гримм «Разбойник-жених» («Der Räuberbrautigam»). Задумывая в 1834 г. неосуществленный сборник «Простонародных сказок», Пушкин предполагал открыть его «Сказкой о женихе». Помимо сказочной основы, стихотворение содержит в себе также и несомненные следы знакомства поэта с другими фольклорными жанрами: обрядовыми и лирическими песнями, пословицами и поговорками. Характер же обработки сказочного сюжета связывает «Жениха» с жанром баллады (строфа, особенности поэтики и т. д.). Видимо, этим объясняется включение стихотворения в СП$_2$, задуманные пока как сборник «мелких стихотворений»; крупные эпические жанры появятся только в СП$_{3,4}$.

Камча (*камка*) — тонкая узорчатая ткань.

Конский топ — форма слова, заимствованная из фольклора (мотивируя ее, Пушкин ссылался на сказку о Бове Королевиче: «И вышел он за врата градские, и услышал конский топ и людскую молвь»). Позднее, полемизируя с критикой, осуждавшей стих из «Евгения Онегина» (в эпизоде сна Татьяны): «Людская молвь и конский топ», поэт в «Опровержениях на критики» (1830) писал: «*Топ* вместо *топот* столь же употребительно, как и *шип* вместо *шипенье* (следственно, и *хлоп* вместо *хлопание* вовсе не противно духу русского языка). 〈...〉 Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка». Ср. употребление этого же словосочетания в написанной несколько позднее «Жениха» в Михайловском третьей из «Песен о Стеньке Разине»: «То не конский топ, не людская молвь».

XVII. «В КРОВИ ГОРИТ ОГОНЬ ЖЕЛАНЬЯ...»

(С. 137)

Впервые опубл.: МВ. 1829. Ч. 1. С. 44. Подп.: А. Пушкин.

Варианты МВ

Заглавие Подражания (общее со след. стих.)
2 Душа тобой уязвлена.
3 Лобзай меня: — твои желанья

Первоначальный набросок стихотворения датирован 1821 г.; в рукописи он соседствует с осуществленным Пушкиным переводом с церковнославянского языка начала библейской книги «Песни песней Соломоновых» (I: 1, 2): «Песнь песней царя Соломона. Да лобзает меня лобзанием уст своих. Перси твои приятнее вина и запах мира твоего лучше всех аромат — имя твое сладостно как излианное миро. Для того юная возлюбил я тебя». Окончательная редакция, вероятно, относится к 1825 г. Стихотворение представляет собой свободное переложение и развитие названного фрагмента «Песни песней» (ср. также: 2: 17). Изменен, в частности, субъект текста: в Библии им выступает невеста. Источник «подражания» не назван Пушкиным, видимо, из цензурных соображений.

Мирро (*миро*) — восточное благовоние, приготовлявшееся из растительных масел. Изменение написания слова (замена ижицы* и два «р»), вероятно, вызвано цензурными требованиями, поскольку другое его значение связано с религиозным обиходом.

XVIII. «ВЕРТОГРАД МОЕЙ СЕСТРЫ...»

(С. 138)

Впервые опубл.: МВ. 1829. Ч. 1. С. 44. Подп.: А. Пушкин.

Варианты МВ

Заглавие Подражания (общее с предыд. стих.).
2 Вертоград уединенный,

В указателе опечаток в первой части журнала (МВ. 1829. Ч. 2. С. 265) отмечено: «На с. 44 под последним стихом должно быть поставлено несколько точек».

---

* В СП было напечатано с ижицей, но также с двумя «р».

Как и предыдущее стихотворение, восходит к библейской «Песни песней» (4: 12—16). Ср. примеч. к предыд. стих.

Вертоград — сад.

Нард, алой и киннамон — растения, используемые для изготовления благовоний.

Аквилон — поэтическое обозначение северного ветра.

XIX. П. А. О***

(С. 139)

Впервые опубл.: СЦ на 1829 г. ... С. 193 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин.

Варианты СЦ

Заглавие В Альбом П. А. О.
5 Душой беспечной предаваться;
14 Летит тоскующая тень,

Пушкин вписал свое стихотворение в альбом П. А. Осиповой (1781—1859), владелицы с. Тригорского, близкого друга поэта, с припиской: «С. Михайловское. 25 июня 1825 г.». П. А. Осипова, всегда принимавшая большое участие в делах Пушкина, была осведомлена о его планах под предлогом требующей якобы хирургического вмешательства болезни вырваться из Михайловского в Дерпт или Ригу и оттуда выехать за границу.

XX. СЦЕНА ИЗ ФАУСТА

(С. 140—143)

Впервые опубл.: МВ. 1828. Ч. 9. № 9. С. 3—8. Подп.: А. Пушкин.

Варианты МВ

Заглавие Новая сцена между Фаустом и Мефистофилем
Ремарка перед текстом Берег моря.
8 Тот насладился через меру,
15 В своем Альбоме запиши:
23 Тогдаль как розами венчал
29 В пучину темную Науки?
30 Но — помнится — тогда со скуки,
31 Как Арлекина, из огня
35 И чтоже? всё по пустякам —
49 Не правдаль. Но не льзяль узнать,
61 Не яль тебе своим стараньем
64 С тобою свел ее? тогда
77 Говори. Ну что?
78 Ты думал: Агнец мой послушной
81 Я грезы сердца возмущал! —
88 С неодолимым отвращеньем: —
92 Бранит ободранное тело; —
102 Не смею отлучаться я, —
105 Корабль Испанский, трехмачтовый,

«Сцена из Фауста» представляет собой отклик Пушкина на первую часть «Фауста» И. В. Гете (1749—1832), который он вскоре определит как «величайшее создание поэтического духа; он служит представителем новейшей поэзии, точно как „Илиада“ служит памятником классической древности» («О драмах Байрона», 1827). Стихотворение Пушкина, однако, — совершенно свободная вариация на тему «Фауста» и связано с ним лишь в самых общих чертах, в частности именами персонажей: Фауста, Мефистофеля (Мефистофиль у Пушкина) и Гретхен, — и развивает ее в направлении, сближающем образы пушкинского произведения с романтизмом начала XIX в. «Сцена из Фауста» вытекает из «Демона» (1823) и, особенно, из его авторского истолкования (ср. примеч. к стихотворению «Демон»). Не исключено, что Гете мог знать о пушкинском стихотворении по устному пересказу (ср. сцену «Дворец» пятого акта второй части «Фауста»). Вопреки сомнениям цензора И. М. Снегирева, «Сцена из Фауста» была разрешена к печати Николаем I (см. письмо Пушкина М. П. Погодину 31 августа 1827 г.), но с изъятием двух стихов (в МВ их пропуск не был обозначен):

Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

(См. письмо А. Х. Бенкендорфа Пушкину 22 августа 1827 г.). Речь идет о сифилисе, занесенном, как полагали, в Европу из Америки в XV в., к которому относится и легенда о Фаусте.

Арлекин — одна из комических масок итальянской народной комедии; здесь: шут.

XXI. Н. Н.

(С. 144)

Впервые опубл.: Невский Альманах на 1826 г., изд. Е. А. Аладьиным (далее — НА). СПб., 1825. С. 59. Подп.: А. Пушкин.

Варианты НА

1 Примите, Невский Альманах.
2 Он мил и в прозе и в стихах,
3 Вы тут найдете Полевова,
4 Василья Пушкина, ...кова;
5 К..... дальный ваш родня
8 Мои стихи скользнули в Лету. —
9 Что слава мира?.. дым и прах!
11 Но кажется мне трудно тоже
12 Попасть и в этот Альманах.

В стихотворении дается ироническая характеристика «Невского Альманаха на 1825 г.», изданного Е. А. Аладьиным (1796—1860), посредственным литератором, преследовавшим преимущественно коммерческий интерес. Пушкин был раздосадован тем, что Аладьин без его ведома назвал его в числе будущих вкладчиков издания (см. в письме Л. С. Пушкину конца февраля 1825 г.: «Он, каналья, лжет на меня в афишках да мне присылает свое вранье — добро!»). Несмотря на эпиграмматический характер стихотворения Пушкина, Аладьин охотно поместил его (Пушкин продолжал участвовать и в последующих выпусках НА как популярного издания). В стихотворении, помещенном в НА, открыто упомянуты имена Н. А. Полевого (1796—1846), издателя (с 1825 г.) «Московского Телеграфа» (недовольство Пушкина могла вызвать помещенная в НА его

элегия «Книжная лавка», пародировавшая «Сельское кладбище» В. А. Жуковского), и В. Л. Пушкина, дяди поэта, к которому племянник относился с добродушной иронией; скрыто введены упоминания участников НА на 1825 г. В. Маркова и, вероятно, В. М. Княжевича (1798—1873) или его брата Д. М. Княжевича (1788—1844). В $СП_2$ зашифровывается и имя Полевого, а в ст. 4 появляются новые, слегка завуалированные намеки на поэта И. Е. Великопольского (1797—1868), приятеля Пушкина (между ними в 1828 г. произошла размолвка на литературной почве) и поэта-графомана гр. Д. И. Хвостова (1756—1835); само совмещение этих двух имен создавало сатирический эффект (подписанных именем Великопольского произведений в НА не встречается). Вероятным адресатом стихотворения Пушкина является его тригорская приятельница А. Н. Вульф (1799—1857), дочь П. А. Осиповой.

XXII. БУРЯ

(С. 145)

Впервые опубл.: МВ. 1827. Ч. 1. № 1. С. 91. Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: Полный новейший песенник в 13-ти частях, содержащий в себе собрание всех лучших песен известных наших Авторов... М., 1835. Ч. XII. С. 97—98 и с нотами Н. С. Титова (1830).

Варианты МВ

7 И ветер воил и летал

Стихотворение навеяно воспоминаниями о годах, проведенных на юге. В 1830 г. в «Опровержениях на критики» Пушкин отметил слово «воил» в ст. 7 в МВ как одну из пяти его грамматических ошибок, справедливо замеченных критиками («*воил* вместо *выл*»). В МВ последние четыре стиха отделены от предшествующих пробелом.

1826

I. ПРОРОК

(С. 146)

Впервые опубл.: МВ. 1828. Ч. 7. № 3. С. 269—270. Подп.: А. Пушкин.

Варианты МВ

2 В пустыне мрачной я влачился, —
4 На перепутье мне явился.
6 Моих зениц коснулся он.
9 Моих ушей коснулся он, —
12 И горний Ангелов полет,
25 Как труп в пустыне я лежал
29 И обходя моря и земли,

Образ пророка, воссозданный Пушкиным, восходит к Библии; некоторые детали заимствованы из гл. 6 книги пророка Исаии, например: «И послан бысть ко мне един от серафимов, и в руце своей имяше угль горящ, его же клещами взят от олтаря. И

прикоснуся устнам моим, и рече: се прикоснуся сие устнам твоим, и отъимет беззакония твоя, и грехи твоя очистит». Но Пушкин не перелагает библейский текст, а создает совершенно самостоятельное произведение, лишь опираясь на образность и стилистику славянской Библии и ориентируясь на сложившуюся в русской литературе традицию (ср., например, «Опыты священной поэзии» Ф. Н. Глинки, «Пророчество» В. К. Кюхельбекера и др.), связывающую образ библейского пророка с поэтом. Тема назначения поэта и стоит в центре стихотворения Пушкина. Имеются косвенные свидетельства, будто «Пророк» был одним из четырех стихотворений, образовавших цикл, в центре которого была политическая тема. Но сведения эти, как и фрагмент текста, якобы относящегося к одному из них, не поддаются проверке.

II. ЗИМНЯЯ ДОРОГА

(С. 147)

Впервые опубл.: МВ. 1828. Ч. 7. № 4. С. 405—406. Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: Лира Граций, подарок на Новый Год любительницам и любителям пения, или Новейшее собрание романсов и песен. М., 1832. С. 81—85 (под загл.: «Романс. Зимняя дорога»); Полный новейший песенник, в 13-ти частях... Ч. 12. С. 52—53 (под загл.: «Романс. Зимняя дорога»); Новейшее собрание романсов и песен, собранных из лучших Авторов... 2-е изд. М., 1835. Ч. 2. С. 132—133 (под загл.: «Романс. Зимняя дорога») и с нотами А. А. Алябьева (1831).

III. ОТВЕТ Ф. Т***

(С. 148)

Впервые опубл.: $СП_2$. С. 78.

Стихотворение обращено к Ф. А. Туманскому (1799—1853), поэту, автору рукописного стихотворения «Она черкешенка собою...», ответом на которое и является комментируемое произведение. Ср.:

Она черкешенка собою, —
Горит агат в ее очах,
И кудри черные волною
На белых лоснятся плечах. — и т. д.

Имеется в виду С. Ф. Пушкина (1806—1862), которой Пушкин увлекся и к которой посватался осенью 1826 г. (см. его письмо В. П. Зубкову 1 декабря 1826 г.). Вскоре, однако, С. Пушкина вышла замуж за другого. Поначалу Пушкин предполагал опубликовать стихотворение в «Московском Вестнике», но, видимо, в силу названных обстоятельств отказался от этого. См. в письме М. П. Погодину 1 апреля 1827 г.: «Ради Господа Бога оставьте „Черкешенку“ в покое; вы больше огорчите меня, если ее напечатаете».

IV. К Яз***

(С. 149)

Впервые опубл.: МВ. 1827. Ч. 3. № 9. С. 4—5. Подп.: А. Пушкин.

Варианты МВ

Заглавие К Яз.
1 Яз.... кто тебе внушил
3 Как ты шалишь и как ты мил,
6 Нет! не Кастальскою водой
7 Ты воспоил свою Камену,
10 Она не хладной льется влагой
11 Но пенится хмельною брагой,

Стихотворение датировано Пушкиным 28 августа 1826 г. Оно обращено к поэту Н. М. Языкову (1803—1845) и является ответом на его послание Пушкину «О ты, чья дружба мне дороже...», которое тот прислал Пушкину в письме от 19 августа 1826 г., написанном вскоре после возвращения в Дерпт из Тригорского, где он гостил у своего университетского товарища А. Н. Вульфа (ср. ниже примеч. к стихотворению «К Языкову»; $СП_3$ «Разных годов», II).

Нет, не Кастальскою водой — Кастальский ключ, источник вдохновения у подножия горы Парнас, согласно античной мифологии, места обитания Аполлона и муз (камен).

Пегас — в греческой мифологии крылатый конь, символ поэтического вдохновения. На горе Геликон, обители муз, ударом копыта Пегас выбил источник Иппокрену (Гиппокрену), из воды которого черпают вдохновение поэты.

Как сей напиток благородный — этот и следующие стихи откликаются на такие слова из послания Языкова:

Когда могущественный ром,
С плодами сладостной Мессины,
С немного сахара, с вином,
Переработанный огнем,
Лился в стаканы исполины.

Речь идет о жженке, которую прекрасно готовила сестра Вульфа Евпраксия.

1827

I. СТАНСЫ
(С. 150)

Впервые опубл.: МВ. 1828. Ч. 7. № 1. С. 3—4. Без подп., имя Пушкина указано в оглавлении.

Варианты МВ

13 То Академик, то герой,
17 Семейным сходством будь же горд,

Стихотворение в рукописи датировано: 22 декабря 1826 год. Москва у Зуб⟨кова⟩. Имеется в виду дом знакомца Пушкина В. П. Зубкова, свояка С. Ф. Пушкиной (см. выше примеч. к стих. «Ответ Ф. Т***»). «Стансы» обращены к Николаю I и являются следствием беседы Пушкина с царем, состоявшейся во время аудиенции 8 сентября 1826 г. Николай I, очевидно, развернул перед поэтом программу реформаторской дея-

тельности, в осуществимость которой Пушкин поверил. Это соответствовало его представлению о роли правительства в сложившихся после поражения восстания декабристов условиях; «... должно надеяться, — писал он в «Записке о народном воспитании» (1826), — что люди, разделявшие образ мыслей заговорщиков, образумились; что, с одной стороны, они увидели ничтожность своих замыслов и средств, с другой — необъятную силу правительства, основанную на силе вещей». Поэтому, считал он, важно побуждать его к деятельности, направленной на прогресс общества, и поэт как выразитель общественного мнения обязан напоминать царю об этом. В «Стансах» в качестве примера, которому должен следовать Николай I, выдвигается деятельность Петра Великого. В начале стихотворения проводится аналогия между началом царствования обоих («мятежи» — стрелецкий бунт 1698 и восстание 14 декабря 1825 г., — равно закончившиеся «казнями»), при этом оба события не уравниваются по значению, имеется в виду лишь близость самой ситуации. В центре стихотворения — характеристика Петра как царя-просветителя, деятельность которого имела прогрессивное значение, — и именно к такой деятельности призывается и его потомок. Стихотворение Пушкина было воспринято многими современниками, в частности, и некоторыми людьми из его близкого окружения как измена прежним идеалам, и поэт позднее ответил им новыми стансами «Друзьям» (1828):

> Нет, я не льстец, когда царю
> Хвалу свободную слагаю:
> Я смело чувства выражаю,
> Языком сердца говорю.

Однако, если Николай I одобрил «Стансы» к публикации (см. письмо А. Х. Бенкендорфа Пушкину 22 августа 1827 г.), то стихотворение «Друзьям» не было допущено им к печати («...его величество совершенно доволен им, но не желает, чтобы оно было напечатано», — писал Бенкендорф Пушкину 5 марта 1828 г.), поэтому оно не могло быть включено в $СП_2$.

Стансы — стихотворение определенной строфической формы (обычно четверостишия 4-стопного ямба), каждая строфа должна представлять собой синтаксическое целое и заканчиваться точкой.

И был от буйного стрельца

Пред ним отличен Долгорукой — имеется в виду противопоставление открытому «мятежу» независимой оппозиционной мысли. Я. Ф. Долгорукий (1659—1720) — сподвижник Петра I, отличавшийся честностью и нелицеприятностью; однажды в присутствии царя он разорвал его указ, показавшийся ему несправедливым. Петр ценил в Долгоруком его независимость и уважал его.

II. ТАЛИСМАН

(С. 151)

Впервые опубл.: Альбом северных Муз (далее — АСМ): Альманах на 1828 г. СПб., 1828. С. 127—128. Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: Северный Певец, или Собрание новейших романсов и песен, посвящается любительницам и любителям пения. М., 1830. Ч. 2. С. 6—7 (без подп. и без загл.); Лира Граций... С. 3—5; Карманный песенник, или Собрание новейших российских песен и романсов, выбранных из лучших авторов. Посвящается любителям и любительницам пения. СПб., 1833. Ч. 2. С. 115—117 (без подписи), а также с нотами Н. С. Титова (1829).

Варианты АСМ

6 Дни проводит Мусульман:
8 Мне вручила талисман,
11 В нем — таинственная сила!
22 От печальных, чуждых стран
23 В край родной, на Север с Юга
25 Но, когда коварны очи
28 Поцелуют не любя: —
30 От сердечных, новых ран,
31 От измены, от забвенья —

Стихотворение в рукописи датировано: «6 ноябрь. ⟨1827⟩ ночью». Его содержание связывается с так называемым «перстнем-талисманом» с надписью на древнееврейском языке, по преданию подаренным Пушкину гр. Е. К. Воронцовой в 1824 г. Ср. неопубликованное при жизни Пушкина стихотворение «Храни меня, мой талисман» (1825).

III. АНГЕЛ

(С. 152)

Впервые опубл.: СЦ на 1828 г. ... С. 59—60 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин.

Варианты СЦ

3 А демон мрачный и мятежный
10 И ты не даром мне сиял:

Стихотворение развивает и обогащает тему пушкинского стихотворения «Демон» (1823).

IV. СОЛОВЕЙ

(С. 153)

Впервые опубл.: Литературный Музеум на 1827 г., Владимира Измайлова (далее — ЛМ). М., 1827. С. 311. Подп.: А. Пушкин.

Варианты ЛМ

3 Но Роза милая не чувствует, не внемлет,
6 Опомнись, о Поэт, к чему стремишься ты?
7 Она не слушает, не чувствует Поэта,

В современных изданиях сочинений Пушкина стихотворение печатается под заглавием «Соловей и роза», поскольку так оно обозначено в списке стихотворений, предназначавшихся для $СП_2$. Тема стихотворения: соловей, влюбленный в розу, — традиционна для восточной поэзии.

V. ЧЕРЕП

(С. 154—157)

Впервые опубл.: СЦ на 1828 г. ... С. 100—107 отд. «Поэзия». Подп.: Я.

Варианты СЦ

Заглавие Череп. (Послание к Д.)
1 Прими сей череп, Д*, он
3 Тебе поведаю, Барон,
11 Ну, словом, череп сей хранил,
12 Тяжеловесный мозг Барона,
16 Гроза вассалов и их жен.
36 И математик, и поэт,
47 Мечтать об Лотхен или с горя
58 Лежали грудой на полу, —
70 Необходимый был... скелет,
73 Для глаз и сердца, слова нет;
80 За кружкой пива, мой мечтатель *
95 Встревожить мертвых сонм почтенный
105 День угас;
125 Высокородные Бароны...
126 Прими ж сей череп Д*, он
128 Обделай ты его, Барон,
134 Певцу Корсара подражай
136 В пирах домашних воскрешай;
137 Или как Гамлет-Боратынской

В современных изданиях сочинений Пушкина стихотворение печатается под заглавием «Послание Дельвигу» в соответствии с исправлением поэта в рукописи, подготовленной для нового издания его «Стихотворений...» (1836). 31 июля 1827 г. Пушкин писал А. А. Дельвигу из Михайловского: «Если кончу послание к тебе о черепе твоего деда, то мы и его тиснем». Реальная основа послания сводится, видимо, к тому, что Пушкин действительно получил от А. Н. Вульфа какой-то череп, происходивший из Лифляндии, и подарил его Дельвигу как принадлежавший якобы его предку (род баронов Дельвигов, в XIX в. вполне обрусевших, восходит к остзейскому рыцарству, хотя баронский титул был получен ими только в XVIII в.). Об этом подарке сообщает в своих воспоминаниях А. И. Дельвиг, двоюродный брат поэта, связывая происхождение черепа не только с А. Н. Вульфом, но и с Н. М. Языковым. По поводу псевдонима «Я», под которым стихотворение было напечатано в СЦ, Пушкин, по свидетельству П. В. Анненкова, говорил: «Никто не усомнится, что это Я — я». В основном тексте стихотворения в современных изданиях сочинений Пушкина в ст. 95 восстановлено чтение ст. 95 по СЦ: «Встревожить мертвых сонм почтенный», в настоящем издании сохраняется чтение $СП_2$; то же относится к стиху 47: «Мечтать об Лотхен, или с горя».

Творенья Фихте и Платона — немецкий философ И. Г. Фихте (1762—1814) и древнегреческий философ Платон (V—IV вв. до н. э.) — классические представители философского идеализма.

Кистер — смотритель лютеранской церкви.

---

* В тексте СП3 вместо слова «мечтатель» поставлено «герой»; его, как возможную опечатку, заменяют обычно чтением СЦ (как и «сонм» вместо «сон» в ст. 95).

Айдесский бог — Плутон (Аид), бог подземного царства, обители мертвых.

Будущий — вписанный в подорожную (документ для проезда в почтовом экипаже) не названный пока попутчик лица, на имя которого она выдана.

Мой приятель В. — А. Н. Вульф.

Певцу Корсара подражай — Байрон, автор поэмы «Корсар» (1813); имеется в виду его стихотворение «Надпись на кубке из черепа» («Lines inscribed upon a cup formed from a scull»).

И Скандинавов рай воинской — Вальхалла (Валгалла), в скандинавской мифологии «чертог убитых», небесное жилище павших воинов, которые, в частности, пили там мед из черепов убитых врагов.

Или как Гамлет-Баратынской — имеется в виду стихотворение Е. А. Баратынского «Череп»; уподобление поэта Гамлету связано как с ориентацией его стихотворения на сцену на кладбище в трагедии Шекспира («Гамлет», д. V, явл. I), так и со склонностью его как поэта к рефлексии.

VI. ПОЭТ

(С. 158)

Впервые опубл.: МВ. 1827. Ч. 6. № 23. С. 255—256 первой пагинации. Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: *Пенинский Иван.* Российская хрестоматия, или Отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах. СПб., 1834. Ч. 2. С. 627—628.

Варианты МВ

1 Пока не требует Поэта
6 Душа вкушает хладный сон
11 Душа Поэта встрепенется,
15 К подножью светского кумира

В беловой рукописи стихотворение датировано: 15 авг⟨уста⟩ 1827 Мих⟨айловское⟩. Пушкин послал его без заглавия М. П. Погодину, редактору «Московского Вестника», в письме от второй половины августа 1827 г.: «Назовите эти стихи да и тисните». С текстом стихотворения в письме явно соотнесена и предшествующая фраза: «Я убежал в деревню, почуя рифмы»; однако это не позволяет интерпретировать «Поэта» односторонне биографически. В тексте стихотворения, посланном Погодину, ст. 15 читается так же, как и в $СП_2$.

VII. «БЛИЗ МЕСТ, ГДЕ ЦАРСТВУЕТ ВЕНЕЦИЯ ЗЛАТАЯ...»

(С. 159)

Впервые опубл.: НА на 1828 г. ... Кн. 4. С. 53. Подп.: А. Пушкин.

Перепеч.: Славянин. 1828. № 2. Ч. 5. С. 71—72. Подп.: А. Пушкин с примеч. «Из Невского альманаха на 1828-й год».

Варианты НА

Заглавие Перевод неизданных стихов Андрея Шенье
5 Он любит песнь свою; поет он для забавы,
6 Без дальных умыслов; не ведает ни славы,
7 Ни страха, ни надежд и тихой Музы полн

В черновой рукописи стихотворение датировано 17 сентября 1827 г. Оно представляет собой близкий к оригиналу перевод стихотворения А. Шенье «Près de bords où Venise est reine de la mer...» («У берегов, где Венеция — царица морей...»), впервые опубликованного во Франции в 1826 г. под заглавием «Неизданные стихи Андре Шенье» («Vers inédits d'André Chénier»). Оригинал этого стихотворения, вероятно по памяти, Пушкин вписал в свой экземпляр первого издания сочинений А. Шенье (1819). В книжке НА перевод Пушкина был опубликован рядом с вольным переложением этого же стихотворения Шенье И. И. Козлова («Над темным заливом, вдоль звучных зыбей...»). В перевод стихотворения А. Шенье Пушкин вложил и глубоко личное содержание.

Веспер — вечерняя звезда, Венера (по имени божества вечерней звезды Геспера, или Веспера у римлян).

Ринальдо, Годфреда, Эрминию поет — имеются в виду герои поэмы Т. Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим»; фрагменты этой поэмы в народной обработке еще в XVIII в. распевались венецианскими гондольерами.

VIII. КНЯГИНЕ З. А. ВОЛКОНСКОЙ

(С. 160)

Впервые опубл.: МВ. 1827. Ч. 3. № 10. С. 113. Подп.: А. Пушкин.

Варианты МВ

Заглавие Княгине З. А. Волконской, посылая ей поэму: Цыганы
3 При бальном лепете молвы,
5 Царица муз и красоты, —
10 И вьется и пылает Гений. —

В автографе, принадлежавшем адресату, стихотворение датировано 6 мая 1827 г. Обращено к кн. З. А. Волконской (1788—1862), хозяйке известного московского салона 1820-х гг., собиравшего изысканное артистичное общество, в котором нередко бывал после возвращения из ссылки и Пушкин. Волконская высоко ценила творчество поэта (см. ее письмо Пушкину 29 октября 1826 г.).

Вист и бостон — распространенные салонные карточные игры.

Двойным увенчана венком — Пушкин имеет в виду разносторонность дарований З. Волконской, одновременно и писательницы, и музыканта (композитора и певицы).

Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой — известная итальянская певица А. Каталани (1799—1841) во время одного из своих приездов в Россию была поражена исполнением русских песен цыганкой Стешей.

1828

I. ЧЕРНЬ

(С. 161—162)

Впервые опубл.: МВ. 1829. Ч. 1. С. 200—202. Подп.: А. Пушкин.

Варианты МВ

Эпиграф отсутствует.

1 Поэт — по лире вдохновенной

3 Он пел, — а хладной и надменной
4 Кругом народ не посвященной
10 За чем бренчит? чему нас учит?
11 За чем сердца волнует, мучит,
17 Поденщик, раб нужды, забот! —
18 Несносен мне твой ропот дерзской.
23 Но мрамор сей ведь бог!.. так чтоже?
24 Печной горшок тебе дороже,
29 Сердца собратьев исправляй,
34 Гнездятся клубом в нас пороки.
39 Поэту мирному до вас! —
40 В разврате каменейте смело,
41 Не оживит вас лиры глас! —
45 Бичи, темницы, топоры; —
46 Довольно с вас рабов безумных!
47 Во градах ваших, с улиц шумных
48 Сметают сор, — полезный труд! —
49 Но позабыв свое служенье,

Стихотворение создается в условиях, когда к Пушкину как поэту неоднократно предъявляются претензии на его творчество, толкают его на подчинение поэзии внешним, дидактическим и утилитарным, в том числе и политическим целям, ложно понятой «пользе». Проявлялось это в требованиях «нравственности». «Хотят, чтобы он создавал в своих поэмах существа, чисто нравственные, образцы добродетели. Напомним строгим Аристархам, что не дело Поэта преподавать уроки нравственности», — писал, защищая Пушкина от подобных требований, критик МВ (1828. Ч. 7. № 1. С. 60). Такой подход противоречил эстетическим представлениям Пушкина, утверждавшего, что «цель художества есть *идеал*, а не *нравоучение*» («Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной», 1836). В защиту поэта от посягательств «толпы» на его искусство и направлено пушкинское стихотворение. Характерный эпизод приводится в воспоминаниях С. П. Шевырева: в салоне З. А. Волконской «пристали к Пушкину с просьбою, чтобы прочесть. В досаде он прочел „Поэт и Чернь“ и, кончив, с сердцем сказал: „В другой раз не станут просить“». Заглавие «Чернь» было заменено Пушкиным на «Поэт и толпа» в подготовленной для нового издания его «Стихотворений...» писарской копии (1836); последнее заглавие принято в современных изданиях сочинений Пушкина. Эпиграф стихотворения заимствован из «Энеиды» Вергилия (восклицание жрицы в кн. VI, ст. 258).

...на вес
Кумир ты ценишь Бельведерской — имеется в виду особо ценимая как своего рода идеал прекрасного статуя Аполлона, созданная в IV в. до н. э.

11. «СТО ЛЕТ МИНУЛО, КАК ТЕВТОН...»

(С. 163—164)

Впервые опубл.: МВ. 1829. Ч. 1. С. 181—182. Подп.: А. Пушкин.

Варианты МВ

Заглавие Отрывок из Поэмы Мицкевича: Конрад Валленрод
3 Страной полночной правит он.
8 Струился Немен: — на одном
13 Символ Германца — на другом,

21 В косматой, рысьей шапке, с пуком
31 Всяк переправу охранял.
32 Ток Неменя гостеприимной,
34 Стал прагом вечности для них.
36 И всяк переступивший воды,

Перевод начала Вступления к поэме А. Мицкевича (1798—1855) «Конрад Валленрод». Поэма вышла в свет на польском языке в Петербурге в начале 1828 г., однако Пушкин был знаком с нею ранее по импровизации Мицкевича, с которым он по возвращении из ссылки близко сошелся. По изготовленному для него подстрочнику Пушкин и осуществил свой перевод, вероятно, в 1827 г. Отрывку из поэмы Мицкевича в достаточно точном переводе Пушкин придал характер вполне самостоятельного и законченного стихотворения. По свидетельству С. П. Шевырева, Пушкин первоначально передал стихотворение ему, советуя опубликовать «в особом альманахе», но тот передал его М. П. Погодину для МВ.

Сто лет минуло, как Тевтон — действие поэмы Мицкевича относится к середине XIV в.; за сто лет до того, в XIII в. рыцари Тевтонского ордена (по имени древнегерманского племени) завоевали земли балтийского народа пруссов («Уже Прусак в оковы вдался...»).

Немен — река Неман; Пушкин передает ее название в близкой польскому языку форме (Niemen).

Духов пристанища святые — вера в многочисленных духов лежала в основе литовского язычества.

Область Палемона — Литва; по имени легендарного князя, родоначальника литовской шляхты (дворянства), выходца из Италии.

III. УТОПЛЕННИК

(С. 165—167)

Впервые опубл.: МВ. 1829. Ч. 1. С. 80—83. Подп.: А. Пушкин.

Варианты МВ

Заглавие Утопленник. Простонародная песня
Заглавие в оглавл. Утопленник. Простонародная сказка
3 «Тятя, тятя! наши сети
5 Врите, врите, бесенята;
6 Заворчал на них отец,
7 Ох! уж эти мне робята!
11 Делать не́чего, хозяйка,
17 Безобразно, труп ужасный
24 Недогадливый купец?
44 В дымной хате мужика.
46 На палате муж лежит, (*опеч.*?)
49 «Кто там?» — Эй, впусти, хозяин!
50 «Ну какая там беда?
52 «Чорт занес тебя сюда,
70 Трясся ночь он на пролёт,
76 В день урочный гостя ждет.

Пушкин колебался в жанровом приурочивании своего стихотворения (песня — сказка), подчеркивая подзаголовком его народный характер. Оно относится к типу баллад, ориентированных на фольклорную основу и воссоздающих черты народной психологии. (Ср. баллады П. А. Катенина). Как и предыдущее стихотворение, «Утопленник» был предоставлен С. П. Шевыреву для его альманаха, но передан им М. П. Погодину для публикации в МВ.

IV. ТЫ И ВЫ

(С. 168)

Впервые опубл.: СЦ на 1829 г. ... С. 11 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин.

Варианты СЦ

1 Пустое *Вы*, сердечным *Ты*
2 Она обманом заменила,
5 Пред ней задумчиво стою,
7 И говорю ей: как *Вы* милы!
8 И мыслю: как *Тебя* люблю!

В черновом автографе стихотворение озаглавлено: «20 мая 1828. При⟨ютино⟩» и в конце датировано 23 мая. Приютино — находившееся неподалеку от Петербурга имение А. Н. Оленина (1764—1843), президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки, государственного секретаря. В 1828 г. Пушкин серьезно увлекся его дочерью А. А. Олениной (1808—1888) и безуспешно сватался к ней. На собственноручной копии стихотворения Оленина записала: «Анна Алексеевна Оленина ошиблась, говоря Пушкину ты, и на другое воскресенье он привез эти стихи».

V. «КОБЫЛИЦА МОЛОДАЯ...»

(С. 169)

Впервые опубл.: СЦ на 1829 г. ... С. 71 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин.

Варианты СЦ

Заглавие Подражание Анакреону.
2 Честь кавказского тавра́,

Стихотворение датировано Пушкиным 6 июня 1828 г. Оно является вольным переводом анакреонтической оды «К фракийской кобылице».

Тавро — клеймо, выжигаемое на теле лошади; здесь: принадлежность к определенному заводу или породе лошадей.

VI. ОТВЕТ КАТЕНИНУ

(С. 170)

Впервые опубл.: СЦ на 1829 г. ... С. 120 отд. «Поэзия». Подп.: А. П. (в оглавлении имя Пушкина указано).

Варианты СЦ

1 Напрасно, пламенный Поэт,
3 И выпить на здоровье просишь:

В рукописи стихотворение датировано: «10 ноября 1828. Малинники». (Малинники — имение П. А. Осиповой в Тверской губ.). Его происхождение связано со стихотворением П. А. Катенина «Старая быль» и соотнесенным с ним посланием «А. С. Пушкину». Катенин прислал их Пушкину в письме от 27 марта 1828 г.: «И повесть и приписка деланы, *во-первых*, для тебя, и да будет над ними твоя воля, то есть ты можешь напечатать их когда и где угодно...» Пушкин отдал «Старую быль» вместе со своим «Ответом Катенину» в СЦ, где была опубликована приписка: «За стихотворение сие мы обязаны А. С. Пушкину, который доставил нам оное при следующем письме: П. А. Катенин дал мне право располагать этим прекрасным стихотворением. Я уверен, что вам будет приятно украсить им ваши „Северные Цветы"». Но от публикации послания Катенина к нему Пушкин воздержался, что вызвало раздражение автора «Старой были», который к тому же был раздосадован тем, что долгое время не имел никаких сведений от Пушкина о его планах. В письме своему другу Н. И. Бахтину Катенин возмущенно писал: «Не цензура не пропустила моей приписки Саше Пушкину, но... он сам не заблагорассудил ее напечатать; нельзя ли ее рукопись распустить по рукам для пояснения его ответа». Ситуация эта отражает сложность литературных отношений Пушкина и Катенина, что и вызвало скрытую полемику между ними. «Старая быль» содержит в себе намек на общественную позицию Пушкина, как ее понимал Катенин. В стихотворении изображено поэтическое состязание при дворе князя Владимира, в котором участвуют молодой грек-скопец и русский певец «средних годов», отказавшийся, впрочем, от соперничества. За свою льстивую песнь князю грек получает высшую награду — коня и дорогое оружие, русский же певец довольствуется кубком, некогда принадлежавшим отцу Владимира князю Святославу. В песне грека можно увидеть намек на «Стансы» Пушкина 1826 г. («В надежде славы и добра...»); за ней вообще угадывается отношение Катенина к его позиции после восстания декабристов (в русском же певце автор разумел себя). Послание «А. С. Пушкину», внешне комплиментарное (в нем именно Пушкин объявляется наследником кубка, ставшего наградой нелицеприятного певца), лишь подчеркивает соотнесенность «Старой были» с его позицией. Этим и вызван прежде всего отказ поэта опубликовать послание Катенина; его, кроме того, не устраивали в нем ирония над Карамзиным и современными поэтами; Пушкин, вспоминал Катенин, «боялся напечатать мои дерзости без противуречия, изъявить род согласия и оставил под спудом». «Ответ Катенину», напечатанный вместе со «Старой былью», неявно вводил читателя в атфосферу стоявшей за всем этим эпизодом полемики. Его текст соотнесен с посланием Катенина, в котором автор призывает адресата выпить из кубка «свое волшебное питье»; завороженное, оно опасно для тех, кто не является истинным поэтом:

Надеждой ослеплен пустою,
Опасным не прельщусь питьем
И в дело не входя с судьбою,
Останусь лучше при своем;
Налив, тебе подам я чашу,
Ты выпьешь, духом закипишь,
И тихую беседу нашу
Бейронским пеньем оживишь.

(Упоминание о Байроне намекает на необходимость возврата Пушкина на прежний поэтический путь).

Не пью, любезный мой сосед! — цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Философы пьяный и трезвый» (1789):

Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;

Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

Он заманит меня потом
Тебе вослед опять за славой — намек на положение Катенина, высланного в свое костромское имение, судьбу которого снова не готов разделить Пушкин.

И лавр Корнеля или Тасса — Катенин перевел «Сида» П. Корнеля и, разрабатывая форму октавы, переводил фрагменты из «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо.

VII. НАПЕРСНИК
(С. 171)

Впервые опубл.: СЦ на 1829 г. ... С. 132 отд. «Поэзия». Подп.: **; имя Пушкина указано в оглавлении. Перепеч.: Музыкальный альбом на 1832 г. Содержащий в себе Романсы и Русские песни... СПб., б. г. (с нотами К. А. Кавоса).

Варианты СЦ

6 Таи в себе свои мечты:

Стихотворение в беловом автографе датировано 12 августа 1828 г. Оно связано с А. Ф. Закревской (1799—1879), женщиной бурного темперамента, необузданных страстей и свободного поведения, которой Пушкин увлекался в 1828 г. Ее облик нашел свое отражение в стихотворениях «Портрет», «Счастлив, кто избран своенравно...» (1828) и «Когда твои младые лета...» (1829; см. ниже). Закревская явилась также прототипом Нины Воронской в «Евгении Онегине» и Зинаиды Вольской в отрывке «Гости съезжались на дачу...».

VIII. И. В. С***
(С. 172)

Впервые опубл.: СЦ на 1829 г. ... С. 131 отд. «Поэзия». Подп.: А. П.

Варианты СЦ

Заглавие К И. В. С.
Заглавие в оглавл. И. В. Сл.
8 И безъискусной пестротой.
16 И ими сам не позабыт
20 И Лар молитвенным стихом.

Стихотворение вписано Пушкиным в альбом И. В. Слёнина (1789—1836), просвещенного петербургского книгопродавца и издателя, инициатора создания СЦ.

Аспазий наших благородных — имеются в виду светские дамы; по имени Аспазии, жены правителя Афин Перикла (V в. до н. э.), покровительницы искусств.

Цариц ты любишь Геликона
И ими сам не позабыт — покровительствуя музам (царицам Геликона), Слёнин сам выступал в журналах как поэт-дилетант.

Лары — домашние божества в древнеримской мифологии.

IX. ВОСПОМИНАНИЕ
(С. 173)

Впервые опубл.: СЦ на 1829 г. ... С. 10 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин.

Варианты СЦ

8 Змеи сердечной угрызенья.
9 Мечты кипят, в уме, подавленном тоской,
10 Теснится тяжких дум избыток.
12 Свой длинный развивает свиток;
13 И с отвращением читая жизнь мою,

В черновом автографе стихотворение датировано 19 мая ⟨1828⟩. Его содержание вырастает из сложного психологического комплекса, вызванного обстоятельствами жизни Пушкина в первые годы после освобождения из ссылки (см. ниже примеч. к стихотворениям «Предчувствие», «Дар напрасный, дар случайный...»). В черновой рукописи стихотворение имело продолжение, отброшенное автором.

X. «ВОРОН К ВОРОНУ ЛЕТИТ...»
(С. 174)

Впервые опубл.: СЦ на 1829 г. ... С. 31 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин; Лирический альбом на 1829 г. (далее — ЛА). Издан М. Глинкою и Н. Павлищевым. СПб., б. г. (с нотами М. Ю. Виельгорского). Перепеч.: Галатея. 1829. Ч. 1. № 4 (особое прилож. с нотами А. Н. Верстовского); Эвтерпа, или Собрание новейших романсов, баллад и песен известнейших и любимых Русских Поэтов. М., 1831. С. 28—29; Песни, романсы и куплеты из Водевилей Известных и Любимых поэтов. М., 1833. С. 2—3; Полный новейший песенник в 13-ти частях... Ч. 3. С. 12—13.

Варианты СЦ и ЛА

Заглавие а Два ворона (СЦ)
б Ворон к ворону летит. Песня (ЛА)
3 Ворон! где б нам отобедать?
10 Знает сокол лишь его (СЦ)

Стихотворение представляет собой вольный перевод шотландской баллады «Два ворона» («The Twa Corbies») из сборника, впервые изданного В. Скоттом в 1802 г. Оригиналом для Пушкина послужил французский перевод баллады в т. 3 издания: Chants populaires des Frontières Méridionales de l'Écosse, recueills et commentés par Sir Walter Scott, traduite de l'anglais par M. Artaud. Paris, 1826.* (Книга сохранилась в библиотеке Пушкина). Уже отдав стихотворение в СЦ, Пушкин сообщал А. А. Дельвигу (в письме от середины октября 1828 г.) о желании его шурина Н. И. Павлищева, за которого его сестра недавно вышла замуж, напечатать это стихотворение с нотами М. Ю. Виельгорского в задуманном им вместе с М. И. Глинкой и кн. С. Г. Голицыным ЛА: «Сестра

---

* Народные песни шотландской границы, собранные и объясненные сэром Вальтером Скоттом, перевод с английского г. Арто. Париж, 1826.

просит для своего *Голубчика* моего *Ворона*; как ты думаешь. Пускай шурин гравирует, а ты печатай». В СЦ стихотворение напечатано без разделения на строфы.

XI. ПРЕДЧУВСТВИЕ
(С. 175)

Впервые опубл.: СЦ на 1829 г. ... С. 132—133 отд. «Поэзия». Подп.: **; имя Пушкина указано в оглавлении. Перепеч.: Эвтерпа, или Собрание новейших романсов... С. 62—63 (без заглавия); Ладо, или Полное собрание лучших романсов и песен: Подарок на 1832 г. для милых девушек и любезных женщин. Собранный из известных авторов. М., 1832. С. 9—10 (без подп., под заглавием «Романс»); Песни, романсы и куплеты, из Водевилей... С. 2—3 (без заглавия); Полный новейший песенник в 13-ти частях... Ч. 3. С. 18—20 (без заглавия).

Варианты СЦ

2 Собралися в тишине,
5 Сохраню ль к судьбе презренье,
7 Непреклонное терпенье
9 Шаткой жизнью утомленный,
13 Но предчувствуя разлуку,
18 Тихо молви мне: *прости*,

Стихотворение, написанное летом 1828 г., отражает настроения Пушкина времени, связанного с острым ощущением новой опасности, исходящей из отношения к нему властей. Поэт столкнулся с неоднократными подтверждениями недоверия, которое питало по отношению к нему правительство (отказ в просьбах об определении в действующую армию и о поездке за границу, цензурные осложнения); продолжала тревожить его вовлеченность в судебное разбирательство, связанное с распространением отрывка из стихотворения «Андрей Шенье» (см. выше примеч. к этому стихотворению). Дело это было завершено 28 июня 1828 г. постановлением Государственного Совета об учреждении секретного надзора за Пушкиным (о неблагоприятном для него решении поэт мог догадаться по изменившемуся отношению к нему тех, кто был осведомлен об этом, — в частности А. Н. Оленина, что позднее сказалось на исходе сватовства поэта к его дочери). Наибольшую же опасность Пушкин предвидел от начавшегося в июне 1828 г. следствия по поводу распространения его ранней антиклерикальной поэмы «Гавриилиада» (1821), по которому в начале августа он давал первые показания. 1 сентября 1828 г. он писал П. А. Вяземскому: «Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду далее

Прямо, прямо на восток.

Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец „Гавриилиада“...» Ощущением нависшей опасности и проникнуто стихотворение «Предчувствие», обращенное, вероятнее всего, к А. А. Олениной («мой ангел»).

Непреклонность и терпенье

Гордой юности моей — реминисценция из «Прощальной песни воспитанников Царскосельского Лицея» А. А. Дельвига (ср. примечание к стихотворению 1825 г. «19 октября»):

В несчастье — гордое терпенье,
И в счастье — всем равно привет!

Ср. в стихотворении «Во глубине сибирских руд...» (1827): «Храните гордое терпенье».

XII. ЦВЕТОК
(С. 176)

Впервые опубл.: Галатея (далее — Г). 1829. Ч. 1. № 2. С. 88. Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: Эвтерпа, или Собрание новейших романсов... С. 114—115 (без загл.); Песни, романсы и куплеты из Водевилей... С. 20—21 (без загл.), а также с нотами А. А. Алябьева (1832).

Варианты Г

6 И долголь цвел? и сорван кем?

XIII. «ГОРОД ПЫШНЫЙ, ГОРОД БЕДНЫЙ...»
(С. 177)

Впервые опубл.: СЦ на 1829 г. ... С. 134 отд. «Поэзия». Подп.**; имя Пушкина указано в оглавлении. Перепеч.: Весенние Цветы, или Собрание романсов, баллад и песен... С. 159.

Варианты СЦ

Заглавие Город пышный
4 Скука, холод и гранит, —

В стихотворении речь идет о Петербурге. По свидетельству А. П. Керн, стихотворение связано с увлечением Пушкина А. А. Олениной, за которой «он очень усердно ухаживал».

XIV. «НЕ ПОЙ, КРАСАВИЦА, ПРИ МНЕ...»
(С. 178)

Впервые опубл.: СЦ на 1829 г. ... С. 148 отд. «Поэзия». Подп.: А. П. (полное имя Пушкина указ. в оглавл.). Перепеч.: Эвтерпа, или Собрание новейших романсов... С. 114—115; Ладо... С. 11 (загл.: Романс); Песни, романсы и куплеты из Водевилей... С. 4—5, а также с музыкой Н. С. Титова (1829), М. И. Глинки («Грузинская песня», 1831) и К. Гедике (1833).

Варианты СЦ

5 Увы! напоминают мне
8 Черты далекой, бедной девы...

В беловой рукописи первой редакции стихотворения («Не пой, волшебница, при мне...») оно датировано 3 и 12 июня 1828 . Редакция эта (без третьей строфы, написанной позднее при подготовке текста к публикации в СЦ) предназначалась для романса М. И. Глинки, который в своих «Записках» сообщил о его происхождении: А. С. Грибоедов «сообщил мне тему грузинской песни, на которую потом А. С. Пушкин написал романс «Не пой, волшебница, при мне». Речь идет о «Весенней песне» Д. Туманишвили, частичный перевод которой Пушкин привел во 2-й гл. «Путешествия в Арзрум». По другим, также восходящим к Глинке сведениям, «слова сей песни написаны под мелодию, которую он случайно услышал». Вероятно, это было пение А. А. Олениной, которая

брала уроки у Глинки, летом 1828 г., как и Пушкин, часто бывавшего в имении Олениных, в Приютине, недалеко от Петербурга, и тогда именно о ней идет речь в стихотворении Пушкина.

Черты далекой, бедной девы!.. — вероятно, имеется в виду М. Н. Раевская-Волконская (1805 или 1807—1869), с семьей которой Пушкин путешествовал по Кавказу в 1820 г.

XV. ОТВЕТ А. И. ГОТОВЦОВОЙ
(С. 179)

Впервые опубл.: СЦ на 1829 г. ... С. 182 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин.

Варианты СЦ

3 Кто, строгий Стоик, примет хладно
9 О, сколько мук себе готовил
11 Когда предательски злословил

Стихотворение обращено к А. И. Готовцовой (позднее по мужу Корниловой; 1799—1871), даровитой поэтессе, автору немногих стихотворений, публиковавшихся в журналах и альманахах 1820—1830-х гг. Оно было написано по инициативе П. А. Вяземского, познакомившегося с Готовцовой и переславшего Пушкину обращенное к нему ее послание. В письме Пушкину от 18 и 25 сентября 1826 г. Вяземский писал: «Вот тебе послание от одной костромитянки ⟨...⟩ эта Готовцева точно милая девица телом и душою. Сделай милость, батюшка Александр Сергеевич, потрудись скомпоновать мадригалец в ответ ⟨...⟩ нельзя ли напечатать эти стихи в „Северных цветах“...» В середине ноября 1828 г., посылая А. А. Дельвигу «Ответ Катенину», Пушкин упоминает об обещанном «мадригальце»: «Вот тебе ответ Катенину вместо ответа Готовцевой, который не готов. Я совершенно разучился любезничать...», а в письме 28 ноября, отправляя издателю СЦ свое стихотворение, поэт писал: «Вот тебе ответ Готовцевой (черт ее побери), как ты находишь ces petits vers froids et coulants.* Что-то написал ей мой Вяземский? а от меня ей мало барыша. Да в чем она меня и впрям упрекает — ? в неучтивости противу прекрасного полу, или в похабности, или в беспутном поведении? Господь ее знает». Пушкин имеет в виду тот «недосказанный упрек» Готовцовой, о котором он пишет в стихотворении. В послании «А. С. Пушкину» поэтесса после похвал его поэзии замечает:

Одно... Но где же совершенство?
В луне и солнце пятна есть!
. . . .
. . . .
Несправедлив твой приговор, —
Но порицать тебя не смеем;
Мы гению простить умеем —
Молчанье выразит укор.

Ряды точек в стихотворении Готовцовой, скорее всего, скрывают упрек Пушкину за его суждение о женщинах, высказанное в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях», анонимно напечатанных в СЦ на 1828 г. (авторство Пушкина мог раскрыть Вяземский):

---

* эти холодные и гладенькие стихи (франц.).

«Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью самой раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного» и т. д. Не исключено, что это мог быть и отрывок из «Евгения Онегина» «Женщины» (исключенное из текста романа начало гл. 4), опубликованный в «Московском Вестнике» (1827. Ч. 5. № 20) и заканчивающийся стихами:

Как будто требовать возможно
От мотыльков иль от лилей
И чувств глубоких и страстей!

В СЦ на 1829 г. ответ Пушкина был напечатан непосредственно вслед за посланием Готовцовой, перед которым были помещены комплиментарные «Стансы (Анне Ивановне Готовцовой)» Вяземского (в этой же книжке альманаха было напечатано и послание Готовцовой ее покровителю, директору училищ Костромской губ. Ю. Н. Бартеневу).

Стоик — см. примеч. к стихотворению «Лицинию».

Зоил — см. ниже примеч. к эпиграмме «Охотник до журнальной драки...» (Разных годов, VIII).

XVI. TO DAWE, ESQ[r] *
(С. 180)

Впервые опубл.: СЦ на 1829 г. ... С. 59 отд. «Поэзия». Подп.: А. П. (полное имя Пушкина раскрыто в оглавлении).

Варианты СЦ

2 Рисует мой арабский профиль?
5 Рисуй О-й черты

Его освищет Мефистофиль — возможно, имеется в виду И. С. Мальцов (1807—1880), в начале 1828 г. поместивший в «Московском Вестнике» резко критическую статью о творчестве Дж. Дау; в своем окружении Мальцов был прозван Мефистофелем.

*Рисуй *** черты* — зашифровано имя Олениной (ср. варианты СЦ).

---

* Стихотворение обращено к английскому художнику Дж. Дау (Доу; 1781—1829); поэт встретился с ним во время поездки с Олениными морем в Кронштадт 9 мая 1828 г. (см. помету в рабочей тетради Пушкина: 9 мая 1828 Море Ол⟨енина/ы⟩⟨?⟩ Дау). Дау в течение многих лет (с 1819 г.) жил в России, осуществляя заказ на создание серии портретов участников Отечественной войны 1812 г. для Военной галереи Зимнего дворца; в 1828 г., впав в немилость у Николая I, он вынужденно возвращался в Англию, когда его и встретил Пушкин. Карандашный набросок Дау к портрету Пушкина неизвестен. В СЦ стихотворение напечатано без деления на строфы.

1829

I. Е. Н. У***вой

(С. 181)

Впервые опубл.: Галатея. 1829. Ч. 1. № 5. С. 265. Подп.: А. Пушкин.

Варианты Г

Заглавие В Альбом (Е. Н. У....вой)
4 Вам кажется докучной модой.
10 *Отсутствует*
14 Нам сердце трогает тайком, —
16 Вношу смиренно в ваш Альбом.
17 Авось, на память поневоле
18 Придет вам тот, кто вас певал,
19 В те дни как Пр.... *поле*

Стихотворение обращено к Ел. Н. Ушаковой (1810—1872), московской знакомой Пушкина, принадлежавшей к дружественному ему семейству, и предназначалось для ее альбома. Создавая его, Пушкин воспользовался оставленным им стихотворением, посвященным А. А. Олениной.

Армида — волшебница, героиня поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим»; ее имя стало нарицательным как обозначение женщины, очаровывающей своей красотой.

Сильфида — дух воздуха в древнегерманской мифологии; здесь: легкая, изящная барышня.

*Пр *** поле* — Пресненское поле, в 1820-е гг. окраина Москвы; см. в воспоминаниях адресата стихотворения Ел. Н. Ушаковой: «Отец ⟨...⟩ купил на Пресне дом, в самой отдаленной и глухой части города».

РАЗНЫХ ГОДОВ

I. ПТИЧКА

(С. 182)

Впервые опубл.: Литературные Листки (далее — ЛЛ). 1823. № 2. С. 28. Подп.: А. П. С примеч.: Сие относится к тем благодетелям человечества, которые употребляют свои достатки на выкуп из тюрьмы невинных должников, и проч. — *Издат.* В СП на с. 119 (Эпиграммы и надписи, XXI). Перепеч.: Опыт Руской анфологии... С. 90; Весенние Цветы, или Собрание романсов... С. 176—177 (без загл.).

Варианты ЛЛ

Заглавие На выпуск птички
2 Родной обычай старины; *
3 На волю птичку отпускаю,
4 На светлом празднике весны.

---

* Данное чтение ст. 2 принято и в основном тексте стихотворения; в настоящем издании сохраняется чтение СП2 (и СП), не допускающее отнесения эпитета «родной» к слову «старины».

5 Я стал доступен утешенью:
6 Зачем на Бога мне роптать,
7 Когда, хоть одному творенью,

Стихотворение написано в 1823 г. (Пасха приходилась в этом году на 22 апреля). В нем отражены настроения Пушкина, тяготившегося своим положением в ссылке, от которой он в начале 1823 г. пытался хоть на время освободиться (см. письмо Пушкина гр. К. В. Нессельроде 13 января 1823 г.). В начале апреля поэт узнал об отказе Александра I на его просьбу о краткосрочном отпуске для свидания с родными. Стихотворение было послано Н. И. Гнедичу в письме от 13 мая 1823 г.: «Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в светлое воскресение выпускать на волю птичку? вот вам стихи на это ⟨...⟩ Напечатают ли без имени в „Сыне Отечества“?» В ЛЛ оно было передано после того, как цензор А. И. Красовский запретил публикацию стихотворения в «Сыне Отечества»; примечание к нему издателя Ф. В. Булгарина явно учитывало подозрительное отношение цензуры.

II. ИНОСТРАНКЕ

(С. 183)

Впервые опубл.: СП. С. 115 (Эпиграммы и надписи, XVII).

Стихотворение датируется 1822 г. В черновой рукописи оно имеет заглавие «Гр», которое можно прочитать как «Гречанке»⟨?⟩ В воспоминаниях Л. С. Пушкина содержатся указания на происхождение стихотворения: «Одна иностранка, оставляя Россию, просила Пушкина написать ей что-нибудь в память самых близких двухлетних их отношений. Он написал ей пиесу ⟨...⟩ Она очень удивилась, узнавши, что стихи собственного его сочинения, просила перевода, но Пушкин предоставил ей обратиться для сего к первому русскому, которого она встретит за границей». Рассказ этот не поддается проверке. Адресат стихотворения не установлен.

III. К ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКОГО

(С. 184)

Впервые опубл.: Благонамеренный (далее — Бл.). 1818. Ч. 3. № 7. С. 24. Подп.: Александр Пушкин. В СП на с. 109 (Эпиграммы и надписи, XI). Перепеч.: Опыт Руской анфологии... С. 156. Русская стихотворная хрестоматия. Собр. Васильем Золотовым. М., 1829. Ч. 2. С. 262; Учебная книга Российской словесности, или Избранные места из Русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории Русской литературы, изданная Николаем Гречем. 2-е изд. СПб., 1830. Ч. 3. С. 221; Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1836. № 9. Т. 3. С. 10.

Редакция Бл.

Надпись к портрету В. А. Жуковского

Его стихов пленительная сладость
Пройдет времен в таинственную даль:
Услыша их, воспламенится младость,
Безмолвная утешится печаль
И резвая задумается радость.

Стихотворение написано в 1818 г.

IV. К. А. Б***

(С. 185)

Впервые опубл.: СП. С. 111 (Эпиграммы и надписи, XIII). Перепеч.: Опыт Руской анфологии... С. 183; Учебная книга Российской словесности... Ч. 3. С. 225.

Варианты СП

Заглавие К. А. Б.

Предположительно датируется 1817—1819 гг.; адресат мадригала не установлен.

V. ПРИЯТЕЛЯМ

(С. 186)

Впервые опубл.: МТ. 1825. Ч. 1. № 3. С. 215. Подп.: А. П. В СП на с. 99. (Эпиграммы и надписи, I).

Варианты МТ и СП

Заглавие Журнальным приятелям (МТ)
1 Враги мои! покамест, я ни слова,
2а И кажется, мой быстрый гнев угас, (МТ)
б И, кажется, мой быстрый гнев угас: (СП)
3 Но из виду не выпускаю вас
4а И выберу, когда нибудь, любова; (МТ)
б И выберу когда нибудь любого.
5 Не избежать пронзительных когтей, (СП)
6 Как налечу нежданый, беспощадный: (МТ)

Стихотворение датируется 1825 г. Пушкин послал его П. А. Вяземскому в письме 26 января 1825 г.: «Напечатай где-нибудь». После появления стихотворения в МТ в «Северной Пчеле» (1825. 30 апреля. № 52) было напечатано следующее заявление: «А. С. Пушкин просил Издателей Северной Пчелы известить публику, что стихи его сочинения, напечатанные в № 3 Моск⟨овского⟩ Телеграфа на стр. 215 под заглавием: *К Журнальным приятелям*, должно читать просто: *К приятелям*». В письме 7 июня 1825 г. Вяземский пенял Пушкину: «Охота тебе было печатать une réclamation на Телеграф у подлеца Булгарина! „Телеграф“ очень огорчился, а виноват был во всем я. Мне казалось осторожнее прибавить *Журнальным*, потому что у тебя приятелей много, и могли бы попасть невпопад». В МТ (1825. Ч. 3. № 9. С. 153) появилось ответное заявление Н. А. Полевого «Господам Издателям Северной Пчелы» (Ф. В. Булгарину и Н. И. Гречу): «На замечание, что в названии эпиграммы, напечатанной в Телеграфе, прилагательное *Журнальным* лишнее, объявляю, что это прибавлено не мною: так было в списке, ко мне доставленном. Издатель Московского Телеграфа». На всю эту ситуацию Пушкин отреагировал в письме Вяземскому начала июля 1825 г.: «Я послал в „Пчелу“, а не в „Телеграф“ мою *опечатку*, потому что в Москву почта идет несносно долго; Полевой напрасно огорчился, ты не напрасно прибавил *журнальным*, а я недаром отозвался, et le diable n'y perd rien ⟨и дьявол ничего от этого не потерял; франц.⟩». В цитированном письме Пушкин откликается также на вызванную его стихотворением выходку А. Е. Измайлова в издававшемся им журнале «Благонамеренный» (см. об этом ниже в примеч. к стихотворению «Ex ungue leonem». Разных годов, XV). Полемика эта

имеет значение для понимания смысла стихотворения, направленного не против литературных противников Пушкина, но против его личных врагов. Вяземский, как это признал и сам поэт, имел основания опасаться их неблагоприятной для автора эпиграммы реакции, Пушкину же было важно указать на то, кому она в действительности была адресована.

VI. РОЗА

(С. 187)

Впервые опубл.: СП. С. 107 (Эпиграммы и надписи, IX). Перепеч.: Листки граций... С. 10 (без загл.); Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. М., 1831. Ч. 1. С. 41.

Стихотворение написано предположительно в 1815 г., переработано в 1817 и 1819 гг. Оно ориентировано на так называемый «язык цветов», их символику, широко представленную в предшествующей поэзии. Розе как символу преходящей молодости противопоставлена лилия как символ устойчивости и бессмертия.

VII. СТАРИК

(С. 188)

Впервые опубл.: Российский Музеум (далее — РМ). 1815. Ч. 2. № 5. С. 142. Подп.: Александр Н. — П. В СП на с. 112 (Эпиграммы и надписи, XIV). Перепеч.: Опыт Руской анфологии... С. 178.

Редакция РМ

Старик. (Из Марота)

Уж я не тот Философ страстной,
Что прежде так любить умел,
Моя весна и лето красно
Ушли — за тридевять земель!
Амур, свет возраста златова!
Богов тебя всех боле чтил;
Ах! естьлиб я родился снова,
Уж так ли бы тебе служил.

Варианты СП

Заглавие в оглавл. Старик. *Из Марота*

Стихотворение датируется 1814—1815 гг.; переработано в 1819 г. Оно представляет собой свободный перевод стихотворения популярного в начале XIX в. французского поэта К. Маро (1495—1544) «О себе самом» («De soi même», 1537).

VIII. «ОХОТНИК ДО ЖУРНАЛЬНОЙ ДРАКИ...»

(С. 189)

Впервые опубл.: СП. С. 100 (Эпиграммы и надписи, II).

Эпиграмма написана в 1824 г. Она направлена против М. Т. Каченовского (1755—1842), историка, профессора Московского университета, издателя журнала «Вестник Европы», литературного противника Пушкина.

Зоил — здесь: придирчивый, несправедливый критик; по имени древнегреческого философа Зоила (ок. 400—ок. 320 гг. до н. э.), прославившегося своими нападками на поэмы Гомера, что сделало его имя нарицательным.

IX. ПРИЯТЕЛЮ
(С. 190)

Впервые опубл.: СП. С. 116 (Эпиграммы и надписи, XX).

Варианты СП

2 Соперник мой широкоплечий!

Стихотворение относится к 1821 г. Оно обращено к другу Пушкина кишиневского периода Н. С. Алексееву и, вероятно, имеет в виду те же обстоятельства, о которых идет речь в его послании 1821 г. «Алексееву» (см. выше примеч. к этому стихотворению).

Она прелестная Лаура
Да я в Петрарки не гожусь — имеются в виду стихотворения итальянского поэта Ф. Петрарки (1304—1374), обращенные к его возлюбленной Лауре и воспевающие возвышенную и безнадежную любовь. Подобная роль была чужда Пушкину (ср. в его письме брату 25 августа 1823 г.: «...роль Петрарки мне не по нутру»).

X. ЛИЛЕ
(С. 191)

Впервые опубл.: СП. С. 106 (Эпиграммы и надписи, VIII). Перепеч.: Опыт Руской анфологии... С. 42 и с нотами А. А. Алябьева («Саша, я страдаю», 1832).

Варианты СП

1 Лила, Лила! Я страдаю
6 Смейся, Лила! Ты прекрасна

Стихотворение не поддается точной датировке и, скорее всего, может относиться ко времени между 1816 и 1819 гг.

XI. К*** («НЕ СПРАШИВАЙ, ЗАЧЕМ УНЫЛОЙ ДУМОЙ...»)
(С. 192)

Впервые опубл.: СП. С. 117 (Эпиграммы и надписи, XIX). Перепеч. с нотами Н. С. Титова (1834).

В черновом автографе стихотворение датировано 28 ноября 1817 г.

XII. «У КЛАРИСЫ ДЕНЕГ МАЛО...»
(С. 193)

Впервые опубл.: СП. С. 101 (Эпиграммы и надписи, III). Перепеч.: Опыт Руской анфологии... С. 176 (загл.: Эпиграмма).

Варианты СП

3 И богатство ей пристало

Стихотворение датировано в рукописи январем 1822 г.

XIII. УЕДИНЕНИЕ
(С. 194)

Впервые опубл.: СП. С. 105 (Эпиграммы и надписи, VII). Перепеч.: Опыт Руской анфологии... С. 152; Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. 1831. Ч. 3. С. 70.

Варианты СП

8 От пробудителя нахала!

Стихотворение, написанное в 1819 г., представляет собой свободный перевод стихотворения французского драматурга и поэта А. Арно (1766—1834) «Одиночество» («Le Solitude»).

XIV. ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК
(С. 195)

Впервые опубл.: СП. С. 102 (Эпиграммы и надписи, IV). Перепеч.: Опыт Руской анфологии... С. 132.

Варианты СП

6 Ты просто глуп и слава Богу.

Стихотворение датируется предположительно 1818—1819 гг.

XV. EX UNGUE LEONEM
(С. 196)

Впервые опубл.: МТ. 1825. Ч. 4. № 13. С. 43. Подп.: А. П. В СП на с. 103 (Эпиграммы и надписи, V).

Варианты МТ и СП

1 Недавно я стихами как-то свистнул
3 Журнальный шут об них статейку тиснул
4а И в свет пустил без подписи-ж, злодей! (МТ)

6 И в свет пустил без подписи ж, злодей. (СП)
8 Я по ушам узнал его как раз! (МТ)

Эпиграмма датируется 1825 г. Она связана с эпизодом литературной полемики, вызванной публикацией в МТ стихотворения Пушкина «Приятелям» (см. выше примеч. к этому стихотворению; Разных годов, V). Издатель журнала «Благонамеренный» А. Е. Измайлов (1779—1831) анонимно опубликовал в своем журнале заметку «Дело от безделья, или Краткие замечания на современные журналы. № III» (1825. Ч. 30. № 19. С. 173): «Из самого начала сего ужасного осьмистишия открывается, что для сочинителя *приятель* и *враг* — синонимы», следует цитата — первое четверостишие стихотворения Пушкина. И далее: «Страшно, очень страшно. Более же всего напугало меня то, что у господина сочинителя есть *когти*!» Процитировав второе четверостишие пушкинской эпиграммы, Измайлов продолжает: «Сколько вкуса и чувствительности! Пришлось похвалить! Долго ли до истории?» В этом памфлетном замечании Пушкина, вероятно, более всего задело упоминание о *когтях*, в котором он мог усмотреть личность (намек на пристрастие поэта к длинным ногтям). В письме П. А. Вяземскому начала июля 1825 г. он писал: «Вот еще эпиграмма на „Благонамеренного“, который, говорят, критиковал моих „Приятелей“ 〈...〉 Отослано к *Полевому*».

XVI. ИМЯНИНЫ
(С. 197)

Впервые опубл.: СП. С. 108 (Эпиграммы и надписи, X).

Стихотворение датируется предположительно 1817—1819 гг.
Между тем дитя крылато — античный бог любви Эрот (Амур).

XVII. ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА
(С. 198)

Впервые опубл.: Сор. 1821. Ч. 14. № 5. С. 202. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 104 (Эпиграммы и надписи, VI). Перепеч.: Опыт Руской анфологии... С. 162; Учебная книга Российской словесности... Ч. 3. С. 223; *Пенинский Иван*. Российская хрестоматия... Ч. 2. С. 358.

Варианты Сор. и СП

Заглавие Эпиграмма (Сор.)
1—4 Марает он единым духом
Лист,
Внимает он привычным ухом
Свист; (Сор., СП) *
6 Слух,
7 Потом печатает — и в Лету (Сор.)

Стихотворение датируется 1817—1819 гг.

* В СП в отличие от Сор. ст. 2 заканчивается точкой с запятой.

XVIII. К ПОРТРЕТУ ***

(С. 199)

Впервые опубл.: Полярная Звезда: Карманная книжка на 1824 г., для любительниц и любителей Руской словесности, изд. А. Бестужевым и К. Рылеевым (далее — ПЗ). СПб., 1824. С. 319. Подп.: *. В СП на с. 110 (Эпиграммы и надписи, XII). Перепеч.: Опыт Руской анфологии... С. 157; Учебная книга Российской словесности... Ч. 2. С. 221; *Пенинский Иван*. Российская хрестоматия... Ч. 2. С. 362.

Варианты ПЗ и СП

Заглавие Надпись к портрету (ПЗ)
Надпись к портрету *** (СП)
1 Судьба свои дары явить желала в нем: (ПЗ)

Стихотворение относится к 1820 г. Оно содержит в себе поэтическую характеристику кн. П. А. Вяземского (1792—1878), поэта, близкого друга Пушкина, знавшего его еще с детства. С 1816 г., и особенно с первых лет после окончания Лицея, Пушкин поддерживал тесные литературные и личные связи с Вяземским. Контрастно соединяя в своей надписи качества Вяземского — поэта и светского человека, Пушкин отмечает свойственную его поэзии острую мысль и резкость выражений, особенно характерных для его эпиграмм и критических статей.

XIX. «ХОТЬ ВПРОЧЕМ ОН ПОЭТ ИЗРЯДНЫЙ»

(С. 200)

Впервые опубл.: СП. С. 114 (Эпиграммы и надписи, XVI).

Эпиграмма относится к 1821 г. Она является ответом на какое-то выступление против Пушкина (в беловом автографе вместо «Эмилий» стоит «Людмилин», т. е. автор «Руслана и *Людмилы*»; адресат эпиграммы назван здесь «мой князь»).

XX. «КАК БРАНЬ ТЕБЕ НЕ НАДОЕЛА!..»

(С. 201)

Впервые опубл.: СП. С. 116 (Эпиграммы и надписи, XVIII).

Эпиграмма написана в 1820 г. и, возможно, направлена против того же лица, что и предыдущая. Адресат обеих эпиграмм не установлен.

XXI. ВЕСЕЛЫЙ ПИР

(С. 202)

Впервые опубл.: Мнемозина: Собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером (далее — Мн.). М., 1824. Ч. 2. С. 85. Подп.: А. Пушкин. В СП на с. 113 (Эпиграммы и надписи, XV). Перепеч.: Опыт Руской анфологии... С. 49.

Варианты Мн.

Заглавие Вечер
2 Где веселье заседатель.
4 За столом законодатель;
5 Где до утра слово: «пей!»
6 Заглушает звуки песен,
8 Но кружок бутылок тесен! —

Стихотворение относится к 1819 г.

XXII. ЛЮБОПЫТНЫЙ
(С. 203)

Впервые опубл.: СЦ на 1829 г. ... С. 32 отд. «Поэзия». Без подп., имя Пушкина указ. в оглавл.

Варианты СЦ

3 Не стыдно ли? от друга своего,
5 Иль ты сердит? помилуй, брат, за что?

Ранняя редакция («Эпиграмма») относится к 1814—1816 гг.; время ее переработки в стихотворение «Любопытный» точно не установлено.

XXIII. «НЕТ НИ В ЧЕМ ВАМ БЛАГОДАТИ...»
(С. 204)

Впервые опубл.: Урания: Карманная кн. на 1826 г. ... С. 109. Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: Роза граций... 1830. С. 49 (*заглавие*: Мадригал).

Варианты Ур.

Заглавие Мадригал
1 Нет ни в чем Вам * благодати,
4 И умны Вы не в попад.

См. примеч. к стихотворению 1825 г. «Движение». Мадригал Пушкина не поддается точной датировке, предположительно его можно отнести к 1825 г.

XXIV. К Б***
(С. 205)

Впервые опубл.: МВ. 1829. Ч. 1. С. 108. Подп.: А. Пушкин.

* Слово «Вы» в Ур. последовательно печатается с прописной буквы.

Варианты МВ

Заглавие К ....
9 Твоя Чухоночка, ей ей,
Под текстом: 1825.

Стихотворение написано в начале 1826 г. Оно обращено к Е. А. Баратынскому и имеет в виду его «финляндскую повесть» «Эда». С поэмой Баратынского Пушкин нетерпеливо стремился ознакомиться и получил ее, изданную вместе с другой поэмой автора «Пиры» (СПб., 1826), в начале 1826 г. В письме А. А. Дельвигу Пушкин восторженно отзывался о поэме: «...что за прелесть эта „Эда"! Оригинальности рассказа наши критики не поймут». Действительно, с резкой критикой «Эды» выступил Ф. В. Булгарин («Северная Пчела». 1825. 16 февр. № 20), осуждавший Баратынского за «вовсе не пиитический» предмет поэмы: «Нет ни одной сцены занимательной, ни одного положения поразительного. Скудость предмета имела действие и на образ изложения: стихи, язык в этой поэме не отличные». Позднее (1828) Пушкин, вспоминая о приеме «Эды» Булгариным, замечал (статья «„Бал" Баратынского»): «...появление „Эды", произведения столь замечательного оригинальной своею простотою, прелестью рассказа, живостью красок и очерком характеров, слегка, но мастерски означенных, — появление „Эды" подало только повод к неприличной статейке в „Северной Пчеле"...» Отзыв Булгарина Пушкин и имеет в виду в последнем стихе комментируемого стихотворения.

Зоил — см. выше примеч. к эпиграмме «Охотник до журнальной драки...» (Разных годов, VIII).

XXV. ЗОЛОТО И БУЛАТ

(С. 206)

Впервые опубл.: МВ. 1827. Ч. 1. № 2. С. 91. Подп.: А. Пушкин.

Варианты МВ

1 Всё мое, сказало злато.
3 Всё куплю, сказало злато.

Время создания стихотворения неизвестно (датируется временем между 1816 и 1826 гг.). Оно является вольным переводом французского стихотворения «Железо и золото» («Le Fer et l'Or», подп.: Arnauld), с которым Пушкин, скорее всего, мог ознакомиться по сохранившемуся в его библиотеке сборнику «Французская антология» («Anthologie Française...». Paris, 1826).

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

1829

I. КАВКАЗ

(С. 211)

Впервые опубл.: Литературная Газета (далее — ЛГ). 1831. 1 янв. Т. 3. № 1. С. 4. Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: *Пенинский Иван.* Российская хрестоматия, или Отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах. СПб., 1834. Ч. 2. С. 292—293.

Варианты ЛГ

8 Сквозь них низвергаясь, шумят водопады,
9 Под ними — утесов нагие громады;
13 А там уж и люди гнездятся в горах
14 И ползают овцы по злачным стремнинам
16 Где Терек играет в свирепом весельи.

«Кавказ» открывает ряд стихотворений Пушкина, написанных во время поездки на Кавказ и на закавказский театр военных действий (май—сент. 1829 г.). В СП$_3$ они занимают позиции с I по VIII и XVII—XVIII. Последовательность стихотворений близко соответствует этапам поездки Пушкина. Все это позволяет говорить об их объединении в поэтический цикл, окончательно сформированный при подготовке задуманного в 1836 г. сборника как «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)». Содержание и характер цикла демонстративно противопоставлены неоднократно предъявлявшимся к Пушкину настойчивым требованиям воспеть военные события, свидетелем которых он оказался. См., например, в «Северной Пчеле» (1829. 16 ноября. № 138): «Многие почитатели его Музы надеются, что он обогатит нашу Словесность каким-нибудь произведением, вдохновенным под тенью военных шатров, в виду неприступных гор и твердынь, на которых мощная рука Эриванского героя* водрузила Русские знамена». Ср. в наброске вступления к «Домику в Коломне»:

Пока сердито требуют журналы,
Чтоб я воспел победы россиян
И написал скорее мадригалы
На бой или на бегство персиян...

Как и большинство других произведений цикла, «Кавказ», написанный в 1829 г., был окончательно обработан осенью 1830 г. в Болдине (см. дату в несохранившейся перебеленной рукописи стихотворения: 20 сент⟨ября⟩ ⟨1830⟩). В стихотворении отразились впечатления от Кавказа, описанные в первой главе «Путешествия в Арзрум».

---

* Имеется в виду главнокомандующий русской армией на Кавказе И. Ф. Паскевич (1782—1856).

II. ОБВАЛ

(С. 212)

Впервые опубл.: Северные Цветы (далее — СЦ) на 1831 г. СПб., 1830. С. 95—96 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин.

Варианты СЦ

7 Оттоль сорвался раз обвал
10 Загородил
13 Вдруг истощась и присмирев,
25 И путь по нем широкий шел.

См. примеч. к стихотворению «Кавказ». В перебеленном автографе стихотворения, относящемся к осени 1830 г., проставлена дата его окончательной отделки: 29 и 30 октября. Содержание стихотворения соотносится с описанием в первой главе «Путешествия в Арзрум»: «Дорога шла через обвал, обрушившийся в конце июня 1827 года. Таковые случаи бывают обыкновенно каждые семь лет. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущелие на целую версту и запрудила Терек. Часовые, стоявшие ниже, слышали ужасный грохот и увидели, что река быстро мелела и в четверть часа совсем утихла и истощилась. Терек прорылся сквозь обвал не прежде, как через два часа. То-то был он ужасен!» В описании обвала сказалось знакомство и с литературным источником: книгой французского консула в Тифлисе Гамба «Voyage dans la Russie méridionale... (A Paris, 1826)».* Подтверждением этого может служить то, что в рукописи заглавие стихотворения дублировано по-французски (Avalanche). Строфическая форма «Обвала» восходит к английской поэзии и связана, по-видимому, со знакомством Пушкина со стихотворением английского поэта Барри Корнуолла (1787—1874) «Прибрежное эхо» («A sea chore echo»).

Эол — в античной мифологии бог ветров; здесь: ветер.

III. МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЕ

(С. 213)

Впервые опубл.: СЦ на 1831 г. ... С. 47—48 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин.

Варианты СЦ

9 Подняться к вольной вышине,

См. примеч. к стихотворению «Кавказ». В беловой рукописи стихотворения проставлена дата его окончательной отделки: 20 се⟨нтября⟩ ⟨1830⟩. В стихотворении отразилось впечатление от храма Цминда Самеба (Св. Троица), возвышающегося на одной из окружающих Казбек вершин. В «Путешествии в Арзрум» (гл. 5) Пушкин так описывает это свое впечатление: «Утром, проезжая мимо Казбека, увидел я чудное зрелище: белые, оборванные тучи перетягивались через вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавал в воздухе, несомый облаками».

Как в небе реющий ковчег — сравнение, навеянное библейским образом ковчега (корабля), на котором Ной и его спутники спаслись от всемирного потопа: «И остановился

---

* Путешествие в южную Россию... (Париж, 1826).

ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских» (Быт. 8 : 4). Ср. в «Путешествии в Арзрум»: «Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждою обновления и жизни, — и врана и голубицу излетающих, символы казни и примирения...»

IV. ДЕЛИБАШ

(С. 214)

Впервые опубл.: СЦ на 1831 г. ... С. 58. Подп.: А. Пушкин; Стихотворения А. С. Пушкина: (Из Северных Цветов 1832 г.). СПб., 1832. С. 18.

См. примеч. к стихотворению «Кавказ». В беловом автографе имеются дата окончательной обработки стихотворения: 7 сент⟨ября⟩ ⟨1830⟩ и помета: Сыганлу, — указывающая на его происхождение. В «Делибаше» отразились впечатления Пушкина от перестрелки на этих высотах, которую он наблюдал 13 июля 1829 г. Ср. в «Путешествии в Арзрум»: «Проехав ущелие, вдруг увидели мы на склонении противуположной горы до 200 казаков, выстроенных в лаву, и над ними около 500 турков. Казаки отступали медленно; турки наезжали с большею дерзостию, прицеливаясь шагах в 20 и, выстрелив, скакали назад ⟨...⟩ Подкрепление подоспело. Турки, заметив его, тотчас исчезли, оставя на горе голый труп казака, обезглавленный и обрубленный».

Делибаш — солдат турецкой конницы (от турецкого «дели-баш» — отчаянная голова).

Лава — форма построения казачьей сотни к атаке.

V. «НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ ЛЕЖИТ НОЧНАЯ МГЛА...»

(С. 215)

Впервые опубл.: СЦ. 1830. С. 56 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин.

Варианты СЦ

Заглавие Отрывок
1 На холмах Грузии лежит ночная мгла,
3 Мне грустно и легко; печаль моя светла,

См. примеч. к стихотворению «Кавказ». Первая черновая редакция стихотворения датирована: 15 мая ⟨1829⟩. Пушкин в это время находился в Георгиевске (см. первую главу «Путешествия в Арзрум»). Окончательный текст стихотворения является результатом значительной переработки, существенно меняющей оттенки его смысла (в частности, сглаживается мотив возврата к былой любви). Это не позволяет твердо обозначить адресата стихотворения, которое относили и к М. Н. Волконской-Раевской, и к невесте поэта Н. Н. Гончаровой (об этом писала В. Ф. Вяземская, жена П. А. Вяземского, в письме М. Н. Волконской).

VI. «НЕ ПЛЕНЯЙСЯ БРАННОЙ СЛАВОЙ...»

(С. 216)

Впервые опубл.: Царское Село: Альманах на 1830 г. (далее — ЦС). Изд. Н. Коншиным и Б. Розеном. СПб., б. г. С. 233. Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: Роза Граций, или Собрание стихотворений для прекрасного пола на 1831 г. М., 1830. С. 66.

Варианты ЦС

Заглавие (Из Гафиза)
2 О красавец молодой,
5 Знаю, смерть тебя не встретит:
Под текстом: 5 июля 1829.
Лагерь при Евфрате.

См. примеч. к стихотворению «Кавказ». В беловом автографе, как и в ЦС, датировано 5 июля 1829 г. Здесь же имеется и заглавие: Шеерь I. Фаргат-Беку («Фаргат-Беку» стихотворение озаглавлено и в списке произведений, предназначенных для $СП_3$).

Фархад-бек — офицер 1-го мусульманского конного полка (по-азербайджански «шеер») русской армии, состоявшего из всадников, набранных в Карабахе («С Карабахскою толпой»). Указание на Гафиза (Хафиза), персидского поэта XIV в., условно: стихотворение является оригинальным произведением Пушкина, написанным в восточном духе. В подготовленной для несостоявшегося издания стихотворений Пушкина (1836) копии стихотворение озаглавлено «Из Гафиза», и это заглавие принято в современных изданиях Пушкина.

Азраил (*Израил*) — в мусульманской мифологии ангел смерти, разлучающий душу человека с его телом.

VII. ДОН
(С. 217)

Впервые опубл.: Литературные Прибавления к *Русскому Инвалиду* (далее — ЛП). 1831. 17 окт. № 83. С. 655. Подп.: А. Пушкин.

Варианты ЛП

2 Вот он льется!... здравствуй, Дон!
5 Как прославленного брата
6 Реки знают тихий Дон;
7 От Аракса и Евфрата

В ЛП стихотворение не разделено на строфы.

См. примеч. к стих. «Кавказ». Стихотворение написано на обратном пути из «путешествия в Арзрум» и имеет в виду ожидавшееся возвращение казаков, воевавших в Закавказье, на Дон.

Пьют уже Донские кони
Арпачайскую струю — пограничная река Арпачай разделяла русские и турецкие владения (ср. во второй гл. «Путешествия в Арзрум»: «Вот и Арпачай», — сказал мне казак. Арпачай! наша граница! ⟨...⟩ Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли»).

VIII. ОЛЕГОВ ЩИТ
(С. 218)

Впервые опубл.: СЦ на 1830 г. ... С. 53—54 отд. «Поэзия». Подп.: **; имя Пушкина указано в оглавлении.

Варианты СЦ

4 И развила победы стяг,
5 Тогда, во славу Руси ратной,

9 Настали дни вражды кровавой,
10 Твой путь мы снова обрели;
12 К Стамбулу грозно притекли,

См. примеч. к стихотворению «Кавказ». В основе сюжета стихотворения, написанного после возвращения Пушкина в Москву, — Адрианопольский мир с Турцией, заключенный 2 сентября 1829 г. в условиях, когда в ходе успешных военных действий русские войска близко подошли к Стамбулу. О щите Олега см. в примеч. к стихотворению «Песнь о вещем Олеге» (1822). В СЦ стихотворение не было разделено на строфы.

IX. «ПОЕДЕМ, Я ГОТОВ...»
(С. 219)

Впервые опубл.: Московский Вестник (далее — МВ). 1830. Ч. 3. № 11. С. 194—195. Подп.: А. Пушкин.

Варианты МВ

Заглавие Элегический отрывок
1 Поедем, я готов: куда бы вы, друзья,
3 Повсюду следовать, надменной убегая;
4 К подножию-ль стены недвижного Китая,
9 Повсюду я готов. Поедем..., но, друзья,
Под текстом:
21 Декабря 1829.

Биографической основой стихотворения являются планы Пушкина поездки за границу, вызванные перипетиями его отношений с Н. Н. Гончаровой в конце 1829 г., когда исход сватовства к ней все еще оставался неясным и холодный прием у Гончаровых после возвращения поэта в Москву оставлял мало надежд на успех. 7 января 1830 г. Пушкин писал А. Х. Бенкендорфу: «Покамест я еще не женат и не зачислен на службу, я бы хотел совершить путешествие по Франции или Италии. В случае же, если оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством». На это прошение последовал отказ; см. в письме А. Х. Бенкендорфа Пушкину 17 января 1830 г.: «...его императорское величество не соизволило удовлетворить вашу просьбу о разрешении поехать в чужие края, полагая, что это слишком расстроит ваши денежные дела, а кроме того отвлечет Вас от Ваших занятий. Желание ваше сопровождать наше посольство в Китай также не может быть осуществлено, потому что все входящие в него лица уже назначены и не могут быть заменены другими без уведомления в том Пекинского двора» (оба письма по-франц.). Несмотря на очевидный автобиографизм, стихотворение навеяно «элегическим отрывком» А. Шенье «Partons, la voile est prête et Byzance m'apelle...» («Едем, парус поднят, Византия зовет меня...»).

Где Тасса не поет уже ночной гребец — речь идет о венецианских гондольерах; см. выше примеч. к стихотворению «Близ мест, где царствует Венеция златая...» (1827).

X. «КОГДА ТВОИ МЛАДЫЕ ЛЕТА...»

(С. 220)

Впервые опубл.: ЛГ. 1830. 1 марта. Т. 1. № 13. С. 101. Подп.: Александр Пушкин.

Варианты ЛГ

Заглавие К**
3 И ты, по приговору света,
4 На честь утратила права,
8 Кумир бесчувственный молю. —
15 И лицемерные гоненья —
18 Не пей мутительной отравы,

Адресатом стихотворения обычно считается А. Ф. Закревская (см. примеч. к стихотворению 1828 г. «Наперсник»); однако твердых оснований для этого содержание стихотворения не дает. В основном его тексте, публикуемом в большинстве современных изданий сочинений Пушкина, в ст. 18 сохраняется эпитет «мутительной» (отравы) из текста ЛГ; отсутствие рукописи не позволяет утверждать, что чтение $СП_3$ является безусловно ошибочным.

XI. «Я ВАС ЛЮБИЛ...»

(С. 221)

Впервые опубл.: СЦ на 1830 г. ... С. 104 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: Карманный песенник, или Собрание новейших российских песен и романсов, выбранных из лучших авторов. Посвящается любителям и любительницам пения. СПб., 1833. Ч. 2 (без подп., заглавие: Романс) и с нотами Г. Т...о ⟨Ф. Толстого⟩ (1831) и А. А. Алябьева (1834).

XII. «ЗИМА. ЧТО ДЕЛАТЬ НАМ В ДЕРЕВНЕ?»

(С. 222)

Впервые опубл.: СЦ на 1830 г. ... С. 66—68 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин.

Варианты СЦ

Над текстом и в *оглавл.*: 2-го Ноября
1 Зима. Что делать нам в деревне? я встречаю
9 Арапники в руках, собаки вслед за нами,
10 Глядим на бледный снег прилежными глазами:
11 Кружимся, рыскаем и поздней уж порой
13 Куда как весело! вот вечер, вьюга воет,
14 Свеча темно горит. Стесняясь, сердце ноет;
16 Читать хочу. Глаза над буквами скользят,
17 А мысли далеко... Я книгу закрываю,
27 О близких выборах, о сахарном заводе.
29 Тоска! Так день за днем идет в уединеньи!
35 Как оживляется глухая сторона,

45 Но бури севера не вредны руской розе.
46 Как жарко поцелуй пылает на морозе,
47 Как дева руская свежа в пыли снегов!

В рукописи стихотворения имеется дата: 2 Ноября 1829 г.

Стихотворение относится ко времени пребывания Пушкина осенью 1829 г. в Тверской губернии, где он гостил у П. А. Осиповой в ее имении Малинники. Написано оно в с. Павловском, принадлежавшем П. И. Вульфу, родственнику П. Осиповой по первому мужу, и отражает конкретные реалии окружающей помещичьей жизни.

Пороша — рыхлый снег, ровно покрывающий землю.

Арапник — кнут для охотничьих собак.

О близких выборах... — имеются в виду выборы должностных лиц дворянского самоуправления и местной администрации, избираемых дворянством, вызывающие поэтому заинтересованное отношение помещиков.

XIII. ЗИМНЕЕ УТРО
(С. 224)

Впервые опубл.: ЦС... С. 1—2. Подп.: А. Пушкин.

Перепеч.: Роза Граций, или Собрание стихотворений для прекрасного пола на 1831 г. М., 1830. С. 21—23.

Варианты ЦС

5 На встречу Северной Авроры,
6 Звездою Северной явись!
11 И ты печальная, сидела —
21 Трещит затопленная печь —
23 Но, знаешь: не велеть ли в санки
30 И берег, милый для меня!

В черновой рукописи стихотворения имеется дата: 3 Ноября 1829. Как и предыдущее стихотворение, «Зимнее утро» написано в с. Павловском Старицкого уезда Тверской губернии (ср. примеч. к стихотворению «Зима. Что делать нам в деревне?»).

Аврора — богиня утренней зари в римской мифологии.

XIV. «СЧАСТЛИВ ТЫ В ПРЕЛЕСТНЫХ ДУРАХ...»
(С. 225)

Впервые опубл.: СЦ на 1830 г. ... С. 125 отд. «Поэзия». Подп.: А. П. (в оглавлении имя Пушкина указано).

Варианты СЦ

Заглавие K N. N.
4 Ты Нелединский в стихах,
6 Ты разрублен на войне, —

Адресат стихотворения точно не установлен.

Сен-При Э. К., гр. (1806—1828) — светский молодой человек, снискавший известность как карикатурист-любитель (ср. упоминание о нем в XXVI строфе восьмой главы «Евгения Онегина»).

Нелединский-Мелецкий Ю. А., кн. — поэт-сентименталист (ср. выше примеч. к стихотворению 1816 г. «Ш***у»).

XV. ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВЕСТИЕ

(С. 226)

Впервые опубл.: Подснежник (далее — П). СПб., 1829. С. 188. Подп.: А. Пушкин с примеч. издателей (А. А. Дельвига и О. М. Сомова): «Чувствительно благодарим почтенного Александра Сергеевича за сие известие и нетерпеливо ждем первой книжки элизейского журнала».

Варианты П

6 Курганов сам над критикой хлопочет:
9 Благословясь, сей преполезный труд;
11 Что б подоспел Михайло*........

Эпиграмма написана Пушкиным еще в 1825 г.; публикуя ее под 1829 г., поэт актуализировал ее содержание, связав с обстоятельствами литературной полемики того времени (ср. статью Пушкина «Отрывок из литературных летописей»; 1829). Она направлена против М. Т. Каченовского, давнего литературного недруга поэта (ср. выше примеч. к стихотворению «Охотник до журнальной драки...»; $СП_2$, Разных годов, VIII). В 1828—1829 гг. Каченовский развернул в своем журнале «Вестник Европы» активную кампанию против Пушкина. Имя Каченовского, зашифрованное в последнем стихе эпиграммы, легко угадывалось читателями. Ситуация, изображенная в стихотворении: хлопоты в загробном мире (Элизей) давно забытых писателей об издании нового журнала, — связывает его с практикой литературных объявлений, появлявшихся в русских журналах 1820-х гг. (см. заглавие стихотворения). Имена литературных деятелей XVIII в. использованы для того, чтобы подчеркнуть архаичность позиции «Вестника Европы», делающую издателя журнала достойным их собратом.

Тредиаковский В. К. (1703—1769) — один из основоположников русской поэзии XVIII в., имя которого в силу сложившейся традиции несправедливо связывалось с представлением об амбициозном, но лишенном подлинного дарования и к тому же безнадежно устаревшем поэте. Позднее Пушкин настаивал на необходимости уважительного отношения к памяти Тредиаковского и его заслугам (см. письмо И. И. Лажечникову 3 ноября 1835 г.).

Поповский Н. Н. (1730—1760) — писатель, ученик М. В. Ломоносова, проф. Московского университета, первый издатель «Московских ведомостей».

Елагин И. П. (1725—1794) — историк, переводчик, тяготевший к архаизованному слогу.

Курганов И. Г. (ок. 1725—1796) — ученый и литератор, автор знаменитого «Письмовника» (1-е изд. — 1769), содержавшего в себе наряду с грамматикой множество приложений самого пестрого содержания. «Письмовник» продолжал издаваться вплоть до начала 1830-х гг., хотя к этому времени он безнадежно устарел, оставаясь, однако, источником разнообразных сведений для малообразованных читателей (ср. упоминание его в пушкинской «Истории села Горюхина»).

XVI. «КАК САТИРОЙ БЕЗЫМЯННОЙ...»
(С. 227)

Впервые опубл.: Московский Телеграф (далее — МТ). 1829. Ч. 29. № 18. С. 194. Подп.: А. П.

Варианты МТ

Заглавие Эпиграмма
2 На Зоила я напал,

Эпиграмма Пушкина направлена против М. Т. Каченовского (см. примеч. к предыдущему стихотворению). Поэт имеет в виду несколько своих эпиграмм на Каченовского, незадолго перед тем напечатанных: «Литературное известие» (см. выше), «Журналами обиженный жестоко...» и «Там, где древний Кочерговский...» (две последние напечатаны в «Московском Телеграфе» в 1829 г.); ни в одной из них имя адресата прямо не было названо. Как отклик на них Пушкин воспринял реплику в статье Н. И. Надеждина о «Полтаве»: сравнивая судьбу Пушкина с судьбой Карла XII как персонажа его поэмы, один из участников диалога, выражавший точку зрения автора (статьи Надеждина в «Вестнике Европы» написаны в форме сценического диалога), замечает: «Карл XII литературного нашего мира точно так же изволит забавляться после *Полтавы*: он ударился в язвительные стишонки и ругательства». Статья была подписана «С Патриарших прудов», и Пушкин хорошо знал, кто ее автор, однако свою эпиграмму направил не против него, но снова против Каченовского как редактора журнала, ответственного за публикуемые в нем статьи.

Зоил — см. примеч. к стихотворению «Охотник до журнальной драки...» (СП$_2$, Разных годов, VIII).

XVII. ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ
(С. 228)

Впервые опубл.: СЦ на 1832 г. ... С. 47—48. Без подп.; Стихотворения А. С. Пушкина: (Из Северных Цветов 1832 года). СПб., 1832. С. 15—16. Перепеч. с нотами М. Бернарди (1833).

Варианты СЦ

8 Умереть Господь судил.
27—28 Об отставке, об невесте
О деревне помышлять!

«Дорожные жалобы» тематически связаны со стихотворениями, относящимися к поездке Пушкина в действующую армию в Закавказье в 1829 г. (см. примеч. к стихотворению «Кавказ»). Формируя в 1836 г. цикл «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)», поэт предполагал открыть его именно «Дорожными жалобами». Этим объясняется датировка стихотворения в СП$_3$ 1829 г., объединяющая это стихотворение с другими, вошедшими в цикл. Перебеленная (переходящая в черновик) рукопись «Дорожных жалоб» датирована: 4 окт⟨ября⟩ и, очевидно, относится к 1830 г. Вероятно, «Дорожные жалобы», как и другие стихотворения кавказского цикла, были задуманы и частично написаны в 1829 г., но основная работа над текстом велась именно болдинской осенью 1830 г. Некоторые реалии стихотворения как в его основном тексте, так и в

вариантах явно связаны с обстоятельствами именно этого года. Поэтому стихотворение можно отнести к 1830 г., поскольку в Болдине осуществлялась не просто отделка, а практически написание его текста. В «Дорожных жалобах» нашли свое отражение настроения Пушкина, связанные с неустойчивостью его положения и неустроенностью жизни, заставлявшими поэта находиться в постоянных разъездах: в этом отношении первые годы после ссылки, и особенно 1828—1830 гг., мало отличались от первой половины 1820-х гг. В письме А. Х. Бенкендорфу 21 марта 1830 г. Пушкин напоминает адресату брошенное тем при встрече «на гулянии» ироническое замечание: «vous êtes toujours sur les grands chemins» (⟨вы вечно на большой дороге⟩; франц.). Ощущение «большой дороги» как судьбы, воплощения жизненного пути поэта и лежит в основе лирического сюжета стихотворения.

Иль чума меня подцепит — упоминание о чуме связано как с впечатлением от поездки в действующую армию (в гл. 5 «Путешествия в Арзрум» Пушкин передает свои ощущения при известии о том, «что в Арзруме открылась чума», известии, заставившем его «оставить армию», а также рассказывает о посещении зачумленных), так и с холерной эпидемией 1830 г., задержавшей его в Болдине (чума и холера выступают у поэта как синонимические понятия; см. ниже).

Иль со скуки околею

Где-нибудь в карантине — ср. в гл. 5 «Путешествия в Арзрум»: «В Гумрах выдержал я трехдневный карантин»; мысль о перспективе вновь и на более длительный срок оказаться в карантине не оставляла Пушкина во время его пребывания в Болдине; см. его письмо Н. Н. Гончаровой 30 сентября 1830 г.: «...эта чума со всеми ее карантинами — не отвратительнейшая ли эта насмешка, какую только могла придумать судьба? ⟨...⟩ Карантины эти не выходят у меня из головы» (перев. с франц.).

Яр — французский ресторатор Т. П. Яр, содержавший известный ресторан в Москве на Кузнецком мосту.

Мясницкая ул. — одна из центральных улиц Москвы; ее упоминание может быть связано с «помышлениями» о невесте, так как здесь жила семья историка А. Ф. Малиновского, дочь которого была близкой подругой Н. Н. Гончаровой, и ее мать принимала участие в сватовстве поэта. Ср. вариант ст. 26: «По Никитс⟨кой⟩ ⟨разъезжать⟩⟨?⟩» (на Б. Никитской ул. находился дом Гончаровых).

XVIII. КАЛМЫЧКЕ

(С. 229)

Впервые опубл.: ЛГ. 1830. 5 июля. Т. 2. № 38. С. 11—12. Подп.: Крс. Перепеч.: Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. М., 1831. Ч. 2. С. 47—48 (подп.: Крс.).

Варианты ЛГ

9 Ты шелком не сжимаешь ног;
10 По-Английски пред самоваром
16 Галоп не прыгаешь в собраньи....
21 Друзья, не всё ль одно и то же.

См. примеч. к стихотворению «Кавказ». В рукописи стихотворения дата: 22 ма⟨я⟩ 1829 Кап-кой (старинное название Владикавказа). «Калмычке» восходит к эпизоду, подробно описанному в «Путешествии в Арзрум» (гл. 1).

Моя похвальная привычка — ср. эпилог поэмы Пушкина «Цыганы».

Не восхищаешься Сен-Маром — речь идет о пользовавшемся большим успехом в России историческом романе французского писателя А. де Виньи (1797—1863) «Сен Мар, или заговор во время Людовика XIII» (1826), к которому Пушкин относился весьма критически.

Не распеваешь Ma dov'è — имеется в виду ария из итальянской оперы XVIII в. («Покинутая Дидона» Б. Галуппи).

XIX. «ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?»

(С. 230)

Впервые опубл.: ЛГ. 1830. 6 апр. Т. 1. № 20. С. 15. Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: Венера, или Собрание стихотворений... Ч. 1. С. 86—87 (загл.: В Альбом); Новейший российский песенник, или Собрание новейших российских песен и романсов... СПб., 1836. С. 13—14 (без подп.), а также с нотами А. А. Алябьева (1834) и Н. С. Титова (1834).

Варианты ЛГ

Заглавие В Альбом
13 Но в день печали, в тишине
14 Произнеси его, тоскуя,

Стихотворение было написано для альбома К. Собаньской (1794—1885); на обороте автографа рукой владелицы отмечена дата: 5 января 1830 г. Пушкин колебался в датировке стихотворения, указывая то 1829, то 1830 г. (в списках произведений, предназначенных для $СП_3$); возможно, оно было написано в конце 1829 г. Знакомство и увлечение Пушкина К. Собаньской восходит к началу 1820-х гг.; поэт не мог знать о ее роли тайной полицейской осведомительницы, которую она выполняла в течение длительного времени. Стихотворение Пушкина, обращенное к Собаньской, имеет точки соприкосновения с «Элегией» А. Мицкевича (1825).

XX. «КТО НА СНЕГАХ ВОЗРАСТИЛ ФЕОКРИТОВЫ НЕЖНЫЕ РОЗЫ...»

(С. 231)

Впервые опубл.: Царское Село: Альманах на 1830 г. ... С. 4. Подп.: А. Пушкин.

Варианты ЦС

Заглавие Загадка. (При посылке бронзового Сфинкса)
1 — Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы,
3 — Кто, Славянин молодой, Грек духом, а родом Германец?

Стихотворение является откликом Пушкина на издание «Стихотворений барона Дельвига» (СПб., 1829) и было послано их автору вместе с подарком — прессом-грифоном золоченой бронзы (в греческой мифологии грифон — крылатое существо с головой орла и телом льва), отождествленным поэтом со Сфинксом. В греческой мифологии Сфинкс, существо с лицом и грудью женщины, туловищем льва и крыльями птицы, задавала в Фивах проходящим загадку, убивая тех, кто не сумел ее разгадать; это удалось Эдипу, и Сфинкс от отчаяния бросилась в пропасть. С этой легендой связаны и

первоначальное заглавие стихотворения (в СП3 оно сохранено в подзаголовке), и его содержание. Пушкин высоко оценивает в нем идиллии Дельвига, один из излюбленных жанров его поэзии (в частности, им написана и идиллия «Конец золотого века»). В 1827 г. в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» Пушкин писал: «Идиллии Дельвига для меня удивительны. Какую силу воображения должно иметь, дабы так совершенно перенестись из 19 столетия в золотой век, и какое необыкновенное *чутье* изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы, эту роскошь, эту негу, эту прелесть более отрицательную, чем положительную, которая не допускает ничего напряженного в чувствах; тонкого, запутанного в мыслях; лишнего, неестественного в описаниях!» Комментируемое стихотворение перекликается с этой оценкой. Оно написано элегическим дистихом (чередование гекзаметра и пентаметра) — формой, популяризированной в русской поэзии Дельвигом. По свидетельству бар. Е. Ф. Розена (соиздателя ЦС), в третьем стихе Пушкин допустил неточность в ритме гекзаметра («Кто Славянин молодой, духом Грек, родом Германец»). Дельвиг не решился ее исправить, поэтому Розен на свой страх и риск внес в корректуре необходимое изменение, принятое Пушкиным.

Феокрит (*III в. до н. э.*) — греческий поэт, основоположник жанра идиллии.

Кто Славянин молодой, Грек духом, а родом Германец? — Пушкин наряду с указанием на поэтические пристрастия Дельвига имеет в виду парадоксальное сочетание в нем немца по происхождению и русского по языку, характеру и культуре.

XXI. «БРОЖУ ЛИ Я ВДОЛЬ УЛИЦ ШУМНЫХ...»

(С. 232)

Впервые опубл.: ЛГ. 1830. 6 янв. Т. 1. № 2. Подп.: А. Пушкин.

Варианты ЛГ

Заглавие Станцы
5 Я говорю: промчались годы,
6 И сколько здесь ни видно нас;
10 Я мыслю: Патриарх лесов
20 Меж их* стараясь угадать,

В перебеленном автографе под текстом написано: 26 дек⟨абря⟩ 1829 С. П. Б. 3 часа 5 м⟨инут⟩.

1830

I. «В ЧАСЫ ЗАБАВ ИЛЬ ПРАЗДНОЙ СКУКИ...»

(С. 233)

Впервые опубл.: ЛГ. 1830. 25 февраля. № 12. Т. 1. С. 94. Подп.: А. Пушкин.

---

* В основном тексте стихотворения принято чтение ст. 20 в редакции ЛГ, поскольку оно совпадает с текстом цензурной рукописи СП3.

Варианты ЛГ

Заглавие Станцы
1 В часы забав иль праздной скуки
7 Когда твой голос величавый
17 Твоим огнем душа палима
20 В священном ужасе Поэт.
Под текстом:
19 января 1830. С. П. б.

Стихотворение написано в ответ на стихи московского митрополита Филарета (Дроздова; 1782—1867), отозвавшегося на стихотворение Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...» (см. ниже), опубликованное в альманахе «Северные Цветы на 1830 г.», вышедшем в конце декабря 1829 г. Стихотворение это стало известно Филарету благодаря приятельнице Пушкина Е. М. Хитрово (1782—1839), по ироническому замечанию П. А. Вяземского в письме А. И. Тургеневу: «пылающей к одному христианскою, а к другому языческою любовью». В своем стихотворении Филарет сурово осуждал поэта, упрекая его в забвении Божьего промысла:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана...
⟨. . . . .⟩
Вспомнись мне Забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум, —
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум.

Получив стихотворение Филарета, Хитрово звала к себе Пушкина, чтобы ознакомить его с ним. Откликаясь на это приглашение, Пушкин писал: «Стихи христианина, русского архиерея, в ответ на скептические куплеты! Да ведь это в самом деле находка!» (с франц.). Стихотворение Филарета целиком построено на образах и выражениях пушкинского стихотворения. По свидетельству Вяземского в цитированном письме, Пушкин «был задран стихами его преосвященства, который пародировал или, лучше сказать, палинодировал ⟨палинодия — перепев⟩ стихи Пушкина о жизни...» Взаимоотношения Пушкина и Филарета были холодно-уважительными, и стихотворение «В часы забав и праздной скуки...», внешне комплиментарное по отношению к оппоненту, по своему содержанию выходит за пределы конкретной полемики, приобретая смысл, сближающий его со стихотворениями о поэте.

II. К ВЕЛЬМОЖЕ

(С. 234—236)

Впервые опубл.: ЛГ. 1830. 26 мая. Т. 1. № 30. С. 240—241. Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: Славянин. 1830. № 10. Ч. 14. С. 780—785 с примеч.: «В сем классическом послании *Протей-Пушкин* являет нам *Шолье* и *Вольтера*. Оно напоминает послание нашего блестящего *Батюшкова* к *И. М. Муравьеву-Апостолу*, и взято нами из № 30 Литературной Газеты, которая украшается стихотворениями *Пушкина*, *Баратынского*, Барона *Дельвига* и прозою кн. *Вяземского*, *Пушкина*, Барона *Дельвига*. Мы уже не один раз говорили о достоинствах сей Европейской газеты в Русском Инвалиде, теперь знакомим с нею читателей Славянина».

Варианты ЛГ

Заглавие Послание к К. Н. Б. Ю***
2 Лишь только на поля, струясь, дохнет Зефир,
8 И, вдохновенные, в волшебстве состязались.
10 Для жизни ты живешь. Свой долгий, ясный век
14 Посланник молодой Увенчанной Жены,
15 Явился ты в Ферней, и Циник поседелый,
26 Резвилась ветреным двором окружена.
35 За чашей медленной Афею иль Деисту,
47 Об неге той страны, где небо вечно ясно,
49 Как пылкий, отрока восторгов полный сон;
52 С улыбкой слушают и манят иностранца;
64 Падение всего, союз Ума и Фурий,
90 Что благосклонствуешь ты Музам в тишине,
100 Так, вихорь дел забыв для Муз и неги праздной,
101 В тени сапфирных бань и мраморных палат,
103 И к ним издалека то воин, то Оратор,
104 То Консул молодой, то сумрачный Диктатор
Под текстом:
Москва, 1830.

В беловой рукописи стихотворение датировано 23 апреля 1829 г. Оно обращено к московскому знакомому Пушкина кн. Н. Б. Юсупову (1750—1831), воспринимавшемуся им как осколок екатерининского времени, воплотивший в себе характерные черты русского вельможи XVIII в. Образ Юсупова в стихотворении Пушкина, хотя и основывается на реалиях его биографии, которые могли стать ему известными и из общения со старым князем, предстает как обобщенное воплощение переломной эпохи, центром которой явились события Великой Французской революции, если не прямым свидетелем, то современником которой был адресат его послания. Обращение к нему стилизовано в духе высокого послания XVIII в.; избранный угол зрения способствовал изображению событий его эпохи с позиций их современного наблюдателя — человека нового времени. Это не было понято современниками Пушкина, воспринявшими послание как апологетическое, и, имея в виду непривлекательные черты его адресата, они осудили поэта за неоправданную лесть ему. Литературные противники Пушкина воспользовались таким пониманием стихотворения для полемики, которая в 1830 г., в условиях издания ЛГ, приобретала все более ожесточенный характер. См. памфлет Н. А. Полевого «Утро в кабинете знатного барина» (Московский Телеграф. 1830. Ч. 32. № 10). «Один журналист принял мое послание за лесть итальянского аббата, — писал Пушкин в «Опровержениях на критики» (1830), — и в статейке, заимствованной из „Минервы", заставил вельможу звать меня по четвергам обедать. Так-то чувствуют они вещи и так-то описывают светские нравы».

Аристип (*Аристипп*) — см. выше примеч. к стихотворению 1824 г. «Д***ву».

К тебе являюся я... — речь идет о подмосковном имении Юсупова Архангельском, в котором не раз бывал Пушкин.

Посланник молодой увенчанной жены — дипломат Юсупов представлял Екатерину II в Сардинии, Неаполе и Венеции, а также выполнял отдельные дипломатические поручения в разных европейских странах.

Явился ты в Ферней — и Циник поседелый — Вольтер; речь идет о посещении Юсуповым его имения на границе Швейцарии и Франции, где он был любезно принят.

Армида молодая — французская королева Мария-Антуаннетта, казненная во время революции в 1793 г. (по имени прекрасной волшебницы — героини поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим»).

Трианон — дворец в Версале, одна из излюбленных резиденций Марии-Антуаннетты.

Дидро Д. (Дидерот; 1713—1784) — французский философ и писатель, один из издателей Энциклопедии (1751—1780); его имя, как и имена Вольтера и философов-энциклопедистов, выступает в качестве воплощения идеологической подготовки революции.

Как любопытный Скиф Афинскому Софисту — образ, заимствованный из сатиры Вольтера «Русский в Париже» («La Russe à Paris», 1760).

...сей двойственный собор — речь идет о двухпалатной системе английского парламента, в которой избираемая палата общин уравновешивается аристократической палатой лордов.

Подобный своему чудесному герою

Веселый Бомарше блеснул перед тобою — о знакомстве Юсупова с П.-О. Бомарше (1732—1799), создателем образа Фигаро («Севильский цирюльник», 1775; «Женитьба Фигаро», 1784), свидетельствует его «Послание к кн. Юсупову», вписанное в альбом адресата, с которым тот, по-видимому, знакомил Пушкина.

Ужас — здесь: террор; речь идет о якобинской диктатуре.

Преобразился мир при громах новой славы — имеется в виду наполеоновская эпоха.

Доныне странствует с кладбища на кладбище — прах Вольтера, перенесенный в 1791 г. в Пантеон, во время реставрации Бурбонов был оттуда удален.

Касти Дж. (1721—1803) — итальянский поэт-сатирик.

*И блеск А*** и прелесть **** — упоминаются известные московские красавицы, блиставшие в свете в 1830 г.: А. В. Алябьева (1812—1891) и невеста Пушкина Н. Н. Гончарова (1812—1863); ср. в письме П. А. Вяземского Пушкину 26 апреля 1830 г.: «...сравнивал я Алябьеву avec une beauté classique ⟨с классическою красотою⟩, а невесту твою avec une beauté romantique ⟨с романтической красотою⟩».

Корреджо А. (1494—1534) и *Канова А.* (1757—1822) — итальянские живописец и скульптор; их имена в стихотворении выступают как воплощение гармоничного и дарующего радость искусства (с Кановой Юсупов был в дружеских отношениях).

III. ПОЭТУ

(С. 237)

Впервые опубл.: СЦ на 1831 г. ... С. 3 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин.

Варианты СЦ

Заглавие Поэту. (Сонет)
1 Поэт! не дорожи любовию народной:
3 Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
5 Ты Царь: живи один. Дорогою свободной

В рукописи стихотворение датировано 7⟨?⟩ июля 1830 г. Оно принадлежит к числу трех написанных Пушкиным сонетов. В сонете «Поэту» отразилось ощущение одиночества поэта в условиях, когда его творчество встречает непонимание; с этим Пушкин все чаще сталкивался, начиная с 1828 г., и особенно остро пережил это чувство в условиях литературной полемики 1830 г. Стихотворение входит в ряд произведений Пушкина, посвященных проблеме поэта и общества («Поэт», 1827; «Поэт и толпа», 1828; «Ответ анониму», 1830; «Эхо», 1831, и др.).

IV. ОТВЕТ АНОНИМУ

(С. 238)

Впервые опубл.: СЦ на 1831 г. ... С. 28—29. Подп.: А. Пушкин.

Варианты СЦ

Заглавие в оглавл. Ответ Анониму
7 Иль отрок, Музами таинственно храним,
8 Иль пола кроткого стыдливый Херувим,
11 К доброжелательству досель я не привык
18 Ударит по сердцам с неведомою силой, —
22 Утрата скорбная, изгнанье, заточенье, —
26 Меж ими* не найдет сердечного привета,

В черновой рукописи стихотворение датировано 26 сентября 1830 г. Поводом к его созданию явилось полученное Пушкиным анонимное стихотворное послание, вызванное слухами о предстоящей женитьбе поэта; автор выражал надежду на то, что, вопреки опасениям муз («Не будет больше вдохновений! Не будет умственных парений!» и т. д.), это событие приведет к новому поэтическому взлету:

Источник новых откровений
Залогом будет вдохновений —
И снова гений воспарит.

Автором послания был И. А. Гульянов (1789—1841), дипломат, ученый египтолог и лингвист, друг П. Я. Чаадаева, впоследствии знакомый Пушкина. Содержание «Ответа анониму» включает его в проблематику стихотворений Пушкина о поэте и обществе (см. примечание к предыдущему стихотворению), приобретающую здесь глубоко личный, интимный характер.

V. «ПЬЮ ЗА ЗДРАВИЕ МЕРИ...»

(С. 239)

Впервые опубл.: Денница: Альманах на 1831 г., изд. М. Максимовичем (далее — Д). М., 1831. С. 90. Подп.: А. Пушкин.

Варианты Д

Заглавие в оглавл. Песня
Эпиграф Here's a health to thee, Mary...
15 Пусть не ведает Мери!

Стихотворение является свободным подражанием «Песне» современного Пушкину английского поэта Барри Корнуолла (псевд. Б. О. Проктера; 1787—1874). Сочинения Корнуолла составляли часть книги, включавшей произведения четырех английских писателей: The Poetical Works of Milman ⟨H. H.⟩, Bowles ⟨W. L.⟩, Wilson ⟨J.⟩, and

---

* В основном тексте стихотворения восстановлена форма «ими», поскольку чтение СЦ соответствует беловой рукописи и не исключена, таким образом, возможность опечатки в СП3 (ср. выше стихотворение «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»).

Barry Cornwall. Complete in one volume. Paris, 1829.* В этой книге, взятой Пушкиным в Болдино, с. 152 сочинений Б. Корнуолла, на которой находится его «Песня», вырвана. В подготовленном для неосуществленного издания стихотворений Пушкина (1836) тексте поэт озаглавил стихотворение «Из Barry Cornwall», и под этим заглавием оно публикуется в современных изданиях сочинений Пушкина. Эпиграф к стихотворению — первый стих названного произведения Барри Корнуолла; в оригинале ему соответствует видоизмененный стих из стихотворения Р. Бернса «Дженни», кроме имени, полностью совпадающий с первым стихом «Песни» Корнуолла. Как лирическое произведение Пушкина, «Пью за здравие Мери...» близко стоит к ряду произведений болдинской осени 1830 г., объединенных «прощальной» темой («Прощание», «Заклинание», «Для берегов отчизны дальной...»).

Пери — дух в восточной (иранской) мифологии; в одном из своих проявлений он приобретает антропоморфный облик молодой, прелестной девушки; в русской поэзии этот образ закрепляется благодаря переводам и подражаниям поэзии Т. Мура.

VI. ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

(С. 240—247)

Впервые опубл.: Альциона: Альманах на 1832 г. Изд. Бароном Розеном. СПб., 1832. С. 19—32 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин.

Варианты А

Заглавие Пир во время чумы. (Из Вильсоновой Трагедии «The city of the plague»)
21 Я предлагаю выпить в его память,
45 Погорелое, стоит, —
47 Не пустеет, не молчит —
57 Суждена моей весне —
59 Чья любовь отрада мне, —
62 Уст умерших не косайся,
84 Унылой и приятной.... нет! ничто
94 Теперь такие песни! но всё ж есть
101 Крикливых Северных красавиц
103 Волос Шотландских этих желтину.**,
105 Ага! Луизе дурно; в ней, я думал —
107 Но так-то — нежного слабей жестокой,
118 Развеселись — хоть улица вся наша,
131 Я в честь чумы — я написал его
133 Мне странная нашла охота к рифмам,
135 Охриплый голос мой приличен песне. —
138 Когда могущая зима
141 Своих морозов и снегов, —
158 И в разъяренном океане,
159 Средь грозных волн и бурной тьмы,
169 Нам не страшна могилы тьма,
179 Средь бледных лиц молюсь я на кладбище —

* Поэтические произведения Мильмана, Боулза, Вильсона и Барри Корнуолла. Собранные в одном томе. Париж, 1829.

** Написание последнего слова («желтина») совпадает с беловой рукописью Пушкина.

198 Кто три тому недели, на коленях,
205 Поющий бешеные песни, между
217 Погибшего — но милого созданья....
226 Клянись же мне с поднятой к небесам —
233 Где я? святое чадо света! вижу
235 Он съумасшедший —

В беловом автографе окончание работы над «Пиром во время чумы» датировано 8 ноября 1830 г. Пьеса входит в цикл «маленьких трагедий» («опытов драматических изучений»), завершенных в Болдине осенью 1830 г. (ср. ниже «Моцарт и Сальери»). В отличие от остальных, задуманных ранее произведений цикла, замысел «Пира во время чумы» возникает именно в Болдине в условиях холерной эпидемии 1830 г., с которыми перекликается ситуация, изображенная в драме. Ее источником явился эпизод из трагедии (драматической поэмы) английского поэта-романтика Дж. Вильсона (1785—1854) «Чумный город» (1816), посвященной лондонской чуме 1625 г. Поэт ознакомился с нею в сборнике произведений четырех английских авторов (см. примеч. к стихотворению «Пью за здравие Мери...»). Из громоздкого произведения Вильсона Пушкин отобрал лишь бо́льшую часть 4-й сцены I действия, превратив ее в оригинальное произведение, сохраняющее отдаленное сходство с источником и не связанное с ним идейно. Этому не противоречит то, что в большинстве случаев Пушкин почти дословно сохраняет текст Вильсона, допуская, однако, и отклонения от него, вносящие изменения в оттенки смысла или же способствующие некоторым существенным смысловым сдвигам (например, снимаются богоборческие мотивы в эпизоде со Священником и т. п.). Наибольшие изменения вносятся в тексты песен Мери и Председателя; практически они переписываются заново, и это, особенно в случае с гимном Вальсингама, существенно видоизменяет идейные мотивировки, оказывая влияние на содержание «маленькой трагедии» (то же относится и к заключительной ремарке, отсутствующей у Вильсона). Все это и превращает «Пир во время чумы» в самостоятельное произведение Пушкина, наполненное актуальным для него смыслом и сохраняющее лишь отдаленную связь со своим источником, особенно если иметь в виду полный текст пьесы Вильсона.

VII. СОНЕТ

(С. 248)

Впервые опубл.: МВ. 1830. Ч. 2. № 8. С. 315. Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: *Пенинский Иван.* Российская хрестоматия... С. 353 (без подп. и заглавия).

Варианты МВ

Заглавие Сонет. (*Сонет*)
4 Им скорбну песнь Камоенс облекал.
6 Вордсворд его орудием избрал,
11 Свои мечты мгновенно заключал;

Сонет Пушкина написан в подражание сонету английского поэта «озерной школы» У. Вордсворта (1770—1850), но ориентирован одновременно и на одноименное стихотворение Ш. Сент-Бёва (1804—1869), вошедшее в сборник «Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма» («Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme», 1829). В частности, эпиграф из Вордсворта, предваряющий пушкинское стихотворение, по форме напоминает, скорее, начало сонета Сент-Бёва: «Ne ris point des sonnet, ô critique moquer...» («Не

смейся над сонетом, критик-насмешник...»). У Вордсворта: «Scorn not the Sonnet; Critic, you have frowned...» («Не оскорбляй сонета; критик, ты нахмурился...»). В целом же Пушкин близко следует схеме сонета Вордсворта, упоминая тех же поэтов, хотя и в другой последовательности (у Вордсворта: Шекспир, Петрарка, Камоэнс, Данте), но опускает имена Тассо и английских поэтов Спенсера и Мильтона; вместо них он говорит о самом Вордсворте и славянских поэтах — Мицкевиче и Дельвиге. Подобным же путем шел и Сент-Бёв: сохранив все имена, упомянутые Вордсвортом, он дополняет их именами французских поэтов (Дюбелле и «старого Ронсара»). Изменяет Пушкин и форму сонета (у Вордсворта он не разделен на строфы), приближая его к классическому итальянскому.

Певец Литвы — А. Мицкевич; речь идет о «Крымских сонетах», вошедших в его книгу «Сонеты», изданную в Москве в 1826 г. В 1827 г. в «Московском Телеграфе» появился их перевод П. А. Вяземского в прозе, а в 1829 г. их отдельное издание в стихотворном переводе И. И. Козлова; обращались к их переводу и другие поэты.

Как для него уж Дельвиг забывал
Гекзаметра священные напевы — перу Дельвига принадлежит ряд сонетов, появление которых способствовало возрождению интереса к этой форме в России; в его творчестве они сопутствовали разработке русских вариантов античных стихотворных размеров. Пушкин высоко ценил сонеты Дельвига; в письме ему 16 ноября 1823 г. он писал: «На днях попались мне твои прелестные сонеты — прочел их с жадностью, восхищением...»

VIII. БЕСЫ
(С. 249—250)

Впервые опубл.: СЦ на 1832 г. ... С. 169—171 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин; Стихотворения А. С. Пушкина: (Из Северных Цветов 1832 года). СПб., 1832. С. 21—22. Перепеч. с нотами М. Бернарди (1833).

Варианты СЦ

3 Освещает мрак летучий
9 Эй, пошел ямщик!... «Нет мочи,
11 Вьюга мне слипает очи,
13 Хоть убей, следа невидно;
24 И пропал во тьме пустой».
27 Озаряет снег летучий;
28 Мутно небо, ночь мутна:
31 Кони стали... Что там в поле?
32 «Кто их знает? пень иль волк!»
35 Вот уж он далече скачет,
44 Будто листья в Ноябре....
53 Мутно небо, ночь мутна.

В перебеленном автографе стихотворение датировано: 1830 7 сентября Болдино. Это дата завершения работы над стихотворением, начатым в сентябре—ноябре 1829 г. (см. помету в списке произведений, предназначенных для СП$_3$: Бесы 1829).

IX. ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

(С. 251)

Впервые опубл.: СЦ на 1832 г. ... С. 41 отд. «Поэзия» (Анфологические эпиграммы, I). Подп. (весь цикл): А. Пушкин; Стихотворения А. С. Пушкина: (Из Северных Цветов 1832 года). СПб., 1832. С. 13.

Варианты СЦ

Заглавие Царско-сельская статуя
3 Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой,
4 Дева над вечной струей, вечно печальна сидит.

Стихотворение датировано Пушкиным 1 октября 1830 г. В поле зрения поэта фонтан «Молочница», установленный в Царскосельском парке в 1810-е гг. и увенчанный статуей работы П. П. Соколова на сюжет басни Лафонтена «Молочница и кувшин с молоком» («La laitière et le pot au lait»). В басне рассказывается о том, как девушка Перетта несла молоко на продажу и, размечтавшись о благах, которые ей сулила выручка, разбила злополучный кувшин. Вопреки бытовому сюжету басни, скульптура Соколова решена обобщенно и в античном духе, и Пушкин отправлялся от восприятия, предложенного ее автором. В СЦ «Царскосельская статуя» открывала цикл «Анфологических эпиграмм» (эпиграмма в понимании античности — короткое лирическое стихотворение, написанное элегическим дистихом); их жанр и форма в русской поэзии разрабатывались А. А. Дельвигом (см., напр., его стихотворения «Надпись на статую флорентийского Меркурия», «Купидону»). Не случайно поэтому, что Пушкин помещает свой небольшой цикл в выпуске альманаха, посвященном памяти поэта.

Утес — имеется в виду форма пьедестала, на котором расположена скульптура «девушки с кувшином».

X. ОТРОК

(С. 252)

Впервые опубл.: СЦ на 1832 г. ... С. 41 отд. «Поэзия» (Анфологические эпиграммы, 2). Подп. (весь цикл): А. Пушкин; Стихотворения А. С. Пушкина: (Из Северных Цветов 1832 года). С. 13.

См. примеч. к предыдущему стихотворению. В автографе «Отрок» датирован 10 октября 1830 г. и подразумевает судьбу М. В. Ломоносова. В стихотворении отразилось знакомство Пушкина с «Посланием И. М. Муравьеву-Апостолу» К. Н. Батюшкова (1814—1815), в котором также говорится о Ломоносове. Ср.:

И мрежи расстилал по новым берегам.
Я вижу мысленно, как отрок вдохновенной
Стоит в безмолвии над бездной разъяренной
Среди мечтания и первых сладких дум.

Однако у Пушкина конкретная судьба Ломоносова (прямо в стихотворении не названного) связывается и с более общей темой судьбы, жизненного предназначения. На это указывает и очевидная реминисценция из Евангелия: «Ходя же при мори Галилейстем, виде два брата, Симона глаголемого Петра, и Андреа брата его, вметающа мрежи в море, беста бо рыбаря. И глаголя има: грядите ко мне, и сотворю вы ловца человеком. Она же абие

оставльша мрежи, по Нем идоста. И прешед оттуду, виде ина два брата, Иакова Зеведеева, и Иоанна брата его, в корабли с Зеведеем отцем ею, завязующа мрежи своя, и воззва я. Она же абие оставльша корабль и отца своего, по Нем идоста» (Мф. 4 : 18—22).

Мрежи — рыболовные сети.

XI. РИФМА

(С. 253)

Впервые опубл.: СЦ на 1832 г. ... С. 41—42 отд. «Поэзия» (Анфологические эпиграммы, 3). Подп. (весь цикл): А. Пушкин; Стихотворения А. С. Пушкина: (Из Северных Цветов 1832 года). С. 13—14.

Варианты СЦ

5 Милую дочь. Ее приняла сама Мнемозина, (опеч.?)
6 Резвая дева росла в хоре богинь Аонид,
7 Матери чуткой подобна, послушная памяти строгой,
8 Музам мила; на земле рифмой зовется она.

См. выше примеч. к стих. «Царскосельская статуя». В автографе «Рифма» датирована 10 сентября 1830 г. В стихотворении Пушкин творит свой миф о рождении Рифмы (в поэзии рифма возникает лишь в Средневековье), свободно комбинируя различные мифологические мотивы античности и опираясь преимущественно на «Метаморфозы» Овидия. Вариант пушкинского мифа см. в незаконченном стихотворении «Рифма, звучная подруга...» (1828).

Эхо — нимфа, наказанная за болтовню и способная поэтому произносить только концы слов.

Пеней — река в северной Греции, место действия многих мифологических эпизодов.

Наяды — нимфы источников, ручьев и родников.

Мнемозина (*Мнемосина*) — в греческой мифологии богиня памяти, мать муз (аонид).

XII. НА ПЕРЕВОД ИЛИАДЫ

(С. 254)

Впервые опубл.: Альциона... С. 79 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин.

Варианты А

1 Слышу божественный звук воскреснувшей Эллинской речи —

Стихотворение датировано Пушкиным 8 ноября 1830 г. В СП$_3$ напечатано в ряду стихотворений, образовавших в «Северных Цветах на 1832 г.» цикл «Анфологических эпиграмм». Пушкин имеет в виду перевод «Илиады» Гомера, завершенный в 1829 г. Н. И. Гнедичем (1784—1833) и высоко оцененный им в рецензии «Илиада Гомерова» (Литературная Газета. 1830. 6 янв. Т. 2. № 2): «...с чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительному труду, бескорыстным вдохновениям и совершению единого, высокого подвига. Русская Илиада перед нами». Впрочем, Пушкин не чужд был и некоторого критицизма в отношении перевода Гнедича (ср. написанную почти одновременно со стихотворением

«На перевод Илиады», но тут же тщательно зачеркнутую в рукописи эпиграмму «К переводу Илиады»).

XIII. ТРУД
(С. 255)

Впервые опубл.: СЦ на 1832 г. ... С. 42 отд. «Поэзия» (Анфологические эпиграммы, 4). Подп. (весь цикл): А. Пушкин; Стихотворения А. С. Пушкина: (Из Северных Цветов 1832 года). С. 14.

Варианты СЦ

3 Или свой подвиг свершив, я стою, как поденьщик ненужный,
4 Плату приявший свою, чуждый работе другой;

См. выше примеч. к стихотворению «Царскосельская статуя». Поводом к написанию «Труда», вероятно, явилось завершение Пушкиным работы над «Евгением Онегиным» в ночь с 25 на 26 сентября 1830 г. В стихотворении отразилось знакомство Пушкина с тем местом «Мемуаров» английского историка Э. Гиббона (1737—1794), в котором он описывает свои ощущения после завершения работы над своим основным трудом «История упадка и разрушения Римской империи»: «...трезвая грусть овладела моей душой при мысли, что я только что расстался со старым и милым спутником» и т. д.

XIV. МОЦАРТ И САЛЬЕРИ
(С. 256—264)

Впервые опубл.: Северные Цветы на 1832 г. СПб., 1831. С. 17—32 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин; Стихотворения А. С. Пушкина: (Из Северных Цветов 1832 года) (далее — СтСЦ). С. 1—2.

Варианты СЦ и СтСЦ*

Сцена I

56 Змеёй, людьми растоптонною, в живé
71 Но проходя перед трактиром, вдруг
73 Смешнее от роду ты ничего
78 Из Моцарта нам что нибудь.
80 Уже ль и сам ты не смеешься? Нет.
86 Не в духе ныньче. Я приду к тебе
89 Нет — так; безделицу. Намедни ночью
90 Бессонница моя меня томила
108 Ты, Моцарт, Бог, и сам того не знаешь;
121 Что пользы в нем? Как некий Херувим,
123 Чтоб возмутив бескрылое желанье
140 Как жажда смерти мучила меня,
149 Найду, быть может, злейшая обида

* Варианты, совпадающие в СЦ и СтСЦ, приводятся без отсылки к обоим изданиям. Стихи, которые в СтСЦ совпадают с СПз, отмечены звездочкой.

Сцена II

(*Особая комната в трактире; форте-пиано.*)

8 Так слушай.
18 И что ему во мне? На завтра тот же*
29 Мне кажется, он с нами сам-третей
32 Говаривал мне: «Слушай, брат Сальери,
34 Откупори шампанского бутылку

(*Идет к форте-пиано*)

61 И мир существовать, ни кто б не стал (СтСЦ)
71 И я не гений. Гений и злодейство,
72 Две вещи несовместные. Не правда:

Под текстом:
26 Октября
1830.

Вторая из помещенных в СП$_3$ «маленьких трагедий» «Моцарт и Сальери», законченная, согласно помете в первопечатном тексте, находившейся, вероятно, в ее утраченной беловой рукописи, 26 октября 1830 г. в Болдине, восходит к более раннему замыслу. В дневнике М. П. Погодина (запись 11 сентября 1826 г.) со ссылкой на Д. В. Веневитинова «Моцарт и Сальери» упомянута в числе привезенных из Михайловского произведений Пушкина. Заглавие трагедии включено и в список драматических замыслов поэта, датируемый предположительно 1827 г. Неизвестно, однако, насколько далеко была продвинута работа над «Моцартом и Сальери» до болдинской осени 1830 г., когда трагедия была завершена. К этому времени относится обложка от несохранившейся рукописи ее с вариантом заглавия трагедии — «Зависть». Недостаточно ясен и круг ее источников, к которым обращался Пушкин, разрабатывая свой замысел; очевидно, однако, что наряду с печатными существовали и устные. Истоки замысла «Моцарта и Сальери» восходят к широко обсуждавшейся в 1820-е гг. легенде, согласно которой В. А. Моцарт (1756—1791) был отравлен другим композитором А. Сальери (1750—1825). О том, что он отравлен, подозревал накануне смерти сам Моцарт; Сальери же, впав в конце своей жизни в безумие, признавался в его отравлении. Эти сведения послужили основой для легенды, обвинявшей Сальери в убийстве Моцарта, хотя и опровергнутой, но продолжающей дискутироваться и поныне. П. А. Катенин считал неоправданным создание художественного произведения на основе недоказанных предположений: «...есть ли верное доказательство, что Сальери из зависти отравил Моцарта? Коли есть, следовало выставить его напоказ в коротком предисловии или примечании уголовною прозою; если же нет, позволительно ли так чернить перед потомством память художника, даже посредственного?».

Для Пушкина же была важнее всего психологическая достоверность легенды, о чем свидетельствует позднейшая его заметка «О Сальери» (1832): «В первое представление „Дон Жуана", в то время когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта, раздался свист — все обратились с негодованием, и знаменитый Сальери вышел из залы, в бешенстве, снедаемый завистию. Сальери умер лет 8 тому назад. Некоторые немецкие журналы говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении — в отравлении великого Моцарта. Завистник, который мог освистать „Дон Жуана", мог отравить его творца». Вероятно, именно то, что основой его трагедии является легенда, которая поэтически может быть даже достовернее бесспорного факта, и привлекло Пушкина к ситуации, положенной в ее основу. Поэтому, восходя к конкретным прототипам и нося исторические имена, герои «Моцарта и Сальери» несут в себе свойственное литературным типам обобщение,

выводящее их за пределы узко понятой исторической достоверности; но одновременно в их обрисовке Пушкин опирался и на подлинные обстоятельства жизни и черты характера обоих композиторов, стремился к психологической достоверности их образов. «Моцарт и Сальери» — единственная из пушкинских «маленьких трагедий», поставленная на сцене при жизни автора: дважды (27 января и 1 февраля 1832 г.) она игралась на сцене Петербургского Большого театра в бенефис Я. Г. Брянского (1790—1853), исполнившего роль Сальери. В роли Моцарта выступил И. И. Сосницкий (1794—1871).

Глюк X. В. (1714—1787) — немецкий композитор, реформатор музыкального искусства, учитель А. Сальери, стремившийся объединить в опере музыку и драму.

Пиччини Н. (1728—1800) — итальянский композитор, соперник Глюка, противопоставивший ему свои принципы оперного искусства. Успех его опер в Париже разделил ценителей музыки на «глюкистов» и «пиччинистов».

Я Ифигении начальны звуки — речь идет об опере Глюка «Ифигения в Авлиде» (1779).

Voi che sapete (Вы, кому известно) — начальные слова арии Керубино из оперы Моцарта «Женитьба Фигаро».

«Дон Жуан» — опера Моцарта.

Пародией бесчестит Алигьери — имеются в виду попытки в середине XVIII в. переоценить творчество Данте Алигьери.

Гайдн (*Гайден*) *И.* (1732—1809) — немецкий композитор, творчество которого подготовило почву для музыки Моцарта.

Мой Requiem меня тревожит — над «Реквиемом» (заупокойной мессой) Моцарт работал в 1791 г. в последние месяцы своей жизни по анонимному заказу, как впоследствии выяснилось, гр. Ф. Вальзегга цу Штуппах, решившего посвятить это якобы свое сочинение памяти жены.

...*Человек, одетый в черном* — речь идет об обстоятельствах, при которых Моцарту был заказан «Реквием»; они многократно излагались и могли быть известны Пушкину из разных источников. Позднее выяснилось, что «черный человек» был агент Вальзегга, венский юрист А. Лейтгеб.

Бомарше П.-О. — французский драматург, автор «Женитьбы Фигаро», на сюжет которой была создана опера Моцарта, и «Тарара», послужившего либретто для одноименной оперы Сальери. В Посвящении и предисловии Бомарше к «Тарару» Пушкин почерпнул некоторые сведения о Сальери, нашедшие свое отражение в его трагедии. В обмене репликами Моцарта и Сальери имеется в виду клевета, долго преследовавшая Бомарше, будто бы в целях обогащения он отравил двух своих жен. В реплике Сальери — «Не думаю, он слишком был смешон Для ремесла такого» — использована фраза Вольтера из его письма к гр. д'Аржанталю (1774), известная Пушкину по книге Лагарпа «Лицей».

А Бонаротти? — имеется в виду распространенная легенда, о которой, в частности, говорит Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника», будто Микельанджело Буонаротти (1475—1564) умертвил распятого на кресте натурщика для того, чтобы естественнее изобразить страдания Христа. Кисти Микельанджело принадлежат фрески Сикстинской капеллы в Ватикане.

XV. НОВОСЕЛЬЕ

(С. 265)

Впервые опубл.: Сиротка: Литературный альманах, изд. в пользу Заведения призрения бедных сирот (далее — Сир.). М., 1831. С. 39. Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: Песни, романсы и куплеты из Водевилей Известных и Любимых поэтов. М., 1833. Без подп.

Варианты Сир.

4 Свободный труд и сладкий мир;
5 Ты счастлив — ты свой домик малой,
7 От злых забот, и лени вялой
8 Застраховал как от огня.

В беловом автографе над текстом помета: *1830. Москва.* Стихотворение обращено, вероятно, к М. П. Погодину (1800—1875), писателю, историку, профессору Московского университета, издателю «Московского Вестника». В апреле 1830 г. Погодин перебрался в купленный им новый дом. См. записку Пушкина к новоселу—Погодину 26 апреля 1830 г.: «Пушкин приходил поздравить Вас с новосельем».

XVI. ЦЫГАНЫ
(С. 266)

Впервые опубл.: Денница... Подп.: А. Пушкин. Перепеч.: Новейший российский песенник... С. 14—15.

Варианты Д

Заглавие Цыганы. (С Английского)
3 Шум и песни под шатрами
5 Здравствуй, счастливое племя,
12 Не пойдет уж ваш Поэт.

Подзаголовок «С английского», сохраненный в оглавлении СП$_3$, не указывает, по-видимому, на конкретный источник стихотворения. В нем, однако, могли отразиться впечатления от чтения стихотворений английских поэтов, в том числе включенных в коллективный сборник, находившийся с Пушкиным в Болдине (см. выше примеч. к стихотворению «Пью за здравие Мери...»): «Цыганы» («Gipsies») У. Вордсворта и «Цыганский шатер» («The Gipsy's Tent») Дж. Боулза. Стихотворение включает в себя явные автобиографические мотивы (воспоминания о бессарабских цыганах) и отсылает к эпилогу поэмы «Цыганы» (1824), в котором они были представлены.

XVII. ОТВЕТ
(С. 267)

Впервые опубл.: ЛГ. 1830. 11 янв. Т. 1. № 3. С. 21. Подп.: Крс.

Варианты ЛГ

1 Я вас узнал, о мой Оракул!
3 Сих неподписанных каракуль;*
16 Ни Муз, ни Пр — , ни Харит!

Стихотворение адресовано Ек. Н. Ушаковой (1809—1872), предмету увлечения Пушкина в 1827—1829 гг., и является ответом на какое-то не дошедшее до нас ее письмо.

* В основном тексте стихотворения введено чтение эпитета «неподписанных»; предполагается, что в СП3 перешла описка О. М. Сомова, чьей рукой переписана копия в цензурной рукописи сборника.

В последнем четверостишии Москва, в которой жила Ушакова (на Пресне; ср. выше примеч. к стихотворению 1829 г. «Е. Н. У***вой», $СП_2$), сопоставляется с Петербургом («Здесь город чопорный, унылой»).

XVIII. МАДОНА

(С. 268)

Впервые опубл.: Сиротка... С. 19—20. Подп.: А. Пушкин; ЛГ. 1831. 12 марта. № 15. Т. 3. С. 122. Подп.: А. Пушкин с примеч.: «Сонет сей, по желанию Поэта, перепечатывается здесь из Альманаха: Сиротка, в котором он напечатан был с довольно значительной ошибкой в седьмом стихе:

Одной, чтоб на меня с холста иль с облаков...

Это нарушало смысл подлинного стиха».

Варианты ЛГ и Сир.

2 Украсить я всегда желал мою обитель (Сир., ЛГ)
7 Одной: чтоб на меня с холста иль с облаков (Сир.)
8 Пречистая и наш Божественный Спаситель, —
9 — Она с величием, Он с Разумом в очах — (Сир., ЛГ)
14 Чистейшей прелести чистейший образец! (ЛГ)

Стихотворение в рукописи датировано 8 июля 1830 г. «Мадона» — третий из сонетов Пушкина, написанных в 1830 г. Он посвящен невесте поэта Н. Н. Гончаровой. В письме к ней 30 июля 1830 г. он писал: «Прекрасные дамы просят меня показать ваш портрет и не могут простить мне, что его у меня нет. Я утешаюсь тем, что часами простаиваю перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли воды; я бы купил ее, если бы она не стоила 40 000 рублей» (с франц.). Речь идет о продававшейся в книжной лавке И. В. Слёнина на Невском проспекте в Петербурге старинной копии так называемой «Бриджуотерской мадонны» Рафаэля, выдававшейся за оригинал. На сходстве живописного изображения с адресатом и построено стихотворение Пушкина. В ст. 7 и 11 содержится скрытое сравнение описываемой картины с знаменитой «Сикстинской мадонной» Рафаэля («...с холста, как с облаков»; «Одни, без ангелов»). Впоследствии поэт нередко применял к жене слово «мадонна». По свидетельству дочери Е. М. Хитрово Е. Ф. Тизенгаузен (ок. 1803—1888), Пушкин писал ее матери: «Я женюсь на косой и рыжей мадонне». Ср. воспоминания П. А. и В. Ф. Вяземских: «Жену свою Пушкин иногда звал: моя косая мадонна. У нее глаза были несколько вкось».

1831

I. ЭХО

(С. 269)

Впервые опубл.: СЦ на 1832 г. ... С. 50. Подп.: А. Пушкин; Стихотворения А. С. Пушкина: (Из Северных Цветов 1832 г.). С. 17.

Варианты СЦ

3 Поет ли дева за холмом, —
11 Тебе нет отзыва... Таков

Будучи оригинальным произведением Пушкина, «Эхо» имеет отдаленную связь со стихотворением Барри Корнуолла «Прибрежное эхо» («A sea chore echo»), совпадая с ним в строфической композиции (ср. выше примеч. к стихотворению 1829 г. «Обвал»).

II. КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

(С. 270—271)

Впервые опубл.: На взятие Варшавы (далее — НВВ): Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина. СПб., 1831. С. 17—19. Подп.: А. П. Перепеч.: *Пенинский Иван*. Российская хрестоматия... Ч. 2. С. 735—737.

Варианты НВВ

3 Что возмутило вас? — волнения Литвы?
4 Оставьте; это спор Славян между собою;
5 Домашний, старый спор, уж взвешенный Судьбою;
11 Кто устоит в неровном споре:
21 Борьбы отчаянной отвага,
28 Мы тяготеющий над Царствами кумир,
30 Европы вольность, честь и Мир? —
42 Не встанет Русская земля? —
43 Так высылайте ж нам, витии!
Под текстом:
16-го Августа
1831 года.

Под текстом первого белового автографа стихотворения помета: 2 авг⟨уста⟩ С⟨ело⟩ Ц⟨арское⟩. Завершенное 16 августа 1831 г. стихотворение было вскоре же (вместе с «Бородинской годовщиной» и «Старой песней на новый лад» В. А. Жуковского) опубликовано в пропагандистской брошюре «На взятие Варшавы», стремительно отпечатанной (цензурное разрешение 7 сентября, билет на выпуск в свет — 10 сентября; объявление о продаже в книжной лавке А. Ф. Смирдина — 14 сентября) в военной типографии по личному распоряжению Николая I. Появление «Клеветникам России» вызвано реакцией Пушкина на польское восстание 1830—1831 гг., обусловленной давними представлениями поэта о русско-польских отношениях. Он разделял мнение о том, что самостоятельность Польши противоречит как государственным интересам России, так и идее общеславянского единства. В связи с этим он считал неоправданной политику Александра I, после победы над Наполеоном восстановившего Царство Польское на основе личной унии с Россией (российский император одновременно являлся и польским королем) и предоставившего ему значительную автономию на основе собственной конституции и парламентского устройства, что, по мнению Пушкина, способствовало укреплению розни между поляками и русскими. 9 декабря 1830 г., вскоре после возвращения из Болдино, он писал Е. М. Хитрово: «Известие о польском восстании меня совершенно потрясло. Итак, наши исконные враги будут окончательно истреблены, и таким образом ничего из того, что сделал Александр, не останется, так как ничто не основано на действительных интересах России и опирается лишь на соображения личного тщеславия, театрального эффекта и т. д.» (с франц.).

Негативное отношение Пушкина к польскому восстанию усугублялось опасением, что поддержка его народами и правительствами западноевропейских стран может втянуть Россию в общеевропейский военный конфликт, чреватый повторением событий 1812 г.

По свидетельству одного из современников (гр. Е. Е. Комаровского), на вопрос, заданный ему при встрече на улице: «Отчего не веселы, Александр Сергеевич?», Пушкин ответил: «Да всё газеты читаю». — «Что ж такое?» — «Разве вы не понимаете, что теперь время чуть ли не столь же грозное, как и в 1812 году!» Наиболее подробно отношение Пушкина к польским событиям и европейской реакции на них до написания «Клеветникам России» отразилось в письме П. А. Вяземскому 1 июня 1831 г.: «Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря, мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей. Но для Европы нужны общие предметы внимания и пристрастия, нужны и для народов и для правительств. Конечно, выгода почти всех правительств держаться в сем случае правила non intervéntion ⟨невмешательства⟩, то есть избегать в чужом пиру похмелья; но народы так и рвутся, так и лают. Того и гляди, навяжется на нас Европа». Весь этот комплекс мыслей и представлений нашел свое отражение в стихотворении «Клеветникам России», написанном между 2 и 16 августа, когда военное противостояние России и Польши близилось к развязке, но опасность казалась еще очень серьезной. См. в письме Пушкина Вяземскому 3 августа 1831 г.: «Кажется, дело польское кончается; я всё еще боюсь: генеральная баталия, как говорил Петр I, дело зело опасное. А если мы и осадим Варшаву (что требует большого числа войск), то Европа будет иметь время вмешаться не в ее дело. Впрочем, Франция одна не сунется, Англии не для чего с нами ссориться, так авось ли выкарабкаемся».

Живя летом 1831 г. в Царском Селе, Пушкин имел возможность, благодаря близости двора, быть постоянно в курсе событий, и его реакция на них свидетельствует о большой осведомленности как о ходе военных действий в Польше, так и о перипетиях антирусской кампании, развернутой прессой и парламентариями в Европе, особенно во Франции (например, речи ген. Лафайета во французском парламенте и т. п.). «Народные витии» и явились непосредственными адресатами стихотворения Пушкина. В первой беловой рукописи к «Клеветникам России» был дан латинский эпиграф: Vox et preteres nihil ⟨Голос и больше ничего⟩. Стихотворение Пушкина, помещенное в брошюре «На взятие Варшавы», вызвало значительный общественный резонанс: наряду с одобрением позиции поэта (Е. А. Баратынский, П. Я. Чаадаев, молодой М. А. Бакунин и др.), она была резко осуждена А. И. Тургеневым и особенно Вяземским. В далеких от Пушкина кругах его рассматривали как прямое прислужничество правительству и царю. Этому противоречит независимость позиции поэта; показательно, что попытка С. С. Уварова, вольно переложившего стихотворение Пушкина на французский язык (см. письмо Пушкина к нему 21 октября 1831 г.), использовать свой перевод в пропагандистских целях была отвергнута А. Х. Бенкендорфом. В 1836 г., получив от кн. Н. Б. Голицына сделанный им новый перевод «Клеветникам России» и высоко оценив его (см. в письме ему 10 ноября 1836 г.: «...ваш несравненный перевод моего стихотворения, направленного против недругов нашей страны»; с франц.), поэт вспомнил и эпизод с Уваровым: «Я уже видел три перевода, из которых один сделан высокопоставленным лицом из числа *моих друзей*, но ни один не стоит вашего. Отчего вы не перевели этой пьесы в свое время, — я бы послал ее во Францию, чтобы шлепнуть по носу всех крикунов из Палаты депутатов» (с франц.). Стихотворение Пушкина в переводе получило распространение в Европе (только в Германии до 1834 г. оно переводилось шесть раз) и, тенденциозно истолкованное, сильно повредило Пушкину в глазах либерального общественного мнения.

Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы — речь идет о Наполеоне, господству которого над Европой противостояла Россия.

Измаильский штык — имеется в виду взятие А. В. Суворовым турецкой крепости Измаил в 1790 г.

III. БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

(С. 272—274)

Впервые опубл.: НВВ... С. 11—15. Подп.: А. П. Перепеч.: *Пенинский Иван.* Российская хрестоматия... Ч. 2. С. 739—742.

Варианты НВВ

16 Хмельна для них Славянов кровь;
20 Под злаком Северных полей!
31 Кто уступил, тот невредим;
35 Хранят в преданиях немых:
38 Не узрят хладного лица
42 Легкоязычные витии;
46 *Больной, измученный колосс?*
47 Еще ли Северная Слава
60 Святыни всех своих градов.*
61 Ваш буйный шум и хриплый крик
65 Сильна ли Русь? — Война и мор,
67 Ее, беснуясь, потрясали, —
68 Смотрите ж: всё стоит Она!
69 А вкруг ее волненья пали — **
71 Победа! сердцу сладкий час! —
75 Вокруг одра, где Он лежит,
82 Суворов видит плен Варшавы,
83 И встрепетала тень его

Под текстом:
5-го Сентября 1831 года.

См. примеч. к предыдущему стихотворению. «Бородинская годовщина» вызвана известием о взятии Варшавы русскими войсками, возглавлявшимися И. Ф. Паскевичем; 26 августа 1831 г. они овладели предмостным укреплением Прагой, что открывало путь к полному овладению польской столицей. Этот день совпал с годовщиной Бородинского сражения в 1812 г. 3 сентября 1831 г. Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Варшава должна была быть взята 25 или 26; но еще известия нет». Оно было получено 4 сентября, причем, согласно пожеланию Николая I, его доставил в Царское Село кн. А. А. Суворов, внук генералиссимуса, в 1784 г. тоже овладевшего Варшавой. Сохранилась дневниковая запись Пушкина об этом событии: «*Сентября 4*. Суворов привез сегодня известие о взятии Варшавы. Паскевич ранен в бою. ⟨...⟩ Поляки защищались отчаянно. Приступ начался 24 августа. Варшава сдалась безусловно 27». Завершение польского восстания было воспринято Пушкиным с удовлетворением. См. его письмо П. А. Осиповой 11 сентября 1831 г.: «Не буду говорить вам о взятии Варшавы. Вы представляете себе, с каким

---

* Опечатка, повторенная в СП3 (в наст. изд. восстановлено подлинное чтение). См. в письме Пушкина Е. М. Хитрово от середины (ок. 10) сентября 1831 г.: «...ради Бога, исправьте стих

Святыню всех твоих *градов*.

Поставьте: *гробов*. Речь идет о могилах Ярослава и печерских угодников; это поучительно и имеет какой-то смысл, *градов* ничего не означает».

** Чтение НВВ: *ее* — сохранено в основном тексте стихотворения. В наст. изд. стих печатается в соответствии с СП3.

восторгом мы приняли это известие после 9-месячных тяжелых неудач. Что скажет Европа? вот вопрос, который нас занимает». В «Бородинской годовщине» и нашли свое выражение чувства, испытанные Пушкиным в ходе развития польских событий 1830—1831 гг., ранее воплощенные в стихотворении «Клеветникам России».

Уж Польша вас не поведет — в 1812 г. созданное Наполеоном (1807) великое герцогство Варшавское выступило в качестве его союзника в войне против России.

Сбылось и, в день Бородина... — в этом и следующих стихах воедино связываются три исторических события: бородинское сражение и взятие Варшавы в 1784 г. Суворовым и в 1831 г. Паскевичем.

Того, что старые скрижали

Хранят в преданиях немых — имеются в виду сложные эпизоды истории русско-польских взаимоотношений в прошлом, в первую очередь сожжение Москвы в 1611 г. поляками и участие их в военном походе 1812 г.

Немезида (*Немесида*) — богиня мщения в античной мифологии.

Но вы, мутители палат — см. примеч. к стихотворению «Клеветникам России».

Больной, расслабленный колосс — вероятно, цитата из антирусских выступлений 1831 г.

Куда отдвинем строй твердынь? — речь идет о внешнеполитической программе польских повстанцев, претендовавших на присоединение к Польше некогда принадлежавших ей украинских («наследие Богдана»), белорусских и литовских земель, вплоть до Киева.

Святыню всех своих гробов? — см. выше.

Война, и мор, и бунт... — имеются в виду военные кампании 1826—1829 гг., холерная эпидемия 1830—1831 гг. и связанные с ее распространением так называемые «холерные бунты».

Вокруг одра, где Он лежит — речь идет о Паскевиче, контуженном во время штурма Праги.

Кто покорил вершины Тавра,

Пред кем смирилась Эривань... — события русско-персидской войны 1827—1828 гг.; Тавр — горная гряда в Армении, Эривань (совр. Ереван) — крепость, взятая после долгой осады войсками Паскевича 1 октября 1827 г.

Венок сплела тройная брань — слава Паскевича основывалась на руководстве им русскими войсками в русско-персидской, русско-турецкой и русско-польской войнах.

Младого внука своего — см. выше.

IV. СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ...

(С. 275—297)

Впервые опубл.: $СП_3$. С. 130—181.

На обрывке несохранившегося автографа сказки дата: 29 авг⟨уста⟩ Ц⟨арское⟩ С⟨ело⟩. 1831. Замысел сказки восходит к более раннему времени: первоначальная редакция начала (14 стихотворных строк и прозаическое продолжение) датируется 1828 г. Пушкинская запись народной сказки, во многом совпадающей с позднейшей «Сказкой о царе Салтане», относящаяся к 1824 г., восходит, очевидно, к няне поэта Арине Родионовне Яковлевой (1758—1828): «Некоторый царь задумал жениться, но не нашел по своему нраву никого. Подслушал он однажды разговор трех сестер. Старшая хвалилась, что государство одним зерном накормит, вторая, что одним куском сукна оденет, третья, что с первого года родит 33 сына. Царь женился на меньшой, и с первой ночи она понесла.

Царь уехал воевать. Мачеха его, завидуя своей невестке, решилась ее погубить. После трех месяцев царица благополучно разрешилась 33 мальчиками, а 34 уродился чудом — ножки по колено серебряные, ручки по локотки золотые, на лбу звезда, в заволоке месяц; послали известить о том царя. Мачеха задержала гонца по дороге, напоила его пьяным, подменила письмо, в коем написала, что царица разрешилась не мышью, не лягушкой — неведомой зверюшкой. Царь весьма опечалился, но с тем же гонцом повелел дождаться приезда его для разрешения. Мачеха опять подменила приказ и написала повеление, чтоб заготовить две бочки: одну для 33 царевичей, а другую для царицы с чудесным сыном — и бросить их в море. Так и сделано.

Долго плавали царица с царевичем в засмоленой бочке, наконец море выкинуло их на землю. Сын заметил это. „Матушка ты моя, благослови меня на то, чтоб рассыпались обручи и вышли бы мы на свет". — „Господь благослови тебя, дитятко". — Обручи лопнули, они вышли на остров. Сын избрал место и с благословения матери вдруг выстроил город и стал в оном жить да править. Едет мимо корабль. Царевич остановил корабельщиков, осмотрел их пропуск и, узнав, что едут они к Султану Султановичу, турецкому государю, обратился в муху и полетел вслед за ними. Мачеха хочет его поймать, он никак не дается. Гости-корабельщики рассказывают царю о новом государстве и о чудесном отроке — ноги серебряные и проч. „Ах, — говорит царь, — поеду посмотреть это чудо". — „Что за чудо, — говорит мачеха, — вот что чудо: у моря лукомория стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, а по тем цепям ходит кот: вверх идет — сказки сказывает, вниз идет — песни поет". — Царевич прилетел домой и с благословения матери перенес перед дворец чудесный дуб.

Новый корабль. То же опять. Тот же разговор у Султана. Царь опять хочет ехать. „Что это за чудо, — говорит опять мачеха, — вот что чудо: за морем стоит гора, и на горе два борова, боровы грызутся, а меж ими сыплется золото да серебро" и проч. Третий корабль и проч. так же. „Что за чудо, а вот чудо: из моря выходят 30 отроков точь-в-точь равны и голосом и волосом, и лицом и ростом, а выходят они из моря только на один час".

Тужит царевна об остальных своих детях. Царевич с ее благословения берется их отыскать. „Нацеди ты, матушка, своего молока, ты замеси 30 лепешечек". — Он едет к морю, море всколыхалося, и вышли 30 юношей и с ними старик. И царевич спрятался и оставил одну лепешечку, один из них и съел ее. „Ах, братцы, — говорит он, — до сих пор не знали мы материнского молока, а теперь узнали". — Старик погнал их в море. На другой день вышли они опять, и все съели по лепешке, и познали брата своего. На третий вышли без старика, и царевич привел всех братьев своих к своей матери. Четвертый корабль. То же самое. Мачехе уж более делать нечего. Царь Султан едет на остров, узнает свою жену и детей и возвращается с ними домой, а мачеха умирает». Более поздняя (возможно, 1828 г.) схематическая запись аналогичного сюжета представляет собой, скорее всего, конспект литературного, вероятно, западноевропейского источника: «Царь не имеет детей. Слушает трех сестер: когда б я была царицей, то я бы всякий день пиры. Вторая: когда бы я была царицей, завела бы хоромы... На другой день свадьба. Зависть первой жены; война, царь на войне; царевна рожает сына, гонец etc. Царь умирает бездетен. Избирают его царем. Оракул, буря, ладья. Он правит во славе — едет корабль — у Салтана. Речь о новом государе. Салтан хочет слать послов, царица посылает своего поверенного гонца, который клевещет. Царь объявляет войну. Царица узнает его с башни».

Сюжет «Сказки о царе Салтане» широко распространен в мировом фольклоре. Пушкин объединяет в нем мотивы сказок об оклеветанной жене (чудесном сыне) и о премудрой (вещей) деве. Пушкин, несомненно, был знаком не только с русскими, но и западноевропейскими и восточными вариантами. Текст «Сказки о царе Салтане»

обнаруживает связь и с традицией лубочной сказки (заглавие, имена Салтан и Гвидон). В текст $СП_3$ введены некоторые изменения, вероятно, цензурного характера: в основном тексте сказки, печатаемом в современных изданиях, восстановлены чтения писарской копии с поправками автора и П. А. Плетнева в цензурной рукописи $СП_3$. Ст. 5—6:

То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир.

Ст. 48—49:

Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.

В настоящем издании сохранен текст $СП_3$. Изменения внесены лишь там, где речь может идти о простых опечатках: ст. 310 в $СП_3$ — «Не привольный, не жилой»; в ст. 376: «А *над* ней хрустальный дом» (ср. в ст. 472). В соответствии с поправкой на с. 209 $СП_3$ («В *Сказке* о *царе Салтане* и проч. вместо слова Окиян ошибкою везде напечатано Океан») слово «Окиян» печатается без специального обозначения.

РАЗНЫХ ГОДОВ

I. УЗНИК

(С. 298)

Впервые опубл.: $СП_3$. С. 185.

Датировано Пушкиным: Кишенев, 1822. Стихотворение связано с самоощущением Пушкина как изгнанника, остро чувствовавшего свое подневольное положение и оторванность от Петербурга. Стремление вырваться из ссылки проходит через его переписку 1822 г. См., например, в письме брату 24 января 1822 г.: «Представь себе, что до моей пустыни не доходит ни один дружний голос — что друзья мои как нарочно решились оправдать элегическую мою мизантропию — и это состояние несносно». Ср. в письме ему же в октябре 1822 г.: «Я карабкаюсь и, может быть, явлюсь у вас. Но не прежде будущего года...... Жуковскому я писал, он мне не отвечает; министру ⟨К. В. Нессельроде⟩ я писал — он и в ус не дует — о други, Августу мольбы мои несите! но Август смотрит сентябрем...» (Пушкин цитирует здесь свое послание «К Овидию», применяя к себе слова адресата). В этих обстоятельствах и возникают настроения, нашедшие свое отражение в «Узнике» (ср. примеч. к стихотворению «Птичка»; $СП_2$. Разных годов, I).

II. К ЯЗЫКОВУ

(С. 299)

Впервые опубл.: ЛГ. 1830. 17 марта. Т. 1. № 16. С. 125—126. Без подп.

Варианты ЛГ

Заглавие Отрывок из послания к Языкову
3 Они жрецы единых Муз;
8 Языков, близок я к тебе.

16 И звучной лирою твоей;
21 Теперь один, в глухом изгнаньи
34 Я жду тебя . . . .
. . . .
. . . .

Под текстом:
1824.
Михайловское.

В авторитетных копиях стихотворение датировано 20 сентября 1824 г. (дата утраченного письма Пушкина к Языкову, в которое входило его послание). В СП$_3$, как и в ЛГ, послание напечатано не полностью, опущены 15 с половиной стихов. После «Я жду тебя» следует:

...Тебя со мною
Обнимет в сельском шалаше
Мой брат по крови, по душе,
Шалун, замеченный тобою;*
И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг всё для нас оставит,
И наша троица прославит
Изгнанья темный уголок.
Надзор обманем караульный,
Восхвалим вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудим шумные пиры,
Вниманье дружное преклоним
Ко звону рюмок и стихов
И скуку зимних вечеров
Вином и песнями прогоним.

Кроме того, в печатном тексте послания произведены изменения цензурного характера: в ст. 19 словом «непогода» заменено «самовластье» (нарушение рифмы намекало читателю на вынужденную замену), переработан ст. 21: «Всегда гоним, теперь в изгнанье», а также изменен эпитет в ст. 22: «закованные ⟨дни⟩». Послание «К Языкову» входило в состав не дошедшего до нас письма Пушкина к адресату, которое он отправил в Дерпт 20 сентября 1824 г. На Н. М. Языкова как поэта Пушкин обратил внимание еще ранее (см. в письме А. А. Дельвигу 16 октября 1823 г.: «Разделяю твои надежды на Языкова...»; ср. сообщенное А. Ф. Воейковым Языкову мнение о нем Пушкина из недошедшего до нас письма его брату: «Наш Бейрон восхищается вашими стихами и пророчествует вам мирты, розы и вечно зеленые лавры»). По приезде в Михайловское Пушкин сошелся с сыном П. А. Осиповой от первого брака А. Н. Вульфом, товарищем Языкова по Дерптскому университету, и в письмо ему в Дерпт, также включавшее стихотворное послание к нему, вложил и письмо Языкову. В послании Вульфу он писал:

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой...

---

* Речь идет о Л. С. Пушкине, с которым поэта в это время связывала тесная дружба.

Ср. в прозаической части письма: «Уговори Языкова да отдай ему мое письмо...» В приписке сестры Вульфа Анны Николаевны подтверждается это приглашение: «Пожалуйста, отдай тут вложенное письмо Языкову и, ежели можешь, употреби всё старание уговорить его, чтобы он зимой сюда приехал сюда с тобой. Пушкин этого очень желает...» Послание «К Языкову», завязывая знакомство обоих поэтов, и отражает это стремление Пушкина (встреча состоялась, однако, только летом 1826 г., когда Языков побывал, наконец, в Тригорском). На стихотворение Пушкина Языков ответил посланием «А. С. Пушкину» («Не вовсе чуя бога света...»), высоко оцененным его адресатом: в письме Вульфу от марта—апреля 1825 г. поэт писал: «...послание его ⟨...⟩ — прелесть...».

В деревне, где Петра питомец — речь идет о А. П. Ганнибале (1697 или 1698—1781), прадеде Пушкина, первом владельце с. Михайловского, входившего в так называемую Михайловскую губу, владение в Псковской губ., пожалованное ему в 1764 г. имп. Елизаветой Петровной. В примечании к первому изданию первой главы «Евгения Онегина» Пушкин писал о нем: «Автор со стороны матери происхождения африканского. Его прадед Абрам Петрович Ганнибал на 8 году от роду был похищен с берегов Африки и привезен в Ко́нстантинополь. Российский посланник, выручив его, послал в подарок Петру Великому, который крестил его в Вильне...» и т. д.

И двор и пышные обеты — поэтическая вольность в употреблении слова «обед».

III. ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

(С. 300)

Впервые опубл.: СЦ на 1830 г. ... С. 34—35 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин. Многократно перепеч.: Северный Певец, или Собрание новейших отличнейших романсов и песен, посвященных любительницам и любителям пения. М., 1830. Ч. I. С. 68—69. Без подп. и загл.; Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. М., 1831. Ч. 3. С. 74—78; Эвтерпа, или Собрание новейших романсов, баллад и песен известнейших и любимых Русских Поэтов. М., 1831. С. 5—7; Ладо, или Полное собрание лучших романсов и песен: Подарок на 1832 г. для милых девушек и любезных женщин. Собранный из известных авторов. М., 1832. С. 30—31. Без подп. и загл.; Песни, романсы и куплеты из Водевилей... С. 91—93 и др., а также с нотами М. Яковлева (1835).

Варианты СЦ

19, 31 Выпьем с горя; где же кружка?

Стихотворение датируется 1825 г. В нем отразились впечатления от жизни Пушкина в Михайловском, связанные с глубоким погружением в народную жизнь и народное поэтическое творчество, чему, в частности, способствовало его постоянное общение с няней Ариной Родионовной. См. в письме Пушкина его одесскому сослуживцу Д. М. Шварцу 9 декабря 1824 г.: «...вечером слушаю сказки моей няни ⟨...⟩; она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно». Песни, которые имеются в виду в ст. 21—24, — это старинные русские народные песни «За морем синичка не пышно жила...» и «По улице мостовой...».

IV. 19 ОКТЯБРЯ, 1827

(С. 301)

Впервые опубл.: Славянин. 1830. Ч. 15. № 13. С. 51. Подп.: П.

Редакция Сл.

К товарищам молодости
Бог в помощь вам, друзья мои,
В успехах дел и Царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви.
Бог в помощь вам, друзья мои,
Влачить удел тоски и горя
Во дни войны, в открытом море
И в мрачных пропастях земли.

Стихотворение, приуроченное к «лицейской годовщине», на которой впервые после ссылки вновь присутствовал Пушкин. За несколько дней до нее, 14 октября, произошла его случайная встреча с В. К. Кюхельбекером, которого перевозили из Шлиссельбурга в Динабургскую крепость (см. дневниковую запись Пушкина 15 октября 1827 г.), во многом определившая содержание и тональность «19 октября, 1827», особенно его последнего стиха, подчеркнувшего резкое размежевание судеб лицеистов после суда над декабристами. Со слов П. А. Плетнева известно, что за него «Пушкину были сделаны внушения...». Стихотворение быстро распространилось в копиях, главным образом среди лицеистов первого выпуска; одна из них была послана бывшим директором Царскосельского Лицея Е. А. Энгельгардтом (1775—1862) И. И. Пущину. «И в эту годовщину в кругу товарищей, — писал Пущин в «Записках о Пушкине», — Пушкин вспомнил меня и Вильгельма, заживо погребенных, которых они недосчитались на лицейской сходке».

Первая публикация стихотворения «19 октября, 1827» в «Славянине» была осуществлена А. Ф. Воейковым, по-видимому, без ведома Пушкина и с недостаточно достоверного списка. В 1829 г. публикация стихотворения оказалась, вероятно, невозможной, и Пушкин поэтому включил его лишь в раздел «Разных годов» $СП_3$.

В краю чужом, в пустынном море — имеются в виду лицеисты первого выпуска кн. А. М. Горчаков и С. Г. Ломоносов (1799—1857), находившиеся на дипломатической службе за границей, а также Ф. Ф. Матюшкин, осенью 1827 г. завершавший очередное кругосветное плавание (ср. примеч. к стихотворению «19 октября» 1825).

V. «ДАР НАПРАСНЫЙ...»

(С. 302)

Впервые опубл.: СЦ на 1830 г. ... С. 98 отд. «Поэзия». Подп.: А. П. (в оглавлении среди произведений Пушкина).

Варианты СЦ

Заглавие 26 Мая 1828

Дата, первоначально вынесенная в заглавие стихотворения, — день рождения Пушкина; в 1828 г. ему исполнилось 29 лет. См. в списке стихотворений 1828 г., связанном с подготовкой к изданию $СП_{1,2}$, где первоначально предполагалось поместить стихотворение: На день рожд⟨ения⟩. На «Дар напрасный...» откликнулся стихотворной отповедью Пушкину московский митрополит Филарет. См. выше примеч. к стихотворению 1830 г. «В часы забав иль праздной скуки...».

VI. «КАКОВ Я ПРЕЖДЕ БЫЛ...»
(С. 303)

Впервые опубл.: СП$_3$. С. 196.

Первоначальный текст стихотворения относится к 1826 г., 1828-м годом датируется его окончательная обработка. Связь стихотворения с А. Шенье (см. подзаголовок в оглавл. СП$_3$: «Отрывок из Андрея Шенье») ограничивается свободной комбинацией некоторых мотивов его элегий; в целом же оно является вполне оригинальным произведением Пушкина. Ближайшим образом оно связано с «фрагментом элегии» Шенье, начинающимся вынесенным Пушкиным в эпиграф стихом, довольно точно переданным в ст. 1 пушкинского стихотворения. Шенье в свою очередь заимствовал его у английского поэта М. Прейтора (1664—1721).

VII. АНЧАР
(С. 304—305)

Впервые опубл.: СЦ на 1832 г. ... С. 113—115 отд. «Поэзия». Подп.: А. Пушкин; СтСЦ. С. 19—20.

Варианты СЦ и СтСЦ

Заглавие Анчар, древо яда
4 Стоит — один во всей вселенной.
6 Его в день зноя породила,
14 И тигр нейдет — лишь вихорь черный
15 На древо смерти набежит
18 Блуждая, лист его дремучий,
22 Послал к Анчару властным взглядом,
23 И тот послушно в путь потек
28 Струился хладными ручьями;*
33 А Царь тем ядом напитал
36 К соседям в чуждые пределы.

В рукописи стихотворение датировано: 9 ноябр⟨я⟩ 1828. Малинники. Сведения о «древе яда» — анчаре Пушкин мог получить из ряда источников как литературных (см., например, предназначавшийся для «Анчара» эпиграф из драмы С. Кольриджа «Раскаяние»: «It is a poison-tree, that pierced to inmost Weeps only tears of poison» ⟨Это ядовитое дерево, и если его пронзить до сердцевины, оно плачет ядовитыми слезами⟩), так и естественнонаучных. Одним из наиболее вероятных из подобных источников являлась статья голландского врача Ф. П. Фурша, изложенная в заметке «О некотором ядовитом дереве, находящемся на острове Яве в Вест-Индии» (Детское чтение для сердца и разума. 1786. Ч. 7; перепеч.: Муза. 1796. Ч. 3). Несомненно, Пушкин обращался и к другим источникам, из которых он мог узнать само слово «анчар», отсутствовавшее в сообщении Фурша (например, статья в «Journal de St. Petersbourg, politique et literaire» ⟨Петербургская газета, политическая и литературная⟩. 1825. 20 октября. № 126): в первоначальной заметке, относящейся к стихотворению, Пушкин сводил воедино два известных ему

* Ст. 28 в СтСЦ совпадает с чтением СП$_3$.

обозначения «древа яда» (Upas. *Анчар*). Публикация «Анчара» в СЦ вызвала недовольство властей; А. X. Бенкендорф 7 января 1832 г. запрашивал Пушкина, на каком основании он опубликовал в альманахе свои стихотворения, «и между прочим *Анчар, древо яда*, без предварительного испрошения на напечатание оных высочайшего дозволения». В ответном письме Бенкендорфу 7 февраля 1832 г. Пушкин настаивал на своем праве, «данном государем всем его подданным печатать с дозволения цензуры» и просил возможности для личного объяснения с шефом жандармов. Встреча состоялась 10 февраля, и ее отголосок можно увидеть в черновом письме Бенкендорфу 18—24 февраля 1832 г. Имея в виду цензуру III Отделения, Пушкин замечает, что «сия цесура будет смотреть на меня с предубеждением и находить везде тайные применения, allusions ⟨аллюзии⟩ и затруднительности, — а обвинения в применениях и подразумениях не имеют ни границ, ни оправданий, если под словом *древо* будут разуметь конституцию, а под словом *стрела* самодержавие». С этим эпизодом связывают замену в ст. 33 слова «Царь» на «князь», и в некоторых изданиях в основном тексте стихотворения восстанавливают чтение СЦ, однако такое допущение не имеет достаточных обоснований, тем более, что эта замена представляет собой возвращение к рукописному тексту.

VIII. «ПОДЪЕЗЖАЯ ПОД ИЖОРЫ...»
(С. 306)

Впервые опубл.: СЦ на 1830 г. ... С. 79—80 отд. «Поэзия». Без подп.; имя Пушкина указано в оглавлении.

Варианты СЦ

Заглавие К **

Под текстом:
1828
Ижоры.

Вопреки помете под первопечатным текстом, стихотворение написано в 1829 г. при возвращении Пушкина вместе с А. Н. Вульфом из Старицы Тверской губ. (Ижоры — последняя почтовая станция перед Петербургом). 1829-м годом Пушкин датировал его и в списке стихотворений, предназначенных для $СП_3$. Согласно письму Пушкина Вульфу 16 октября 1829 г., к созданию стихотворения причастны А. Вульф и его дядя П. И. Вульф («На днях исправил он ⟨П. Вульф⟩ наши общие стихи...»). Стихотворение «Подъезжая под Ижоры...» обращено к Е. В. Вельяшевой (1813—1865), двоюродной сестре А. Вульфа, за которой они оба ухаживали, находясь в Старице. См. в дневнике А. Вульфа запись от 6 февраля 1829 г.: «С ним ⟨Пушкиным⟩ я заключил оборонительный и наступательный союз против красавиц, от чего его и прозвали сестры Мефистофелем, а меня Фаустом. Но Гретхен (Катенька Вельяшева), несмотря ни на советы Мефистофеля, ни на волокитство Фауста, осталась холодною: все старания были напрасны». Ср. в упомянутом письме Пушкина: «Гретхен хорошеет и *час от часу делается невиннее*». В письме к Н. Н. Пушкиной от 23 августа 1833 г. Пушкиным упоминается «Вельяшева, мною некогда воспетая...».

Вампир — герой одноименной повести доктора Д. У. Полидори, написанной на основе устного рассказа Байрона и приписанной последнему, светский соблазнитель женщин, оказавшийся вампиром.

Я в губернии *** — имеется в виду Тверская губерния.

IX. СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ
(С. 307)

Впервые опубл.: Подснежник (П). 1830. С. 18—19. Подп.: А. Пушкин; ЛГ. 1830. 30 июля. Т. 2. № 43. С. 52 (в составе анонимно опубликованной заметки Пушкина в отделе «Смесь»).

Варианты ЛГ и П

Эпиграф Какие крохотны головки:
Есть, право, менее булавочной головки.
Кр⟨ылов⟩

3 Ну, что за пестрая семья; (ЛГ)
4 За ними где не рылся я? (П, ЛГ)
9-10 Вот ** тощая пиявка
Вот ** мелкая козявка, (П)

Стихотворение датируется 1829 г. Эпиграмма направлена против мелкотравчатых литераторов и журналистов 1820-х гг. и предполагает сотворчество читателя, способного подставить недостающие имена. Наиболее вероятной представляется расшифровка М. П. Погодина, предлагавшего в ст. 6 читать имя Ф. Н. Глинки (1786—1880), поэта, давнего знакомца Пушкина, дарование которого он ценил не очень высоко, в ст. 7 — издателя «Вестника Европы», литературного противника Пушкина М. Т. Каченовского, постоянного адресата его эпиграмм, в ст. 8 — П. П. Свиньина (1787—1839), издателя журнала «Отечественные записки», заслужившего ироническое отношение к себе склонностью к фантастическим домыслам (см. в памфлете Пушкина «Детская книжка» «сказку» «Маленький лжец»), в ст. 9 — В. Н. Олина (1788—1841), поэта, переводчика и журналиста, в 1829 г. издававшего альманах «Карманная книжка для любителей русской старины и словесности», к произведениям которого Пушкин относился резко отрицательно (см. его заметку «О трагедии Олина „Корсер"»), наконец, в ст. 10 — С. Е. Раича (1792—1856) — поэта, в 1829 г. издававшего журнал «Галатея», в котором помещались суровые отзывы о произведениях Пушкина. Те же имена (кроме Олина) называет Ек. Н. Ушакова в письме, вероятно, брату от июля 1830 г. Вместо двух последних назывались и другие имена, в частности, М. А. Бестужева-Рюмина (1798—1832), журналиста и писателя, в 1829 г. в альманахе «Северная Звезда» позволившего себе пиратскую публикацию некоторых стихотворений Пушкина (в 1830 г. Пушкин вывел его под именем Бесстыдина в незаконченном памфлете «Альманашник»), и Б. М. Федорова (1798—1875), стихотворца и журналиста, к литературной деятельности которого Пушкин относился весьма иронически («Борька»). Сам этот разнобой показывает, что замысел стихотворения предполагает некоторую неопределенность и загадочность и не предусматривает непременно точной расшифровки предполагаемых имен. Тем не менее вероятные адресаты ополчились на Пушкина: Олин и Бестужев-Рюмин, наряду с нападками на него, вступили даже в полемику друг с другом. В «Московском Телеграфе» (хотя, казалось бы, и не задетом в пушкинской эпиграмме) была помещена пародия на нее за подписью Обезьянин, в которой задевались Пушкин и его друзья, составившие редакционный кружок ЛГ. Наконец, в «Вестнике Европы» Каченовского в рецензии на «Подснежник» (подп.: *Л. С.*) появляется ответная эпиграмма, вероятно Н. И. Надеждина, в которой вместо имен литераторов используются заглавия произведений Пушкина:

П о л т а в а — Божия коровка,
К а в к а з с к и й   п л е н н и к — злой паук,
Вот Г о д у н о в — российский жук,

Онегин — тощая пиявка,
Граф Нулин — мелкая козявка.

Пушкин был задет этими выходками; Ек. Ушакова в упомянутом выше письме замечает: «Каков Каченовский — отделал самодержавного поэта, который вздумал завести натуральный кабинет, — да и завел на свою голову; его, моего батюшку, без звездочек поместил с *чадами*. Он очень сердит; говорит, что очень глупо, что не понимают никаких критик — но, бывши у нас 〈...〉, сказал, что *сам съел*». Ср. в «Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений» (1830): «„Сам съешь" есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики. 〈...〉 Поэту вздумалось описать любопытное собрание *букашек*. — Сам ты букашка, закричали бойкие журналы, и стихи-то твои букашки, и друзья-то твои букашки. Сам съешь». Обстоятельствами литературной полемики вызвана и вторичная публикация пушкинского стихотворения в отделе «Смесь» ЛГ в составе следующей заметки: «Сие стихотворение, напечатанное в альманахе „Подснежник" нынешнего года, обратило на себя общее внимание. Все журналы отозвались о нем, и большею частию неблагосклонно. Оно удостоилось двух пародий, помещенных в „Вестнике Европы" и в „Московском Телеграфе". Пародия *Вестника* отличается легким остроумием; пародия *Телеграфа* — полнотою смысла и строгою грамматической и логической точностию. — Здесь мы помещаем сие важное стихотворение, исправленное сочинителем. В непродолжительном времени выйдет оно особою книгой, с предисловием, примечаниями и биографическими объяснениями, с присовокуплением всех критик, коим оно подало повод, и с опровержением оных. Издание сие украшено будет искусно литохромированным изображением насекомых. Цена с пересылкою 25 руб.».

X. ПРИМЕТЫ

(С. 308)

Впервые опубл.: Подснежник (П). 1829. С. 139. Подп.: А. Пушкин.

Варианты П

1 Я ехал к вам. Живые сны
4 Осеребрял мой путь ретивой.
5 Я ехал прочь. Иные сны...
9 Мечтанью вечному, в тиши

Стихотворение датируется 1829 г. В воспоминаниях А. П. Керн сообщается об обстоятельствах появления «Примет»: Пушкин «приехал ко мне вечером и, усевшись на маленькой скамеечке 〈...〉, написал на какой-то записке: 〈следует текст стихотворения〉. Писавши эти стихи и напевая их своим звучным голосом, он при стихе:

И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло —

заметил, смеясь: „Разумеется, с левой, потому что ехал назад"». Имеется в виду народная примета, по которой месяц с левой стороны предвещает несчастье. Из контекста не совсем ясно, связывает ли Керн стихотворение с собой или же с А. А. Олениной, о которой она говорит непосредственно вслед за этим эпизодом. По свидетельству внучатого племянника Олениной, «Приметы» были в числе стихотворений, вписанных Пушкиным в ее несохранившийся альбом. Вопрос об адресате стихотворения остается, однако, открытым.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ

ГУСАР

(С. 311—314)

Впервые опубл.: Библиотека для чтения (далее — БЧ). 1834. Т. 1. Отд. I. С. 13—17. Подп.: А. Пушкин.

В перебеленном автографе стихотворение датировано 18 апреля 1833 г. В нем Пушкин отправляется от украинского фольклора (сказка о солдате, или муже, отправляющемся вслед за ведьмой на шабаш). Аналогичный сюжет, но по-другому окрашенный, представлен в появившейся в начале 1833 г. в альманахе «Новоселье» повести Порфирия Байского (О. М. Сомова; 1793—1833) «Киевские ведьмы», знакомство с которой сказалось в пушкинском «Гусаре». Отразились в стихотворении и некоторые мотивы «Вечеров на хуторе близ Ди́каньки» Н. В. Гоголя («Пропавшая грамота» и др.).

СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ

(С. 315—327)

Впервые опубл.: БЧ. 1834. Т. 2. Отд. I. С. 1—17. Подп.: А. Пушкин.

Варианты БЧ

15 Вот в сочельник самый, в ночь
30 Уж и впрямь была Царица:
32 И умом и всем взяла,
72 Перемолвилася с ним.
105 Везть царевну в глушь лесную*
167 На палаты взобралась,**
178 С иами чинно подружися:
180 Дядей будешь нам на век.
182 Будешь братец нам названый.
259 Спрос не грех. «Прости ты нас»,
341 Жалко смотрит, громко воет,
344 Брось! Она его ласкать,***
354 Так румяно золотисто,
408 И пред мертвою сестрой
437 «Свет наш солнышко! Ты ходишь
465 Отвечает месяц ясный:
543 Тут ее тоска взяла,

* Опечатка: *везть*, повторенная в СП4. Исправлена в наст. изд. (ср. беловой автограф).

** В СП4 опечатка: *палати*. Исправлена в тексте наст. изд. (ср. беловой автограф).

*** В тексте СП4 ошибочно напечатано: *ласкает*. В наст. изд. восстановлена форма, восходящая к БЧ и несохранившейся рукописи (см. фотокопию: ПД Ф. 244. Оп. I, прилож. № 18).

В беловом автографе «Сказка о мертвой царевне...», написанная во время второй болдинской осени, датирована: 4 нояб⟨ря⟩ 1833. Болдино. Она восходит к широко распространенному в мировом, в том числе и славянском, фольклоре сюжету, разработанному Пушкиным на основе записанной еще в Михайловском, вероятно, от няни Арины Родионовны сказки: «Царевна заблудилася в лесу. Находит дом пустой — убирает его. Двенадцать братьев приезжают. „Ах, — говорят, — тут был кто-то — али мужчина, али женщина; коли мужчина, будь нам отец родной, али брат названый; коли женщина, будь нам мать, али сестра"... Сии братья враждуют с другими двенадцатью богатырями; уезжая, они оставляют сестре платок, сапог и шапку. „Если кровию нальются, то не жди нас". — Приезжая назад, спят они сном богатырским. Первый раз — 12 дней, второй — 24, третий — 31. Противники приезжают и пируют. Она подносит им сонных капель... и проч.

Мачеха ее приходит в лес под видом нищенки — собаки ходят на цепях и не подпускают ее. Она дарит царевне рубашку, которую та, надев, умирает. Братья хоронят ее в гробнице, натянутой золотыми цепями к двум соснам. Царевич влюбляется в ее труп, и проч.».

Создавая свою сказку, Пушкин отказывается от некоторых мотивов записанной им сказки, дополняя их другими, заимствованными преимущественно из сказки сборника бр. Я. и В. Гримм «Белоснежка» («Schneewitchen»), знакомой ему, вероятно, по кн. «Vieux contes. Pour l'Amusement des Petits et Grands Enfans» (Paris, s.a.),* а также «Сказки о старичках-келейниках» из русского сборника «Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок, издана для любителей оных» (М., 1795). Обе книги сохранились в библиотеке поэта. Известны Пушкину были и другие источники. П. А. Плетнев утверждал, будто «Сказку о мертвой царевне...» поэт «заимствовал из чешских преданий»; имя Чернавки восходит, вероятно, к лубочной сказке о Бове королевиче; из былины «Добрыня чудь покорил» (сб. Кирши Данилова) Пушкин мог взять детали ст. 217—220.

Ср.: Прекрочу сорочину долгополую,
А и тех черкас пятигорскиех
И тех калмыков с татарами...

Сорочина (у Пушкина *сорочин*) — обозначение мусульманина.

«*Мать брюхатая сидела*» — так в основном тексте сказки ст. 89 печ. по беловой рукописи. По свидетельству Плетнева, поэт «бесился, слыша, если кто про женщину скажет: „она тяжела" или даже „беременна", а не *брюхата* — слово самое точное и на чистом русском языке обыкновенно употребляемое»; вероятно, в текст $СП_4$ (а ранее и БЧ), для документальности сохраняемый в наст. изд., введена редакторская, если даже не цензурная правка.

БУДРЫС И ЕГО СЫНОВЬЯ

(С. 328—329)

Впервые опубл.: БЧ. 1834. Т. 2. Отд. I. С. 96—97. Подп.: А. Пушкин.

Варианты БЧ

Заглавие Будрыс и его сыновья. Литовская баллада
Заглавие в огл. Из М-а
10 (Да хранят вас Литовские боги)

* Старинные сказки. Для увеселения малых и больших детей. (Париж, б.г.).

В рукописи стихотворная помета: 28 окт⟨ября⟩ 1833. Болд⟨ино⟩. «Будрыс и его сыновья» — перевод баллады А. Мицкевича «Три Будрыса» («Trzech Budrysów»). Интерес к Мицкевичу в 1833 г. связан с политическими событиями (польское восстание 1830—1831 гг.), разведшими обоих поэтов по разным политическим лагерям. В 1833 г. С. А. Соболевский (1803—1870) привез Пушкину из-за границы запрещенное в России собрание сочинений А. Мицкевича (4 т., 1828—1832), в котором Пушкина особенно заинтересовали произведения, вошедшие в третью часть поэмы «Дзяды», полемически отразившиеся в созданной в ту же вторую болдинскую осень поэме «Медный Всадник». В этот контекст включаются и переводы двух стихотворений Мицкевича: «Три Будрыса» и «Засада» («Chaty»).

«Будрыс и его сыновья» представляет собой точный перевод баллады Мицкевича. Отклонения от оригинала незначительны и способствуют усилению фольклорного колорита произведения (переводы из Мицкевича связаны также с поисками Пушкина в области народной поэзии, в частности в передаче колорита иноязычного фольклора; ср. «Песни западных славян»). В ст. 7—8 поэт заменил имя литовского воеводы Скиргайло (Scirgiell) на Паза, а также изменил направление походов князей Ольгерда (Olgierd) и Кестута (Kiestut); у Мицкевича первый в соответствии с исторической действительностью XIV в. идет на русских, а второй действует против крестоносцев (крыжаков). В целом же перевод очень точно передает характер баллады Мицкевича, включая особенности ее ритма и строфики.

ВОЕВОДА

(С. 330—331)

Впервые опубл.: БЧ. 1834. Т. 2. Отд. I. С. 98—100. Подп.: А. Пушкин.

Варианты БЧ

Заглавие: Воевода. Польская баллада (в оглавл.: *Из М-а*)

См. примеч. к предыдущему стихотворению. В беловом автографе стихотворение «Воевода» датировано: 28 окт⟨ября⟩ 1833. Болд⟨ино⟩. Стихотворение представляет собой вольный перевод баллады Мицкевича «Засада» («Czaty»), в оригинале имеющей подзаголовок «Украинская баллада». Ср. заглавие (затем подзаголовок) в беловом автографе: Подражание Мицкевичу.

КРАСАВИЦА. (В АЛЬБОМ Г****)

(С.332)

Впервые опубл.: БЧ. 1834. Т. 3. Отд. I. С. 238. Подп.: А. Пушкин.

Стихотворение датируется 1832 г. Оно вписано в альбом известной петербургской красавицы гр. Е. А. Завадовской (1807—1874). См. ее адресованную Пушкину записку 16 мая 1832 г. при посылке альбома, в который поэт обещал вписать свое стихотворение: «Я в полной мере ценю эту милую любезность и слишком высоко ставлю возможность обладать знаком памяти от вас, чтобы не быть вам весьма признательной за данное вами любезное обещание» (с франц.).

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ

(С. 333—338)

Впервые опубл.: БЧ. 1835. Т. 9. Отд. I. С. 111—117. Подп.: А. Пушкин.

Варианты БЧ

3 Жил был славный царь* Дадон:
6 Наносил обиды смело;
9 И покой себе устроить.
17 Воеводы не дремали;
18 Но никак не успевали.
19 Ждут, бывало, с юга, — глядь,
20 Ан с востока лезет рать!
22 Идут от моря: — со злости
28 Звездочету и скопцу:
35—36 *Отсутствуют.*
37 Коль повсюду будет мирно,
38 Но лишь-чуть со стороны
54 Стал стеречь его границы:
59 И кричит — Кири-ку-ку!
62 Воевать уже не смели:
67 Год, другой проходит мирно;
68 Петушок сидит всё смирно.
71 «Царь ты наш! отец народа!»
75 Говорит Дадон, зевая:
76 А?... Кто там?... Беда какая? —
78 «Петушок опять кричит;
79 Страх и шум во всей столице».
80 Царь к окошку, — ан на спице,
88 Шум утих, и царь забылся.
91 Было ль, не было сраженья, —
93 Петушок кричит опять.
96 Шлет на выручку большова.
98 Снова вести нет от них!
101 Петушок кричит опять:
103 И ведет ее к востоку, —
104 Сам не зная, быть ли проку!
107 Им становится не в мочь;
111 Вот, осьмой уж день проходит,
113 И, промеж высоких гор,
114 Видит шелковой шатер:
115 Всё в безмолвии чудесном;
116 Вкруг шатра, в ущельи тесном,
120 Перед ним его два сына,
121 Без шеломов и без лат,
124 Бродят кони их средь луга
131 Все завыли за Дадоном;

---

* В БЧ слова «царь», «царица» пишутся со строчной буквы.

136 Шамаханская царица,
144 Улыбнулась, — и с поклоном
148 Всяким яством угощала;
150 На парчевую кровать.
152 Покорясь ей безусловно, —
155 Наконец, и в путь обратной,
157 И с девицей молодой,
161 Под столицей, близ ворот,
162 С шумом встретил их народ:
164 За Дадоном и царицей;
169 Старый друг его, скопец.
172 Подь поближе! Что прикажешь?»
180 Шамаханскую царицу. —
183 «Или бес в тебя ввернулся?
184 Или ты с ума рехнулся?
187 Но всему же есть граница!
193 Хоть пол царства моего!»
194 — Не хочу я ничего!
196 Шамаханскую царицу,
197 Говорит мудрец в ответ. —
198 Плюнул царь: «Так лих же! Нет,
200 Сам себя ты грешник мучишь:
201 Убирайся цел пока!
203 Старичок хотел заспорить;
204 Но с иным накладно вздорить:
206 По лбу, — тот упал ничком,
207 Да и дух вон. Вся столица
208 Содрогнулась; а девица —
209 Хи хи хи! да — ха ха ха!
212 Усмехнулся ей умильно.
213 Вот, въезжает в город он:
215 И, в глазах у всей столицы,
216 Петушок спорхнул со спицы;
220 И взвился; и, в то же время,
221 С колесницы пал Дадон!
222 Охнул раз, — и умер он.
224 Будто вовсе не бывало.

В беловом автографе имеется помета: Болдино. 20 с⟨е⟩нт⟨ября⟩ 1834. $10^{ч}$—$53^{м}$.

«Сказка о Золотом петушке» — последняя из сказок Пушкина — написана во время третьей болдинской осени. При публикации текст сказки подвергся цензурным изменениям: точками были заменены ст. 60 и 225—226 (концовка сказки). В феврале 1835 г. Пушкин записал в своем дневнике: «Ценсура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

Царствуй лежа на боку

и

Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок.

Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирукова». А. В. Никитенко (1804—1877) — литератор и цензор, профессор Петербургского университета.

А. И. Красовский и А. С. Бируков — цензоры, в 1820-е гг. прославившиеся своей бессмысленной придирчивостью. Вероятно, цензурными соображениями объясняется и замена в беловой рукописи первоначальной редакции ст. 204: *Но с царями плохо вздорить.*

Сюжет сказки, хотя и обработанный в духе русского фольклора, имеет литературное происхождение. Он восходит к «Легенде об арабском звездочете», включенной в изданную в 1832 г. в Париже книгу американского писателя В. Ирвинга (1783—1859) «Альгамбра», известной Пушкину во французском переводе, сохранившемся в его библиотеке: Les contes d'Alhambra, présédes d'un Voyage dans le province de Grenade; traduite de Wachington Irving, par M-lle A.Sobry... Paris, 1832.* С произведением Ирвинга связано и незавершенное стихотворение Пушкина 1833 г. «Царь увидел пред собой...», восходящее к одному из эпизодов «Легенды об арабском звездочете». Возможно, оно является первым подступом к «Сказке о Золотом петушке», в которую, однако, данный эпизод не вошел. Пушкин весьма свободно обошелся с сюжетом Ирвинга, отказавшись от многих деталей, решительно изменив концовку (у Ирвинга звездочет получает свое и исчезает в глубине горы с прекрасной христианкой, у Пушкина замененной Шамаханской царицей, и, недоступный для царя Абен Габуза, прототипа пушкинского Дадона, продолжает жить там и после его смерти), а также введя новые сюжетные ситуации (эпизод с сыновьями Дадона, восходящий, вероятно, к славянскому фольклору). Заглавный герой сказки — Золотой петушок — лишь косвенно связан с «Легендой об арабском звездочете» (там лишь упомянута подобная фигура — изображение петуха, посаженного на барана: в то время как последний обращается мордой к неприятелю, петух кричит, оповещая об угрозе) — непосредственно действует в ней в аналогичной функции бронзовое изваяние — всадник-мавр со щитом на одной руке и копьем в другой. Возможно, образ пушкинской сказки отдаленно связан и с «Историей о Золотом Петухе» (1783) Ф. М. Клингера (1752—1831), известной поэту во французском переводе 1789 г. Пушкинская обработка сюжета в целом решительно отличается от этого источника, в том числе сатирической направленностью «Сказки о Золотом петушке» и ее русским «простонародным» колоритом. Имя царя — Дадон — заимствовано из лубочной сказки о Бове королевиче (ср. лицейский «отрывок из поэмы» Пушкина «Бова»: «Царь Дадон со славой царствовал...»). Эпитет «шамаханская» ⟨царица⟩, встречающийся в русском фольклоре, восходит, по-видимому, к сборнику Кирши Данилова.

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

(С. 339—343)

Впервые опубл.: БЧ. 1835. Т. 10. Отд. I. С.5—11. Подп.: А. Пушкин.

Варианты БЧ

7 Раз он в море закинул невод, —
9 Он в другой раз закинул невод, —
10 Пришел невод с травой морской.**
11 В третий раз закинул он невод, —

---

* Сказки Альгамбры, предваряющие Путешествие в провинцию Гренада; переведены из Вашингтона Ирвинга мадемуазель А. Собри... Париж, 1832.

** То же нарушающее ритм чтение представлено и в СП4. В настоящем издании, как и в основном тексте сказки, здесь и в ст. 194 внесено исправление.

12 Пришел невод с золотой рыбкою,*
13 С непростою рыбкой, — золотою.
14 Как взмолится золотая рыбка!
16 Отпусти ты, старче, меня в море!
27 Гуляй там себе на просторе. —
30 — Я сегодня поймал-было рыбку,
37 Так пустил ее в синее море. —
39, 60 Дурачина ты, простофиля!
44 Видит, — море слегка разыгралось.
49, 71, 96, 140, 191 «Смилуйся, государыня рыбка!
55, 76, 102, 145 — Не печалься, ступай себе с Богом.
56 Будет вам новое корыто. —
62 В корыте многоль корысти?
65 Вот пошел он к синему морю:
66 Помутилося синее море.
70 Ей старик с поклоном отвечает:
77 Так и быть: изба вам уж будет. —
84 На чем свет стоит — мужа ругает.
90 Пошел старик к синему морю:
91 Не спокойно синее море.
103 Воротился старик ко старухе.
104 Чтож он видит? Высокий терем;
105 На крыльце стоит его старуха,
106 В дорогой собольей душегрейке;
108 Жемчуга огружили шею;** (*опеч.*)
110 На ногах красные сапожки;
115 Чай, теперь твоя душенька довольна».
123 А хочу быть вольною царицей».
126 Ни ступить, ни молвить не умеешь!
130 — Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
131 Со мною, дворянкой столбовою?
132 Ступай к морю, говорят тебе честью:
133 Не пойдешь, поведут по-неволе. —
134 Старичок отправился к морю:
135 Почернело синее море.
143 Хочет быть вольною царицей».
146 Добро! будет старуха царицей. —
148 Что ж? Пред ним царские палаты;
149 В палатах видит свою старуху:
150 За столом сидит она царицей,
151 Служат ей бояре да дворяне,
152 Наливают ей заморские вины,
153 Заедает она пряником печатным,

---

* В сохранившемся в библиотеке Пушкина экземпляре СП4 в этом стихе слово «золотой» заменено на «одною»; эта поправка учтена в основном тексте с конъектурой в последнем слове: «Пришел невод с одной рыбкой». В наст. изд. сохранено чтение СП4.

** Явная опечатка, исправленная в СП4. В СП4 слово «окружили» заменено на «огрузили», и так оно печатается в основном тексте сказки. В наст. изд. сохранено чтение СП4, хотя характер опечатки в БЧ позволяет предполагать, что слово «огрузили» могло быть в недошедшей до нас беловой рукописи «Сказки о рыбаке и рыбке» (имеется оно и в черновой рукописи сказки).

154 Вкруг ее стоит грозная стража,*
156 Как увидел старик, — испугался!
162 Подбежали бояре и дворяне,
163 Старика в-зашеи затолкали.
171 Еще пуще старуха вздурилась.
172 Царедворцев за мужем посылает:
175 «Воротись, поклонися рыбке.
176 Не хочу быть вольною царицей,
178 Чтобы жить мне в Окиане-море,
191 Уж не хочет быть она царицей,
194 Хочет быть владычицей морской,
195 Чтобы жить ей в Окиане-море
197 И была бы у ней на посылках. —
198 Ничего не сказала рыбка:
202 Не дождался, к старухе воротился:
203 Глядь, опять перед ним землянка!
204 На пороге сидит его старуха!
205 А перед нею разбитое корыто!

В автографе сказка датирована: 14 окт⟨ября⟩ 1833. Болдино. В конце рукописи помета: 18-я песня Сербская. Это позволяет предполагать, что первоначально она задумана в ряду «Песен западных славян» (ср. ее упоминание в списке 1834 г., перечислявшем некоторые, подлежавшие, вероятно, первоочередной публикации стихотворения названного цикла). С «Песнями западных славян» «Сказка о рыбаке и рыбке» сближается и особенностями ее стиха. Однако характер разработки сюжета, выдержанный в русском «простонародном» духе, в большей степени сближает ее с другими сказками Пушкина. «Сказка о рыбаке и рыбке» восходит к распространенному в мировом фольклоре, в том числе и славянском, сюжету о жадной старухе; ближайшим образом она связана с помещенной в сборнике бр. В. и Я. Гримм померанской «Сказкой о рыбаке и его жене», происхождение которой Пушкин мог связывать с ранее обитавшими в Померании поморскими славянами. В качестве чудесного помощника в ней (в отличие от русской сказки, в вариантах которой в этой роли выступают дерево, лисица, «птичка-невеличка» и т. п.) также предстает рыба (камбала, объявляющая о том, что на самом деле она — зачарованный принц). К названной сказке явно восходят опущенный Пушкиным эпизод из черновой рукописи «Сказки о рыбаке и рыбке», где старуха превращалась в «римскую папу», а также описание постепенно меняющегося по мере возрастания требований жадной старухи моря. Со сказками бр. Гримм Пушкин, скорее всего, был знаком по их французскому переводу (см. выше примеч. к «Сказке о мертвой царевне...»). Но, разрабатывая заимствованный сюжет, Пушкин опирался на свое обширное знание русского фольклора, к которому восходят и разработка сюжетных положений, и характер персонажей, и стилистические особенности «Сказки о рыбаке и рыбке».

Столбовой дворянин — потомственный дворянин, принадлежащий к старинному роду.

Кичка — старинный, украшенный шитьем, русский головной убор, который носили замужние женщины.

---

* Данное чтение принято в основном тексте сказки; в наст. изд. сохранен вариант СП4.

РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ

(С. 344—349)

Впервые опубл.: Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. СПб., 1825. С. IX—XXII (далее — EO_1); 2-е изд. 1829. С. IX—XXII. (далее — EO_2).

Варианты EO_1 и EO_2

Примеч. к ремарке «Книгопродавец»: «Заметим для щекотливых блюстителей приличий, что Книгопродавец и Поэт — оба лица вымышленные. Похвала первого не что иное, как светская вежливость, притворство, необходимое в разговоре, если не в журнале».

1 Стихи для вас одна забава;* (EO_1)
3 И разгласить успела слава (EO_1, EO_2)
63 И ветренной ее награды (EO_1)
83 В потомстве дальном** поражает;
85 С Кориной на Киферский трон
103 Пускай их Шаликов поет,
108 Их легкой, ветренной души: (EO_1, EO_2)
109 Нечисто в них воображенье;
114 Придет внушенный ими стих;
115а Я содрагаюсь; сердцу больно: (EO_1)
6 Я так и вспыхну; сердцу больно: (EO_2)
129 Молчите вы. (EO_1), (EO_2)
133 (Я всем чужой), душа моя (EO_1)
165 И муз, и ветренную моду (EO_1, EO_2)
175—176 Я знаю ваше возраженье;
Но тут не вижу я стыда:***
185 Что ж медлить? Уж ко мне заходят (EO_1)

В рукописи стихотворение датировано 26 сентября 1824 г. Пушкин, однако, предлагал брату в письме 4 декабря 1825 г. «под „Разговором" поставить *1823 год*», что не было осуществлено (предполагаемая передатировка, вероятно, была связана со стремлением согласовать с нею характер речей Поэта, явно ориентированных на более раннюю лирику Пушкина, что подчеркнуто последовательно проведенным прошедшим временем и несколько ироническим контекстом своего стихотворения, исключающим автобиографизм

---

* В примечании к шестой главе «Евгения Онегина» в первом издании (СПб., 1828. С. 46) дан ряд исправлений к «Разговору книгопродавца с поэтом» (ст.1, 2, 3, 115, 132, 133). Кроме поправок к ст. 2 и 115, все они внесены в переиздания стихотворения. Ст.2 предполагалось заключить точкой, в ст. 115 слова «Я содрагаюсь» заменены на «Я так и вспыхну». Последняя поправка, учтенная в EO_2, внесена и в основной текст «Разговора...», однако при перепечатке его в СП4 был сохранен первоначальный вариант, оставленный и в наст. изд.

** В основном тексте стихотворения также принято чтение слова «дальном», более характерное для Пушкина.

*** См. поправку в EO_1 (с. 60): «В разгов⟨оре⟩ Книгопрод⟨авца⟩ с Поэтом, с. XXI, стихи 3 и 2 снизу надобно читать:

Предвижу ваше возраженье;
Но вас я знаю, господа:

К предваряющему первую гл. «Евгения Онегина» стихотворению относится также примечание: «NB. Все пропуски в сем сочинении, означенные точками, сделаны самим автором» (EO_1, с. 60).

образа Поэта). Перенесенный в $СП_4$ в качестве самостоятельного произведения «Разговор Книгопродавца с Поэтом» утрачивал связь с «Евгением Онегиным», но сохранял значение поэтической декларации, определявшей перелом в творчестве Пушкина, его отказ от романтизма.

Какой-то демон обладал

Моими играми, досугом — ср. стихотворение Пушкина «Демон» (1823).

Лорд Байрон был того же мненья,

Жуковский то же говорил — ср., например, в «Дон-Жуане» Байрона (гл. I, октава 218):

> В чем Слава? Настрочат о вас десятки книг,
> Так прочно измарав непрочную бумагу.
> Кой-кто сравнил: «она — карабканье на пик,
> Что, как всегда в горах, одет в туман и влагу».
> Но пишут, говорят, всех учат, — страшный крик! —
> Кто жжет «светильник свой», кто обнажает шпагу, —
> Зачем? Чтоб, став землей, «оставить в мире след»?
> Да: имя, скверный бюст и пакостный портрет.
>
> (*Перевод Г. Шенгели*)

И у Жуковского:

> Слава — нас учили — дым;
> Свет — судья лукавый.
>
> («Светлана»)

С Коринной на Киферский трон

Свою любовницу возносит — под именем Коринны воспевал свою, возможно, вымышленную возлюбленную Овидий в «Любовных элегиях» («Amores»); *Кифера* (Цитера) — остров, связанный с культом Афродиты (Венеры).

Вариант: *Пускай их Шаликов поет* — кн. П. И. Шаликов (1768—1852), поэт, эпигон сентиментализма, издатель «Дамского журнала». Пушкин писал П. А. Вяземскому 19 февраля 1825 г.: «Ты увидишь в „Разговоре Поэта и Книгопродавца" мадригал кн. Шаликову. Он милый поэт, человек, достойный уважения, и надеюсь, что искренняя и полная похвала с моей стороны не будет ему неприятна. У него большие заслуги перед прекрасным полом, и я очень рад, что публично об этом заявил» (посл. фраза по-франц.). Шаликов ответил на «Разговор» стихотворением «А. С. Пушкину на его отречение петь женщин».

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ

(С. 350—351)

Впервые опубл.: БЧ 1834. Т. 5. Отд. I. С. 20. Подп.: А. Пушкин. Пометы, указывающие на источник, помещены под текстом каждого стихотворения. Под текстом последнего дата: 1832.

В беловом автографе стихотворения датированы: первое — 12 янв⟨аря⟩ ⟨1833⟩, второе — 1 янв⟨аря⟩ ⟨1833⟩. Приведенная в БЧ дата, очевидно, указывает на время написания стихотворений, даты же белового автографа — на время их отделки. Оба стихотворения восходят к сочинению Афинея (у Пушкина, согласно французской транскрипции, — Афеней), созданному в III в. н. э. «Пир мудрецов», французский

перевод которого сохранился в библиотеке поэта («Banquet des Savans, par Athénée, traduit tant sur les Textes imprimés, qui sur plusiers Manuscrits, Par M. Lefebvre de Villebrune. A Paris, 1789—1791).*

Это длинный ученый диалог о пирах, кушаньях, застольных обычаях и т.п. с огромным количеством цитат из старинных поэтов; такими цитатами и являются отрывки, переведенные Пушкиным. Античность и пир прочно связывались в сознании Пушкина этих лет; ср. переводы из Анакреонта и Катулла, «Кто из богов мне возвратил...», «Египетские ночи», «Цезарь путешествовал...»

Автор первого стихотворения — древнегреческий философ и поэт Ксенофан из Колофона (VI—V в. до н. э.), второго — по указанию Афинея — Гедил (III в. до н. э.). Первое стихотворение Пушкин значительно сократил, придав ему характер античной идиллии, чему соответствует и избранный им размер — гекзаметр. Несколько сокращено и второе стихотворение — антологическая эпиграмма, переведенная соответственно жанру элегическим дистихом.

ЭЛЕГИЯ («БЕЗУМНЫХ ЛЕТ УГАСШЕЕ ВЕСЕЛЬЕ...»)
(С. 352)

Впервые опубл.: БЧ. 1834. Т. 6. Отд. I. С. 16. Подп.: А. Пушкин.

В автографе датировано 8 сентября 1830 г. Первое, после завершения «Бесов», стихотворение, написанное Пушкиным в Болдине, куда он приехал 3 сентября. Первоначально предназначалось для включения в СП$_3$. В БЧ напечатано с пробелом между 6 и 7 ст., принятым и в основном тексте стихотворения. Заглавие ориентирует на традицию романтической элегии, уже преодоленную Пушкиным и предстающую здесь в преображенном виде.

Вероятна полемическая соотнесенность «Элегии» Пушкина с XXXI элегией А.Шенье («Souvent, las d'être esclave et de boire la lie»: ⟨«Часто, устав быть рабом и испивать до дна...»⟩). Вместе с тем в «Элегии» нашло свое выражение самоощущение Пушкина накануне ожидавшейся им женитьбы на Н. Н. Гончаровой, с чем и был связан приезд в Болдино по имущественным делам осенью 1830 г. См. в черновом письме Пушкина родителям 6—11 апреля 1830 г.: «...да будет вторая половина моего существования более для вас утешительна, чем моя печальная молодость» (с франц.). Ср. позднейшее (10 февраля 1831 г.) письмо Н. И. Кривцову, написанное Пушкиным незадолго до женитьбы и явно варьирующее мотивы «Элегии»: «Молодость моя прошла шумно и бесплодно. ⟨...⟩ Счастья мне не было. ⟨...⟩ Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностию».

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕСНЯМ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН
(С. 353—354)

Впервые опубл.: СП$_4$. С. 105—112.

Неизвестный издатель — Пушкин излагает предисловие Мериме к первому изданию «Гузлы», в котором ее вымышленный автор представляет себя как итальянца, мать

* Пир мудрецов Афенея, переведенный полностью с печатных текстов, основанных на нескольких рукописях, г. Лефевром де Вилбрюном, Париж, 1789—1791.

которого «была морлачка»; в юности он жил в «иллирийских провинциях», где и записал собранные им песни, которые затем возможно точно перевел на французский язык.

Поэт Мицкевич — см. далее.

Какой-то ученый немец — по-видимому, имеется в виду немецкий литератор В. Герхардт (1780—1858), составитель двухтомного сборника сербского фольклора: «Wila. Serbische Volkslieder und Heldenmärchen» (1828),* в который он, приняв их за подлинные, включил и перевод «Гузлы» Мериме.

С.А.С. — С. А. Соболевский, бывший в дружеских отношениях с Мериме. Письмо к нему Мериме, рассказывающее о создании «Гузлы», является вторичной мистификацией, излагающей весьма далекую от действительности версию происхождения сборника.

«...мы с одним из моих друзей...» — имеется в виду друг Мериме Ж. Ж. Ампер, сын известного физика и математика, историк и литературный критик.

Фортис А. (1741—1803) — аббат, ученый и путешественник; его книга «Путешествие по Далмации» (1774) явилась первым источником знакомства европейского читателя с обычаями и поэзией южных славян адриатического побережья. Книга эта издания 1785 г. имелась в библиотеке Пушкина; ее приобретение, возможно, связано с работой над «Песнями западных славян».

«...перевод чисто иллирийской заплачки жены Ассана-аги...» — боснийская народная песня «Хасанагиница», возникшая в среде славян-мусульман и записанная аббатом Фортисом (этот текст явился источником и для сборника В. Караджича). Благодаря Фортису она приобрела европейскую известность. Ее перевели В. Гете и упомянутый в письме Мериме французский писатель-романтик Ш. Нодье (1780—1844) и в России А. Востоков. Ее прозаический перевод («Грустная баллада о благородной супруге Ассана-аги») поместил в свой сборник и Мериме. Перевод этой песни («Что белеется на горе зеленой...») был предпринят и Пушкиным, возможно, в качестве 17-й песни цикла «Песен западных славян» (ср. запись под текстом черновой рукописи «Сказки о рыбаке и рыбке»; см. выше).

ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

(С. 355—385)

Впервые опубл.: БЧ. 1835. Т. 9. Отд. I. С. 5—32 (стихотворения 1—15). Подп.: А. Пушкин; Там же. Т. 8. Отд. I. С. 158. («Конь»). Подп.: А. Пушкин; Предисловие и Примечания к «Песням западных славян»: СП$_4$. С. 105—112, 177—189.

Поскольку рукописи «Песен западных славян» почти не сохранились, установить точную хронологию их создания не представляется возможным. Более точно датируется лишь стихотворение «Соловей» (октябрь 1833 г.), рукопись которого сохранилась. Вероятно, бóльшая часть песен также относится ко второй болдинской осени, хотя работа над ними продолжалась и позднее, в 1834 г. Предположения о более раннем происхождении «Песен западных славян» не поддаются проверке. Основой цикла явились стихотворные переложения прозаических текстов из сборника П. Мериме «Гузла, или сборник иллирийских песен, записанных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине», изданного в 1827 г. в Страсбурге (см. Предисловие к «Песням западных славян»). Экземпляр этой книги сохранился в библиотеке Пушкина. К сборнику Мериме восходят 11 из 16 стихотворений цикла. Две песни — «Сестра и братья» (в оригинале «Бог никому не остается должным») и «Соловей» («Три горя») — заимствованы из сборника сербских

* Вила. Сербские песни и героические сказания (нем.).

народных песен известного ученого и собирателя фольклора, крупного деятеля сербского Возрождения Вука Стефановича Караджича (1787—1864); наконец, три — «Песня о Георгие Черном», «Воевода Милош» и «Яныш Королевич» — являются, скорее всего, оригинальными произведениями Пушкина. С «Гузлой» Мериме Пушкин познакомился, по-видимому, не позднее 1828 г. и, возможно, обсуждал ее с А. Мицкевичем, который тогда же создал на ее основе стихотворение «Морлак в Венеции» («Влах в Венеции» у Пушкина). Книга Мериме вызвала в 1828 г. отклики в русской печати; переводы нескольких произведений из нее появились в «Сыне Отечества». Тогда же, в середине 1820-х гг., в поле зрения Пушкина оказались, несомненно, и переводы сербских песен из сборника Вука Караджича, выполненные А. Х. Востоковым (1791—1864) по просьбе А. А. Дельвига (почти все они появились в альманахе «Северные Цветы»). Эти переводы, как и теоретическое осмысление Востоковым стиховедческих проблем, определили поиски Пушкина в области народного стиха, имитированного в «Песнях западных славян». К сборнику В. Караджича Пушкин обращался и в оригинале; в его библиотеке сохранились три тома его сборника сербских народных песен (1823—1824) и его же словарь сербского языка (1818); в библиотеке Пушкина находился также и французский перевод сербских песен (1824).

Черновая рукопись «Соловья» предваряется сербским текстом первых четырех стихов песни из сборника Караджича. К сербскому фольклору Пушкин проявлял интерес еще в кишиневский период. По свидетельству И. П. Липранди, Пушкин был знаком с жившими в Кишиневе сербскими воеводами, от которых он «собирал песни и часто при мне ⟨Липранди⟩ спрашивал о значении тех или других слов для перевода».

Творческий импульс к созданию «Песен западных славян» появляется у Пушкина, по-видимому, позднее и связан он с пушкинским фольклоризмом 1830-х гг., нашедшим свое выражение прежде всего в работе над сказками, одна из которых («О рыбаке и рыбке») даже мыслилась поначалу в составе «Песен западных славян» (см. выше в примеч. к этой сказке). Именно тогда предметом его внимания вновь оказывается и «Гузла» Мериме. По свидетельству С. А. Соболевского, возвратившегося в 1833 г. из-за границы, Пушкин именно в это время проявлял интерес к сборнику Мериме: «Пушкин решительно поддался мистификации Mérimée, от которого я должен был выписать письменное подтверждение, чтобы уверить Пу⟨шкина⟩ в истине пересказанной мной ему, чему он не верил и думал, что я ошибаюсь. После этой переписки Пушкин часто рассказывал об этом, говоря, что Мериме не одного его надул, но что этому поддался и Мицкевич. „C'est donc en très bonne compagnie, que je me suis laissé mystifier",* — прибавлял он всякий раз». Сведения о мистификации Мериме в русской печати появились уже в 1832 г., и Пушкин, вероятно, знал о них; его недоверие объясняется, по-видимому, тем, что он так до конца и не был убежден в справедливости саморазоблачения автора «Гузлы». Дело в действительности обстояло гораздо сложнее: над своим сборником Мериме работал не менее семи лет и создавал вошедшие в него произведения не по случайным источникам, но в результате значительной работы над подлинным фольклором южных славян. У Пушкина поэтому было достаточно оснований для того, чтобы увидеть за текстами Мериме отражение реальной народной поэзии, и в своем пересоздании их он шел по пути реконструкции их подлинной славянской основы, опираясь преимущественно на свое знание русского фольклора, считая возможным с его помощью воссоздать общеславянское поэтическое начало. Характер переработки им французского текста подтверждает это: Пушкин последовательно заменяет нейтральные формы свойственными фольклору лексикой и стилистическими оборотами. Заглавие пушкинского цикла не связано с узкотерминологическим значением: под западными славянами понимаются все славянские народы, живущие за пределами России; поэтому рядом со стихотворениями,

* Я поддался на мистификацию в хорошей компании (франц.).

в большинстве своем относящимися к южнославянскому ареалу, Пушкин помещает стихотворение «Яныш королевич», ориентированное на чешские реалии.

1. *Видение короля*
(С.355—357)

Варианты БЧ

12 Для своих птенят горемычных.
38 Короля незапный обуял холод:
45 Басурманскою чалмою покрытый
54 Для гяур-християн беглербеем.

Стихотворение восходит к «Видению Фомы II, короля Боснии» («La vision de Thomas II, roi de Bosnie. Par Hiacinthe Maglanovich», приписанной в подзаголовке Иакинфу Маглановичу; см. заимствованную у Мериме биографию последнего в пушкинских примечаниях к «Песням западных славян»). В примечаниях к песне Пушкин суммирует данные, содержащиеся в примечаниях Мериме к этому и предшествующему произведению («Смерть Фомы II, короля Боснии. Отрывок»). В целом же Пушкин, отправляясь от примечаний к «Гузле», отказывается от чрезмерно подробного комментирования своих песен, снимая таким образом имеющийся у Мериме налет отстраненности от их содержания.

2. *Янко Марнавич*
(С. 358—359)

Варианты БЧ

3 Отчего двух ночей он сряду
15 Веселóе было пированье,*
18 Два могучие беи побранились.

В основу стихотворения положено «Пламя Перрушича» («La flamme de Perrussich. Par Hiacinthe Maglanovich» из «Гузлы» Мериме, также в подзаголовке приписанное Иакинфу Маглановичу. До Пушкина это произведение в русском прозаическом переводе («Пламя Перрусича. Баллада Яцинта Маглановича») было напечатано в «Сыне Отечества» (1828. Ч. 120. № 14). В наст. изд. в ст. 43 слово «огонёчик» приведено в написании БЧ; в $СП_4$ применено архаичное написание буквы «ё» — «іо».

* Чтение «веселóе» принято и в основном тексте стихотворения, печатаемом в современных изданиях Пушкина.

3. *Битва у Зеницы-Великой*

(С. 360—361)

Варианты БЧ

12 А жидов на деревьях вешать.
14 Против нас пришел из Баняловки;

В этом стихотворении Пушкин отправляется от одноименного произведения из «Гузлы» Мериме («Le combat de Zenitza-Velika»).

4. *Феодор и Елена*

(С. 362—364)

Варианты БЧ

9 Он к жиду лиходею приходит,
16 И в горшке жиду ее приносит.
43 День сидит, ночью ей не спится.
67 Из нее выну его живого*

Стихотворение восходит к «Красавице Елене» («La Belle Hélène») Мериме. Отточие в начале означает пропуск пяти с половиной «строф», на которые подразделяются две части произведения: в них после призыва к слушателям содержится описание назойливых приставаний Стамати.

5. *Влах в Венеции*

(С. 365)

Варианты БЧ

17 Вот живу в этой каменной лодке,

Стихотворение создано на основе «Морлака в Венеции» («Le Morlaque a Venice») Мериме, ранее послужившего оригиналом и для А. Мицкевича (см. выше). В отличие от Мицкевича, Пушкин заменяет слово «морлак» (обитатель внутренних частей Далмации) на «влах» (далматинские горцы, остатки романизированного населения Балкан). Та же замена произведена в примеч. 10 к «Песням западных славян» (у Мериме в аналогичном контексте также названы морлаки).

6. *Гайдук Хризич*

(С. 366—367)

В «Гузле» Мериме — «Храбрые гайдуки» («Les Braves Heyduques»).

---

* В СП4 опечатка: *Из нее выну ее живого*. В наст. изд. исправлено по БЧ.

7. *Похоронная песня Иакинфа Маглановича*
(С. 368)

Варианты БЧ

2—4, 26—28 С Богом! ныне в честь твою,
Помолясь усердно Богу,
Кубок я прощальный пью.

Восходит к «Погребальной песне» («Chant de mort») из «Гузлы» Мериме, приписанной Иакинфу Маглановичу.

8. *Марко Якубович*
(С. 369—371)

Варианты БЧ

43 Сын твой болен опасною болезнию; (*опеч.*?)
93 И старик в третий раз его погнал,

У Мериме произведение, к которому восходит стихотворение Пушкина, имеет название «Константин Якубович». Пушкин снимает мотивировку превращения чужеземца в упыря: «иноверец-грек», он погребен в земле, «освященной по латинскому обряду» (см. в примечании Мериме: «Православный, похороненный на католическом кладбище, становится вампиром, и наоборот»). Тема вампиризма, одна из ведущих в «Гузле», в «Песнях западных славян» занимает скромное место.

Калуер — монах.

9. *Бонапарт и черногорцы*
(С. 372—373)

Варианты БЧ

4 Не боятся наших сил? (*опеч.*?)
11 И своих мамлюков роту,
12 И косматых кирасир.
37 Их полковник повалился,
40 Кто как мог пустились в бег.

В «Гузле» Мериме — «Черногорцы» («Les Montenegrins»). Во время наполеоновских войн черногорцы успешно сопротивлялись французской экспансии на Балканах. Отточие соответствует пропуску «строфы» в тексте «Гузлы», имитирующему дефект фольклорной записи (см. в примеч. Мериме: «Тут не хватает одной строфы»); в целом, однако, композиция стихотворения Пушкина отличается от произведения Мериме. Пушкинскому стихотворению предшествовал прозаический перевод из «Гузлы» в «Сыне Отечества» под названием «Черногорцы» (1828. Ч. 120. № 14).

10. *Соловей*

(С. 374)

Варианты БЧ

3 У тебя ль у малой птицы

Стихотворение восходит к сборнику Вука Караджича (см. выше) и воспроизводит характерный мотив славянского фольклора. В начале песни Пушкин несколько видоизменил текст оригинала. В сербской песне: «Что не мать меня оженила молодого». Изменение коснулось и «третьей печали»; в песне из сборника Караджича: «Что моя милая на меня разгневалась». В подготовленной для издания 1836 г. копии Пушкин внес исправление в ст. 14: «Вы копайте мне могилу», учтенное в основном тексте стихотворения (то же и в черновой рукописи). В наст. изд. сохранено чтение $СП_4$

11. *Песня о Георгие Черном*

(С. 375—376)

Варианты БЧ

13 Коли лает безумные речи».

Оригинальное стихотворение Пушкина. Личность героя стихотворения Георгия Петровича Черного (Карагеоргия) давно привлекала внимание Пушкина (см. примеч. к стихотворению 1820 г. «Дочери Карагеоргия»). Поэт располагал сведениями о нем как из устных, так и из печатных источников. Основным источником, от которого мог отправляться Пушкин, создавая «Песню о Георгие Черном», являлся, по-видимому, очерк Д. Н. Бантыша-Каменского «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию» (М., 1810); рассказ в ней о совершенном Карагеоргием отцеубийстве ближе всего соприкасается с текстом пушкинского стихотворения. Сведения о Георгии Черном содержались также в «Письме брату из Хотина» П. П. Свиньина (Отечественные записки. 1818. Ч. I). Пушкин мог знать, что убит Карагеоргием был не его отец, но отчим; однако эта версия противоречила бы художественному решению темы стихотворения, написанного в фольклорном духе. Истории Георгия Черного Пушкиным посвящено еще незавершенное стихотворение 1834 г. «Менко Вуич грамоту пишет...», примыкающее к циклу «Песен западных славян». В нем, судя по его началу, речь должна была идти о гибели Карагеоргия, убитого по наущению его соперника Милоша Обреновича (см. ниже примеч. к следующему стихотворению).

12. *Воевода Милош*

(С. 377)

Варианты БЧ

15 Или вы уже не Сербы — Цыганы!

Оригинальное стихотворение Пушкина. Его героем является Милош Обренович (1780—1860), предводитель второго сербского восстания 1815 г., результатом которого была сперва автономия, а затем реальная независимость Сербии. С 1817 по 1839 г. Милош Обренович с титулом князя управлял Сербией. Источником сведений Пушкина о «воеводе

Милоше», помимо устных свидетельств, была книга В. Караджича «Жизнь и подвиги кн. Милоша Обреновича» (СПб., 1825).

Янычары — отборные привилегированные турецкие войска, набиравшиеся из обращенных в мусульманство жителей христианских провинций Османской империи.

13. *Вурдалак*

(С. 378)

Варианты БЧ

12 Красногубый вурдалак.
16 Что ж? вместо Вурдалака (*опеч.?*)

Стихотворение восходит к включенному в «Гузлу» Мериме произведению «Ивко» («Jeannot»).Слово «вурдалак» (у Мериме «брукалак» — «un brucolaque» — «нечто вроде вампира») употреблено Пушкиным для обозначения волкодлака (в сербохорватском яз. — вукодлак) — в славянской мифологии функционально близкого упырю существа — человека-оборотня, способного превращаться в волка.

14. *Сестра и братья*

(С. 379—381)

Варианты БЧ

34 В ту пору брат сестре поверил,
47 Вот Павлиха по вечери поздно
89 В той траве лютый змий гнездится
105 А вяжи меня к хвостам твоих ко́ней*
108 Привязал ее к хвостам своих ко́ней,
115 Лежит в люльке маленький мальчик:

Стихотворение восходит к сборнику В. Караджича (см. выше).

15. *Яныш королевич*

(С. 382—384)

Варианты БЧ

1 Полюбил Яныш королевич
2 Молодую красавицу Елицу.
9 Да жемчужное тройное ожерелье.
20 Там на дне молодая Елица:
42 *Отсутствует.*
54 И слезами заливаясь, молвил:

Примечание (23) Пушкина является, по-видимому, мистификацией, и стихотворение является оригинальным произведением поэта, сюжетно связанным с его незавершенной

---

* В наст. изд. в ст. 105 и 108 ударение проставлено по тексту БЧ.

драмой «Русалка», работа над которой была оставлена в 1832 г. Сюжет этот восходит к комической опере К. Ф. Генслера «Дунайская фея» («Das Donauweibchen»), переделанной для русского театра Н. Краснопольским («Русалка», «Днепровская русалка», «Леста, днепровская русалка»). В библиотеке Пушкина сохранился экземпляр всех трех частей «переделанной с немецкого» комической оперы Краснопольского (СПб., 1814—1817). Четвертая часть была присочинена А. А. Шаховским (1807). В наст. изд. в текст, напечатанный в $СП_4$, внесены два исправления, устраняющие явные опечатки: в ст. 14 («дорогой» вм. «дорогою») и 88 («зеленый» вм. «земный»; ср. ст. 82).

Черес — кошелек в виде пояса, носившийся под одеждой.

Вила (*самовила*) — в южнославянской мифологии женский дух, имеющий облик крылатой девушки. Упоминание Вилы противоречит общему колориту песни, ориентированной на чешские реалии («Любуся, чешская королевна», «Морава»), и связано с нерасчлененностью для Пушкина понятия «западные славяне» (см. выше).

16. *Конь*

(С. 385)

Варианты БЧ

Заглавие Сербская песня
1 — Что ты ржешь, мой конь ретивый?
10 Не злачены стремена.
12 — От того я присмирел
16 Уж не долго мне гулять,

Стихотворение восходит к «Гузле» Мериме; см. «Конь Фомы II» («Le cheval de Thomas II»). Однако оно представляет собой свободную вариацию на тему произведения Мериме. Упоминание Фомы II, снятое Пушкиным, сюжетно связывает стихотворение с «Видением короля», открывавшим цикл, не явно придавая ему кольцевую композицию.

Чапрак (*чепрак*) — нарядная подстилка под конское седло.

ПРИМЕЧАНИЯ ⟨А. С. ПУШКИНА⟩ К ПЕСНЯМ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

(С. 386—394)

18. Биография вымышленного певца Иакинфа Маглановича в «Гузле» Мериме помещена непосредственно вслед за предисловием. Фамилия Магланович, как обычно у Мериме, образована, вероятно, от топонима: названия боснийского города Маглаи.

ДОПОЛНЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ
«СТИХОТВОРЕНИЙ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА»
1826 г.

XIV. Уединение. 1819. («Приветствую тебя, пустынный уголок...»)
XV. Прозерпина. 1824.
XVI. Домовому. 1819.
XVII. Вакхическая песня. 1825.
XVIII. В альбом. 1825. («Если жизнь тебя обманет...»)
XIX. Друзьям. 1822. («Вчера был день разлуки шумной...»)
XX. К морю. 1824.
XXI. Демон. 1823.
XXII. Подражание турецкой песне. 1820. («О дева-роза, я в оковах...»)
XXIII. Телега жизни. 1823.
XXIV. Наполеон. 1821.

ЭПИГРАММЫ И НАДПИСИ.

I. Приятелям.
II. Охотник до журнальной драки...
III. У Кларисы денег мало...
IV. Добрый человек.
V. Ex ungue leonem.
VI. История стихотворца.
VII. Уединение. («Блажен, кто в отдаленной сени...»)
VIII. Лиле.
IX. Роза.
X. Имянины.
XI. К портрету Жуковского.
XII. Надпись к портрету ***.
XIII. К А. Б.
XIV. Старик. *Из Марота.*
XV. Веселый пир.
XVI. Хоть впрочем он поэт изрядный...
XVII. Иностранке.
XVIII. Как брань тебе не надоела...
XIX. К *** («Не спрашивай, зачем унылой думой...»)
XX. Приятелю.
XXI. Птичка.

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ.

I. Муза. 1821.
II. Дориде. 1820.
III. Редеет облаков летучая гряда... 1820.
IV. Юноша. *Сафо.* 1825.
V. Нереида. 1820.
VI. Дионея. 1821.
VII. Дорида. 1820.
VIII. Дева. 1821.
IX. Ночь. 1823.
X. Приметы. 1821. («Старайся наблюдать различные приметы...»)
XI. Земля и море. *Идиллия Мосха.* 1821.
XII. Красавица перед зеркалом. 1821.

ПОСЛАНИЯ.

I. Лицинию. *С латинского.* 1815.
II. В***му. 1819.
III. П***ну. *Отрывок.* 1817.
IV. Ш***ву. 1815.
V. Дельвигу. 1817.
VI. Кривцову. 1819.
VII. Алексееву. 1821.
VIII. К***ну. 1821.
IX. Козлову. *По получению от него Чернеца.* 1825.
X. Прелестнице. 1818.
XI. N. N. 1919. («*Я ускользнул от Эскулапа...*»)
XII. Ч***ву. *С морского берега Тавриды.* 1820.
XIII. Гречанке. 1822.
XIV. Дочери Карагеоргия. 1820.
XV. Жуковскому. *На издание книжек его: Для немногих.* 1818.
XVI. Ч***ву. 1821.

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ.

I. Клянусь четой и нечетой. 1824.
II. О жены чистые пророка... 1824.
III. Смутясь, нахмурился пророк... 1825.
IV. С Тобою древле о Всесильный... 1824.
V. Земля недвижна; неба своды... 1824.
VI. Недаром вы приснились мне... 1824.
VII. Восстань, боязливый... 1824.
VIII. Торгуя совестью пред бледной нищетою... 1824.
IX. И путник усталый на Бога роптал... 1824.

ПРИМЕЧАНИЯ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА*

---

* В квадратных скобках дается общее название цикла стихотворений, в угловых — расшифровка имени адресата или второе название произведения, в круглых — начальная его строка.

СОДЕРЖАНИЕ *

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

1815

1816

1817

1818

---

* Названия стихотворений Пушкина даются так, как они значатся в изданиях «Стихотворений Александра Пушкина» 1829 г. и 1832—1835 гг. и где в ряде случаев не было полного соответствия этих названий в оглавлениях и текстах.

1819

1820

1821

1822

1823

1824

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

1825

1826

1827

1828

1829

РАЗНЫХ ГОДОВ

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

1829

1830

1831

РАЗНЫХ ГОДОВ

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ

ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

ПРИЛОЖЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»

Редактор издательства А. Ф. Варустина
Художник Л. А. Яценко
Технический редактор Л. Л. Мусатова
Корректоры Г. А. Лебедева, Н. А. Максимкина
и Ф. Я. Петрова
Компьютерная верстка Л. Н. Напольской

Лицензия № 020297 от 23 июня 1997 г.
Сдано в набор 10.04.97. Подписано к печати 28.11.97.
Формат 70×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура академическая.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 46.8. Уч.-изд. л. 36.1.
Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 3385. С 227

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12